

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И.** Верхнепалеолитические комплексы стоянки Шугноу (Таджикистан) 2

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Молодин В.И., Конева Л.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Позднякова О.А.** Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 25
- Зайков В.В., Юминов А.М., Ткачев В.В.** Медные рудники, хромитсодержащие медные руды и шлаки Ишкининского археологического микрорайона (Южный Урал) 37
- Волков Е.Н.** К вопросу о формировании орнаментальных традиций в раннем бронзовом веке Среднего Притобья 47
- Максимова М.В., Пеньков А.В., Шараборин А.К., Жирков Э.К.** Повторные исследования святилища Суруктах-Хая (Якутия): первые результаты и перспективы 55
- Нестеров С.П.** Щиток-напальчник лучника раннего железного века из Восточного Приамурья 67
- Кардаш О.В., Пономарева Т.М.** Гребни IX–XIII веков из раскопок археологических памятников на севере Западной Сибири 72
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.** Мавзолеи Маджара в описаниях и рисунках XVIII века 83
- Кляшторный С.Г.** Касар-куруг: западная ставка уйгурских каганов и проблема идентификации Пор-Бажына 94
- Губанов И.Б.** Могильный круг В микенских царских погребений в контексте связей с древностями раннего скандинавского бронзового века 99
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Алиева Т.А.** Тобольская панагия 104

ЭТНОГРАФИЯ

- Бурнаков В.А.** Традиционные представления хакасов о собаке (конец XIX – середина XX века) 114
- Мальцева О.В.** Влияние лососевого промысла на хозяйственную специализацию и социальные отношения в среде ульчей и амурских нанайцев (вторая половина XIX – начало XX века) 124
- Холанд Э.Й.** Эмоции, идентичность и смерть в традициях Греции и за ее пределами 133

АНТРОПОЛОГИЯ

- Хартанович В.И., Ширококов И.Г.** К проблеме формирования антропологического состава населения «лопских погостов» (по краниологическим материалам из могильника XVII – начала XIX века Алозеро) 141

ПЕРСОНАЛИИ

- Д.Л. Бродянскому – 75** 153
- 70 лет В.Е. Медведеву** 155

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 158

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ** 159

В.А. Ранов¹, К.А. Колобова², А.И. Кривошапкин¹

¹Институт истории им. Ахмади Дониша АН Республики Таджикистан
пр. Рудаки, 33, Душанбе, 734025, Таджикистан
E-mail: tura959@mail.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kolobovak@yandex.ru
shapkin@archaeology.nsc.ru

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СТОЯНКИ ШУГНОУ (ТАДЖИКИСТАН)*

В статье рассматриваются каменные индустрии культуросодержащих слоев верхнепалеолитической стоянки Шугноу (Таджикистан) – широко известного памятника в Средней Азии. Проведенные технико-типологический и атрибутивный анализы материалов стоянки позволяют отнести индустрии всех ее слоев к одной верхнепалеолитической культурной традиции, в рамках которой происходило постепенное развитие мелкопластинчатого производства с использованием кареноидных технологий. Аналоги проявлений данной культурной традиции были выделены в материалах стоянок Кульбулак (слои 2.1 и 2.2), Кызыл-Алма-2 и Додекатым-2 (Узбекистан).

Ключевые слова: верхний палеолит, мелкопластинчатое производство, кареноидная технология, Средняя Азия.

Введение

Длительное время Шугноу был одним из немногочисленных многослойных стратифицированных памятников верхнепалеолитической эпохи на территории Средней Азии [Ранов, 1988], на основании изучения комплексов которых строились региональные культурно-хронологические схемы развития человеческих сообществ. Пожалуй, единственным стратифицированным многослойным памятником, сопоставимым с Шугноу по сохранности культурных отложений и, соответственно, значению для изучения истории верхнего палеолита региона, долго оставалась Самаркандская стоянка [Коробкова, Джуракулов, 2000]. Открытие в начале XXI столетия в Западном Тянь-Шане

и Юго-Восточном Казахстане нескольких памятников верхнепалеолитической эпохи (или возобновление исследований известных ранее) [Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011; Колобова, Павленок, Фляс, Кривошапкин, 2010; Колобова, Фляс, Исламов и др., 2009; Таймагамбетов, Ожерельев, 2009] потребовало ревизии взглядов на возникновение и развитие верхнего палеолита на западе Центральной Азии. В свете новых данных всесторонний анализ материалов известных ранее памятников, прежде всего многослойной стоянки Шугноу ввиду очевидности ее стратиграфического контекста, приобретает особую актуальность для выявления культурной динамики в регионе в конце верхнего неоплейстоцена.

История изучения, место расположения и стратиграфия памятника

Стоянка Шугноу была открыта В.А. Рановым и А.А. Никоновым в 1968 г. при разведочном обследова-

*Работа выполнена в рамках ГК № 02.740.11.0353 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проекта № 28.1.9 программы РАН «Культура первобытного населения Северной Азии на рубеже среднего и верхнего палеолита» и проекта РФФИ 11-06-12003 офи-м.

нии плато Даштако в Таджикистане (рис. 1). Памятник расположен на высоте 2 000 м над ур.м., на участке 70-метровой плейстоценовой террасы, прослеживаемой у впадения р. Сафетдара в р. Яхсу (бассейн р. Пяндж). Археологический материал включен в лесовидные суглинки (суммарная мощность 15 м), залегающие на галечниках древнего русла [Ранов, 1973; Ранов, Несмеянов, 1973].

Стационарные работы на памятнике проводились в 1969 и 1970 гг. Раскопами и траншеями было вскрыто более 500 м² территории [Ранов, 1973]. Сводная стратиграфия памятника (по данным двух раскопов) снизу вверх выглядит следующим образом (рис. 2). Выше песчанисто-глинистых отложений констративного аллювия залегает пачка аллювиально-пролювиально-делювиальных отложений, которая представляет собой суглинки желтовато-серого цвета с включениями опесчаненных суглинков и щебнисто-галечных пролювиальных прослоев общей мощностью 3 м. В пачке прослежены культурные слои 4 и 3, выполненные суглинками, которые обогащены углистым материалом. Залегающая выше пачка делювиальных покровных отложений мощностью более 10 м сложена светлыми желтовато-серыми неслоистыми суглинками с включениями мелкой гальки. Внутри данной пачки отложений прослеживаются линзы щебнистого пролювиального материала. Нижняя граница пачки неровная, со следами размыва. По мнению исследователей, покровная пачка формировалась параллельно с накоплением аккумулятивного чехла позднедушанбинской террасы в течение значительной части амударьинского этапа. Размыв в основании маркирует эпоху максимальной эрозии и начало аккумуляции в первой половине душанбинского подэтапа [Ранов, Несмеянов, 1973]. Пачка включает культурные слои 2, 1, 0, разделенные практически стерильными прослоями.

По данным спорово-пыльцевого анализа, в аллювии (нижняя часть террасы) преобладает пыльца травянистых растений (ок. 70 %), в основном маревых, злаков, разнотравья. Состав пыльцы соответствует ариднему климату. Однако наличие в образцах пыльцы древесных растений (до 20–30 %) свидетельствует о произрастании на более увлажненных участках, в прохладных условиях (видимо, выше по течению реки) древесных пород, в первую очередь арчи. Отмечается также присутствие пыльцы платана, ясеня, ореха и лоха. По данным карпологиического анализа, спектр древесных пород включал также тополь. Выше по разрезу, на глубине 11,0–4,5 м, при смене аллювиальных суглинков покровными лесовидными отложениями (содержащими основные археологические слои) доля пыльцы древесных растений увеличивается до 50 % (определение Г.Н. Лисицыной), что свидетельствует о расширении зарос-

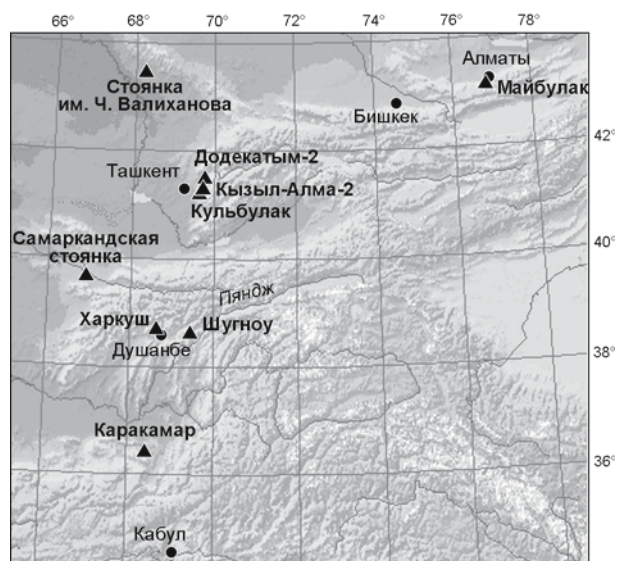

Рис. 1. Карта расположения верхнепалеолитических памятников на территории Памиро-Тянь-Шаня.

лей древесных растений. Появление в долине реки березняков, ольховых зарослей вместе с тополями и ивами говорит о несомненном похолодании и увлажнении. Это похолодание связывается с позднеплейстоценовым оледенением [Ранов, Никонов, Пахомов, 1976].

Самый нижний культурный слой 4 залегает в основании лессовидной толщи. По мнению В.А. Ранова, археологические материалы могут указывать на завершение аллювиального цикла формирования самой высокой из среднего комплекса плейстоценовых террас в районе Шугноу. Данный слой, вскрытый на площади 90 м², содержал немного находок. При этом в нем зафиксировано самое большое на памятнике количество очагов, сохранивших угольную пыль. Изделия из камня редки. Учитывая несоответствие между количеством артефактов и очагов, В.А. Ранов предположил, что изучаемый горизонт являлся основанием культурного слоя, верхняя часть которого была срезана селевыми потоками. Культурный слой 3, прослеживаемый непосредственно над культурным слоем 4, раскопан также на площади 90 м². Культурный слой примыкает к галечно-щебнистой прослойке. Отдельные каменные артефакты находились непосредственно на теле прослойки. Культурный слой 2, вскрытый на площади в 130 м², наиболее насыщен артефактами. Практически на всей площади они были приурочены к прослойке темного цвета. В слое имеются очажные пятна в виде небольших углублений, заполненных угольной пылью, или пятен прокала. Культурный слой 1 на двух раскопах вскрыт на площади 200 м². На всей площади прослежен суглинок буровато-желтой окраски с отдельны-

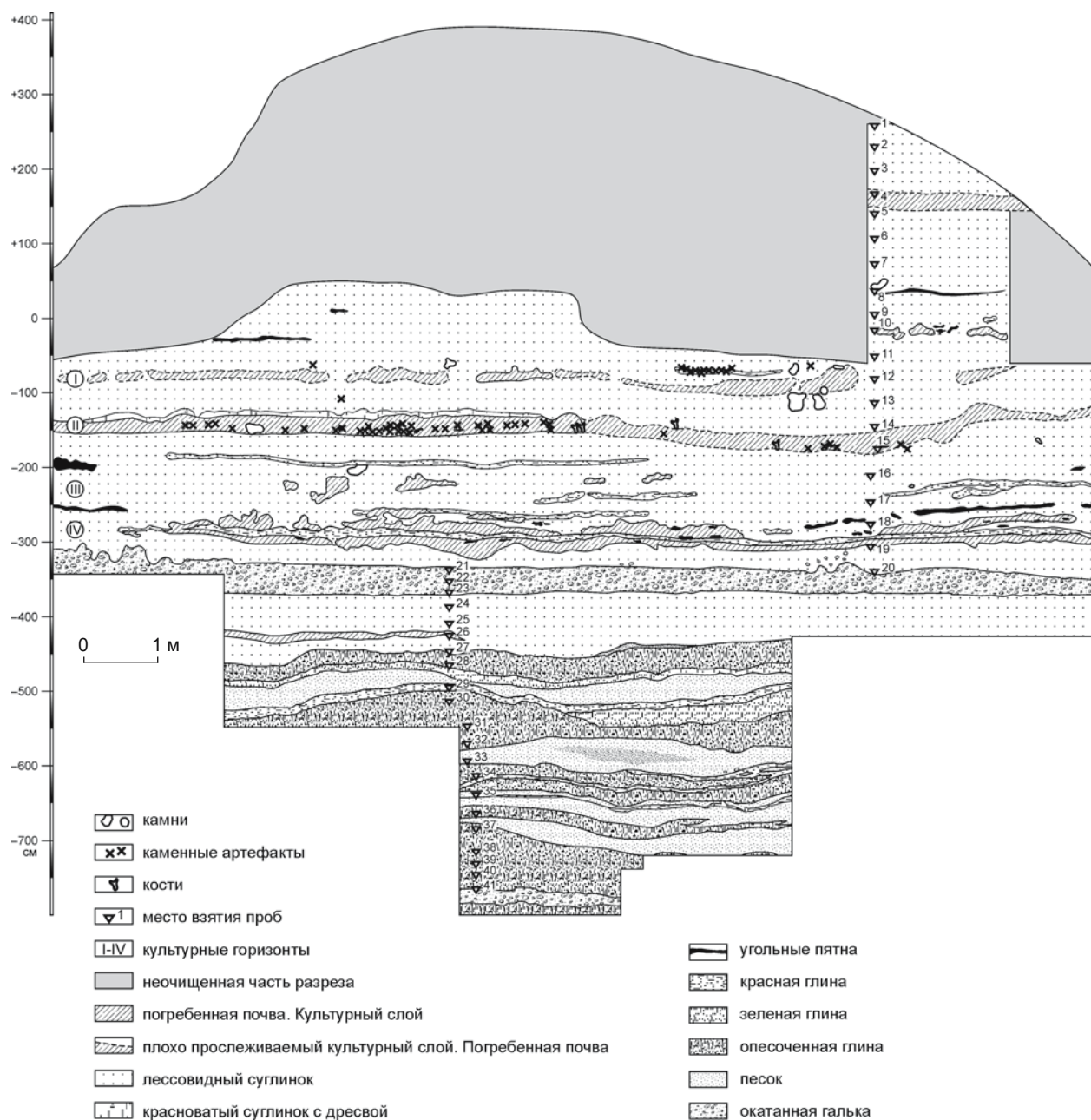

Рис. 2. Сводная стратиграфическая колонка стоянки Шугноу.

ми включениями кусочков угля. Культурный слой 0 исследовался только в 1970 г. и вскрыт на площади 50 м². Планиграфически он представлен как скопление расколотого камня между двумя кострищами.

Изучение каменной индустрии стоянки Шугноу происходило в два этапа. Работы на первом этапе – предварительная обработка большей части коллекции и введение в научный оборот результатов – выполнены В.А. Рановым [Ранов, 1973; Ранов, Никонов, Пахомов, 1976]. Исследованиями на втором этапе, включавшими детальный технико-типологический анализ

с элементами атрибутивного подхода всей коллекции, занимались остальные авторы данной работы в 2010–2011 гг.

Каменный инвентарь стоянки

Описание каменного инвентаря приводится по пяти культуросодержащим слоям, начиная с самого нижнего. При анализе первичного расщепления в категорию отходов производства были включены

обломки, осколки, чешуйки и мелкие отщепы (менее 2 см в наибольшем измерении); при определении удельного веса артефактов внутри слоев отходы производства не учитывались. При метрическом анализе мелких пластинчатых заготовок стоянки мелкие пластинки и микропластины объединены в единую категорию – пластинки; это сколы, длина которых превышает ширину в 2 раза и более, при этом ширина составляет не более 12 мм. Название «микропластина» используется нами при описании заготовок ряда орудий с целью подчеркнуть миниатюрность некоторых изделий.

Индустрия культурного слоя 4 (табл. 1). Стратегии первичного расщепления в индустрии слоя были направлены преимущественно на получение пластинчатых заготовок с ядрищ плоскостной и объемной систем расщепления. Среди типологически выраженных нуклеусов (табл. 2) преобладают ядрища плоскостного принципа расщепления (рис. 3, 2, 3). Призматический принцип расщепления демонстрируют подпризматические моноплощадочные нуклеусы для пластин и пластинок (рис. 3, 5).

Среди технических сколов данного слоя доминируют краевые круто-латеральные пластинчатые сколы. В слое обнаружена одна из самых крупных «таблеток» в индустрии (рис. 3, 4; табл. 3).

В индустрии сколов преобладают пластинчатые формы, отщепы и остроконечники занимают подчиненное положение (см. табл. 1).

Орудийный набор комплекса включает нож с обушком-гранью (рис. 3, 1) и ретушированные пластины (2 экз.).

Индустрия культурных слоев 3–2. Состояние коллекции на сегодняшний день не позволяет отдельно проанализировать каменные индустрии слоев 3 и 2. Статистические наблюдения, публикуемые в данной работе, касаются в большей степени комплекса слоя 2: по численности он значительно превосходит комплекс

слоя 3 – 1 839 и 292 экз. соответственно [Ранов, 1973; Ранов, Каримова, 2005]).

Сводная коллекция слоев 3–2 составляет в настоящее время 3 152 экз., из которых 1 107 экз. (35,1 %) определены как отходы производства. К нуклеидным изделиям отнесены 67 изделий, из них 10 экз. являются нуклеидными обломками (см. табл. 1, 2).

Нуклеусы индустрии демонстрируют призматический, торцовый и плоскостной принципы расщепления (см. табл. 2). Наиболее многочисленную группу среди **призматических ядрищ** составляют подпризматические моноплощадочные нуклеусы для пластинчатых сколов (рис. 3, 6), среди них можно выделить подгруппу пирамидальных ядрищ (рис. 3, 8). Биплощадочные подпризматические нуклеусы представлены ядрищами для пластинчатых сколов (рис. 3, 7) и нуклеусом для изготовления остроконечных сколов (рис. 3, 14). Среди призматических нуклеусов выделена также заготовка для призматического нуклеуса. Наиболее интересным компонентом призматического расщепления является кареноидное скалывание с целью получения пластинок и микропластинок. Эта категория нуклеусов включает кареноидные моноплощадочные нуклеусы на сколах поперечной системы расщепления (рис. 3, 11, 12) и кареноидные моноплощадочные нуклеусы на отдельностях сырья (рис. 3, 9, 10). Еще один кареноидный нуклеус имеет следы утилизации с двух противоположащих площадок (рис. 3, 13).

Торцовый принцип расщепления представляют моноплощадочные нуклеусы для пластин и пластинок (рис. 3, 15) и торцовые клиновидные нуклеусы для снятия пластинчатых сколов.

Плоскостное расщепление применялось для получения как пластинчатых сколов, так и отщепов. Для изготовления пластин и пластинчатых сколов служили двуплощадочные монофронтальные ядрища, ортогональные нуклеусы и моноплощадочный

Таблица 1. Состав каменных индустрий стоянки Шугноу

Артефакты	Слой 4		Слой 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Обломки	14	7,2	126	4,0	92	3,5	15	6,9
Чешуйки	3	1,5	165	5,2	131	5,0	10	4,6
Нуклеидные изделия	10	5,2	67	1,8	78	2,6	16	6,9
Технические сколы	21	10,8	157	5,0	72	2,7	13	6,0
Отщепы	53	27,3	1 674	53,1	1 458	55,6	136	62,7
Остроконечники	12	6,2	62	2,0	21	0,8	0	0,0
Пластины	75	38,7	637	20,2	391	14,9	22	10,1
Пластинки	6	3,1	264	8,4	379	14,5	5	2,3
<i>Всего</i>	194	100,0	3 152	100,0	2 622	100,0	217	100,0

Таблица 2. Типологический состав нуклеусов в индустриях стоянки Шугноу

Нуклеусы	Слой 4		Слой 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Плоскостные:								
моноплощадочные конвергентные для остроко- нечников и пластин	7	–	–	–	–	–	1	–
монофронтальные биплощадочные конвергент- ные для пластинок	–	–	–	–	2	–	–	–
моноплощадочные монофронтальные парал- лельного принципа расщепления для пластин- чатых сколов	–	–	1	–	6	–	2	–
моноплощадочные монофронтальные парал- лельного принципа расщепления для отщепов	–	–	2	–	4	–	4	–
моноплощадочные монофронтальные парал- лельного принципа расщепления для отщепов на сколах	–	–	–	–	2	–	–	–
биплощадочные монофронтальные параллельно- го принципа расщепления для пластин	–	–	5	–	1	–	–	–
биплощадочные бифронтальные параллельно- го принципа расщепления для пластинчатых заготовок	–	–	4	–	1	–	–	–
радиальные для отщепов	1	–	2	–	–	–	–	–
ортогональные нуклеусы для пластинчатых за- готовок	–	–	2	–	1	–	–	–
заготовка для плоскостного нуклеуса	–	–	–	–	1	–	–	–
<i>Итого</i>	8	80,0	16	28,1	18	26,1	7	46,7
Призматические:								
моноплощадочные для пластинчатых сколов	2	–	13	–	13	–	1	–
моноплощадочные для отщепов	–	–	–	–	–	–	5	–
кареноидные	–	–	7	–	28	–	–	–
моноплощадочные монофронтальные	–	–	3	–	16	–	–	–
биплощадочные бифронтальные	–	–	1	–	1	–	–	–
на сколах поперечные	–	–	3	–	8	–	–	–
на сколах продольные	–	–	–	–	3	–	–	–
биплощадочные для пластинчатых заготовок	–	–	4	–	–	–	–	–
биплощадочные для острийных сколов	–	–	1	–	–	–	–	–
заготовка для призматического нуклеуса	–	–	1	–	–	–	–	–
<i>Итого</i>	2	20,0	31	54,4	41	59,5	6	40,0
Торцовые:	–	–	–	–	–	–	–	–
моноплощадочные для пластинчатых сколов	–	–	5	–	2	–	2	–
моноплощадочные для пластинчатых сколов на сколах	–	–	–	–	1	–	–	–
торцовые клиновидные для мелких пластинча- тых заготовок на сколах	–	–	4	–	–	–	–	–
торцовые клиновидные для мелких пластинча- тых заготовок	–	–	–	–	7	–	–	–
<i>Итого</i>	–	–	9	15,8	10	14,4	2	13,3
Комбинированные	–	–	1	1,7	–	–	–	–
<i>Всего</i>	10	100,0	57	100,0	69	100,0	15	100,0

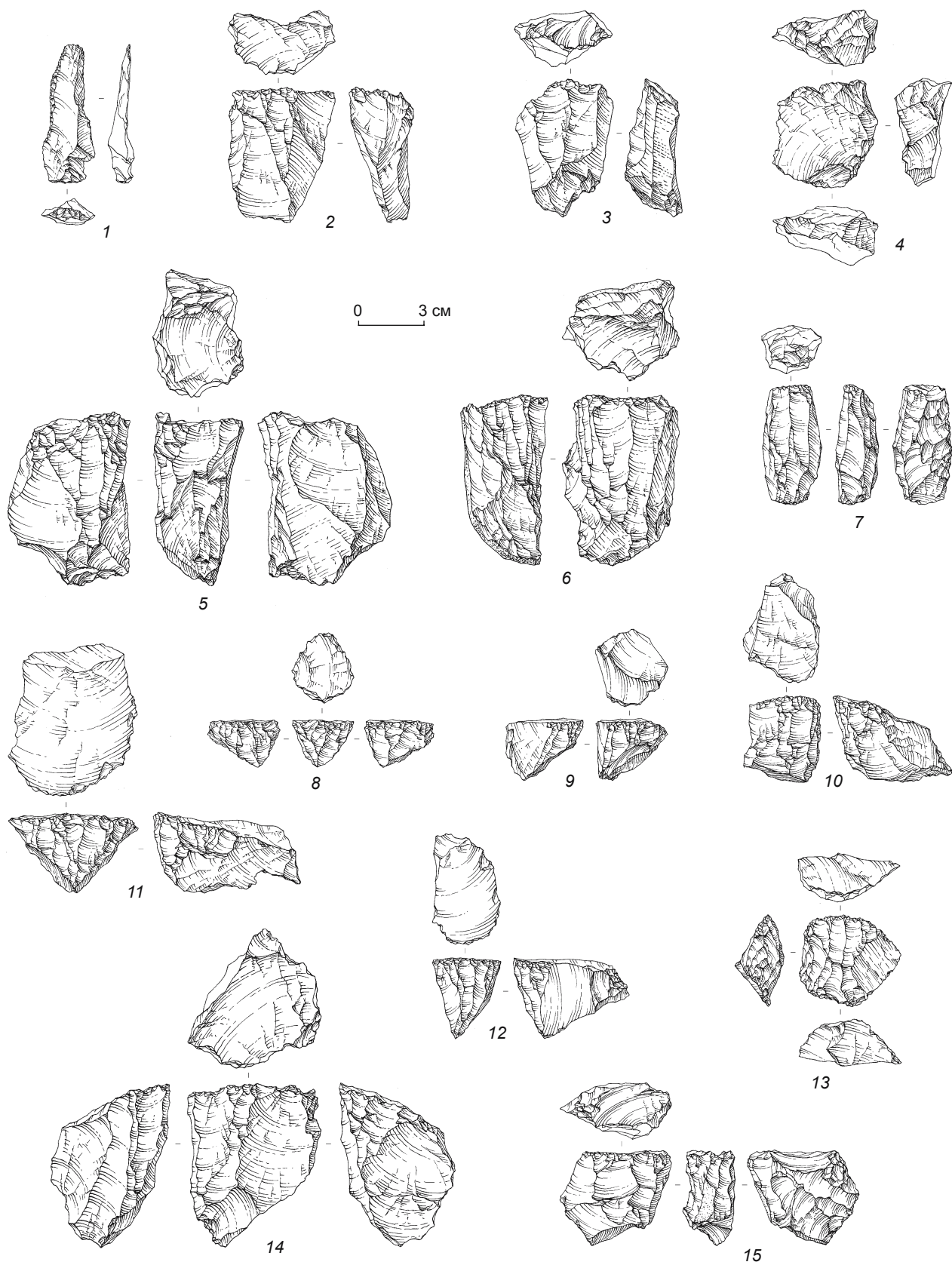

Рис. 3. Каменные артефакты культурных слоев 4 (1-5) и 3-2 (6-15) стоянки Шугноу.

Таблица 3. Типологический состав технических сколов в индустриях стоянки Шугноу

Сколы	Слой 4		Слой 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Сколы подправки ударных площадок призматических нуклеусов – «таблетки»	1	4,8	4	2,5	5	6,9	3	23,1
Реберчатые сколы:	2	9,5	13	8,3	1	1,4	–	–
пластины	2	–	13	–	1	–	–	–
первичные	2	–	10	–	1	–	–	–
вторичные	–	–	3	–	–	–	–	–
укороченные	–	–	–	–	–	–	–	–
Полуреберчатые пластины:	1	4,8	46	29,3	19	26,4	–	–
первичные	–	–	38	–	14	–	–	–
вторичные	–	–	8	–	5	–	–	–
Подправка дуги скалывания	2	9,5	34	21,7	11	15,3	1	7,7
Краевые сколы:	15	71,4	59	37,6	34	47,2	9	69,2
пластинчатые	15	–	53	–	30	–	9	–
укороченные	–	–	6	–	4	–	–	–
«Стульчик»	–	–	1	0,6	–	–	–	–
Латеральные сколы подправки кареноидных нуклеусов	–	–	–	–	2	2,8	–	–
<i>Всего</i>	21	100,0	157	100,0	72	100,0	13	100,0

монофронтальный нуклеус. Для получения отщепов предназначались радиальные нуклеусы и моноплощадочные монофронтальные нуклеусы для параллельного снятия заготовок. В комплексе представлены также варианты многофронтальных плоскостных нуклеусов параллельного принципа расщепления для отщепов – биплощадочные бифронтальные нуклеусы. В данной категории выделены ядрища со следами перпендикулярного скалывания на фронтах, расположенных в разных плоскостях, и нуклеусы с признаками параллельного скалывания заготовок с фронтов, расположенных в разных плоскостях.

Среди технических сколов (см. табл. 3) наиболее многочисленны краевые, представлены также первичные и вторичные реберчатые пластины (рис. 4, 1).

Индустрия сколов включает: отщепы, в наибольшем измерении превышающие 2 см, – 858 экз. (27,2 %), пластины – 637 экз. (20,2 %), пластинки – 264 экз. (8,4 %) и остроконечные сколы – 62 экз. (2 %).

Орудийный набор комплекса (89 экз.) состоит из скребков (28 экз.), ретушированных пластин (15 экз.), остроконечников (12 экз.), отщепов (6 экз.), пластинок (4 экз.) и микропластинок (2 экз.; рис 4, 2, 3), ножей с обушком (5 экз.), скребел (4 экз.), зубчатых орудий (2 экз.), долотовидного (рис. 4, 4) и выемчатого орудия, а также орудия с подтеской.

Среди скребков наиболее массово представлены концевые скребки (22 экз.), которые можно разделить на группы: 1) с выпуклым широким лезвием,

ширина которого примерно равна ширине заготовки (19 экз.; рис. 4, 7–10); 2) с прямым широким лезвием (2 экз.); 3) с выпуклым узким лезвием, ширина которого значительно уступает ширине заготовки. Среди скребков группы 1 выделяются два концевых скребка с широким лезвием высокой формы, один из них по форме и характеру обработки близок к кареноидным нуклеусам на сколах поперечной ориентации (рис. 4, 11). Другие варианты скребков включают скребок со следами ретуши на 3/4 периметра (рис. 4, 12) и угловые скребки (5 экз.). Среди последних вычлняются вентральные (2 экз.; рис. 4, 13, 14) и дорсальные (3 экз.).

Ретушированные остроконечники обычно имеют следы подправки в медиально-дистальной зоне одного из продольных краев либо в дистальной части заготовки (рис. 4, 15, 16), представлены как симметричными, так и асимметричными формами (6 экз.; рис. 4, 17, 18). Обращают на себя внимание два ретушированных остроконечника, выполненные на пластинах: в дистальной зоне и по одному из продольных краев они обработаны отвесной и крутой постоянной дорсальной среднемодифицирующей чешуйчатой ретушью (рис. 4, 19, 20). По форме данные орудия напоминают острия фонт ив (или аржени), которые являются маркирующими формами для левантийского и восточно-европейского ориньяка [Leroi-Gourhan, 1997]. Отличия заключаются в том, что изделия из комплекса слоя 3–2 стоянки Шугноу крупнее и несимметричны.

Рис. 4. Каменные артефакты культурных слоев 3–2 (1–20) и 1 (21–23) стоянки Шугноу.

Среди скребел выделены поперечные прямые скребла (2 экз.), продольное одинарное прямое скребло и скребло с обушком.

В числе ретушированных пластинок три изделия определены как неформальные, с участками утили-

зационной ретуши на продольных краях (рис. 4, 5), а одно по своим характеристикам приближается к пластинкам с притупленным краем (рис. 4, 6).

Индустрия слоя I. Комплекс слоя состоит из 2 622 каменных артефактов, из них 1 082 экз. (41,2 %) – от-

ходы производства (см. табл. 1). Нуклевидных изделий насчитывается 78 экз., среди них выделены как типологически выраженные ядрища (69 экз.), так и нуклевидные обломки (9 экз.; см. табл. 2).

Нуклеусы с признаками **призматического расщепления** доминируют в коллекции данного слоя. Наиболее яркие образцы относятся к кареноидным нуклеусам. Можно сказать, что обнаруженные в культурном слое I стоянки Шугноу артефакты этой группы отражают высочайший уровень развития кареноидной техники. Кареноидные нуклеусы слоя I, доля которых достигает 40,5 % от всех типологически определимых ядрищ комплекса, представляют все разновидности кареноидных ядрищ, встречаемых в палеолитических индустриях Средней Азии: на отдельностях сырья, на сколах продольной и поперечной ориентации. Кареноидные нуклеусы на сколах поперечной системы снятий (8 экз.) изготавливали на массивных в поперечном сечении отщепов. Ударными площадками ядрищ служила вентральная поверхность сколов, с которой без дополнительной подправки производились снятия пластинок и микропластинок в направлении к дорсальной плоскости скола-заготовки. Таким образом, редуцировался объем нуклеуса между плоскостями в поперечном направлении. Три образца имеют признаки расщепления не в дистальной зоне сколов, а на участке ближе к правому либо левому продольному краю, что, вероятно, было обусловлено изначальной формой и массивностью заготовки. Для поддержания формы ядрищ использовались, как правило, латеральные сколы с ударных площадок (подправка обеих латералей или только левой), в одном случае подправка произведена сколом с кия ядрища. У шести изделий ширина фронта превышает длину (рис. 5, 2). Кареноидные нуклеусы на сколах продольной системы снятий (3 экз.) представлены ядрищами на массивных в поперечном сечении сколах, с плоскостей поперечных сломов которых снимались пластинки с непрямым профилем (см. рис. 4, 21–23). Кареноидные нуклеусы на отдельностях сырья (15 экз.) оформлены преимущественно на длинной в поперечном сечении заготовке; лишь три ядрища короткие – возможно сработанные (см. рис. 5, 3). Еще одно изделие округлое в плане и напоминает ядрище, близкое к кареноидным нуклеусам на сколах поперечной ориентации; оно выполнено на фрагменте гальки, расколовшейся по внутренней трещине, в результате у заготовки появилось сходство с массивным в поперечном сечении отщепом (см. рис. 5, 1). Ударные площадки большинства ядрищ данной категории находятся на неподработанных плоскостях естественных расколов (либо поверхностях, созданных единичными сколами), под острым углом к фронту расщепления. Данные нуклеусы служили для получения заготовок с параметрами пластинок и микропластинок с изогнутым и закрученным

профилем. Ширина фронта регулировалась обычно латеральными сколами (73,3 % изделий), которые наносились с плоскостей ударных площадок, причем у значительной части нуклеусов из этой группы (30 %) подправки велись по обоим латералям (см. рис. 5, 4–9). У одного изделия наблюдаются признаки дополнительного ретуширования кия (см. рис. 5, 12). К перечисленным выше категориям (монофронтальные нуклеусы на отщепов и отдельностях сырья) относится биплощадочный бифронтальный нуклеус. Две ударные площадки ядрища расположены перпендикулярно друг к другу. С них производилось снятие пластинчатых заготовок (см. рис. 5, 11). В коллекции имеется также изделие, определенное как заготовка для кареноидного нуклеуса. Призматический принцип расщепления демонстрируют также подпризматические моноплощадочные нуклеусы для пластинок (6 экз.), подпризматические нуклеусы для пластинок (2 экз.; см. рис. 5, 15) и призматические нуклеусы для пластинок (5 экз.), имеющие пирамидальную (3 экз.; рис. 5, 16) и подпирамидальную (см. рис. 5, 13, 14) форму.

Торцовый принцип расщепления представлен клиновидными нуклеусами для пластинок и микропластинок и моноплощадочными нуклеусами для пластинок.

Плоскостной принцип снятия сколов-заготовок представлен серией нуклеусов параллельного принципа расщепления, включающей монофронтальные моноплощадочные ядрища для отщепов, оформленные как на отдельностях породы, так и на сколах. Для получения пластинчатых заготовок методом параллельного расщепления предназначались монофронтальные моноплощадочные нуклеусы и монофронтальный биплощадочный нуклеус; мелкие пластинчатые заготовки снимались с бифронтального биплощадочного нуклеуса. Конвергентный способ снятия сколов получил воплощение в монофронтальных биплощадочных нуклеусах для пластинок. Единственный ортогональный нуклеус предназначался для снятия пластинок и отщепов. В коллекции выделена заготовка биплощадочного монофронтального нуклеуса.

Технических сколов насчитывается 72 экз. (2,7 % от общего количества артефактов комплекса) (см. табл. 1, 3). Краевые сколы составляют наиболее многочисленную категорию. За ними следуют полуреберчатые пластины. Идентифицированы также два скола латеральной подправки кареноидного нуклеуса (см. рис. 5, 10).

Индустрия сколов культурного слоя I стоянки Шугноу насчитывает 1 390 экз.; она состоит из крупных и средних отщепов – 599 экз. (22,8 %), пластинок – 391 экз. (14,9 %), микропластинок – 379 экз. (14,5 %) и остроконечных сколов – 21 экз. (0,8 %).

Орудийный набор комплекса (47 экз.) состоит из скребков (19 экз.), орудий, отнесенных к категории микроинвентаря (14 экз.), ретушированных изде-

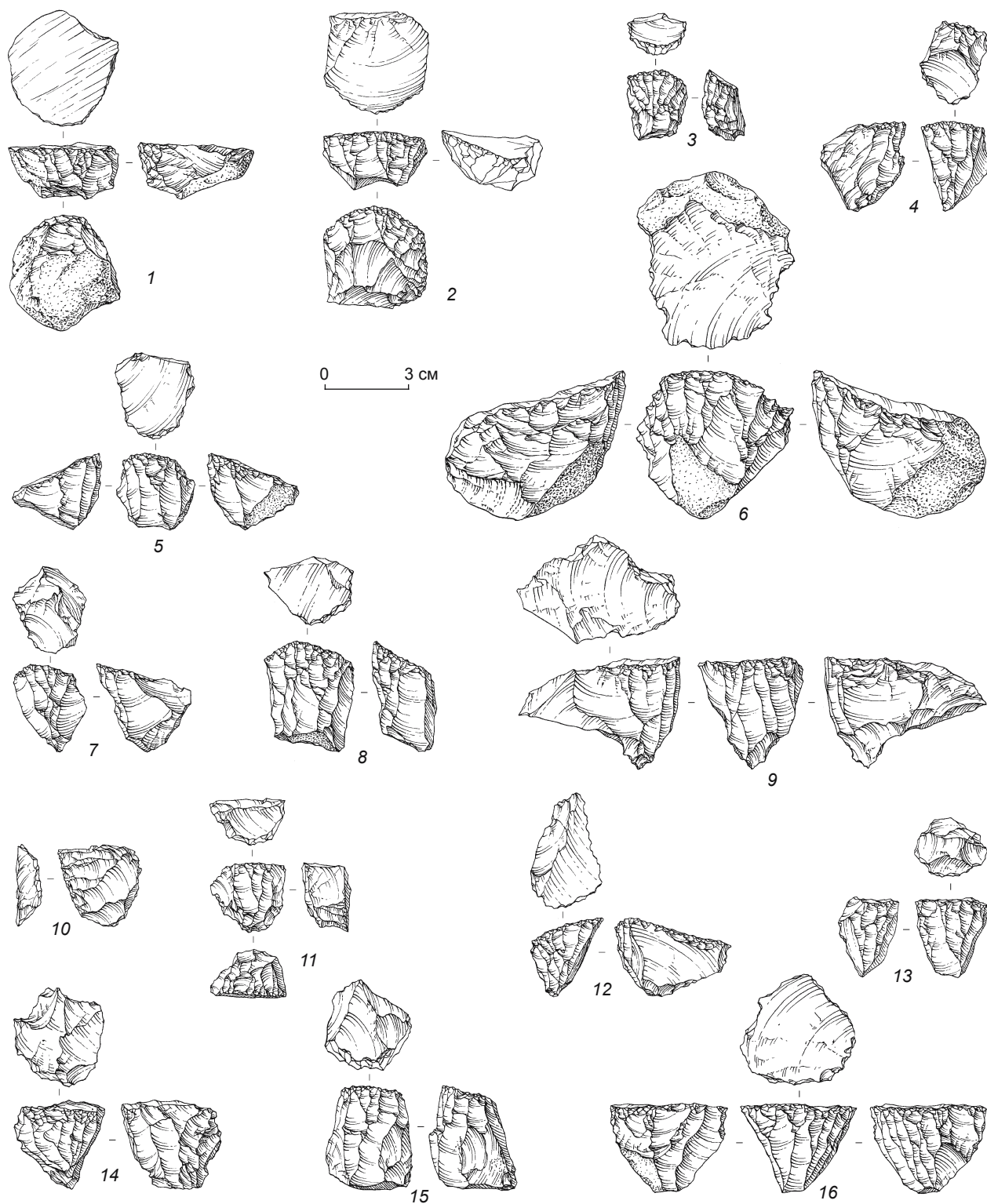

Рис. 5. Каменные артефакты культурного слоя 1 стоянки Шугноу.

лий – пластин (5 экз.; рис. 6, 9), отщепов (5 экз.), а также долотовидного орудия (рис. 6, 10), тронкированной пластины, поперечно-выпуклого одинарного скребла, ножа с обушком-гранью и зубчатого орудия.

Наиболее многочисленная категория орудийной коллекции рассматриваемого культурного подразделения – скребки различных модификаций (19 экз.). Концевые скребки данного культурного слоя, как и ниже-

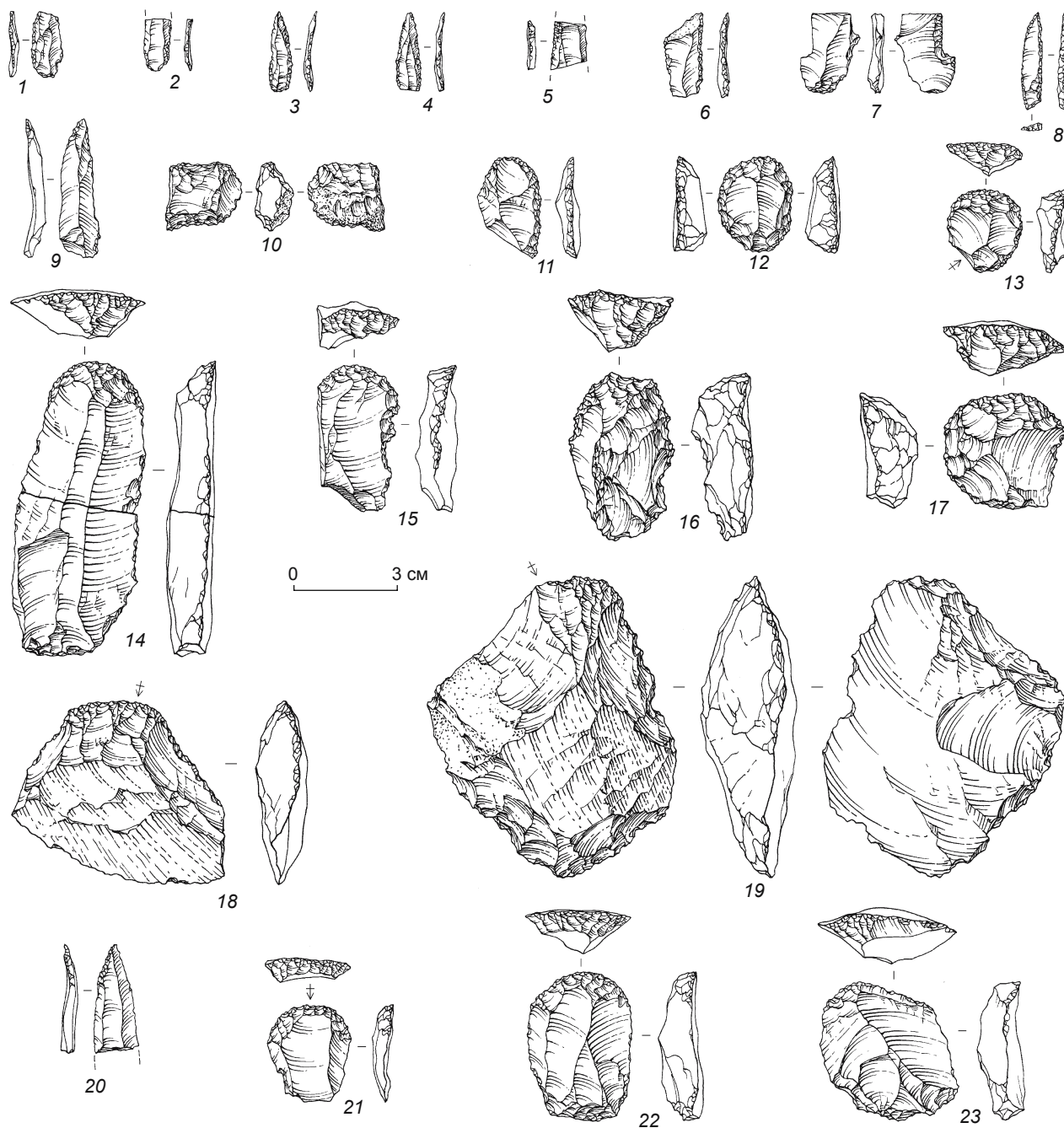

Рис. 6. Каменные артефакты культурных слоев 1 (1–19) и 0 (20–23) стоянки Шугноу.

лежащих, составляют одну из самых многочисленных групп орудий (10 экз.). Она, как и в слоях 3–2, включает скребки с выпуклыми широкими лезвиями (7 экз.; рис. 6, 13–16), скребки с прямыми широкими лезвиями (2 экз.; рис. 6, 18) и скребок с узким лезвием. Определены также угловые скребки (4 экз.; рис. 6, 19), скребки высокой формы (2 экз.), морфологически близкие к кареноидным нуклеусам на сколах поперечной системы снятия (рис. 6, 17), боковые скребки (2 экз.; рис. 6, 11) и скребок со следами ретуши по периметру (рис. 6, 12).

Ярким компонентом в орудийной коллекции данного слоя являются предметы, отнесенные к категориям микроинвентаря (14 экз.): ретушированные пластинки, изогнутые или закрученные в профиле, обработанные дорсальной полукрутой и крутой постоянной мелкой чешуйчатой ретушью по одному или обоим продольным краям (7 экз.; рис. 6, 1, 2), остроконечные пластинки/микроострия со следами ретуши (3 экз.; рис. 6, 3, 4), пластинки с притупленным краем (2 экз.; рис. 6, 5, 6), острие с элементами ретуши на пластинке (рис. 6, 7) и

треугольный микролит (рис. 6, 8). Последний изготовлен на пластинке с притупленным правым продольным краем. В поперечном сечении изделие тронкировано под тупым углом к притупленному краю. На левом продольном крае имеются фасетки немодифицирующей ретуши утилизации. Данное изделие практически полностью аналогично треугольным микролитам, обнаруженным в верхнепалеолитических слоях стоянок Додекатым-2 и Кульбулак на территории Узбекистана [Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011].

Индустрия слоя 0. Коллекция состоит из 217 каменных артефактов, из которых 56 экз. (25,8 %) отнесены к отходам производства (см. табл. 1). Нуклеарный набор включает 16 изделий, одно из них определено как нуклеидный обломок (см. табл. 2).

Нуклеусы слоя 0, как и ядрища нижележащих культурных подразделений, выполнены в призматической, торцовой и плоскостной системах расщепления. Призматический принцип представлен подпризматическими моноплощадочными нуклеусами для отщепов и подпризматическим нуклеусом для пластин. Торцовой системе расщепления соответствуют два нуклеуса для пластинок.

Плоскостной принцип параллельного способа расщепления был реализован при получении монофронтальных моноплощадочных нуклеусов для отщепов и монофронтальных моноплощадочных нуклеусов для пластин. Остроконечные заготовки являются результатом конвергентного способа расщепления монофронтального моноплощадочного нуклеуса.

Технических сколов в индустрии слоя насчитывается 13 экз. (6 % от общего количества артефактов комплекса) (см. табл. 3). Среди них преобладают краевые пластинчатые сколы (9 экз.). Выявлены также сколы подправки ударных площадок нуклеусов (4 экз.).

Индустрию сколов представляют 132 находки, из них 105 отщепов, размеры которых в наибольшем измерении превышают 2 см (48,3 %), 22 пластины (10,1 %) и 5 пластинок (2,3 %).

Орудийный набор (12 экз.) включает скребки (9 экз.), острие на пластинке с притупленным дистальным краем (рис. 6, 20), нож с обушком-гранью и пластину с признаками ретуши утилизации. Скребки представлены исключительно концевыми формами, среди которых господствуют орудия с выпуклым широким лезвием (8 экз.; рис. 6, 21–23). Одно орудие определено как концевой скребок с зауженным лезвием.

Сырьевая база индустрии

Петрографический анализ коллекции проведен в 2010 г. ведущим научным сотрудником ИАЭТ СО РАН канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик. Согласно ее заключению, значительную часть сырьевой базы составляют

эффузивы палеотипные, кислые, встречаются также флюидальные афировые эффузивы. Осадочные породы представлены олигомиктовыми песчаниками. Велика также доля кремней светлых, желтоватых, однотипных. Как отмечали В.А. Ранов и А.А. Никонова, источником сырья для древних обитателей стоянки служили окружающие стоянку конгломераты и галечники, коренных выходов данных пород в окрестностях памятника обнаружено не было [Ранов, Никонов, Пахомов, 1976].

Для анализа сырьевой базы каждого культурного подразделения все артефакты были разделены на две большие группы. К первой отнесены эффузивные и осадочные породы, ко второй – кремни. По составу сырья исследовались все пластинчатые, остроконечные сколы, а также весь орудийный набор памятника. Проведенный анализ подтвердил мнение В.А. Ранова о том, что в период, соответствующий верхним слоям стоянки, в качестве сырья использовались преимущественно кремни [1973]. В нижнем слое памятника изделия из кремневых пород составляют 5,3 %, в вышележащих культурных подразделениях их доля повышается и составляет в слоях 3–2 10 %, в слое 1 – 35,4 % и в слое 0 – 33,3 %.

Сопоставительный анализ коллекций культурных слоев стоянки

Для индустрии всех культурных слоев стоянки Шугноу характерно использование призматического, торцового и плоскостного принципов расщепления, причем призматический, как правило, доминирует. Процесс первичного расщепления был направлен преимущественно на получение крупных и мелких пластинчатых заготовок; в нижних культурных горизонтах значительную долю составляли остроконечные сколы, в верхних слоях они практически отсутствуют. В слое 4 преобладали плоскостные нуклеусы для получения остроконечных и пластинчатых сколов наряду с развитыми призматическими формами. Коллекция слоев 3–2 демонстрирует ведущую роль призматического принципа расщепления и появление немногочисленной, но яркой группы кареноидных нуклеусов. Была выделена группа торцовых нуклеусов для получения пластин и пластинок. Среди немногочисленных плоскостных нуклеусов преобладают ядрища параллельного способа получения заготовок. Для индустрии слоя 1 характерно максимальное развитие кареноидных технологий получения мелких пластинчатых заготовок с непрямым профилем. Среди призматических нуклеусов выделены ядрища с фронтом расщепления, распространяющимся по всему периметру заготовки (цилиндрической и пирамидальной формы). Среди торцовых доминируют нуклеусы, расщепление которых было направлено на получение

мелких пластинчатых заготовок. В слое 0 равное положение занимают плоскостные нуклеусы параллельного способа расщепления и призматические ядрища; причем с них снимались преимущественно отщепы, однако необходимо учитывать, что почти все нуклеусы представлены в истощенном состоянии.

Доля технических сколов в культурных слоях индустрии достаточно велика – от 2,7 % в слое 1 до 10,8 % в слое 4, что свидетельствует об интенсивной деятельности по первичному расщеплению на территории стоянки (см. табл. 1, 3). Технические сколы в комплексах стоянки практически не отличаются друг от друга. Следует отметить, что такие технические сколы, как краевые, полуреберчатые или реберчатые могли использоваться при утилизации призматических и плоскостных ядрищ параллельного способа расщепления. Сколы данных модификаций преимущественно удлиненной формы. В наборе слоев 3–2 отмечается большое количество сколов подправки плоскостных нуклеусов (34 экз.), оно значительно превышает количество самих плоскостных нуклеусов параллельного способа расщепления (12 экз.). Данный факт может говорить как об интенсивной утилизации плоскостных ядрищ в комплексе, так и о планиграфических

особенностях вскрытой площади. Только в комплексе слоя 1, содержащего наибольшее количество кареноидных нуклеусов, было обнаружено два скола латеральных подправок данных ядрищ.

При анализе индустрии следует учитывать несовершенство принятой на момент работ на стоянке методики раскопок: она не предполагала полную промывку или просеивание вынимаемого грунта. Возможно, поэтому не была зафиксирована значительная часть мелких артефактов – чешуек, мелких отщепов, пластинок и микропластинок. Но даже с учетом этого можно сделать вывод об эволюционном развитии мелкопластинчатого производства на основе пластинчатой традиции с постепенным уменьшением доли конвергентного способа получения заготовок.

Наиболее многочисленную категорию в индустрии сколов нижних слоев (4–2) составляют пластины. Такие сколы разных культурных слоев стоянки по технико-типологическим характеристикам несомненно близки, однако имеют особенности, которые трактуются нами как результат развития в рамках одного комплекса. Так, по метрическим показателям пластин прослежено усиление тенденции к миниатюризации сколов от нижних к верхним слоям (табл. 4–6). Если

Таблица 4. Целые пластины разной длины в индустриях стоянки Шугноу

Слой	10–30 мм		31–50 мм		51–70 мм		71–90 мм		Более 90 мм		Всего, экз.
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
4	–	–	2	16,7	6	50,0	4	33,3	–	–	12
3–2	6	4,3	48	34,3	55	39,3	25	17,9	6	4,3	140
1	4	6,3	36	57,1	11	17,5	10	15,9	2	3,2	63
0	3	18,8	7	43,8	4	25,0	2	12,5	–	–	16

Таблица 5. Пластинчатые заготовки разной ширины в индустриях стоянки Шугноу

Слой	1–6 мм		7–9 мм		10–12 мм		13–20 мм		21–30 мм		Более 30 мм		Всего, экз.
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
4	–	–	–	–	6	7,4	24	29,6	42	51,9	9	11,1	81
3–2	20	2,2	87	9,7	156	17,3	400	44,4	189	21,0	48	5,3	900
1	44	5,8	157	20,6	178	23,3	297	38,9	67	8,8	20	2,6	763
0	–	–	1	3,7	4	14,8	13	48,1	3	11,1	6	22,2	27

Таблица 6. Пластинчатые заготовки разной толщины в индустриях стоянки Шугноу

Слой	1–3 мм		4–5 мм		6–8 мм		9–11		Более 11 мм		Всего, экз.
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
4	2	2,5	18	22,2	35	43,2	18	22,2	8	9,9	81
3–2	268	29,8	290	32,2	246	27,3	66	7,3	30	3,3	900
1	359	47,1	244	32,0	118	15,5	25	3,3	17	2,2	763
0	11	40,7	8	29,6	4	14,8	2	7,4	2	7,4	27

в слое 4 большая часть целых пластин – это образцы средних размеров (длина 5–7 см), то в вышележащем культурном подразделении 3–2 средние пластины представлены так же, как мелкие, а в слоях 1 и 0 доминируют мелкие заготовки (длина до 5 см). Подобное отмечено и для показателя ширины. Если в слое 4 преобладают пластины шириной от 20 до 30 мм, то в коллекции слоев 3–2 – шириной от 12 до 28 мм, в слое 1 – от 13 до 25 мм, а в слое 0 – от 15 до 20 мм. Показатель толщины демонстрирует примерно ту же картину: в наборах из слоев 4–2 большая часть пластин имеет толщину от 3 до 10 мм, в слое 1 – от 3 до 8 мм, а в слое 0 – от 3 до 6 мм. Снизу вверх по разрезу увеличивалось и количество пластин, выполненных на кремневом сырье: в слое 4 – 5,3 %, в слоях 3–2 – 10,4, в слое 1 – 35,4, а в слое 0 – 33,3 %. Сопоставление метрических показателей пластин, изготовленных на кремне и эффузивных породах, позволило установить, что изделия из кремня обладали меньшими размерами. Например, ширина преобладающей части кремневых пластин в индустрии составляет 20 мм, а большинства пластин из эффузивных пород – 30 мм. Несомненна связь между увеличением количества мелких кремневых пластин и метрическими параметрами артефактов категории. Однако пластины, изготовленные на эффузивных породах, также отражают стремление производить мелкие изделия. Таким образом, можно сделать вывод, что на уменьшение размеров пластин оказали влияние сырьевой и технологический факторы. Вероятнее всего, решающее значение для процесса миниатюризации имело смещение технологического акцента на преимущественное использование для производства пластин и пластинок призматических нуклеусов.

Во всех культурных слоях памятника прослежено доминирование пластин с прямым профилем, однако вверх по разрезу наблюдается уменьшение их удельного веса за счет увеличения доли пластин с непрямым профилем (табл. 7). Возможно, данный показатель отражает также большую степень утилизации нуклеусов в верхних слоях, в результате чего пластины приобретали большую профильную изогнутость.

В нижних слоях памятника треугольные и трапециевидные в сечении пластины представлены примерно в равных долях, начиная со слоя 1 в наборе доминируют пластины, треугольные в сечении, а в слое 0 они составляют подавляющее большинство (табл. 8). Исследование показало, что для снятия крупных удлиненных заготовок, чаще всего, использовалось одно направляющее ребро. В результате уменьшался размер пластинчатых сколов, в верхних слоях памятника у треугольных в сечении пластин, как правило, показатель ширины меньше, чем у трапециевидных в сечении пластин.

Во всех слоях памятника у пластин преимущественно гладкие остаточные ударные площадки, при этом начиная с комплекса слоя 3–2 постепенно возрастает количество пластин с точечными и линейными ударными площадками (табл. 9), что свидетельствует о распространении краевого скалывания. Площадки изделий из нижнего слоя были подправлены при помощи перебора карниза, а из вышележащих слоев – с использованием приема оборотной редукции; начиная со слоя 1 количественно пластины с признаками редукции и со следами перебора карниза равны.

Среди изделий с огранкой дорсальных поверхностей в наборах всех слоев наиболее широко представлены предметы с параллельной однонаправленной

Таблица 7. Пластины разного профиля в индустриях стоянки Шугноу

Профиль	Слой 4		Слои 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Прямой	62	82,7	457	71,7	250	63,9	13	59,1
Изогнутый	8	10,7	113	17,7	92	23,5	4	18,2
Закрученный	5	6,7	67	10,5	49	12,5	5	22,7
<i>Всего</i>	75	100,0	637	100,0	391	100,0	22	100,0

Таблица 8. Пластины разной формы в поперечном сечении в индустриях стоянки Шугноу

Форма	Слой 4		Слои 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Треугольная	37	49,3	330	52,0	200	52,5	17	77,3
Трапециевидная	33	44,0	266	41,9	160	42,0	4	18,2
Многоугольная	5	6,7	39	6,1	21	5,5	1	4,5
<i>Всего</i>	75	100,0	635	100,0	381	100,0	22	100,0

Таблица 9. Пластины с остаточными ударными площадками разных типов в индустриях стоянки Шугноу

Остаточная ударная площадка	Слой 4		Слои 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Гладкая	32	80,0	282	75,6	169	71,6	16	88,9
Двугранная прямая	1	2,5	14	3,8	1	0,4	1	5,6
Линейная	1	2,5	8	2,1	31	13,1	1	5,6
Точечная	–	–	52	13,9	29	12,3	–	–
Фасетированная прямая	6	15,0	14	3,8	2	0,8	–	–
Естественная	–	–	3	0,8	4	1,7	–	–
<i>Всего</i>	40	100,0	373	100,0	236	100,0	18	100,0

Таблица 10. Пластины с дорсальной поверхностью разного типа в индустриях стоянки Шугноу

Огранка	Слой 4		Слои 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Параллельная	55	73,3	502	78,8	323	83,8	13	76,4
Встречная	5	6,6	32	5,0	15	3,8	–	–
Конвергентная	11	14,6	79	12,4	35	9,0	3	17,6
Биконвергентная	1	1,3	11	1,7	3	0,7	–	–
Ортогональная	1	1,3	3	0,4	–	–	–	–
Полуестественная	2	2,6	4	0,6	6	1,5	1	5,8
Гладкая	–	–	6	0,9	3	0,7	–	–
<i>Всего</i>	75	100,0	637	100,0	385	100,0	17	100,0

огранкой. Велико количество артефактов с конвергентной огранкой, причем их доля сокращается от слоя к слою. В слое 0 по сравнению с предыдущим слоем отмечено значительное увеличение доли артефактов с конвергентной огранкой, не соответствующее удельному весу определенных типов нуклеусов (табл. 10).

Получение крупных пластинчатых сколов индустрии стоянки Шугноу в целом не было связано с этапом декортикации ядрищ. Об этом свидетельствует наличие кортикальной поверхности на плоскостях изделий. Так, в коллекции слоя 4 доля пластин с коркой равняется лишь 5,3 %, на половине сколов корка распространяется менее чем на 50 % площади дорсальной поверхности, в материалах слоев 3–2 – 4,5 и менее чем 50 % соответственно. В комплексе слоя 1 отмечено 7,6 % сколов с коркой, из которых половина – вторичные. В слое 0 кортикальные пластины составляют 9 %, или 2 экз.

В коллекциях слоев 4 и 0 представлено минимальное количество мелкопластинчатых сколов (6 и 5 экз. соответственно), поэтому их сравнение проводится на основе коллекции слоев 3–1 (слои 3–2 – 264 экз., слой 1 – 379 экз.). Целые пластинки в наборе слоя 1 в длину меньше, чем в других слоях (см. табл. 4). При

этом показатели ширины и толщины заготовок в комплексах примерно одинаковые (см. табл. 5, 6). Это объясняется не только распространением кареноидной техники, но и широким использованием в качестве сырья кремня: в слое 1 доля таких пластинок достигает 40 %. Пластинки из кремня по сравнению с пластинками из эффузивного сырья несколько меньше по толщине – в основном до 5 мм. В комплексе слоя 1 заметно выше удельный вес пластинок с непрямым профилем (табл. 11), что несомненно связано с распространением кареноидного расщепления. В слоях 3–2 представлены заготовки, преимущественно треугольные в сечении, в комплексе слоя 1 пластинки треугольные и трапециевидные в профиле количественно равны (табл. 12). Это свидетельствует о том, что для получения мелких пластинчатых заготовок мастер использовал в качестве направляющего не одно, а два ребра, в результате он располагал большим количеством стандартизированных заготовок с параллельными продольными краями. Следует отметить несколько большую ширину пластинок с трапециевидными профилями, по сравнению с пластинками, треугольными в сечении. В слоях 3–2 количество гладких ударных площадок на пластинках соответствует количеству точечных, в то время как в наборе слоя 1

Таблица 11. Пластинки разного профиля в индустриях стоянки Шугноу

Профиль	Слой 4		Слои 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Прямой	1	16,7	161	61,2	167	44,1	4	80,0
Изогнутый	3	50,0	53	20,2	132	34,8	0	0,0
Закрученный	2	33,3	49	18,6	80	21,1	1	20,0
<i>Всего</i>	6	100,0	263	100,0	379	100,0	5	100,0

Таблица 12. Пластинки разной формы в поперечном сечении в индустриях стоянки Шугноу

Форма	Слой 4		Слои 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Треугольная	4	66,7	180	68,4	201	53,2	2	40,0
Трапециевидная	1	16,7	78	29,7	159	42,1	2	40,0
Многоугольная	1	16,7	5	1,9	18	4,8	1	20,0
<i>Всего</i>	6	100,0	263	100,0	378	100,0	5	100,0

Таблица 13. Пластинки с остаточными ударными площадками разного типа в индустриях стоянки Шугноу

Остаточная ударная площадка	Слой 4		Слои 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Гладкая	1	50,0	51	46,8	68	31,9	2	50,0
Двугранная прямая	–	–	1	0,9	–	–	–	–
Линейная	–	–	5	4,6	37	17,4	–	–
Точечная	1	50,0	51	46,8	108	50,7	2	50,0
Фасетированная прямая	–	–	1	0,9	–	–	–	–
<i>Всего</i>	2	100,0	109	100,0	213	100,0	4	100,0

точечные и линейные ударные площадки преобладают над гладкими (табл. 13), что говорит о превалировании краевого раскалывания. Ударные площадки пластинок подправлялись при помощи перебора карниза и оборотной редукции; по материалам из верхних слоев прослеживается распространение приема редукции: если в комплексе слоев 3–2 по количеству пластинок с признаками редукции превосходили пластинки со следами перебора карниза в 2 раза, то в слое 1 – уже в 4 раза. Следы огранки на дорсальных поверхностях свидетельствуют о преобладании однонаправленного параллельного скалывания; отмечено достаточно много пластинок с конвергентной огранкой (табл. 14). Пластинки практически не связаны с процессом декорткации в силу исключительно малого количества сколов с коркой. Первичная декорткация ядрищ осуществлялась снятием отщепов, среди которых отмечается наибольшая доля изделий с кортикальной поверхностью. Размер скола зачастую определял его место в процессе расщепления: чем крупнее отщепы,

тем чаще они имеют на поверхности корку. Так, среди крупных (более 5 см в наибольшем измерении) отщепов сколы с кортикальной поверхностью составляют от 44 до 20,8 % (снизу вверх по разрезу), среди средних – от 12,5 до 4,5 %. У отщепов среди остаточных ударных площадок доминируют гладкие формы. Среди отщепов значительно меньше образцов с редуцированными ударными площадками, чем среди сколов других категорий. Учитывая это, а также типологию ударных площадок, можно сделать вывод о меньшей подготовленности ударных плоскостей нуклеусов, с которых снимались отщепы перед очередным этапом расщепления. Анализ выявил преобладание параллельной однонаправленной огранки дорсальных поверхностей. Следует отметить, что у сколов, у которых кортикальная поверхность занимает менее 50 %, фиксируются также в основном параллельные однонаправленные негативы предыдущих снятий. Это позволяет говорить о редкой переориентации нуклеусов в процессе декорткации.

Таблица 14. Пластинки с дорсальной поверхностью разных типов в индустриях стоянки Шугноу

Огранка	Слой 4		Слои 3–2		Слой 1		Слой 0	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Параллельная	3	50,0	222	85,4	331	87,6	4	80,0
Встречная	2	33,3	6	2,3	2	0,5	–	–
Конвергентная	1	16,7	24	9,2	43	11,4	1	20,0
Биконвергентная	–	–	2	0,8	–	–	–	–
Ортогональная	–	–	–	–	–	–	–	–
Полуестественная	–	–	1	0,4	1	0,3	–	–
Гладкая	–	–	5	1,9	1	0,3	–	–
<i>Всего</i>	6	100,0	260	100,0	378	100,0	5	100,0

Остроконечные сколы – самая яркая, хотя и немногочисленная категория сколов стоянки. При этом их доля сокращается снизу вверх по разрезу – от 6,2 % в комплексе слоя 4 до 0,8 % в комплексе слоя 1, в слое 0 остроконечники не зафиксированы. Отмечена тенденция к сокращению размеров: если длина большинства целых сколов в нижнем слое составляла от 51 до 82 мм, то в слое 1 – уже от 38 до 58 мм. То же касается ширины и толщины изделий, их значения снижались пропорционально длине. Следует отметить, что большинство остроконечных сколов во всех культурных слоях индустрии были удлиненными: длина превышала ширину более чем в 2 раза. Во всех наборах присутствуют лишь прямые в профиле остроконечники. Доминирующим типом ударных площадок является гладкая, а преобладающей огранкой дорсальной поверхности – конвергентная. Соответственно, большая часть сколов в поперечном сечении была трапециевидной формы, что свидетельствует об использовании двух направляющих ребер при реализации остроконечников. Отсутствие корки на поверхности всех сколов позволяет говорить о том, что изделия данной категории не были связаны с этапом декортикации нуклеусов.

Пропорциональное соотношение разных видов сколов, которые были выбраны для производства орудий, в целом соответствует соотношению типов сколов без следов вторичной отделки. Для слоев 4–1 характерно использование для производства орудий преимущественно пластинчатых основ. В слоях 3–2 и 1 отмечается рост доли орудий, выполненных на мелкопластинчатых заготовках (6,7 и 25 % соответственно). В наборе слоев 3–2 нашел отражение выбор в качестве основ орудий остроконечников. В этих слоях на остроконечниках изготовлено 13,5 % орудий, в то время как доля остроконечников среди сколов составляет лишь 2 %. Коллекции вышележащих слоев свидетельствуют о прекращении использования остроконечников в качестве заготовок для орудий, что

отвечает общей для комплексов тенденции сокращения «острийного» компонента вверх по разрезу. Доля орудий, изготовленных на отщепах, в слоях 3–2 и 1 составляет 30,3 и 42,5 % соответственно. В слое 0 удельный вес орудий на отщепах достигает уже 66,6 %, что согласуется с данными по первичному расщеплению в индустрии культурного подразделения. Эти различия можно объяснить особенностями выбора основ для орудий определенных типов из разных слоев стоянки. Так, скребки, представленные в комплексе слоя 3–2, были изготовлены на пластинах и на отщепах в равных долях, а в вышележащих культурных подразделениях – в основном на укороченных заготовках. В индустрии стоянки следует отметить общую направленность на выбор более качественного сырья – кремневого. Доля орудий, изготовленных из него, выше доли сколов без отделки, произведенных на кремневых нуклеусах. Эта тенденция усиливается снизу вверх по разрезу: если в коллекции слоя 4 доля орудий на кремне составляла 33 %, то в коллекции верхнего культурного подразделения 83,3 %.

Основным приемом вторичной обработки комплексов стоянки Шугноу является ретушь. Орудия обычно оформлялись при помощи дорсальной постоянной средне- и сильномодифицирующей полукрутой и крутой чешуйчатой и субпараллельной ретуши, распространяющейся в большинстве случаев на весь рабочий участок орудия. Материалы из верхних культурных слоев памятника свидетельствуют о возрастании роли субпараллельной и параллельной отделки. Доля вентральной ретуши незначительна, однако практически все изделия, оформленные с ее помощью, относятся к формальным тщательно обработанным типам – скребки, скребла, тронкированные сколы. Орудия отдельных типов отражают предпочтения в выборе зоны оформления. Например, у пластинок со следами ретуши (или с притупленным краем) обрабатывался чаще всего левый продольный край.

Свидетельствами генетического единства индустрий всех культурных слоев стоянки является присутствие в наборах одинаковых типов орудий, в т.ч. специфических форм – долотовидных ретушированных остроконечных, вентральных скребков. Нельзя не отметить значительного своеобразия комплекса слоя 0. Сам культурный слой был обнаружен последним и раскопан на меньшей площади, чем остальные стратиграфические подразделения. Малочисленность его коллекции, отсутствие в ней ярких специфических артефактов препятствуют проведению широких корреляций, однако самобытные черты, зафиксированные в этой индустрии, вероятнее всего, свидетельствуют о значительном хронологическом промежутке между комплексами слоев 0 и 1.

Функциональный анализ индустрий культурных слоев стоянки

С целью создания развернутого представления о функциональной специфике комплексов культурных подразделений стоянки проведено изучение, включающее анализ структуры орудийного набора и эффективности деятельности по производству орудий и расщеплению нуклеусов по методике, представленной в работе Е.П. Рыбина и К.А. Колобовой [2004]. Для изучения структуры орудийного набора изделия были разделены на две группы – формальные и неформальные. Артефакты, которые претерпели минимальные изменения при оформлении или использовании, не имеют специфичных морфологических признаков и не образуют устойчивых серий, определены как неформальные. К формальным отнесены предметы, подвергшиеся значительным изменениям при оформлении (или использовании) и обладающие характерными чертами подготовки орудия либо аккомодации. Для отнесения изделия к той или иной группе его типологическое определение не играет основной роли, в данном исследовании применялся подход, учитывающий специфику вторичной обработки. Был проведен анализ интенсивности такой обработки: определялись степень модифицирования ретушью поверхности заготовки, протяженности ретуши, а также однородность либо неоднородность вторичной обработки конкретного орудия. За рамки анализа по причине малочисленности выведен орудийный набор слоя 4. Было определено, что по удельному весу формальные орудия преобладают над неформальными. Причем доля формальных орудий увеличивается снизу вверх по разрезу – от 55,5 % в наборе слоев 3–2 до 83,3 % в коллекции слоя 0. Орудия обрабатывались преимущественно сильно- и среднемодифицирующей ретушью: от 75 % в комплексах слоев 3–2 до 100 % в индустрии слоя 0. Высокие показатели для слоя 0 объясняются преоб-

ладанием в составе орудий скребков различных модификаций. У значительной доли орудий имеется более одного элемента вторичной обработки: от 24,2 % в слоях 3–2 до 36,1 % в слое 1. В целом примерно четвертая часть заготовок в индустрии памятника использовалась для нескольких целей. Приведенные данные, вероятно, свидетельствуют о достаточно интенсивном использовании каменного сырья и его транспортировке из источника, расположенного недалеко от стоянки, но за ее территорией.

При оценке эффективности деятельности по производству орудий и расщеплению нуклеусов учитывались следующие критерии: отношение количества орудий к одному ядрищу; отношение количества орудий к численности неретушированных сколов и нуклеусов; отношение количества нуклеусов к орудиям и неретушированным сколам [Там же, 2004]. Мы принимаем во внимание, что несовершенство принятой на момент раскопок методики ведения полевых исследований, а также различия между вскрытыми участками (для слоя 0), несомненно, оказывают влияние на результаты анализа. Кроме того, искусственное смешение артефактов слоев 3 и 2, неравнозначных по количеству, отражает ситуацию, характерную скорее для комплекса слоя 2 в силу большей многочисленности его артефактов. Были прослежены определенные различия в моделях активности древнего человека на разных этапах заселения стоянки. Следует отметить, что планиграфический анализ не выявил долговременных конструкций ни в одном из вскрытых культурных слоев. Однако были зафиксированы многочисленные кострища, распространенные в различной степени по территории памятника [Ранов, 1973].

В наборе слоя 4 на одно орудие приходится более трех нуклеусов, а на один нуклеус приходится 15,5 сколов, доля орудий составляет 1,8 % от типологически значимой части комплекса, а отходов производства – 14,9 %. В коллекции слоев 3–2 на один нуклеус приходится 1,5 орудия и 34 скола при 4,2 % орудий и 35,1 % отходов производства. Для слоя 1 отмечается 1,46 орудия на один нуклеус, 21 скол на одно ядрище при 3,05 % орудий и 41,2 % отходов. В комплексе слоя 0, который включает 25,8 % отходов производства и 7,04 % орудий, на один нуклеус приходится 0,75 орудий и девять сколов.

Приведенные данные говорят о том, что изменения в процентных соотношениях, видимо, связаны с различной продолжительностью заселения стоянки в разные периоды ее функционирования. Так, один из наиболее малочисленных комплексов слоя 4 характеризуется наименее активной деятельностью по производству орудий (три неформальных орудия), средним показателем интенсивности утилизации нуклеусов и значительным количеством сколов в индустрии при незначительной доле отходов производства. Эти показатели

указывают на разовое и кратковременное посещение территории стоянки с целью проведения работ по первичному расщеплению. Иначе говоря, комплекс принадлежит стоянке-мастерской. Коллекции слоев 3–2 и 1, вероятно, отражают период более продолжительного/интенсивного использования территории стоянки. Эти комплексы отличаются от нижележащего большим количеством орудий, большей долей отходов производства и более полной утилизацией ядрищ. Кроме того, судя по составу орудийной коллекции, деятельность населения стоянки была, возможно, ориентирована на охоту и обработку добычи. Данная интерпретация совпадает с выводами, сделанными ранее В.А. Рановым на основании предварительного анализа коллекции памятника [1973]. Комплекс слоя 0 несколько отличается от индустрии нижележащих слоев: он крайне малочислен, следовательно, отражает эпизод с неинтенсивным обживанием территории. Коллекция слоя 0 иллюстрирует наиболее энергичную на стоянке деятельность по производству орудий и наименее активную утилизацию нуклеусов при незначительном количестве отходов производства. Учитывая типологическую направленность орудийного набора, можно сделать вывод, что раскопками был вскрыт участок, на котором в основном производилась обработка продуктов охоты, а деятельность, связанная с утилизацией нуклеусов и изготовлением орудий, носила вспомогательный характер.

Обсуждение

Технико-типологический анализ каменных артефактов с элементами атрибутивного подхода позволяет отнести индустрии всех культурных подразделений стоянки Шугноу к одной верхнепалеолитической культурной традиции. Различия в количественном наполнении индустрий культурных слоев артефактами создают определенные трудности для проведения прямых корреляций, однако это не мешает проследить общее направление изменений технологий первичного расщепления и приемов вторичной обработки камня.

Наиболее близкими аналогами индустрий стоянки Шугноу в регионе можно назвать литические комплексы слоев 2.1 и 2.2 стоянки Кульбулак и индустрии всех культуросодержащих слоев памятника Додекатым-2 [Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011; Колобова, Фляс, Исламов и др., 2009]; оба объекта располагаются в Ташкентской обл. Республики Узбекистан (см. рис. 1).

Стоянка Кульбулак, открытая в долине р. Ахангарон, интенсивно изучалась в 60–80-х гг. XX в. [Касымов, 1990]. На основе анализа данных раскопок, проводившихся на памятнике в тот период, а также

археологических материалов, полученных из верхних слоев стоянки в ходе полевых исследований уже в данном столетии [Деревянко, Колобова, Фляс и др., 2007], можно сделать вывод о сходстве многих технико-типологических черт индустрий Кульбулака и Шугноу. Первичное расщепление верхнепалеолитических слоев стоянки Кульбулак было ориентировано на производство мелких пластин и пластинок, отщепов с призматических и торцовых ядрищ, а также микропластин с кареноидных нуклеусов. Причем если в индустрии слоя 2.2 кареноидные ядрища малочисленны (как и в индустрии слоев 3–2 стоянки Шугноу), то в комплексе слоя 2.1 они составляют заметный компонент набора нуклеусов. Следует отметить полную идентичность кареноидных технологий стоянки Кульбулак и Шугноу: для получения ядрищ выбирались заготовки одинаковой формы, для подготовки ядрища и реализации сколов применялись аналогичные технические приемы (обнаружены сходные технические сколы) [Колобова, Кривошапкин, Фляс и др., 2011]. Среди призматических нуклеусов в индустриях обеих стоянок обращает на себя внимание наличие двуплощадочных ядрищ, на которых расщепление велось с каждой площадки в различных секторах фронта [Колобова, Фляс, Исламов и др., 2009]. Среди орудийного набора стоянки Кульбулак доминируют пластинки и микропластины с признаками ретуши, долотовидные орудия и концевые скребки, в т.ч. микроформы. Индустрии обоих памятников включают типологически идентичные типы орудий. Так, ретушированные пластинки представлены в индустриях слоев 3–2 и 1 стоянки Шугноу. Аналогичные изделия, некоторые из которых могут быть определены как пластинки с притупленным краем, имеются и в комплексе слоя 2.1 стоянки Кульбулак. Нельзя не отметить, что в индустриях обеих стоянок зафиксировано по одному треугольному микролиту; они выполнены в абсолютно одинаковой технической манере. Обращает на себя внимание и наличие в комплексах каждой стоянки специфических видов вентральных скребков. Однако пластинки дюфур были обнаружены только на стоянке Кульбулак (слой 2.1).

Сходство между комплексами обеих стоянок позволяет отнести их к одному варианту культурного развития. Причем артефакты из слоя 4 стоянки Шугноу, судя по технико-типологическим параметрам, могут относиться к более раннему этапу развития, чем изделия комплекса 2.2 стоянки Кульбулак. Индустрия слоев 3–2 стоянки Шугноу может быть синхронна комплексу слоя 2.2 Кульбулака, а индустрия слоя 1 по возрасту, возможно, совпадает с комплексом слоя 2.1 либо несколько моложе его.

Основное различие между индустриями двух памятников – численность острейного компонента: в комплексах нижних слоев стоянки Шугноу она вели-

ка; в комплексе слоя 2.2 стоянки Кульбулак имеется лишь несколько остроконечников (в т.ч. орудий) в совокупности с предназначенными для их производства ядрищами, в слое 2.1 остроконечников не выявлено, однако отмечается достаточно высокая доля пластин и пластинок с конвергентной огранкой [Колобова, Фляс, Исламов и др., 2009]. Данное различие между индустриями стоянок может объясняться разницей как по хронологии: нижние слои Шугноу древнее культуросодержащих отложений Кульбулака (отражают более позднюю ступень развития индустрии, на которой острый компонент уже значительно редуцирован), так и по функциональной ориентации стоянок: Шугноу – охотничья стоянка, Кульбулак – стоянка-мастерская с дополнительными функциями по обработке твердых материалов [Там же].

К раннему этапу становления культурной традиции, представленной на стоянках Кульбулак и Шугноу, можно отнести материалы, полученные в 2008 г. при раскопках памятника-мастерской на выходах сырья Кызыл-Алма-2, расположенного в непосредственной близости от стоянки Кульбулак (см. рис. 1) [Колобова, Павленок, Фляс и др., 2010]. Каменные артефакты, обнаруженные в значительно потревоженном склоновыми процессами стратиграфическом контексте, имеют ранневерхнепалеолитический облик. Они отражают доминирование технологии скалывания среднеразмерных пластин с подпризматических и плоскостных нуклеусов и стратегии получения мелких пластинок с торцовых и кареноидных ядрищ, близких таковым в индустрии верхнего палеолита стоянки Кульбулак. В немногочисленном орудийном наборе Кызыл-Алмы-2 преобладают концевые и боковые скребки. Индустрия данной стоянки находит много технико-типологических соответствий в нижних (4–2) комплексах памятника Шугноу: получение пластинчатых заготовок с плоскостных и подпризматических нуклеусов, малочисленность кареноидных форм, наличие торцовых клиновидных ядрищ для пластинок. Отмечено различие в первичном расщеплении: острый компонент имеется в комплексах Шугноу и отсутствует в наборе Кызыл-Алма-2, что обусловлено, вероятнее всего, функциональной спецификой объектов. В орудийных наборах памятников представлены изделия как общих типов (концевые скребки, долотовидные изделия, скребла, ретушированные пластинчатые сколы), так и специфических форм (вентральные скребки).

Прослеживаются аналогии между комплексами стоянки Шугноу и индустриями стоянки Додекатым-2 (Ташкентская обл., Республика Узбекистан) (см. рис. 1). На объекте было выявлено пять культурных слоев, относящихся к развитому верхнему палеолиту (за исключением слоя 1, поврежденного ввиду био- и антропогенного воздействия). Для первичного расщепления всех инситуальных культурных слоев стоянки (5–2)

в целом характерно преобладание подпризматического и торцового скалывания, нацеленного на получение преимущественно мелких пластинок, которые использовались, согласно данным трасологического анализа [Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011], в качестве вкладышей для составных орудий. Доминирующим принципом расщепления был призматический, эволюционировавший от явного преобладания кареноидной технологии получения пластинок с изогнутым и пропеллерообразным профилем (нижний слой 5) к превалированию в вышележащих слоях стратегий, ориентированных на получение заготовок с прямым профилем. Индустрия стоянки Додекатым-2 имеет мелкопластинчатый характер. Орудийный набор памятника демонстрирует развитие микролитического компонента: снизу вверх по разрезу возрастает доля ретушированных пластинок, пластинок с притупленным краем и треугольных микролитов. С комплексами стоянки Шугноу наибольшее сходство имеют индустрии нижних культурных слоев (5 и 4) стоянки Додекатым-2. Последние характеризуются значительной ролью кареноидной техники в первичном расщеплении. Следует указать на идентичность широкофронтальных кареноидных нуклеусов на сколах поперечной ориентации из слоя 1 стоянки Шугноу и из слоя 5 стоянки Додекатым-2. Обращают на себя внимание идентичные двуплощадочные кареноидные изделия из комплексов обеих стоянок. Технологические характеристики остальных кареноидных продуктов также не оставляют сомнений в близости указанных комплексов. В индустриях обоих памятников имеются торцовые клиновидные ядрища для пластинок и цилиндрических призматических моноплощадочных нуклеусов. В орудийных наборах общими являются пластинки с элементами ретуши, остроконечные пластинки со следами ретуши, пластинки с притупленным краем и треугольные микролиты. Во всех комплексах зафиксированы скребки, в т.ч. вентральные, и долотовидные изделия. Следует отметить, что слой 4 стоянки Додекатым-2 представляет, вероятнее всего, более позднюю ступень развития индустрии (в Шугноу она отражена в слоях 4–1). В пользу этого свидетельствуют более развитый и многочисленный микроинвентарь и проявления тенденции к сокращению количества кареноидных нуклеусов. Для слоя 4 стоянки Додекатым-2 имеется серия абсолютных дат, определяющих его возраст в интервале 21–23 тыс. лет (некалиброванный возраст) [Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011].

Индустрии Шугноу имеют соответствия (прежде всего в кареноидных технологиях) и в материалах известной Самаркандской стоянки (см. рис. 1). Еще в конце 80-х гг. XX в. В.А. Ранов указывал на сходство скребков высокой формы (нуклевидных скребков), имевшихся в инвентаре обоих объектов [1988]. Оба

комплекса сопоставимы и благодаря наличию в коллекциях пирамидальных нуклеусов для производства пластинок. Относительно хронологии Самаркандской стоянки до сих пор ведутся споры, определения разных специалистов для комплексов этого памятника варьируют от 15 до более 40 тыс. л.н. [Коробкова, Джуракулов, 2000].

К индустриям Шугноу технологически близки комплексы каменных изделий из культуросодержащих слоев стоянки им. Ч. Валиханова, расположенной на территории Южного Казахстана (см. рис. 1). Здесь вместе с выразительной серией скребков высокой формы были обнаружены такие специфические изделия, как вентральные концевые скребки. Для верхнего слоя стоянки им. Ч. Валиханова имеется дата $24\,800 \pm 1\,100$ л.н. [Таймагамбетов, 1990; Таймагамбетов, Ожерельев, 2009].

Более древним является слой 3 стоянки Майбулак в Юго-Восточном Казахстане (см. рис. 1), его дата $34\,970 \pm 665$ л.н. Слой 2 этого объекта по AMS-методу датируется 28–30 тыс. л.н., а слой 1 – $24\,330 \pm 190$ тыс. л.н. Авторы раскопок в числе немногочисленных наборов каменных артефактов всех трех выделенных культурных слоев указывают «скребки высокой формы» (кареноидные формы) [Таймагамбетов, Ожерельев, 2009].

В более широком географическом диапазоне материалам Шугноу близка индустрия пещерной стоянки Кара-Камар в Северном Афганистане (см. рис. 1). В ее слое 3 обнаружены многочисленные кареноидные скребки, по некоторым технико-типологическим параметрам похожие на кареноидные изделия стоянки Шугноу. Данный слой стоянки датирован в пределах 30 тыс. л.н. [Davis, 2004; Виноградов, 2004; Ранов, Каримова, 2005].

На территории Загроса наибольшее сходство с верхнепалеолитическими индустриями Шугноу имеют комплексы барадостской культуры. Речь идет прежде всего о барадостских комплексах стоянок Шанидар, Варваши и Яфтех. Эти комплексы с наборами Шугноу роднит развитая кареноидная техника для получения изогнутых и закрученных пластинок, отчасти острия аржене, однако барадостские индустрии отличаются многочисленными разнообразными резцами и пластинками дюфур, которые вместе с остриями аржене (эль-вад) составляют основу микролитического набора барадостских комплексов [Olszewski, 1999; Olszewski, Dibble, 1994; Otte et al., 2007]. По материалам стоянки Яфтех была получена новая серия дат – от 35 до 31 тыс. л.н., с учетом которой исследователи предложили рассматривать данную индустрию как промежуточную между ахмарийской и барадостской культурами [Otte, Shidrang, Zwyns, Flas, 2011]. Через барадостскую культуру, являющуюся самым восточным проявлением культуры левантийского ориньяка [Olszewski,

1999; Olszewski, Dibble, 1994], наборы Шугноу могут рассматриваться как близкие к индустриям ареала ориньякских традиций Ближнего Востока.

По технико-типологическим характеристикам индустриям верхних слоев стоянки Шугноу подобны комплексы стоянки Харкуш, расположенной в отрогах Гиссарского хребта. При полевых исследованиях на ней было выделено два культурных слоя, возраст которых, по мнению работавших на стоянке педологов, может соответствовать 12–11 тыс. лет [Филимонова, 1991]. Каменные индустрии обоих слоев с учетом высокой степени сходства авторами раскопок рассматривались как единое целое. В орудийном наборе стоянки присутствуют нуклеидные (кареноидные, согласно современному определению) скребки, ножи, выемчатые орудия, проколки. Т.Г. Филимонова и В.А. Ранов сопоставляли индустрию Харкуша с комплексами слоев 2 и 1 стоянки Шугноу; причем В.А. Ранов отмечал, что материал Харкуша выглядит более грубым [Филимонова, 2007; Ранов, Каримова, 2005]. Кроме того, наличие в слое 1 Шугноу пластинок с притупленным краем, а также треугольного неравностороннего микролита дает основание сравнивать индустрию этого культурного подразделения с комплексами зарзианской культуры в Загросе (стоянки Варваши, Шанидар, Зарзи и Палегвара) [Olszewski, 1993; Wahida, 1999].

Не исключено, что в основе столь широкого культурно-хронологического разнообразия памятников (от начала верхнего палеолита до его финальных этапов), рассматриваемых как похожих, – единая культурная традиция, развивавшейся в регионе (в широких географических рамках) в верхнем палеолите. Возможно, в дальнейшем она послужила одним (если не основным) источником формирования регионального мезолита. В.А. Ранов напрямую связывал комплекс слоя 0 стоянки Шугноу с индустрией памирской стоянки Ошхона – основного памятника мезолитической маркансуйской культуры – и датировал оба объекта 8 тыс. лет до н.э. [Ранов, Каримова, 2005].

Для стоянки Шугноу по образцу угля из размытого кострища в слое 1 была получена конвенциональная дата $10\,700 \pm 500$ л.н. (ГИН-590), которая изначально рассматривалась как омоложенная [Ранов, 1973; Ранов, Никонов, Пахомов, 1976; Ранов, Каримова, 2005]. Тем не менее, на основе этой даты была предложена хронологическая последовательность культурных слоев памятника: слой 0 был определен как мезолитический, слой 2 отнесен к интервалу 20–25 тыс. л.н., а слои 3, 4 – к 30–35 тыс. л.н. [Ранов, 1973].

В настоящее время прослежена корреляция между комплексами Шугноу и верхнепалеолитическими индустриями Центрально-Азиатского региона, которые относятся, по всей видимости, к единой культурной традиции. С учетом этого слой 1 стоянки Шугноу

может быть отнесен к периоду ранее 21–23 тыс. л.н. Что же касается хронологической оценки слоев 2–4, то, возможно, стоит согласиться с высказывавшимся ранее предположением о его принадлежности к 25–35 тыс. л.н. Соответственно, и индустрия слоя 0 должна быть древнее, чем предполагалось ранее (8 тыс. лет до н.э.).

Генезис индустрии Шугноу В.А. Ранов всегда связывал с развитием местных пластинчатых индустрий с острийным компонентом, относящихся к концу среднего – переходному этапу от среднего к верхнему палеолиту. Речь идет прежде всего о комплексах стоянок Худжи (Таджикистан) и Оби-Рахмат (Узбекистан). Современными исследованиями установлена большая степень технико-типологического сходства наборов артефактов этих памятников. Индустрии и Оби-Рахмата, и Худжи ориентированы на получение пластинчатых и острийных заготовок с плоскостных и подпризматических нуклеусов; они включают значительную долю пластинчатых заготовок, снимаемых с торцовых ядрищ; велика роль мелкопластинчатого производства, в рамках которого осуществлялось расщепление нуклеусов-резцов, торцовых клиновидных ядрищ, тронкированно-фасетированных изделий и подпризматических нуклеусов для пластинок; нашло проявление ретуширование пластинок. Вместе с тем, если принять во внимание даты для верхних слоев Оби-Рахмата [Деревянко и др., 2001] и Худжи [Ранов, Амосова, 1984], то становится очевидным, что прямые параллели между комплексами Оби-Рахмата и Худжи, с одной стороны, и комплексом Шугноу – с другой, необходимо проводить с осторожностью.

Заключение

Результаты технико-типологического и атрибутивно-го анализа материалов стоянки Шугноу позволяют связать индустрии всех слоев с одной верхнепалеолитической культурной традицией, в рамках которой постепенно развивалось мелкопластинчатое производство с использованием кареноидных технологий. Наиболее близкими аналогами в регионе для индустрий стоянки Шугноу можно назвать верхнепалеолитические комплексы стоянки Кульбулак и индустрии всех культуросодержащих слоев памятника Додекатым-2. На основании сходства эти комплексы данных стоянок можно отнести к одному варианту культурно-технологического развития, который предложено называть кульбулакским [Колобова, Кривошапкин, Деревянко и др., 2011].

Генезис данного варианта может быть связан с постепенным развитием региональных финально-среднепалеолитических и переходных пластинчатых индустрий, представленных в комплексах стоянок

Худжи и Оби-Рахмат. К раннему этапу выделяемой верхнепалеолитической традиции, возможно, относятся материалы стоянки Кызыл-Алма-2. Следующий этап развития представлен комплексом слоя 4 стоянки Шугноу, в котором сохранен острийный компонент. Индустрия слоев 3–2 стоянки Шугноу может быть синхронна комплексу слоя 2.2 Кульбулака, а индустрия слоя 1, возможно, совпадает по времени с комплексом слоя 2.1 Кульбулака либо относится к более позднему периоду. Дальнейшую эволюцию выделяемого для региона культурно-технологического варианта культуры можно проследить в индустриях стоянки Додекатым-2.

Комплекс Шугноу близок (прежде всего в применении кареноидных технологий для получения пластинок) и к индустриям других центрально-азиатских и средневосточных верхнепалеолитических памятников (Самаркандская стоянка (Узбекистан), Майбулак и стоянка им. Ч. Валиханова (Казахстан), Кара-Камар (Афганистан), барадостские индустрии Загроса (Ирак, Иран)).

Индустрии верхних слоев стоянки Шугноу по технико-типологическим характеристикам близки не только к материалам выше перечисленных памятников начальной и средней поры верхнего палеолита, но и к финальнопалеолитическим комплексам стоянки Харкуш (Таджикистан), а наличие в верхнепалеолитических индустриях региона специфических категорий микроинвентаря дает основания также сравнивать поздний этап кульбулакского культурно-технологического варианта с комплексами зарзианской культуры в Загросе. Таким образом, не исключено, что дальнейшее развитие выделяемой культуры послужило одним (если не основным) источником формирования регионального мезолита.

Благодарности

Коллектив авторов выражает благодарность руководству и сотрудникам Института истории, археологии и этнографии им. Ахмади Дониша АН Республики Таджикистан за предоставленную возможность работать с коллекциями, а также лично Т.У. Худжагелдиеву – за помощь в обработке материалов. Авторы признательны художникам ИАЭТ СО РАН А.В. Абдульмановой и Н.В. Вавилиной, подготовившим иллюстрации.

Список литературы

Виноградов А.В. Загадочный Кара-Камар // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 58–79.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Аношкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейма-

нов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 42–63.

Деревянко А.П., Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Ков Н., Коуп Д., Звинц Н., Павленок К.К., Мамиров Т.Б., Крахмаль К.А., Мухтаров Г.А. Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13, ч. 1. – С. 83–89.

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И., Павленок К.К. Мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Средней Азии: стоянка Додекатим-2 (Узбекистан) // *Stratum plus*. – 2011. – № 1. – С. 275–300.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Фляс Д., Павленок К.К. Кареноидные изделия палеолитической стоянки Кульбулак: опыт технико-типологической классификации // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. история, филол. – 2011. – Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. – С. 87–100.

Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И. Стоянка Кызыл-Алма-2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. история, филол. – 2010. – Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. – С. 111–123.

Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Кривошапкин А.А., Павленок К.К. Первичное расщепление в верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак (Узбекистан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы междунар. симп. – Новосибирск, 2009. – С. 114–140.

Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Центральной Азии (специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) // *Stratum plus*. – 2000. – № 1. – С. 85–162.

Никонов А.А., Пахомов М.М., Ранов В.А., Ренгартен Н.В. Природная обстановка времени обитания верхнепалеолитической стоянки Шугноу и вопросы первоначального заселения Памира // Первообытный человек и природная среда. – М.: Наука, 1984. – С. 190–197.

Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 52 с.

Ранов В.А. Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу (раскопки 1969–1970 гг.) // Археологические работы в Таджикистане. – М.: Наука, 1973. – Вып. 10. – С. 42–61.

Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 году // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 18. – С. 11–58.

Ранов В.А., Никонов А.А., Пахомов М.М. Люди каменного века на подступах к Памиру (палеолитическая стоянка Шугноу и ее место среди окружающих памятников) // *Acta Archaeologica Garpatica*. – 1976. – Т. XVI. – С. 5–18.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 252 с.

Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1973. – 161 с.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 20–34.

Таймагамбетов Ж.К. Палеолитическая стоянка им. Ч.Ч. Валиханова. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. – 124 с.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. – Алматы: Казак университеті, 2009. – 256 с.

Филимонова Т.Г. Стоянка каменного века Харкуш // Природа и древности Ширкента. – Душанбе: Дониш, 1991. – С. 40–60.

Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и мезолит Афгано-Таджикской депрессии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007. – 28 с.

Davis R.S. Kara Kamar in Northern Afghanistan: aurignacian, aurignacoid, or just plain upper Paleolithic? // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 211–217.

Leroi-Gourhan A. Dictionnaire de la prehistoire. – P.: Quadrige/PUF, 1997. – 1277 p.

Olszewski D. The Zarzian Occupation at Warwasi Rockshelter, Iran by Deborah // The Paleolithic prehistory of the Zagros-Taurus. – Pennsylvania: The University Museum University of Pennsylvania, 1993. – P. 207–336.

Olszewski D. The Early Upper Paleolithic in the Zagros Mountains // Dorothy Garrod and the progress of the Paleolithic studies in the prehistoric archaeology of the Near East and Europe. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 167–180.

Olszewski D., Dibble H. The Zagros Aurignacian // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35. – P. 68–75.

Otte M., Biglari F., Flas D., Shidrang S., Zwyns N., Mashkour M., Naderi R., Mohaseb A., Hashemi N., Darvish J., Radu V. The Aurignacian in the Zagros region: new research at Yafteh Cave, Lorestan // *Antiquity*. – 2007. – Vol. 81. – P. 82–96.

Otte M., Shidrang S., Zwyns N., Flas D. New radiocarbon dates for the Zagros Aurignacian from Yafteh cave, Iran // *J. of Human Evolution*. – 2011. – Vol. 61. – P. 340–346.

Wahida G. The Zarzian Industry of the Zagros Mountains // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic. Studies in the Prehistoric Archaeology of the Near East and Europe. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 181–208.

*Материал поступил в редколлегию 07.11.11 г.,
в окончательном варианте – 21.11.11 г.*

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.59

В.И. Молодин¹, Л.А. Конева², М.А. Чемякина¹,
Д.В. Степаненко³, О.А. Позднякова¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

E-mail: dimolka@gmail.com

²Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

E-mail: zoology@rambler.ru

³Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: stepanenko8@rambler.ru

ИХТИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТНИКА ПРЕОБРАЖЕНКА-6*

В статье проанализированы ихтиологические находки из ям, сопровождавших захоронения одиновской культуры на памятнике Преображенка-6 (Барабинская лесостепь). Охарактеризованы методические аспекты работы с ихтиологическими материалами из археологических комплексов. Произведена диагностика видового и возрастного состава рыб, определены время вылова и численность особей. Анализ находок, залежавших в ямах вместе с остатками рыб, а также оценка особенностей пространственного размещения этих ям позволили сделать выводы о специфике использования рыбы в ритуальной практике носителей одиновской культуры.

Ключевые слова: эпоха бронзы, одиновская культура, ихтиологические материалы, ритуальная практика.

Введение

Археологический комплекс Преображенка-6 находится на краю надпойменной террасы правого берега р. Оми в 5 км к западу от с. Старая Преображенка в Чановском р-не Новосибирской обл. (рис. 1). Памятник, территория которого подвергалась интенсивной распашке, открыт В.И. Молодиным в 1973 г. [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 123]. В дальнейшем с учетом характера сборов с поверхности пашни было сделано предположение о наличии здесь не только поселенческих, но и разновременных погребальных комплексов [Молодин и др., 2004]. В 2004–2010 гг. на памятнике проводились археолого-геофизические

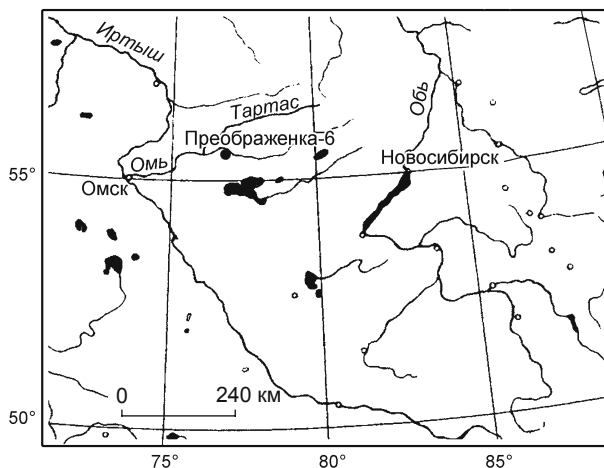

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Преображенка-6.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 11-066-12002 ОФИ-М-2011.

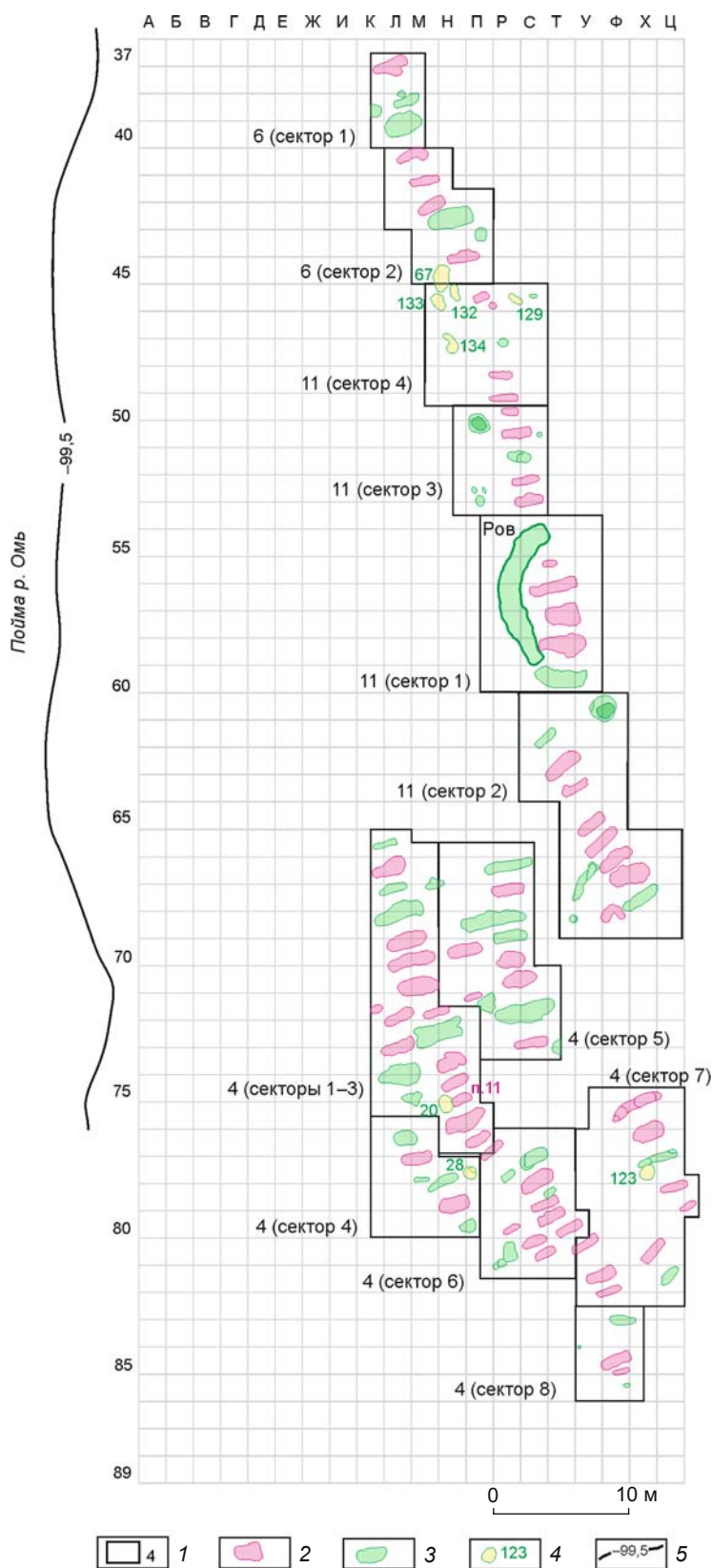

Рис. 2. План одиновского комплекса памятника Преображенка-6.
1 – границы раскопов с указанием номера; 2 – погребения; 3 – яма; 4 – яма с
костными остатками рыб; 5 – край террасы.

исследования. На основе данных магнито-метрической съемки (за эти годы ею охвачена территория площадью 33 720 м²) была составлена подробная геомагнитная карта памятника, что позволило на качественно новом уровне спланировать стратегию его археологического изучения. За короткий период на Преображенке-6 выявлены и исследованы комплексы усть-тартасской, одиновской и андроновской культур эпохи бронзы, саргатской культуры раннего железного века, а также тюркского времени и позднего средневековья [Дядьков и др., 2005; Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007; Молодин и др., 2008, 2010].

Наиболее репрезентативной частью памятника является погребально-поминальный комплекс одиновской культуры. Еще до начала раскопок с учетом материалов геофизических исследований он был диагностирован как грунтовый могильник, определены границы его распространения и особенности планиграфии [Дядьков и др., 2005, рис. 2]. В 2005–2010 гг. раскопами № 4, 6, 11 вскрыто 1 055 м² площади этого комплекса, изучены 63 погребения и 55 ям, вытянутых цепочками по линии ССЗ – ЮЮВ (рис. 2). Результатами археологических раскопок полностью подтвердились данные магнитометрии. Исследование некрополя стало определенной вехой на пути формирования современных представлений об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи. Расширение информационной базы позволило соотносить этот могильник с комплексами одиновского этапа эпохи ранней бронзы, который ранее был представлен только материалами поселений. На основе изучения совокупного массива источников В.И. Молодиным был поставлен вопрос о выделении особой одиновской культуры, бытование которой определяется III тыс. до н.э. Некрополь памятника Преображенка-6 диагностирован эталонным, обладающим всеми характерными чертами одиновских погребальных комплексов [Молодин, 2008, 2010].

Особенностью одиновского могильника Преображенка-6 является сосредоточение сопроводительного материала преимущественно в ямах, расположенных в одном ряду с погребениями либо в непосредственной близости от них вне ряда. В инвентаре преобладает керамика,

в т.ч. целые сосуды, имеются также предметы из камня и отходы их производства, кости животных и птиц. Особый интерес представляет немногочисленная группа ям с остатками ихтиофауны, анализу которых и посвящена представленная работа. Результаты, изложенные в ней, – итог многолетних исследований; они дают возможность не только оценить разнообразие природных ресурсов и особенности рыбного промысла в эпоху бронзы, но и определить особенности ритуальной практики носителей одиновской культуры.

Методические аспекты обработки ихтиологических материалов из археологических комплексов

Одна из первых попыток анализа костных остатков рыб нашла отражение в статье А.Н. Гундризера. По находкам с поселения Еловка им выделено семь видов рыб и дана их характеристика [1966]. Позже Е.А. Цепкин и В.А. Могильников, основываясь на результатах остеологических исследований, реконструировали особенности рыболовства у населения лесного Прииртышья в эпоху железа [1968]. В 1988 г. была опубликована монография С.И. Эверстова «Рыболовство в Сибири. Каменный век», в которой предложена типология рыболовных орудий и основных атрибутов сетей, реконструированы приемы рыбной ловли [1988]. Отдельная глава книги посвящена характеристике рыбного промысла у неолитического населения Сибири, в т.ч. территории Приобья. Рыболовство у носителей самусьской культуры эпохи развитой бронзы рассмотрено В.И. Молодиным и И.Г. Глушковым в монографии «Самусьская культура в Верхнем Приобье» [1989]. Исследователи определили его как сетевое, в основном летнее, отметили основные циклы рыбной ловли. Е.А. Сидоров, основываясь на материалах различных памятников, подробно проанализировал такие орудия рыбной ловли, как гарпуны, каменные грузила, крючки и пр. и охарактеризовал рыболовство у населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. [1989, с. 32–41]. В последние годы появилось несколько статей, посвященных рыболовству у населения эпохи поздней бронзы и времени перехода от эпохи поздней бронзы к эпохе железа Новосибирского Приобья. Так, по материалам поселения Берёзовый Остров I выделен сетевой способ лова с использованием крупноячеистой сети, а также определен видовой состав ихтиологических остатков [Конева и др., 2006].

Анализируя историю исследования остатков ихтиофауны из археологических памятников Западной Сибири, можно сделать вывод, что эта проблема не получила должного освещения. Характеристика рыболовства строилась чаще всего на результатах

изучения орудий рыбного промысла и гораздо реже – ихтиологических материалов. Это связано отчасти с тем, что ихтиологические остатки сохраняются в археологических комплексах нечасто. Но, пожалуй, главные причины такого положения дел – малочисленность специалистов, которые желали бы работать с палеоихтиофауной, а также крайне низкий уровень междисциплинарного взаимодействия.

Чтобы составить представление о возможном разнообразии видов рыб в ископаемых материалах, необходимо прежде всего знать ихтиофауну водоемов региона исследования. Каждый вид рыб имеет свои морфологические особенности. Однако обычные определители для установления вида рыб [Веселов, 1977; Рыбы СССР..., 1969], основанные на внешних признаках, для такого анализа не годятся, т.к. археологические материалы, как правило, представлены только костными фрагментами скелета и чешуей.

Точность определения вида рыб зависит от количества и сохранности фрагментов скелета, отличающих один вид от другого. Череп костных рыб устроен по единой схеме, но размеры, форма, конфигурация составляющих его костей видово-специфичны. Коллекция черепов основных промысловых рыб Сибири, подготовленных одним из авторов статьи, дает возможность любой остеологический материал, найденный при раскопках, идентифицировать до вида путем сравнительного анализа. Приведем характеристику основных видов рыб, выявленных в ходе исследования.

Язь (Leuciscus idus) распространен в Средней Европе и Сибири. Обитает в больших равнинных реках и озерах. Особенно многочислен в реках с пойменными озерами. Зимует в русле рек, глубоких протоках. В озерах язь собирается весной в крупные стаи и выходит к устьям рек, где и нерестится на камни или растительность, после нереста вновь возвращается на озерные плесы. В Новосибирской обл. язь обитает в таких крупных озерах, как Чаны, Сартлан, Убинское. Язь – ценная промысловая рыба, имеющая хорошие вкусовые качества. В Сибири вылавливается основная масса язя, добываемая в России.

Карась золотой, или обыкновенный (Carassius carassius) распространен в Средней и Восточной Европе, а также в Сибири до р. Лены. Живет в заболоченных, заросших водоемах, в пойменных озерах. В реках карась редок, держится на участках с медленным течением. Данный вид отличается особенной привязанностью к водам с илистыми грунтами. На зиму карась закапывается в ил и выживает даже тогда, когда в холодные бесснежные зимы мелкие стоячие водоемы промерзают до самого дна. Такую же стойкость он проявляет и при летних засухах, когда озера и болота, в которых он живет, полностью пересыхают. Карась способен закопаться в ил на глуби-

ну до 70 см. Вероятно, этой его особенностью можно объяснить случаи загадочного появления карася в пересохших озерах Северного Казахстана после заполнения их водой.

Карась серебряный (*Carassius auratus*) отличается от золотого большим количеством жаберных тычинок, серебристой окраской боков и брюшка, черным цветом брюшины. Он более привязан к большим озерам, встречается в крупных реках. Благодаря необыкновенной выносливости к неблагоприятным факторам, карась часто является единственным представителем ихтиофауны водоемов. Нерест у карася порционный. Плодовитость большая – до 300 тыс. икринок. Растет карась в различных водоемах по-разному, может достигать длины 45 см и веса более 3 кг [Жизнь животных, 1971, с. 323–324].

Щука обыкновенная (*Esox lucius*) – среди пресноводных рыб имеет один из самых обширных ареалов, в который входит территория Западной Сибири. Населяет водоемы с разным гидрологическим режимом, но предпочитает озера, озероподобные расширения и заливы рек. Держится среди зарослей водной растительности. Данный вид переходит на хищное питание в первый год жизни и может достигать длины более 1,5 м, веса 35 кг и более. Щука мечет икру сразу после таяния льда, при температуре 3–6 °С. Во время нереста выходит на мелководье [Там же, с. 201–203].

Окунь (*Perca fluviatilis*) обитает в водоемах на большей части Европы, восточная граница его ареала доходит до р. Лены. Эта рыба является повсеместным обитателем рек и озер Западной Сибири. Средняя длина тела окуня колеблется от 15 до 25 см, вес взрослой особи до 1 кг. Чем крупнее окунь, тем меньше рыб держится в одной стае. Крупный окунь обитает в одиночку и по повадкам напоминает щуку. В течение первого года жизни он питается преимущественно планктоном и личинками насекомых, затем – рыбой. Нерест окуня начинается при первом таянии льда, когда температура воды достигает 7–8 °С, но не выше 15 °С. Окунь обычно нерестится в тенистых участках водоема. Весной его ловят главным образом вблизи мест нереста [Там же, с. 438–439].

Перечисленные виды рыб являются самыми многочисленными представителями исконной ихтиофауны в различных водоемах Западной Сибири. Они достигают значительных размеров, обладают высокими вкусовыми качествами и наиболее часто употребляются в пищу. Добыча этих видов возможна практически круглый год, чем, вероятно, и объясняется их обычное присутствие в ритуальной практике древнего населения.

Определение рыб было проведено по набору признаков, характерному для каждого вида: костям черепа, чешуе, позвонкам, костным фрагментам плав-

ников и пр. Все части скелета – череп, позвоночный столб, пояс конечностей и плавники – имеют разный уровень деформации, зависящий от условий и длительности захоронения. Есть в этом и видовая специфика. Например, у окуня хуже всех сохраняются кости черепа, т.к. они очень тонкие и ломкие. Позвоночный столб у всех рыб обычно рассыпается на позвонки, кости основания черепа часто дробятся на мелкие фракции. Кости челюстей (особенно у щуки), жаберных крышек, а также вторичного плечевого пояса (кости клейструма) менее всего подвержены разрушению. Уровень сохранности чешуи тоже бывает разный, но ее видовую принадлежность обычно можно определить довольно четко. У карася и зяя чешуя циклоидная (рис. 3, 1), округлая либо в форме несколько вытянутого овала (рис. 4). Склериты (отложения солей кальция), образующие годичные кольца, закладываются на ней концентрическими кругами. У карася свободный край чешуи темнее, чем внутренний, погруженный в кожу, тогда как у зяя чешуя однотонная. Чешуя окуня и щуки ктеноидная (см. рис. 3, 2). Передний край ее у окуня покрыт мелкими зубчиками, склериты не образуют концентрических кругов. Для щуки характерна другая форма чешуи (рис. 5).

Приступая к работе с ископаемым материалом, необходимо прежде всего выбрать все костные элементы из массы чешуйного покрова. Сначала следует подсчитать парные компоненты, например, жаберные крышки, которые сохраняются лучше всего. Это дает возможность с большей точностью подсчитать количество особей в яме. По костям и характеру чешуи определяют видовой состав рыб в данном материале, затем – возрастные особенности.

Золотой и серебряный караси – очень близкие виды. Они различаются лишь по чешуе: у золотого карася она гладкая, у серебряного – шероховатая; скелеты практически неотличимы. Однако в археологическом материале эту разницу зачастую трудно уловить, т.к. к чешуйкам приклеиваются окаменевшие частицы почвы и установить гладкая она или шероховатая невозможно. Карась серебряный встречается гораздо реже, поэтому при определении вида чаще всего указывают «карась золотой». При любой сохранности черепа карась лучше всего определяется по костям жаберной крышки и плоточным зубам. Жаберная крышка у всех костистых рыб состоит из четырех костей: крышечной (самая большая), предкрышечной, подкрышечной и межкрышечной. У карасей крышечные кости имеют характерную форму и продольно бороздчатую поверхность (рис. 6). Крышечные кости сохраняются лучше всего благодаря большой толщине и бороздчатой структуре. Важным диагностическим признаком всех карповых являются глоточные зубы. Они располагаются на особых костях в глотке и име-

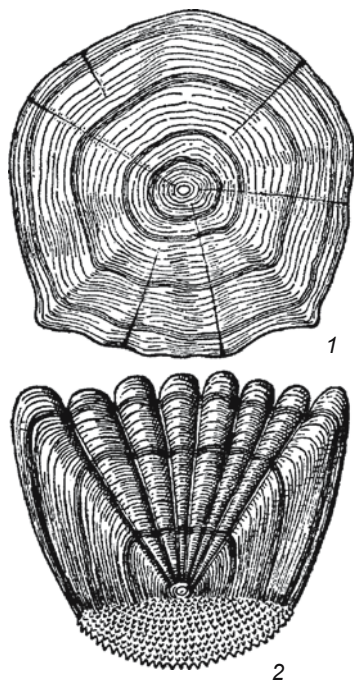

Рис. 3. Типы чешуи.
1 – циклоидная; 2 – ктеноидная.

Рис. 4. Микроснимки чешуи карася (1) и язя (2).

Рис. 5. Микроснимок фрагмента чешуи щуки, возраст 16 лет.

Рис. 6. Жаберные крышки карася – крышечные кости.

Рис. 7. Глоточные зубы карася.

Рис. 8. Жаберные крышки язя – крышечные кости.

Рис. 9. Глоточные зубы язя.

ют свои видовые особенности. У карасей на парных глоточных костях имеется по четыре зуба весьма характерной формы (рис. 7). Иногда установить наличие карася удастся также по первому колющему лучу спинного и анального плавников. Они зазубрены и имеют вид небольшой пилочки.

Если сохраняются фрагменты черепа язя, то идентификация его проводится по жаберным крышкам и глоточным зубам. В отличие от карася у язя крышечная кость гладкая, почти четырехугольной формы (рис. 8). Глоточные зубы двухрядные (в верхнем ряду три зуба, в нижнем – пять), с характерным крючком на концах (рис. 9).

Чешуя окуня мелкая, в археологических объектах сильно деформированная; весьма характерным явля-

ется разделение ее по зубцам в виде треугольных сегментов. Из костей черепа лучше всего сохраняется парасфеноид, находящийся на дне черепа и имеющий весьма характерный вид (рис. 10). Жаберные крышки своеобразные – крышечная кость треугольной формы с особым шипом в верхней части (рис. 11); по ней безошибочно определяется этот вид. Кроме того, иногда сохраняются колющие лучи первого спинного плавника (всего их два), лучи в пробах приобретают вид жестких «палочек», слегка сужающихся к свободному концу.

Если сохраняются челюсти щуки, то ошибиться в определении этого вида невозможно. Особенно характерна нижняя челюсть с сильно вытянутыми зубными костями и длинными клыкообразными зубами (рис. 12). Лобные и теменные кости тоже удлинненные. Чешуя часто делится на две части по выступающим лопастям, но всегда чистая, без окаменелостей, с хорошо заметными годовыми кольцами.

Рис. 10. Парасфеноид черепа окуня.

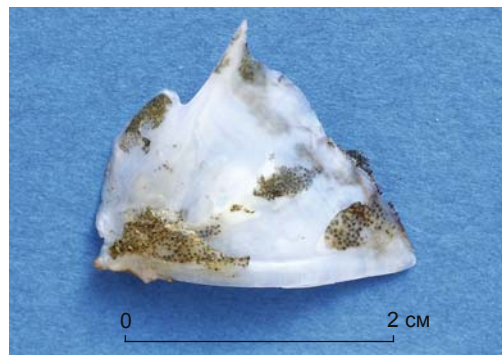

Рис. 11. Жаберная крышка окуня – крышечная кость.

Рис. 12. Нижняя челюсть щуки.

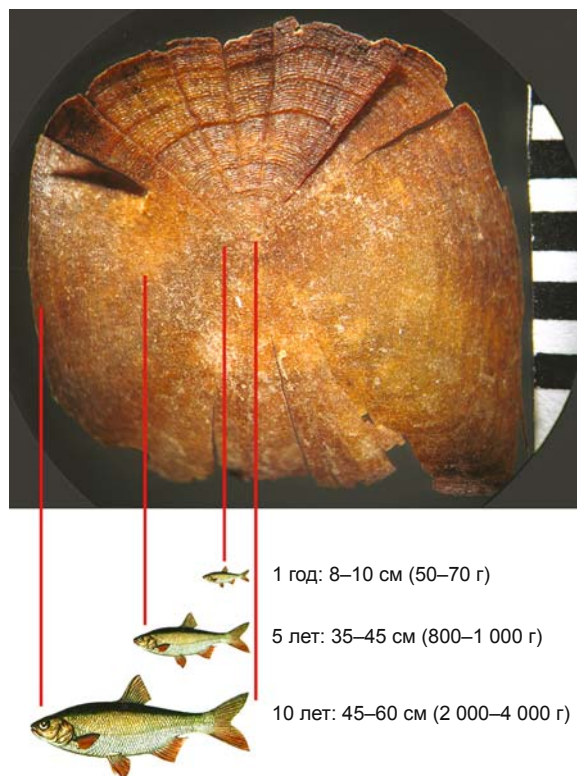

Рис. 13. Динамика роста язя.

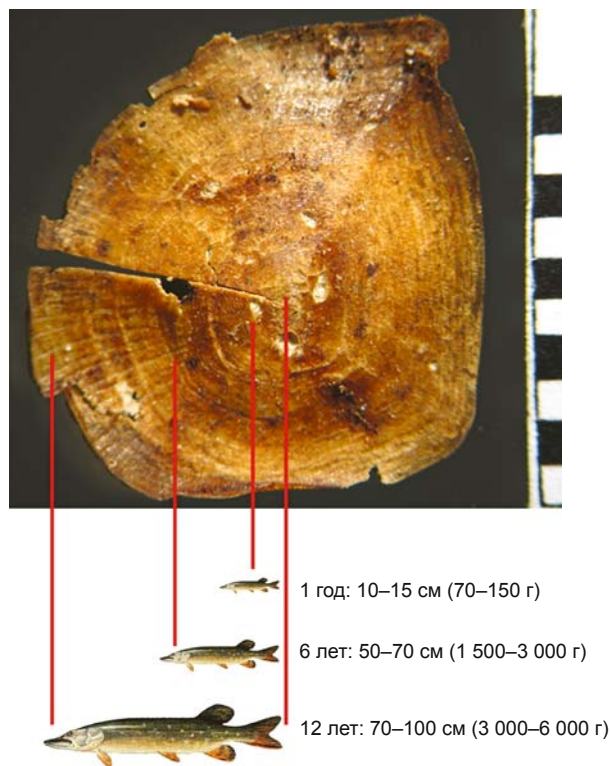

Рис. 14. Динамика роста щуки.

Особенно сложным в работе с остеологическим материалом из археологических объектов является установление возраста рыб. Методика его определения общепринята и осуществляется путем подсчета годичных колец на чешуе [Правдин, 1966; Никольский, 1971]. Уже у сеголетков начинают откладываться в виде концентрических колец соли кальция – склериты. Скорость закладки склеритов постоянна, темп роста чешуи разный. Летом при интенсивном росте рыбы и чешуи расстояния между склеритами больше, зимой меньше. Поскольку рост рыбы зимой уменьшается либо прекращается совсем, то склериты ложатся почти друг на друга. Поэтому летние склериты кажутся светлыми, зимние – темными. Эти образования называют годичными кольцами (рис. 13, 14).

Подсчет годичных колец у современной рыбы не вызывает трудностей. Однако если чешуя пролежит в земле не одну тысячу лет, она либо разрушается, либо покрывается частицами окаменевшей почвы. Годичные кольца рыбы лучше изучать на сухой чешуйке при постоянном движении винта, регулирующего увеличение или уменьшение объекта. В этом случае граница годичных колец начинает проявляться лучше. Для подсчета нами использовалась бинокулярная лупа с увеличением 12,5 крат. Чтобы определить возраст одной особи, порой приходится просматривать

десятки и даже сотни чешуй. Материал, как правило, содержит остатки нескольких рыб разных видов, поэтому измерение возраста, безусловно, требует кропотливого труда и большой затраты времени.

Результаты анализа ихтиологических материалов из ям одиновской культуры памятника

В материалах из ям одиновской культуры выделены четыре вида рыб: язь, карась (золотой и серебряный), щука и окунь (см. таблицу). Три из восьми ям, содержащих ихтиологические остатки были исследованы в раскопе № 4 (см. рис. 2). Яма № 20 находилась рядом с детским погребением одиновской культуры (рис. 15). Ребенок был уложен на спину, вытянуто, головой на ВСВ. В могильной яме обнаружены каменные скребок (рис. 16, 3) и фрагмент ножевидной пластины, миниатюрное бронзовое шило и фрагмент венчика сосуда. Согласно стратиграфическим наблюдениям, это захоронение частично перерезает яму, которая, по-видимому, была сооружена раньше.

Ихтиологический материал из ямы № 20 представлен большим количеством чешуи и ребер, а также жаберными крышками разной степени сохранности, лучами плавников, элементами плечевого

**Ихтиологические и другие находки из ритуальных ям одиновской культуры
на памятнике Преображенка-6**

№ рас-копа, ямы	Карась		Язь		Щука		Окунь		Другие находки
	Кол-во особей	Возраст, лет	Кол-во особей	Возраст, лет	Кол-во особей	Возраст, лет	Кол-во особей	Возраст, лет	
4, 20	—	—	15	7, 9, 11, 13, 14	—	—	—	—	Мелкие обожженные кости животных, вкладышевый нож, скребок, отщеп, кость животного
4, 123	—	—	3–4	9, 11, 12	8	10, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 22	10	6, 8, 9, 10, 12	Каменное вкладышевое орудие и фрагмент керамики без орнамента
6, 67	—	—	—	—	—	—	2	6–7, 8–9	Несколько фрагментов одного сосуда
11, 129	1	7–8	—	—	—	—	—	—	Фрагмент керамики
11, 133	20–23	6, 7, 8, 9	—	—	—	—	—	—	Семь фрагментов керамики, лопатка лошади, фрагменты черепа и позвонки собаки
11, 134	30	6, 7, 8, 9, 10	—	—	—	—	—	—	Костяное орудие, фрагменты обработанной кости, пять фрагментов керамики, копыто лошади

пояса, позвонками и фрагментами глоточных зубов. Диагностика видового состава рыб произведена по целому комплексу признаков: чешуя циклоидная, неплохо сохранившаяся, типичная для язя; жаберные крышки гладкие, также обычной для язя формы; глоточные зубы однорядные, с характерными для язя крючочками на конце. Возраст рыб 7, 9, 11, 13 и 14 лет. С учетом возраста рыб масса их тела могла варьироваться от 600–700 до 2 000–2 500 г. В яме обнаружено 26 жаберных крышек, из чего следует, что в ней находилось не менее 15 особей язя. При этом обнаружено всего семь фрагментов глоточных зубов. Возможно, перед использованием в ритуальных целях рыбу чистили и вместе с жабрами удаляли глоточные зубы. В заполнении ямы № 20 обнаружены также мелкие обожженные кости животных, роговой вкладышевый нож с каменной ножевидной пластиной (рис. 16, 1), кость животного, а также скребок и отщеп из камня (см. рис. 15).

Яма № 123 примыкала к ритуальной яме, расположенной в одном ряду с погребениями одиновской культуры (см. рис. 2). Здесь найдены глоточные зубы и чешуя трех-четырех особей язя массой примерно от 800 до 1 500 г. Возраст рыб 9, 11 и 12 лет. В заполнении объекта обнаружены чешуя и кости примерно десяти особей окуня 6, 8, 9, 10 и 12 лет. Поскольку чешуя крупная, то масса тела могла достигать 600–800 г. В данной яме зафиксирована чешуя щук. Учитывая количество и размеры можно заключить, что было около восьми особей рыб возрастом 10, 12, 14, 15, 16, 19, 20 и 22 лет. На чешуе всех видов рыб последнее годовичное кольцо завершено, что свидетельствует о вы-

лове в конце зимы – начале весны. Поскольку щуки старшевозрастные, они имели большую массу тела. В яме найдены также каменное вкладышевое орудие и фрагмент керамики без орнамента.

Яма № 28 находилась между двумя рядами погребений и ям одиновской культуры (см. рис. 2). Вместе с остатками рыб здесь обнаружены каменное орудие на отщепе с двумя рабочими отретушированными гранями, четыре фрагмента керамики без орнамента, а также фрагменты костей лошади, лося, медведя и собаки. К сожалению, ихтиологический материал из этой ямы оказался непригоден для анализа.

Комплекс из пяти ям, содержащих ихтиологические остатки, зафиксирован в раскопах № 6, 11. Четыре ямы (№ 67, 132–134) компактной группой располагались к западу, а одна (№ 129) – к востоку от выявленного в этих раскопах ряда одиновских погребений и ям (см. рис. 2).

Материал из ямы № 67 очень метаморфизирован, состоит из мельчайших фрагментов костей черепа и сегментов чешуи. По нескольким чешуйкам хорошей сохранности был определен вид рыбы – окунь в возрасте 6–7 и 8–9 лет, что может соответствовать массе тела 250–500 г. Крышечные кости черепа сильно разрушены, но у них сохранился острый треугольный наружный край. Из рыб, обитающих на юге Западной Сибири, только окунь имеет такую форму крышечных костей. В яме обнаружено также несколько фрагментов сосуда.

В яме № 129 после зачистки уровня дна выявлено округлое углубление размерами 0,38×0,43×0,14 м, в заполнении которого найдены фрагмент керамики и

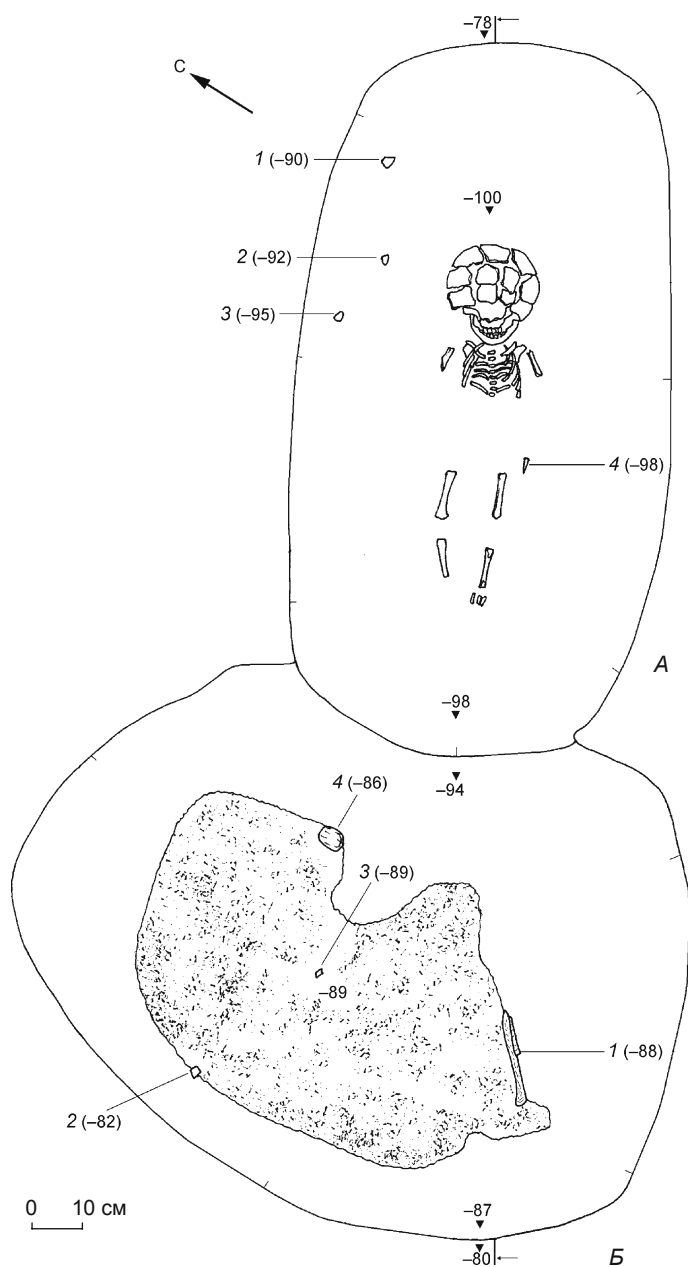

Рис. 15. План погр. № 11 (А) и ямы № 20 (Б).
Погребение № 11: скребок (1) и фрагмент ножевидной пластины (2) из камня, фрагмент керамики (3), бронзовое шило (4).
Яма № 20: роговой вкладышевый нож с каменной ножевидной пластиной (1), скребок (2) и отщеп (3) из камня, кость животного (4).

остатки рыбы. Обнаружены четыре позвонка, фрагменты жаберных крышек, несколько костных лучей плавников, «пилка» первого костного луча анального плавника, несколько чешуек. Все кости принадлежат одной особи карася в возрасте 7–8 лет.

Ихтиологический материал из ямы № 132 оказался непригоден для анализа. Каких-либо других предметов в этой яме не обнаружено.

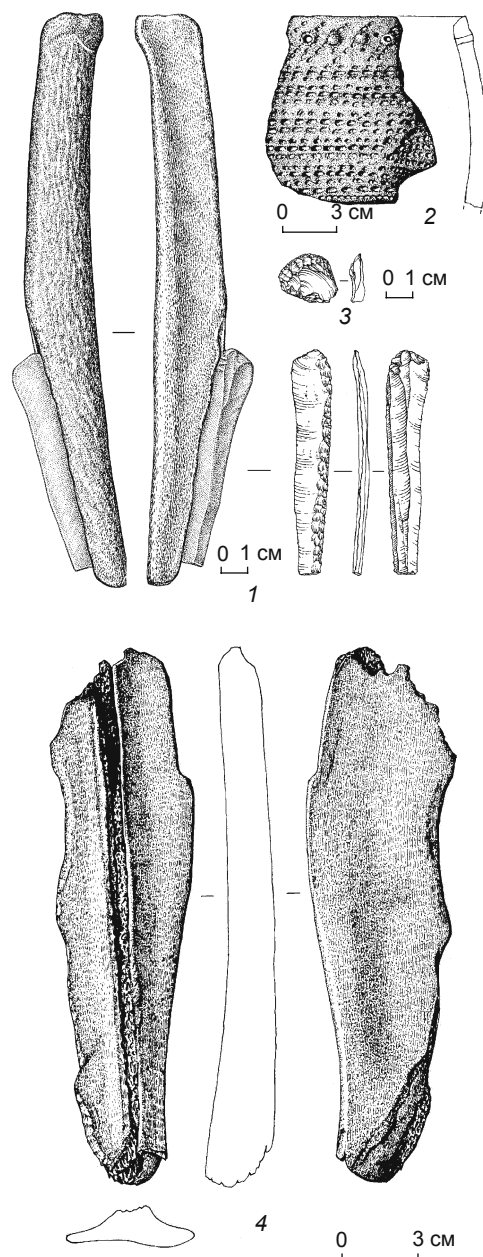

Рис. 16. Предметный комплекс одиновской культуры.

1 – роговой вкладышевый нож с каменной ножевидной пластиной, 2 – фрагмент керамики, 3 – каменный скребок, 4 – костяное орудие. 1 – яма № 20; 3 – погр. № 11; 2, 4 – яма № 134.

В ямах № 133, 134 чешуя и кости рыб залежали слоями, которые были отделены друг от друга стерильными прослойками грунта мощностью 1–10 см. В заполнении ямы № 133 материал слоя 1 (верхнего) представлен чешуей и костями жаберных крышек четырех особей карася. Последнее годовичное кольцо завершено, следовательно, вылов производился поздней осенью или ранней весной. В зимнее время карась

спит, поэтому в уловах встречается редко. Наиболее вероятное время вылова – поздняя осень, поскольку весной, когда карась начинает питаться, растет и новое годовичное кольцо, но этого зафиксировано не было. Ширина кольца позволяет судить о его завершенности. Имеются еще мальковые кольца, расположенные в центре чешуи (они формируются, когда рыба является мальком), но они не соответствуют приросту за один год. Таким образом, ряд признаков позволяет сделать вывод, что слой 1 ямы № 133 содержал остатки двух особей карася 7 и 9 лет и еще двух 8 лет. Слой 2 также состоял из чешуи и костей черепа карася. Хорошо сохранились 32 крышечные кости. Подкрышечные, межкрышечные и заднекрышечные кости представлены фрагментарно. Согласно количеству крышечных костей, карасей было не менее 16, может быть, даже 19 особей. Им соответствует большое количество чешуи. Возраст рыб 6, 7 и 8 лет. Одна особь, возможно, 9 лет.

В яме № 133 обнаружены остатки 20–23 особей карася. Возможная масса тела каждого 300–500 г. Вероятно, рыба была выловлена сетями. Необходимо отметить, что в заполнении данной ямы отсутствовали позвонки, ребра и глоточные зубы. Последние, возможно, были вырваны вместе с жабрами во время чистки рыбы, чтобы она не портилась. Поскольку ихтиологический материал состоял только из чешуи и костей черепа, можно предположить, что в яму № 133 помещали лишь рыбью кожу с головой.

В этой яме найдены также семь фрагментов керамики, лопатка лошади, а также в сочленении фрагменты черепа и двух первых позвонков собаки.

В заполнении ямы № 134 зафиксировано четыре слоя рыбы (рис. 17). Слой 1 включал чешую в виде сегментов, мелкие фракции жаберных крышек (на-

столько мелкие, что подсчитать их количество, даже приблизительно, не представляется возможным) и один позвонок карася. В данном слое представлен карась трех возрастных групп – 6, 7 и 8 лет. Изредка встречается чешуя с девятым кольцом, но, возможно, это дополнительное кольцо, т.к. четкости в его проявлении нет. Последнее годовичное кольцо у всех рыб завершено, следовательно, вылов производился поздней осенью или ранней весной. Материал из слоя 2 также составляют чешуя и мельчайшие фракции костей жаберных крышек карася. Чешуя раздроблена на сегменты, но годовые кольца на ней видны лучше, чем на чешуе из слоя 1. Возраст рыбы 7, 8, 9 и 10 лет. Годичные кольца завершены. В слое 3 обнаружены большое количество чешуи (также сильно разрушенной) и костей жаберных крышек (крышечных и подкрышечных), а также отдельные кости черепа (теменные и лобные) карася. Подсчитать точное количество особей трудно, т.к. целых костей мало. Судя по количеству чешуи и костей, было 10–15 особей карасей 6, 7, 8 и 9 лет. Чаше встречаются особи 7 и 9 лет. Годовое кольцо завершено, вероятно, это осенний улов. Возможная масса тела от 300 до 500 г.

В слоях 2, 3 во фрагментарном виде обнаружено ок. 100 глоточных зубов. У карася золотого и серебряного по четыре зуба с каждой стороны, следовательно, найденные зубы принадлежали 12–15 особям рыб, что в целом соответствует количеству чешуи.

В слое 4 найдено большое количество чешуи золотого и серебряного карася (у золотого чешуя гладкая, у серебряного – шероховатая). В заполнении других ям представлены костные остатки только карася золотого. Здесь же обнаружены части черепа карася – фрагменты костей хондрокраниума, большое количество жаберных крышек (полуразрушенных), несколько позвонков, ребра и неветвистый луч анального плавника с семью-восемью зубчиками («пилка»). По характеру зубчиков, это луч серебряного карася. Возраст рыб составляет 7, 8 и 9 лет. Последнее годовичное кольцо завершено, как и на крышках рыб из всех предыдущих слоев. Девятилетние рыбы встречаются редко, в основном представлена чешуя семи- и восьмилетних. Судя по количеству чешуи и костям черепа, в слое 4 также было не менее 10–15 особей карасей.

Как и в яме № 129, в центральной части ямы № 134 имелось небольшое углубление, в котором находился череп карася. Хорошо сохранились крышечные кости, глоточный зуб и два позвонка. Крышечные кости небольшие, что соответствует не крупному карасю, весом примерно 100–150 г. Поскольку чешуи нет, возраст данной особи определить невозможно.

В заполнении ямы № 134 было зафиксировано не менее 30 особей карася. У всех рыб годовичное кольцо завершено, что соответствует, скорее всего, вылову

Рис. 17. Яма № 134. Вид с Ю-В.

в позднеосеннее время. Представлены пять возрастных групп: 6, 7, 8, 9 и 10 лет. Масса всех обнаруженных рыб, за исключением одной из углубления, в пределах 300–500 г, поэтому можно предположить, что вылов производился сетями. Такому весу рыбы соответствуют сети «сороковка» или «пятидесятка» с ячейкой размерами 4×4 или 5×5 см.

Помимо ихтиологического материала в яме № 134 на уровне верхнего горизонта обнаружены костяное орудие (см. рис. 16, 4), мелкая кость со следами сколов и пять фрагментов керамики. Представленный в коллекции венчик – маркер одиновской культуры (см. рис. 16, 2). В придонной части ямы найдено копыто лошади.

Выводы

Результаты анализа ихтиологических материалов из ям на территории одиновского погребального комплекса памятника Преображенка-6 позволяют сделать вывод о том, что мы имеем дело не с остатками ям-хранилищ для содержания рыбы как продукта питания (способ, используемый многими аборигенами Сибири). Ямы, судя по их расположению на территории некрополя и приуроченности к погребальным комплексам, были связаны с погребальной практикой.

Учитывая наличие «чистой» магнитогаммы памятника, можно утверждать, что основная часть одиновского комплекса нами уже изучена. Не вызывает сомнений, что центром всего могильника, вытянутого по линии ССЗ – ЮЮВ, является площадка, ограниченная с западной стороны дугообразным рвом (см. рис. 2). Именно на этой площадке в одном из захоронений была обнаружена уникальная для этого комплекса находка – бронзовый втульчатый наконечник копья с отверстием для крепления и ушком, выполненный в традициях сейминско-турбинского литья [Молодин и др., 2007, рис. 2]. На территории могильника ямы, содержавшие ихтиологический материал, образовывали две компактные группы. Одна (ямы № 67, 129, 132–134) зафиксирована к северу от центра некрополя, другая (ямы № 20, 28, 123) – в южной периферии одиновского комплекса. Учитывая особенности планиграфического расположения ям с ихтиофауной, можно предположить, что ритуальные действия, связанные с их устройством, носили общий характер, хотя нельзя полностью исключить вероятность их приуроченности к конкретным захоронениям.

«Северные» и «южные» ямы различаются между собой. В северной части одиновского комплекса в ямах № 129, 134 в центре ниже уровня дна имеются небольшие углубления, в каждом из которых – кости

одной особи карася. В ямах № 129, 133, 134 найдены остатки карасей и только в яме № 67 – окуня. В ямах на южной периферии могильника состав рыбы иной: в яме № 20 были остатки язя, № 123 – язя, щуки и окуня. Таким образом, прослеживается связь между видовым составом рыб и расположением ям на планиграфической карте некрополя. По времени вылова рыбы можно предположить, что ямы в северной части комплекса создавались поздней осенью, а в южной – в конце зимы – начале весны. Устройство данных ритуальных объектов происходило в переходные периоды между сезонами.

Результаты анализа ихтиологических материалов позволяют утверждать, что для ритуальных целей отбирались взрослые, достаточно крупные особи. В ямы помещалась потрошенная рыба либо только кожа с головой. О ритуальном назначении этих сооружений свидетельствует, на наш взгляд, обнаруженный в четырех ямах набор предметов, состоявший из орудий, которые, видимо, использовались для чистки рыбы, а также фрагментов керамики и костей лошади, лося, медведя, собаки.

Известно, что образ рыбы в мифологических схемах древнего населения чаще всего является главным классификатором нижнего мира [Топоров, 1980, с. 391]; при этом спектр трактовки данного образа в мировой практике очень широк [Там же]. В данном случае мы наблюдаем, скорее всего, одно из проявлений жертвоприношения, связанного с погребальным обрядом. Если следовать классификации жертвоприношений, разработанной Е.О. Джеймсом, то ритуал помещения рыбы в яму можно отнести к обряду кормления умершего или божества [James, 1933]. Одним из объяснений его смысла могло быть приношение жертвы-дара и «независимо от цели дара получение ответных благ» [Дмитриева, 2000, с. 13]. Ритуалы подобного типа А.С. Токаревым определялись как особый (третий) аспект жертвоприношения – «заупокойно-кладбищенский» [1981, с. 32]. Полученные нами результаты позволяют сделать вывод, что жертвоприношения у одиновского населения имели ярко выраженный сезонный характер. Это может быть связано с приношениями богам природы, покровителям хозяйственных занятий [Жеребина, 2000, с. 29].

Обряд зарывания в землю у сибирских народов был самым популярным и самым древним «способом доставки жертвоприношений в иную сферу мироздания» [Косарев, 2000, с. 42]. Создание таких ям на кладбище, вероятно, обеспечивало «доставку» определенных жертвоприношений (в данном случае рыбы) сородичам, ушедшим в иной мир. Помещение в ямы именно рыбной пищи вполне могло быть связано с сакрализацией определенных пород рыб либо ихтиофауны в целом.

Список литературы

- Веселов Е.А.** Определитель пресноводных рыб фауны СССР. – М.: Просвещение, 1977. – 238 с.
- Гундризер А.Н.** Рыбы из поселения Еловка на Оби // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1966. – С. 119–123.
- Дмитриева Т.Н.** Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 11–22.
- Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А.** Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 304–309.
- Жеребина Т.В.** Система жертвоприношений у шаманов Северной Азии (к проблеме типологии) // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 23–41.
- Жизнь животных:** в 6 т. – М.: Просвещение, 1971. – Т. 4: Рыбы, ч. 1 / под ред. проф. Т.С.асса. – 655 с.
- Конева Л.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С.** Ихтиологические материалы поселения Березовый Остров I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – С. 378–380.
- Косарев М.Ф.** Приобщение к внеземным сферам в сибирском язычестве (по жертвенным ритуалам и погребальным обрядам) // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 42–53.
- Молодин В.И.** Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. – С. 9–13.
- Молодин В.И.** Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–76.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.** Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.
- Молодин В.И., Позднякова О.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Ненахов Д.А., Ковырина Ю.Н., Борzych К.А.** Комплексные исследования памятника Преображенка-6 в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 251–255.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софеев О.В., Михеев О.А., Позднякова О.А.** Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 378–383.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А.** Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 339–344.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Степаненко Д.В.** Новый могильник усть-тартасской культуры в Барабе (результаты археолого-геофизических исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2008 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 213–218.
- Никольский Г.В.** Частная ихтиология. – М.: Высш. шк., 1971. – 278 с.
- Правдин И.Ф.** Руководство по изучению рыб. – М.: Пищ. пром-сть, 1966. – 376 с.
- Рыбы СССР:** справочник-определитель географа и путешественника / В.Д. Лебедев, В.Д. Спановская, К.А. Савванитова, Л.И. Соколов, Е.А. Цепкин. – М.: Мысль, 1969. – 448 с.
- Сидоров Е.А.** Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1989. – С. 16–41.
- Токарев С.А.** Жертвоприношения // Наука и жизнь. – 1981. – № 4. – С. 32–37.
- Топоров В.Н.** Рыба // Мифы народов мира: энцикл. – М.: Сов. энцикл., 1980. – Т. 2. – С. 391–393.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.** Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 180 с.
- Цепкин Е.А., Могильников В.А.** Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа // СА. – 1968. – № 3. – С. 54–61.
- Эверстов С.И.** Рыболовство в Сибири. Каменный век. – Новосибирск: Наука, 1988. – 144 с.
- James E.O.** The Origins of Sacrifice: A Study in Comparative Religion. – L.: Murray, 1933. – 416 p.

*Материал поступил в редколлегия 06.02.12 г.
в окончательном варианте – 16.02.12 г.*

УДК 903.2(470.5)

В.В. Зайков¹, А.М. Юминов¹, В.В. Ткачев²¹Институт минералогии УрО РАН

Ильменский заповедник, Миасс, 456317, Россия

E-mail: zaykov@mineralogy.ru

umin@mineralogy.ru

²Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)

Оренбургского государственного университета

пр. Мира, 15А, Орск, 462403, Россия

E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

МЕДНЫЕ РУДНИКИ, ХРОМИТСОДЕРЖАЩИЕ МЕДНЫЕ РУДЫ И ШЛАКИ ИШКИНИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА (ЮЖНЫЙ УРАЛ)*

Рассмотрено строение рудников, состав медных руд и шлаков из Ишкининского археологического микрорайона в Оренбургской обл. В рудах и шлаках содержатся включения хромитов, унаследованных от вмещающих гипербазитов. В хромитах выделяются три группы по содержанию Cr_2O_3 – 45–50, 50–55 и 55–61 %. Близкие параметры свойственны хромитам из малахитсодержащих руд Ишкининского кобальт-медно-колчеданного месторождения. В медных корольках шлаков присутствуют сульфиды меди, а также фосфиды железа с повышенным содержанием никеля. Полученные данные свидетельствуют об использовании палеометаллургами местных медных руд. Представлен обзор распространения хромитсодержащих руд и шлаков на археологических памятниках Южного Урала и намечены задачи предстоящих работ.

Ключевые слова: медь, медные руды, шлаки, малахит, гетит, хромитпинелиды, сульфиды, гипербазиты, бронзовый век, Урал, Ишкинино.

Введение

Южный Урал в позднем бронзовом веке входил в Евразийскую металлургическую провинцию, объединявшую несколько горно-металлургических центров [Черных, 2007, с. 76]. В провинции выделена

серия дискретно расположенных компактных групп археологических памятников, тяготеющих к древним горным выработкам (рис. 1). К числу наиболее обеспеченных рудными источниками относится Ишкининский археологический микрорайон в долине р. Сухая Губерля в Восточном Оренбуржье (рис. 2), который может расцениваться в качестве эталонного для Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы [Ткачев, 2011а]. На территории микрорайона располагается Ишкининское кобальт-медно-колчеданное месторождение, разрабатывавшееся в древности [Юминов, Зайков, 2002]. Поскольку археологический микрорайон обычно охватывает зону действия устойчивой хозяйственной структуры и отдельной социальной единицы [Синюк, 1990, с. 6], то с учетом производственной специализации населения в данном случае зафиксирован ло-

*Исследования выполнены при поддержке междисциплинарного проекта УрО РАН «Природа и общество Южного Зауралья в эпоху бронзы: междисциплинарный анализ археологических памятников». Авторы признательны Г.И. Зайцевой, П.Ф. Кузнецову за определение возраста археологических памятников, А.С. Алешинской, М.Д. Качановой, Е.А. Спиридоновой за проведение палинологических исследований, В.А. Котлярову, Е.И. Чуринову, П.В. Хворову за аналитические исследования, Е.В. Зайковой, О.Л. Бусловской за техническую помощь при подготовке статьи.

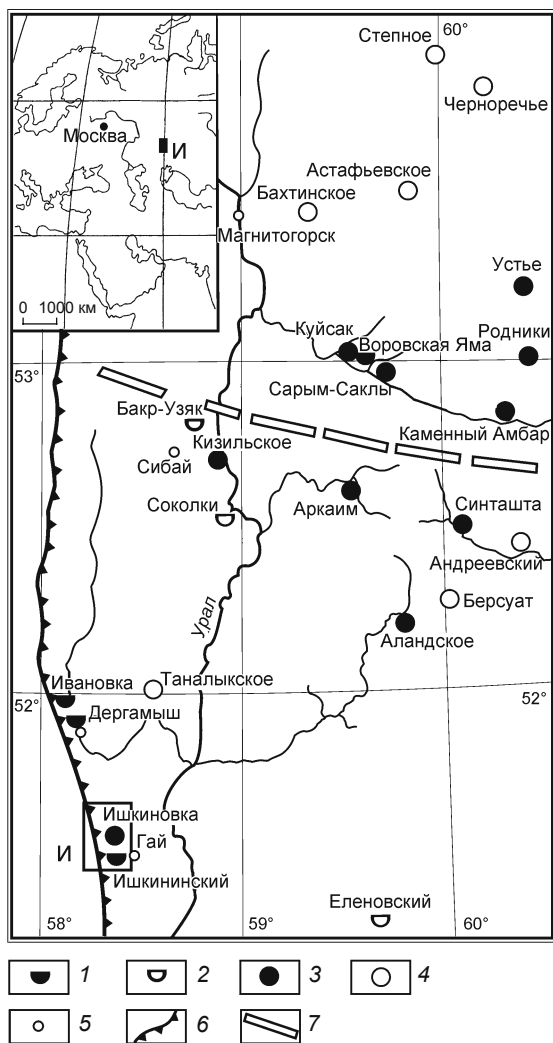

Рис. 1. Схема расположения рудников и поселений бронзового века на Южном Урале (составлена с использованием данных [Зданович, Батанина, 2007]). На врезке показано положение Ишкининского археологического микрорайона (И) в Северо-Восточной Евразии.

1 – древние рудники с хромитсодержащими рудами; 2 – древние рудники, на которых не выявлены хромитсодержащие руды; 3 – поселения бронзового века с хромитсодержащими шлаками; 4 – поселения бронзового века, на которых не выявлены хромитсодержащие шлаки; 5 – современные населенные пункты; 6 – западный шов Главного Уральского разлома; 7 – граница предполагаемого раздела южной и северной групп поселений с различными источниками медного сырья.

кальный центр металлопроизводства, основанный на эксплуатации этого месторождения.

Древние карьеры, выявленные К.Д. Субботиным в 1940–1942 гг. в ходе геолого-разведочных работ, длительное время не были известны археологам. В конце 1950-х гг. этот объект посетил актюбинский геолог Р.А. Сегедин, обнаруживший на отвале древнего рудника массивный каменный молот [Ткачев, Сегедин, Грешнер, 1996, рис. 13]. Разведка месторождения, в

процессе которой была получена информация о древних карьерах, проводилась в 1957–1965 гг. под руководством А.П. Сидоренко и А.Г. Полуэктова. В 1992 г. экспедицией Орского краеведческого музея, возглавляемой С.Н. Заседателевой и О.Ф. Бытковским, на северном фланге рудного поля было открыто поселение бронзового века Ишкиновка. Детальное исследование древних карьеров проводилось в 1998–2001 гг. А.М. Юминовым и В.В. Зайковым [2002]. В течение нескольких полевых сезонов с 1996 по 2004 г. В.В. Ткачевым осуществлялись археологические раскопки могильников севернее рудного поля, в ходе которых были получены материалы ямной, синташтинской и алакульской культур, относящихся к различным периодам бронзового века [Ткачев, 2005, 2011б].

Новый этап в исследовании Ишкининского археологического микрорайона связан с реализацией проекта РФФИ № 08-06-00136а по комплексному изучению Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы. В 2007, 2009–2010 гг. археологической экспедицией Орского гуманитарно-технологического института под руководством В.В. Ткачева при участии А.В. Фомичева и С.М. Умрихина была проведена детальная археологическая разведка. Выявлена группа некрополей, начаты работы по стационарному изучению поселения и горных выработок, сопровождавшиеся палеопочвенными, палинологическими, геоархеологическими исследованиями, отбором образцов для радиоуглеродного датирования.

Минералогический интерес к памятнику вызван наличием в рудах Ишкининского кобальт-медно-колчеданного месторождения хромита FeCr_2O_4 – минерала из группы хромшпинелидов, в составе которого присутствуют в качестве примесей в различных пропорциях Mg, Al, Ti, Mn, Zn, V. Это тугоплавкий минерал, температура плавления высокохромистых разновидностей достигает 2 180 °C [Большая советская энциклопедия, 1978, с. 400]. Хромит – типичный акцессорный минерал гипербазитов, поэтому его присутствие в шлаках является индикатором использования руд, пространственно связанных с этими породами. Гипербазиты состоят из оливина и пироксенов, главные их различия, содержащие хромит, – дуниты и гарцбургиты [Геологический словарь, 1973, с. 120]. Гидротермальными и метаморфическими процессами гипербазиты превращены в тальк-карбонатные породы и серпентиниты.

Целью статьи является комплексная характеристика древнего рудника, хромитсодержащих руд и шлаков, выявленных на территории Ишкининского археологического микрорайона. Это позволит получить описание эталонного объекта, на котором происходила добыча, обогащение и металлургическая переработка медных руд. Ранее подобные сопоставления для древних рудников Южного Урала были косвенными,

т.к. хромитсодержащие шлаки не имели точной привязки к местам добычи руд.

Сведения о строении рудных залежей получены в результате картирования, горно-проходческих работ и опробования горных выработок при участии И.Ю. Мелекесцевой, А.Ю. Дунаева, Р.Р. Шавалеева [Зайков и др., 2009, с. 27–37]. Помощь во вскрытии древних выработок оказана директором Гайского горно-обогатительного комбината Ю.И. Старостиным, предоставившим землеройную технику. С применением экскаватора были пройдены семь траншей, позволивших изучить строение отвалов. Кроме того, отвалы пяти карьеров были вскрыты вручную в полевом сезоне 2009 г. экспедицией В.В. Ткачева.

Исследование состава минералов проводилось в Институте минералогии УрО РАН с использованием оптических микроскопов OLYMPUS, рентгеноспектрального микроанализатора РЭММА 202М (аналитик В.А. Котляров), микрозондового анализатора JEOL-733 (аналитик Е.И. Чуринов). Образцы руд были заключены в препарат на основе эпоксидной смолы и отполированы. При их исследовании определены свойства хромитов и других минералов. Для установления идентичности хромитов из шлаков и медных руд был изучен состав сульфидных и малахитсодержащих руд и вмещающих их пород. Использовались рентгенофлуоресцентный метод (аналитик П.В. Хворов) и химический анализ [Юминов и др., 2009].

Характеристика Ишкининского археологического микрорайона

С поздним бронзовым веком в этом микрорайоне связана группа компактно расположенных синхронных памятников, представленных горными выработками, поселением, сериями местонахождений и могильников (рис. 2). По всей видимости, они относились к единому хозяйственно-культурному центру, основанному на сочетании горно-металлургического производства и отгонного скотоводства [Ткачев, 2011б].

Горные выработки локализованы на левобережье ручья Аулган – левого притока р. Сухая Губерля. На противоположном берегу ручья на ровной площадке располагалось поселение Ишкиновка. На площади поселения были заложены разведочные шурфы и небольшой раскоп, которым вскрыты приуроченные к жилищным впадинам два хозяйственных комплекса с легкими каркасными навесами и колодцы. Культурный слой в этой части поселения достигал 1 м. Помимо массового остеологического материала, в ходе работ получена представительная коллекция керамики, каменных, глиняных, костяных и металлических орудий, металлургические и керамические шлаки. Подавляющее большинство фрагментов глиняной посуды соответствует

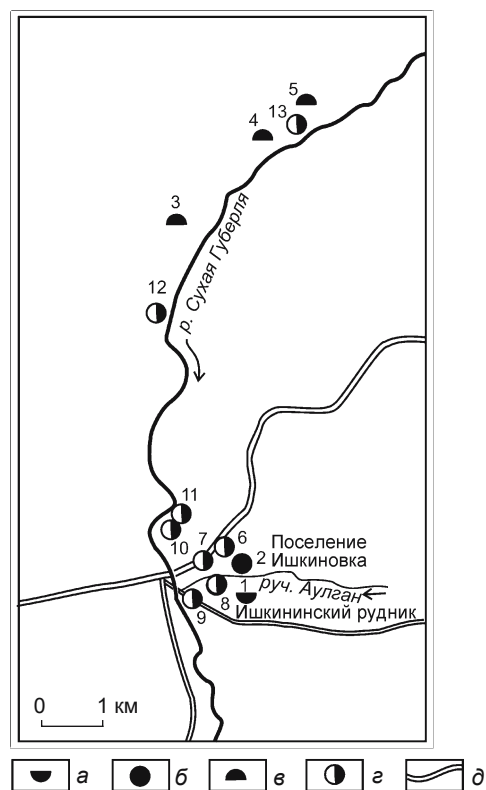

Рис. 2. Схема расположения археологических памятников в Ишкининском археологическом микрорайоне.

а – рудник; б – поселение; в – могильники; г – местонахождения артефактов; д – дороги.

1 – Ишкининский рудник; 2 – Ишкиновка; 3 – Ишкиновка I; 4 – Ишкиновка II; 5 – Ишкиновка III; 6 – Аулган I; 7 – Аулган II; 8 – Аулган III; 9 – Аулган IV; 10 – Сухая Губерля I; 11 – Сухая Губерля II; 12 – Сухая Губерля III; 13 – Сухая Губерля IV.

по технологическим и морфологическим характеристикам, орнаментации и технике ее нанесения керамическому комплексу алакульских могильников Ишкиновка I–III. Однако отдельные фрагменты сосудов с плавным профилем, наlepным валиком по горловине и крестовым орнаментом, обнаруженные в верхних горизонтах культурного слоя, по всей видимости, относятся к эпохе финальной бронзы.

В непосредственной близости от рудника и поселения обнаружена серия местонахождений керамики позднего бронзового века, не образующих культурного слоя. Они могут рассматриваться как пункты периодических посещений, связанных с особенностями отгонных форм скотоводства и торгово-обменными операциями. Одно местонахождение (№ 8) обнаружено на берегу безымянного ручья недалеко от его впадения в Аулган, два местонахождения (№ 7, 6) – на площадках по обе стороны Аулгана в устье безымянного ручья, еще одно (№ 9) – у места впадения Аулгана в р. Сухая Губерля. На левобережье реки в 1 км выше по течению от устья ручья найдены керамика и кости домашних животных (местонахождения № 10, 11).

Другая компактная группа археологических объектов позднего бронзового века сосредоточена на правобережье р. Сухая Губерля севернее описанных памятников. В устье ее правого притока, ручья Жериклинский, на краю пологой водораздельной возвышенности размещался могильник Ишкиновка I (№ 3). Недалеко от него на мысообразной площадке обнаружено местонахождение керамики эпохи бронзы (№ 12). В 2 км выше по течению Сухой Губерли находится курганный могильник Ишкиновка II (№ 4), еще в 1 км вверх – могильник Ишкиновка III (№ 5). Между ними выявлено местонахождение керамики (№ 13). По характеру артефактов памятники относятся к алакульской культуре [Там же].

Строение месторождения и отвалов древних горных выработок

Месторождение располагается в осевой части Главного Уральского разлома, к которому приурочены гипербазиты. Последние тектоническими деформациями превращены в блоковый меланж – мозаичное

сочленение блоков, испытавших значительные перемещения, в результате чего оказались пространственно соединены разные гипербазиты, хромиты которых имеют различный состав.

Медное оруденение образует две рудоносные зоны: восточную и западную, приуроченные к телам тальк-карбонатных пород, обрамляющим массив гипербазитов (рис. 3). Образование руд происходило путем замещения сульфидным материалом блоков гипербазитов и тальк-карбонатных пород. В кровле восточной зоны оконтурено 33 тела массивных сульфидов мощностью 0,2–5,5 м, сложенных пирротинном, пиритом, халькопиритом с примесью хромита и минералов Co, Ni, As. Ниже развиты прожилково-вкрапленные разности. Вблизи поверхности сульфидные руды сменяются окисленными – малахит-азуритовыми и малахит-гетитовыми, – наиболее проявленными в тальк-карбонатных породах.

На месторождении известно восемь древних карьеров диаметром 20–80 м, глубиной до 20 м, из которых извлекалась окисленная медная руда [Зайков и др., 2009, с. 27–37]. Их положение показано на рис. 3, кроме карьера № 5, расположенного в южной части рудного поля, в 500 м к югу от поселения Ишкиновка.

По форме в плане карьеры подразделяются на «грушевидные» – отчетливо вытянутые – и более изометричные – почти круглые и овальные. Первые (№ 1, 6) – это линейные выработки длиной 40–80 м с преобладающей глубиной 6–7 м, пройденные по крутопадающим рудным телам. Вторые (№ 2–4, 7, 8) диаметром 15–100 м, глубиной 3–10 м разрабатывали пологозалегающие рудные тела. Кроме этого, отмечены две вертикальные выработки (№ 9, 10), в которых добывались сульфидные руды. Обогащение руд, судя по присутствию щебня малахитсодержащих пород, происходило на ровном участке (№ 11) в северной части рудного поля.

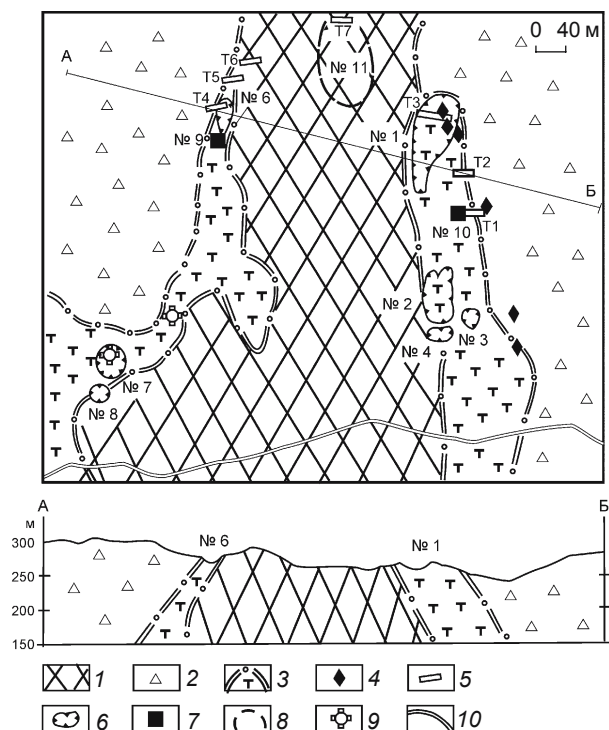

Рис. 3. Схема расположения древних карьеров, рудоносных зон и горных выработок на Ишкининском месторождении [Зайков и др., 2009, с. 34].

1 – гипербазиты; 2 – вулканомиктовые брекчии; 3 – контуры рудоносных зон с сопровождающими тальк-карбонатными породами; 4 – места отбора штучных проб руды; 5 – экскаваторные траншеи, пройденные в 2001 г.; 6 – контуры древних карьеров; 7 – вертикальные древние выработки; 8 – предполагаемая обогатительная площадка; 9 – места нахождения единичных зерен золота; 10 – автомобильная дорога г. Гай – д. Ишкинино.

Рис. 4. Общий вид с севера Ишкининского карьера № 1, вскрытого траншеей, фото 2001 г.

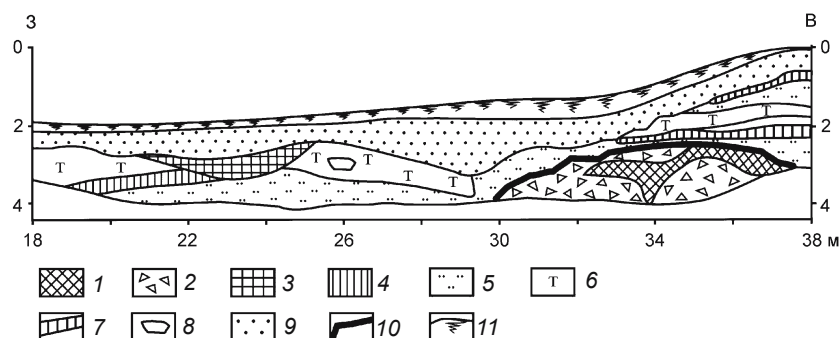

Рис. 5. Схема строения восточной части отвала карьера № 1 Ишкининского месторождения.

1, 2 – нижний горизонт: 1 – рудный склад № 1 с азурит-малахитовыми рудами, 2 – щебень тальк-карбонатных пород; 3–8 – средний горизонт: 3 – рудный склад № 2 с малахит-гетитовыми рудами, 4 – щебень бурых железняков, 5 – щебень тальк-карбонатных пород, 6 – склад талькового сырья, 7 – зольники, 8 – место нахождения наковален; 9 – верхний горизонт: темно-коричневый суглинок с щебнем тальк-карбонатных пород; 10, 11 – почвы: 10 – погребенные, 11 – современный почвенно-растительный слой.

Наиболее крупный карьер № 1 (рис. 4) вытянут в меридиональном направлении согласно с ориентировкой восточной рудной зоны. Его длина 120 м, максимальная ширина ок. 40, глубина более 5 м. На днище зафиксированы три оплывших отвала, которые отсыпались друг на друга по мере отработки карьера в направлении с юга на север. Высота самого большого из них ок. 5 м.

Верхняя часть северного отвала вскрыта на глубину 4 м траншеей № 3. Отвал сложен дресвяно-щебнистым материалом, слои которого залегают кулисообразно (рис. 5). Разрез отвальных отложений включает три горизонта, различающиеся как по минералого-петрографическим особенностям слагающего их материала, так и по величине обломков. Нижний и средний горизонты разделены погребенными почвами, что свидетельствует о длительных перерывах в разработке рудника.

В нижнем горизонте на глубине 2,0–2,5 м обнаружена линза, сложенная кусками медной руды азурит-малахитового состава, их размер до 15 см в поперечнике. Это скопление представляет собой рудный склад (№ 1), т.е. специальное место для складирования наиболее ценного сырья после его добычи и предварительного обогащения. Видимая мощность линзы 0,6 м, протяженность 4 м. Линза перекрыта слоем древней погребенной почвы. В среднем горизонте на глубине 0,75–1,0 м в центральной части траншеи обнаружен еще один рудный склад (№ 2) в виде субгоризонтальной линзы длиной 4,5 и максимальной мощностью 0,75 м. Она снабжена щебнем гетита (бурого железняка) с вкраплениями, пленками и маломощными прожилками малахита. Содержание меди и мышьяка в руде в 2–3 раза ниже, чем в руде из склада № 1. Верхний горизонт состоит из нескольких кулисообразных слоев серовато-коричневых суглинков, содержащих редкую дресву и мелкий щебень серпентинитов.

Самый глубокий карьер (№ 6) находится в западной зоне. Он врезан в северо-восточный склон каменной гряды, вытянут в меридиональном направлении согласно с ориентировкой рудной зоны. Карьер состоит из серии выработок, сопряженных друг с другом и разделенных отвалами. Общая длина ок. 60 м, наибольшая ширина до 25, современная глубина 2–3 м. Отвалы серповидной формы отсыпаны по северному и северо-западному борту карьера. Их современная высота 0,5–2,5 м, ширина подошвы в отдельных случаях достигает 20 м. Отвалы сложены дресвяно-щебнистым материалом, слои которого залегают кулисообразно. На поверхности отвала этого карьера обнаружен рудодробильный камень, использовавшийся в процессе предварительного сушкового обогащения.

Согласно данным А.Д. Полуэктова [Зайков и др., 2009, с. 35], один из глубоких шурфов, пройденных в южной части карьера № 6, на глубине 20 м вскрыл древнюю выработку (№ 9). В этой шахте добывались сульфидные руды, а возможно, и золотосодержащие породы. Признаки золотого оруденения в виде зерен золота отмечены А.М. Юминовым [Юминов, Зайков, 2002] на южном фланге западной рудоносной зоны.

Вертикальная выработка (№ 10), также вскрывающая сульфидные руды, была обнаружена траншеей № 1. В западной части траншеи среди прожилково-вкрапленных сульфидных руд находится выемка глубиной более 4 м и шириной 1–4 м, засыпанная щебнем лимонитизированных пород с вторичными минералами меди.

Положение обогатительной площадки предварительно намечено в понижении между северными флангами западной и восточной зон, на участке размером 60×100 м (№ 11). Здесь встречены многочисленные мелкие обломки малахитсодержащих руд, не связанные с коренными породами. В пределах геологического

шурфа, заложенного в северной части производственной обогатительной площадки, обнаружен каменный молот с желобком для привязывания рукояти.

Возраст выработок

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что описанные древние выработки относятся к бронзовому веку. Об этом свидетельствуют найденные на их отвалах каменные молоты, рудодробильные камни и наковальни, идентичные обнаруженным на десятках других древних рудников в Уральско-Мугоджарском регионе [Ткачев, 2005; 2011а, рис. 4, 6]. Данный вывод подтверждается присутствием в материалах древнего поселения Ишкиновка обломков руды, металлургических шлаков, каменных терочных плит, пестов, молотов, заготовок горно-проходческих костяных клиньев.

Результаты палинологических исследований и радиоуглеродного датирования погребенных почв, законсервированных под отвалами древних карьеров, свидетельствуют о длительном периоде эксплуатации Ишкининского месторождения, в течение которого отмечены изменения растительного покрова и климатических условий. В частности, калиброванные радиоуглеродные даты (вероятность 68,2 %), полученные в ИИМК РАН по погребенным почвам из-под отвалов трех карьеров (№ 6–8), позволили выделить достоверный интервал в пределах 3100–2400 лет до н.э. (58,8 %) (определения Г.И. Зайцевой, П.Ф. Кузнецова), что соответствует раннему бронзовому веку. Однако результаты радиоуглеродного датирования погребенных почв часто демонстрируют тенденцию к удревнению по сравнению с ^{14}C -датами, полученными по другим материалам. Эксплуатация карьеров могла возобновляться носителями алакульской культуры в позднем бронзовом веке. Абсолютный возраст определен по костям животных из культурного слоя поселения Ишкиновка – 1610–1210 лет до н.э. (вероятность 68,2 %). Он близок определениям, полученным для поселения Горного в Каргалинском археологическом микрорайоне, – 1700–1500 лет до н.э. [Черных и др., 2002, с. 125–128]. С этими данными хорошо согласуются результаты палинологических исследований, выполненных в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН А.С. Алешинской, М.Д. Качановой и Е.А. Спиридоновой. В погребенных почвах изученных древних карьеров были выделены два палинологических комплекса, позволяющие отнести почвы к различным стадиям эпохи бронзы и отметить постепенные изменения климата от достаточно влажного в раннем бронзовом веке к более сухому в позднем. Примечательно, что в ходе геоархеологических изысканий также были зафиксированы два этапа формирования отвалов самого крупного карьера № 1 [Zaykov et al., 2005, p. 107].

Состав руд

На месторождении выявлены первичные сульфидные руды и их окисленные разновидности, в которых преобладают карбонаты меди. Главными минералами первичных сульфидных руд являются*: халькопирит – CuFeS_2 , пирротин – Fe_{1-x}S , пирит – FeS_2 , кобальтин – CoAsS , пентландит – $(\text{Fe}, \text{Ni})_9\text{S}_8$, арсенопирит – FeAsS , хромит – FeCr_2O_4 .

Сульфидные руды сложены массивными и прожилково-вкрапленными разновидностями [Зайков и др., 2009, с. 171–217]. Первые относятся к трем минеральным типам: пирит-пирротиновому, халькопирит-пирит-пирротиновому, кобальтин-халькопиритовому. В пирит-пирротиновых рудах установлено содержание Cu 0,5–5,1 %, Co 0,01–0,05, Ni 0,2–0,4, As 0,1–4,7 %; для халькопирит-пирит-пирротиновых характерна высокая концентрация меди – 6,4–10,0 %; в кобальтин-халькопиритовых рудах, в которых присутствует примесь арсенопирита, резко возрастает содержание мышьяка и кобальта – соответственно 8,1–9,3 и 0,1–0,7 %. Прожилково-вкрапленные разновидности имеют пирит-пентландит-пирротиновый и халькопиритовый состав (содержание Cu 0,5–2,0 %, Co 0,01–0,12, Ni 0,2–0,5 %). Во всех разновидностях сульфидных руд зафиксированы октаэдрические кристаллы хромита (Cr – 0,1–0,5 %), что свидетельствует об их образовании по гипербазитовому субстрату. На это указывает и повышенное содержание никеля.

Главными минералами окисленных руд являются: малахит – $\text{Cu}_2(\text{OH})_2[\text{CO}_3]$, азурит – $\text{Cu}_3(\text{OH})_2[\text{CO}_3]_2$, куприт – Cu_2O , гетит – αFeOOH . К реликтовым минералам относится хромит. В окисленных рудах выделяются азурит-малахитовые и малахит-гетитовые разновидности. Первые отличаются повышенным содержанием меди (6–8 %), присутствует также мышьяк (1,1 %). Малахит-гетитовые руды сложены гетитом с жилками и гнездами малахита. Среднее содержание меди в них 2,6 %, мышьяка – 0,6, никеля – 0,2 %. Азурит-малахитовые руды добывались древними горняками на первом этапе эксплуатации месторождения. Добыча велась в юго-восточной части карьера № 1, где располагалась зона окисления первичных сульфидных руд. После перерыва разработок, во время которого сформировался слой почвы мощностью 20–30 см, горные работы возобновились. В этот период преимущественно добывались малахит-гетитовые руды, образованные по вкрапленным сульфидным разновидностям.

Согласно выполненным нами расчетам, на Ишкининском руднике в древности было добыто ок. 30 тыс. т медной руды, из которой могло быть получено ок. 750 т меди.

*Здесь и далее формулы минералов приведены по монографии А.А. Годовикова [1983].

Состав шлаков и хромитов

Проведем сравнение состава хромитов из шлаков окисленных и сульфидных руд, рудовмещающих пород. Для этого по данным химического анализа выделены типы хромитов по основному параметру – содержанию Cr_2O_3 . Границы определены по гистограмме, составленной с шагом 0,5 %. В результате установлено, что хромиты образуют три группы с содержанием Cr_2O_3 47–50 %, 50–55 и 55–61 %. Шлаки из культурного слоя поселения Ишкиновка представлены обломками полураскристаллизованной стекловатой массы бурого цвета с медными корольками. В ней заключены образованные из расплава кристаллы пироксена, оливина, магнетита, а также обломки зерен хромитов, являющихся реликтами использованных руд. Зерна хромита гипидиоморфны или имеют округлую форму, а часть содержит расплавные включения силикатов размером несколько микрон.

Медные корольки имеют размеры от 10 мкм до 4 мм. Мелкие содержат 97 % меди и 2,4 % железа. Более крупные состоят из аналогичной железистой меди, сульфида меди и железа ($\text{Cu} - 64 \%$, $\text{Fe} - 12 \%$, $\text{S} - 23 \%$). Присутствуют также мелкие червеобраз-

ные выделения фосфида железа с примесью никеля ($\text{Fe} - 88 \%$, $\text{P} - 10 \%$, $\text{Ni} - 1,5 \%$). Периферия корольков образована тонкой (5–10 мкм) каймой сульфида меди ($\text{Cu} - 80 \%$, $\text{Fe} - 1,5 \%$, $\text{S} - 18,4 \%$).

В некоторых образцах выявлены включения оплавленных медных руд размером 0,1–2,0 мм. Основу их составляет медьсодержащее стекло двух различных составов: 1) $\text{Cu} - 47\text{--}53 \%$; 2) $\text{Cu} - 2,0 \%$, $\text{Cr} - 0,6 \%$, $\text{V}_2\text{O}_5 - 0,5 \%$. В последней разности присутствуют мельчайшие (несколько микрометров) выделения меди с примесью железа ($\text{Cu} - 99 \%$, $\text{Fe} - 1 \%$).

В шести образцах шлаков выявлены и исследованы 17 зерен хромитов. Зерна имеют размер 0,1–0,6 мм, их форма либо определяется гранями октаэдра, либо округлая и оскольчатая (рис. 6, 1). В шлаках хромиты распределены равномерно. Большинство зерен (№ 1, 2, 4, 8, 9, 11, 14–17) содержат Cr_2O_3 48,6–52,3 %, Al_2O_3 13,8–18,6 %, MgO 8,6–12,7 %, FeO 18,2–24,3 % (табл. 1). Треть зерен относится к типам II и III и имеет, соответственно, содержание Cr_2O_3 53–56 и 59–60 %.

Окисленные руды сложены концентрически-зональными агрегатами малахита (рис. 6, 2). Хромиты в них наблюдаются в виде одиночных кристаллов либо их сростков (рис. 6, 3). Вмещающей средой окис-

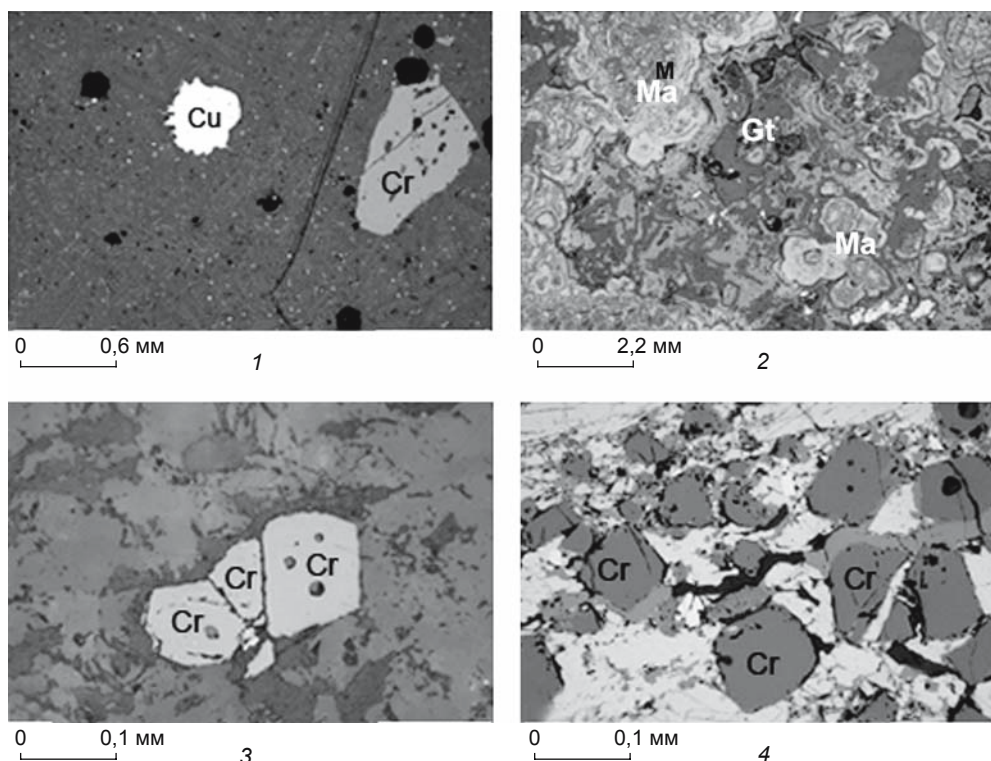

Рис. 6. Фотографии шлаков и руд Ишкининского археологического микрорайона (отраженный свет). 1 – шлак с включениями хромита (Cr) и королька меди (Cu), обр. Ish-1; 2 – малахит (Ma)-гетитовая (Gt) руда почковидной текстуры, обр. ТЗ-А; 3 – сросток кристаллов хромитов (Cr) в гетите; 4 – включения хромита (Cr) в массивной халькопирит-пирротиновой руде.

Таблица 1. Состав хромитов из шлаков Ишкининского археологического микрорайона

Номер образца	Номер зерна	Кол-во анализов	Группа состава	Содержание, %						
				Cr ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	MgO	FeO	MnO	TiO ₂	Сумма
Ish-1	1	4	I	49,39	18,55	12,26	19,69	–	0,09	99,97
	2	3	I	49,27	18,56	11,95	19,95	–	0,12	99,84
	3	1	III	57,13	9,27	8,38	24,97	–	0,18	99,94
	4	1	II	50,71	17,50	12,49	19,17	–	0,18	100,05
	5	5	III	60,42	9,00	10,92	19,50	–	0,08	99,92
	6	3	III	55,95	12,20	10,30	21,44	–	0,07	99,95
Ish-A2-1	7	6	III	60,02	8,32	7,91	22,41	0,04	0,11	98,85
Ish-A2-3-1	8	6	II	52,31	15,01	9,02	22,44	0,02	0,10	98,90
	9	6	I	49,25	19,43	12,70	17,24	–	0,17	98,78
Ish-A2-3-2	10	6	II	53,30	16,50	11,31	18,24	–	0,07	99,43
	11	6	II	52,01	14,43	8,10	24,12	0,07	0,10	98,96
Ish-A2-3-3	12	6	III	59,78	9,46	9,13	20,55	0,09	0,12	99,13
	13	6	II	53,78	15,50	12,09	17,58	–	0,08	99,03
KV-1	14	6	I	48,64	16,98	10,24	22,37	–	0,30	98,52
	15	6	I	49,30	15,48	8,74	24,31	–	0,21	98,04
	16	5	I	49,35	15,37	8,64	25,44	0,05	0,20	99,07
	17	4	I	50,09	13,79	8,56	25,54	0,06	0,20	98,25

Примечания: 1) группы составов, определенные по гистограмме: I – 45–50 %, II – 50–55, III – 55–61 %; 2) анализы образца Ish-1 выполнены на рентгеноспектральном микроанализаторе РЭММА 202М (аналитик В.А. Котляров), остальные – на микронзондовом анализаторе JEOL-733 (аналитик Е.И. Чурин); 3) материал из раскопок В.В. Ткачева.

ленных руд являются карбонатизированные и оталькованные породы. Для сульфидных руд характерно большее разнообразие морфологии хромитов, образующих одиночные кристаллы и скопления, которые пересекаются сульфидами (рис. 6, 4), что однозначно свидетельствует об унаследованности хромитов от гипербазитов и более позднем образовании сульфидных медных руд.

При сравнении хромитов из шлаков, малахитсодержащих руд и вмещающих последние тальк-карбонатных пород (табл. 1, 2) прежде всего обращает на себя внимание большое разнообразие их состава, охватывающего диапазон 44–61 % Cr₂O₃. В шлаках выделяются три группы: 47–50 %, 50–55 и 59–61 %. Это близко к хромитам из окисленных руд и вмещающих тальк-карбонатных пород. Сульфидные руды отличаются от окисленных узким интервалом концентрации Cr₂O₃ (49–52 %) в хромитах [Зайков и др., 2009, с. 244–248]. Причина разнообразия состава исследуемого минерала, видимо, заключается в том, что руды образовались в тектонической зоне Главного Уральского разлома, где в результате перемещений оказались совмещены блоки гипербазитов разного состава. В них содержался различный по составу хромит.

До настоящего времени на включения хромитов в древних шлаках не обращалось особого внимания, их описания известны по двум публикациям [Григорьев, Дунаев, Зайков, 2005; Zaykov et al., 2005, p. 111–113]. Имеется упоминание о присутствии хромитов в медных рудах из Кипра [Zwicker, 1990]. Следует ожидать выявления подобных включений в шлаках рудных районов, где использовалась медная руда типа ишкининской.

На Южном Урале гипербазиты с аксессуарным хромитом распространены в виде отдельных тел и линейных групп массивов практически повсеместно восточнее Главного Уральского разлома. Включения хромитов обнаружены в шлаках с восемью поселений (см. рис. 1). Предварительные минералого-геохимические исследования показали, что хромиты в шлаках южной группы археологических памятников (от Ишкиновки до Аркаима) близки между собой. В шлаках северной группы поселений (Куйсак, Каменный Амбар, Устье) они отличаются повышенной концентрацией цинка (0,2–1,3 % ZnO) и присутствием разностей с содержанием Cr₂O₃ 38–42 %. Соответственно, эти памятники имели иной источник руд, для установления которого необходимо продолжить изучение хромитов из шлаков на всех поселениях,

**Таблица 2. Состав хромитов из окисленных медных руд
и рудовмещающих тальк-карбонатных пород Ишкининского археологического микрорайона**

Номер образца	Номер зерна	Кол-во анали- зов	Группа состава	Содержание, %							
				Cr ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	MgO	ΣFeO	MnO	TiO ₂	V ₂ O ₅	Сумма
Азурит-малахитовые руды											
ТЗ	1	3	I	50,49	15,31	10,63	23,40	0,37	0,27	—	100,46
	2	3	I	47,81	15,31	9,35	27,45	0,42	0,33	—	100,67
	3	3	I	46,49	17,60	9,21	26,17	0,43	0,31	—	100,20
	4	3	I	48,39	15,92	9,83	24,65	0,40	0,29	—	99,48
	5	3	I	50,22	14,27	9,89	23,97	0,41	0,29	—	99,06
Т3а	6	3	II	53,66	14,52	10,95	21,77	—	0,00	—	100,91
	7	4	II	50,95	14,16	8,70	26,18	—	—	—	100,00
	8	6	II	52,81	12,43	8,57	25,50	—	—	—	99,30
Т3-2-1	9	2	II	56,57	11,01	9,84	21,51	0,49	0,14	—	99,56
Т3-2-2	10	9	I	50,92	13,29	8,66	25,97	0,33	0,30	—	99,47
Т3-2-3	11	5	I	51,63	13,65	9,56	24,88	0,28	0,29	—	100,30
Малахит-гетитовые руды											
Т3-3-1	12	6	I	51,07	13,36	7,17	27,27	0,52	0,53	—	99,92
Т3-3-2	13	9	I	46,75	14,51	7,12	28,89	0,81	0,97	0,88	97,63
Т3-3-3	14	3	I	48,98	13,76	7,76	27,61	0,79	0,99	—	99,89
Т3-3-4	15	3	I	51,79	12,49	8,20	26,24	0,75	0,50	—	99,97
Т3-3-5	16	6	I	47,75	14,6	8,31	27,07	0,85	0,93	0,40	99,91
6а	22	6	III	59,52	11,58	12,84	15,53	0,49	—	—	99,96
7а	23	8	III	61,37	9,74	12,68	15,64	0,46	0,04	—	99,94
8а	24	4	III	59,47	10,68	12,69	16,33	0,40	—	—	99,57
9а	25	4	II	54,09	9,94	9,31	25,95	0,36	—	—	99,97
Рудовмещающие тальк-карбонатные породы											
1а	17	4	I	50,08	13,64	10,48	24,34	0,37	0,15	0,30	99,68
2а	18	8	II	52,51	9,69	8,35	27,56	0,39	0,29	0,24	99,40
3а	19	3	II	52,27	12,41	9,76	25,17	0,22	0,29	0,04	100,27
4а	20	7	II	53,68	10,72	9,23	26,12	0,21	0,23	—	100,36
5а	21	6	III	59,42	11,39	12,63	16,16	0,87	—	—	100,47

Примечания: 1) анализы образцов ТЗ-2-1, ТЗ-3-1, ТЗ-3-2, ТЗ-3-3, ТЗ-3-4, ТЗ-3-3-5 выполнены на рентгеноспектральном микроанализаторе РЭММА 202М, остальные – на микрозондовом анализаторе JEOL-733; 2) коллекция А.М. Юминова.

где они обнаружены, и в рудах древних рудников с применением современной микрозондовой и рентгеновской аппаратуры.

Выводы

1. В Ишкининском археологическом микрорайоне в бронзовом веке действовали рудники по добыче медных руд. На основании исследования их отвалов установлены два этапа разработки, в перерыве между которыми формировались погребенные почвы.

Предварительные данные свидетельствуют о добыче руд в раннем (3100–2400 лет до н.э.) и позднем (1610–1210 лет до н.э.) бронзовом веке.

2. Проведенный анализ медных руд показал их принадлежность к разновидностям, образовавшимся по разнообразным гипербазитам, о чем свидетельствуют включения хромитов и повышенное содержание никеля.

3. Сопоставление состава хромитов из руд и шлаков выявило их идентичность, что однозначно указывает на использование палеометаллургами руд Ишкининского месторождения.

4. В медных корольках шлаков установлено присутствие сульфидов меди, а также фосфидов железа с повышенным содержанием никеля. Данное обстоятельство подкрепляет вывод о начале использования в бронзовом веке на Урале сульфидных медных руд.

5. Определены геохимические и минералогические критерии использования медных руд, приуроченных к гипербазитам, что актуально для установления минерально-сырьевой базы древних обществ.

6. Важной задачей дальнейших исследований становится выявление хромитсодержащих шлаков на памятниках региона и анализ хромитов для определения конкретных источников медных руд для различных поселений.

Список литературы

- Большая советская энциклопедия.** – М.: Сов. энцикл., 1978. – Т. 28. – 620 с.
- Геологический словарь.** – М.: Недра, 1973. – Т. 2. – 456 с.
- Годовиков А.А.** Минералогия. – М.: Недра, 1983. – 645 с.
- Григорьев С.А., Дунаев А.Ю., Зайков В.В.** Хромшпинелиды как индикатор источника медных руд для древней металлургии // Докл. РАН. – 2005. – Т. 400, № 2. – С. 228–232.
- Зайков В.В., Мелекесцева И.Ю., Артемьев Д.А., Юминов А.М., Симонов В. А., Дунаев А.Ю.** Геология и колчеданное оруденение южного фланга Главного Уральско-го разлома. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2009. – 375 с.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М.** Аркаим – страна городов. – Челябинск: Крокос, 2007. – 260 с.
- Синюк А.Т.** Археологический микрорайон: концепции и методологический аспект // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы: тез. докл. науч. конф. – Воронеж, 1990. – С. 5–8.
- Ткачев В.В.** Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2005. – Вып. 4. – С. 182–198.
- Ткачев В.В.** Уральско-Мугодзарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. – 2011а. – № 2. – С. 43–55.
- Ткачев В.В.** Ишкининский археологический микрорайон эпохи бронзы: структура, периодизация, хронология // КСИА. – 2011б. – Вып. 225. – С. 220–230.
- Ткачев В.В., Сегедин Р.А., Грешнер С.Г.** Подъемный материал из поселений и рудников бронзового века в Мугод-жарах // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара: Самар. гос. ун-т, 1996. – Вып. 1. – С. 83–108.
- Черных Е.Н.** Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – Т. 5: Каргалы: феномен и парадоксы развития. – 200 с.
- Черных Е.Н., Лебедева Ю.М., Журбин И.В., Лопес-Саец Х.А., Лопес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М.И.Н.** Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 2. – 184 с.
- Юминов А.М., Зайков В. В.** Горные разработки в бронзовом веке на Ишкининском медном руднике (Ю. Урал) // Уральский минералогический сборник. – Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2002. – № 12. – С. 98–110.
- Юминов В.В., Зайков В.В., Таиров В.В., Гуляев В.В., Хворов П.В.** Рентгенофлуоресцентный и микрозондовый анализ древних золотых изделий // Роль естественно-научных знаний в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 102–106.
- Zaykov V.V., Yuminov A.M., Dunaev A.Y., Zdanovich G.B., Grigoriev S.A.** Geologo-mineralogical studies of ancient copper mines in the southern Urals // Archaeology, Ethnology and Enthropology of Eurasia. – 2005. – Vol. 4 (24). – P. 101–114.
- Zwicker U.** Archaeometallurgical investigation on the Copper- and Copper-Alloy-Production in the Area of the Mediterranean Sea (7000–1000 B.C.) // Bull. of the Metals Museum. – 1990. – Vol. 15. – P. 3–32.

*Материал поступил в редколлегию 14.02.11 г.,
в окончательном варианте – 16.06.11 г.*

УДК 903.08

Е.Н. Волков

Институт проблем освоения Севера СО РАН
а/я 2774, Тюмень, Россия
E-mail: env2001@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

Начальный этап бронзового века является одним из наиболее слабо изученных периодов древнейшей истории Среднего Притобольшья. Одна из основных проблем – происхождение нескольких традиций этого времени и степень участия в их формировании местного энеолитического населения. Анализ многокомпонентного орнаментального комплекса байрыкско-лыбаевских древностей эпохи энеолита позволил предложить гипотезу, согласно которой формирование орнаментальных традиций начала бронзового века связано с миграцией инोकультурного населения, вступившего в непосредственное взаимодействие с носителями местных энеолитических культур. В данном процессе намечены две основные тенденции: плавное развитие отдельных орнаментальных компонентов байрыкско-лыбаевского комплекса, отколовшихся от общего массива (памятники имбиряйского и мостовского типов), и «революционные» преобразования, обусловленные активным культурным взаимодействием с мигрантами, что привело к формированию ташковской культуры.

Ключевые слова: начальный этап бронзового века, энеолит, Среднее Притобольшье, Приишимье, Прииртышье, байрыкско-лыбаевская, андреевская, ташковская культуры, имбиряйский культурный тип, поселение Мостовое-1, елунинская, кротовская культуры, миграция.

Введение

До последнего времени представления о начальном этапе бронзового века Среднего Притобольшья базировались на материалах ташковской культуры, «визитной карточкой» которой являются значительные по площади круглоплановые поселения [Ковалева, 1997; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000]. Состояние проблемы изменилось с выделением имбиряйских памятников, где орнаментальный комплекс характеризуется сочетанием ямочных рядов, композициями, выполненными гладким, С-видным и другими штампами, а также в «глубоконакопчатой» манере. Особенностью данных коллекций является украшение части сосудов отпечатками текстиля [Волков, 2004]. Впоследствии аналогичную керамику обнаружили на ряде памятников региона [Волков, 2007]. Позднее, при раскопках поселения Мостовое-1, была получена репрезентативная керамическая серия с декором из отпечатков короткого гребенчатого штампа, особен-

ности которой позволили соотнести ее с рассматриваемым временем [Волков, Зимина, 2009] (рис. 1).

Постановка проблемы

Основываясь на имеющихся данных, отметим, что в Среднем Притобольшье в раннем бронзовом веке существовали по крайней мере три традиции, представленные ташковскими, имбиряйскими древностями и материалами памятников типа Мостового-1. Однако механизм их формирования и связь с местными энеолитическими культурами пока до конца не выяснены.

В.Т. Ковалева рассматривает происхождение ташковской культуры с позиции миграции южных индоевропейских групп, ассимилировавших местные энеолитические популяции [1997, с. 70]. В.И. Стефанов и О.Н. Корочкова допускают возможность участия в ее формировании носителей петровских традиций [2000, с. 92]. По мнению Т.М. Потемкиной, ташков-

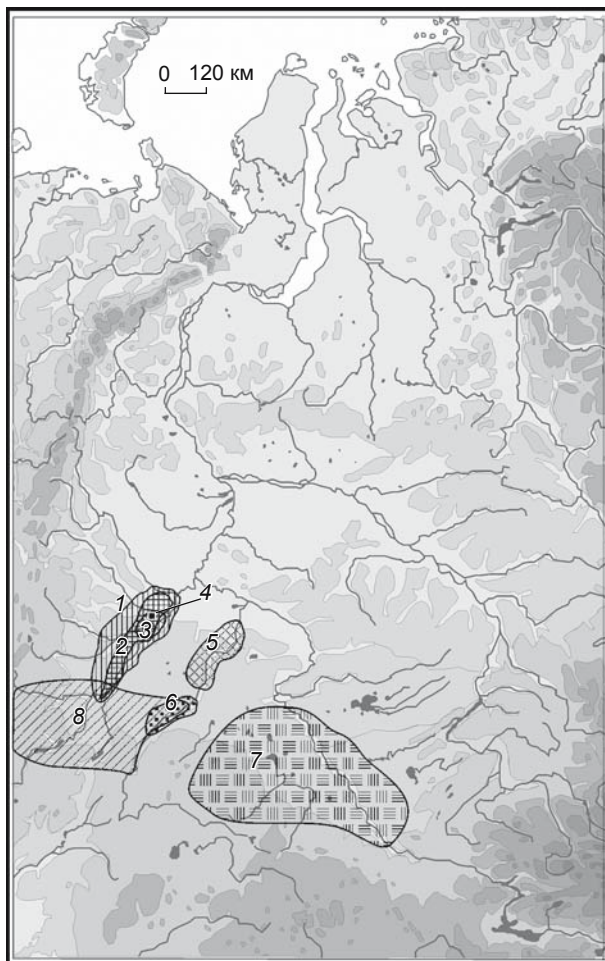

Рис. 1. Карта-схема ареалов культур энеолита – начального этапа бронзового века Западной Сибири.

1 – байрыкско-лыбаевская культура; 2 – ташковская культура; 3 – памятники имбиряйского типа; 4 – место расположения поселения Мостовое-1; 5 – одиновская, лоиновская культуры Пришимья; 6 – памятники вишневого типа; 7 – ареал елуниинской культуры (по Ю.Ф. Кирюшину); 8 – ареал синташтинско-петровских древностей.

ские материалы свидетельствуют о синташтинско-абашевском влиянии [1995, с. 18, 23]. В.А. Зах считает, что ташковская культура сформировалась в результате контактов местных энеолитических групп с носителями петровской либо алакульской традиции [2009, с. 281]. Нами высказывалась гипотеза об ее оформлении на базе липчинской культуры [Волков, 1999].

Формирование имбиряйских комплексов рассматривалось как результат эволюции энеолитической андреевской культуры. Расхождение во взглядах исследователей касалось лишь статуса – самостоятельный тип памятников [Волков, 2007, с. 48] либо принадлежащий к мысаевскому этапу этой культуры [Зах, 2009, с. 219]. Орнаментация посуды с поселения Мостовое-1 представляет результат саморазвития одного из орнаментальных компонентов местной энеолитиче-

ской традиции [Волков, Зимина, 2009]. Отметим, что отдельные фрагменты подобной керамики, полученные с многослойных памятников, интерпретировались ранее как одиновские [Зах, 2009, с. 243], чему способствовала широкая встречаемость ямочного декора на тулове сосудов.

К настоящему времени сформировавшиеся представления научная общественность имеет лишь о ташковской культуре [Ковалева, 1997; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000]. Меньшими информативными возможностями обладают имбиряйские древности и памятники типа Мостового-1. Вместе с тем анализ рассматриваемых комплексов позволяет предложить обоснованные гипотезы об исторических судьбах носителей местных энеолитических культур и их участии в становлении традиций начального этапа эпохи бронзы.

До недавнего времени одной из основных местных энеолитических культур считалась липчинская (см., напр.: [Старков, 1980]). Изыскания последних лет позволили прийти к иным выводам. Сначала по материалам лесостепного Притоболья были выделены памятники лыбаевского типа* [Волков, 2002], затем лыбаевская культура [Волков, 2006], а в подтаежной полосе региона – байрыкская [Зах, 2006]**. Дальнейшие изыскания показали однотипность этих комплексов, позволив объединить их в байрыкско-лыбаевскую культуру [Волков, 2009]. Как «чистые» липчинские объекты сейчас могут рассматриваться лишь поселение Велижаны-1 (раскоп 2) [Асташкин,

*Понятие «культурный тип» применительно к лыбаевским древностям на первоначальном этапе их изучения и имбиряйским памятникам, речь о которых пойдет ниже, отражает временное состояние проблемы, когда получены первые, недостаточные для полномасштабной характеристики их специфики сведения, базирующиеся на самобытности орнаментальных композиций на посуде, отличающих их от синхронных комплексов региона. С пополнением фонда источников по лыбаевской, впоследствии байрыкско-лыбаевской культуре, представленной рядом исследованных поселенческих и погребальных памятников, стало возможным установить ее общие и особенные черты и обозначить этапы развития. В случае с имбиряйскими древностями мы, к сожалению, не имеем достаточных сведений об их специфике из-за крайне малого количества исследованных памятников, отсутствия данных о погребальной обрядности и др., что пока не позволяет выделить самостоятельную культуру.

**Первоначально байрыкский тип памятников был выделен М.Ф. Косаревым [1981, с. 54–59] на основе керамики со своеобразной печатно-гребенчатой орнаментацией при широком использовании ямочного декора на тулове сосудов. Для байрыкской культуры, выделенной В.А. Захом, характерен многокомпонентный орнаментальный комплекс, включающий отступающе-накольчатый и гребенчатый декор. Одна из базовых характеристик традиции – широкое использование ямочного орнамента на тулове сосудов [2006].

Асташкина, Дрябина, 1995] и ранние отложения многослойного памятника – Мысовской могильник [Волков, 2007]. Отметим, что «ложношнуровая» липчинская посуда встречается на большинстве байрыкско-лыбаевских памятников, однако ее доля в выборках «отступающе-накольчатой» керамики не превышает 5–10 %. Это свидетельствует о том, что носители традиции достаточно быстро растворились в массе байрыкско-лыбаевского населения [Там же, с. 39].

В многокомпонентном байрыкско-лыбаевском орнаментальном комплексе выделяются три основные технико-стилистические группы: «короткогребенчатая», основной элемент которой – короткие оттиски гребенчатого штампа (рис. 2, 9); «длинногребенчатая» – с орнаментом из сплошных замкнутых линий и отпечатков длинной узкой гребенки (рис. 2, 2); «отступающе-накольчатая» – с декором, выполненным орнаментами, оставляющими каплевидные (рис. 2, 1), подтреугольные, двузубые (рис. 2, 5) следы [Там же, с. 31]. В большинстве коллекций отмечается посуда, украшенная оттисками гладкого и других штампов, доля которой не превышает 5–7 %, и керамика, орнаментированная в «чистом» накольчатом стиле (см., напр.: [Волков, 2002, с. 64, 65]) (рис. 2, 6). Отметим, что сосуды, декорированные двузубой палочкой («крупнонакольчатая» манера), в разной степени представлены в различных выборках, наиболее слабо – в лесостепи: 5–10 % в рамках «отступающе-накольчатых» серий. В подтайге, даже в синхронных коллекциях, доля подобной посуды варьирует от 10–15 до 30–40 %. Отмечено, что «крупнонакольчатый» декор к финалу энеолита эволюционирует в орнамент из оттисков С-образного штампа. В ряде случаев на байрыкско-лыбаевской посуде наблюдается совместное использование нескольких способов нанесения декора. Обращение к энеолитическим материалам имело цель проиллюстрировать орнаментальные особенности байрыкско-лыбаевской культуры, поискам «следов» которых в традициях начального этапа бронзового века будет посвящена следующая часть работы.

Коллекции с ташковских памятников свидетельствуют об отсутствии жесткого набора орнаментально-стилистических групп посуды в различных комплексах. Материалы Ташково-2 демонстрируют наличие трех основных выборок: «отступающе-накольчатой» (рис. 2, 3), «длинногребенчатой»

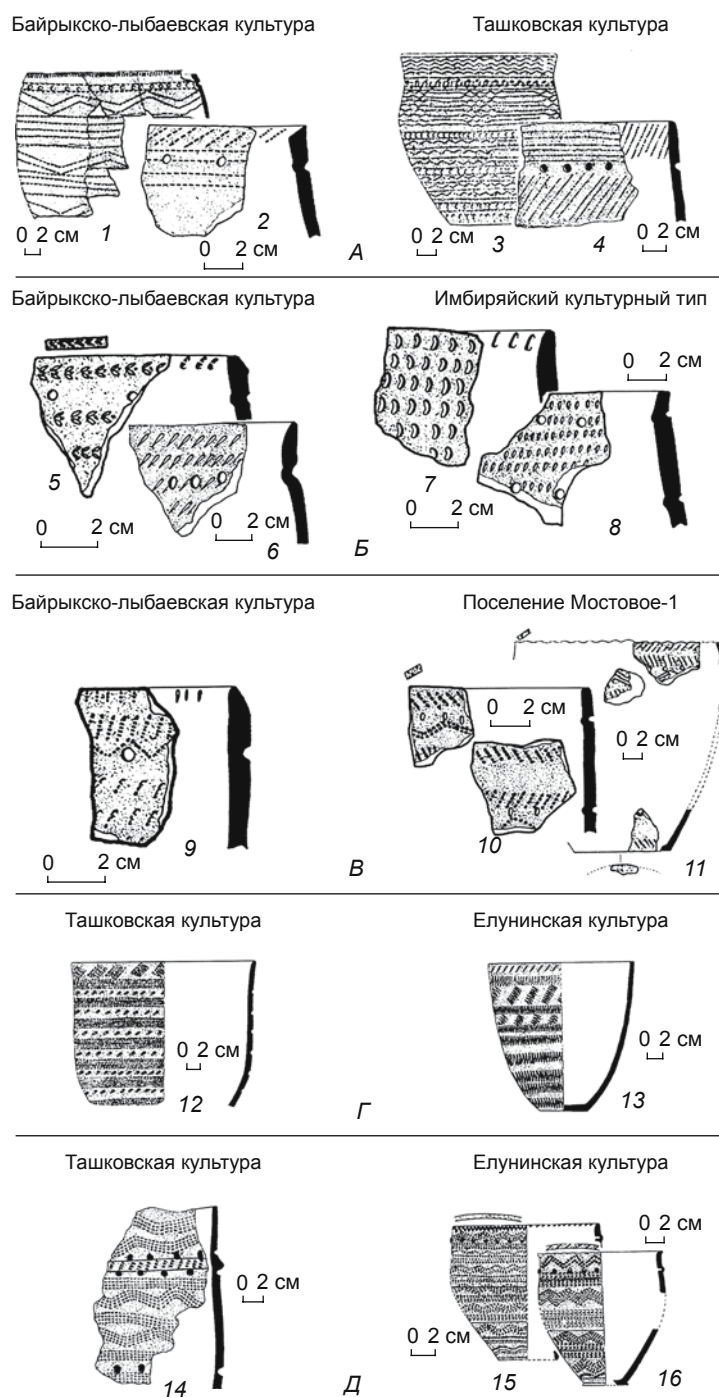

Рис. 2. Керамика эпохи энеолита и начального этапа бронзового века с памятников Среднего Притоболья.

А – энеолитическая байрыкско-лыбаевская и ташковская начального этапа эпохи бронзы (1, 3 – «отступающе-накольчатая», 2, 4 – «длинногребенчатая»); Б – энеолитическая байрыкско-лыбаевская и имбиряйского типа начального этапа эпохи бронзы (5 – «крупнонакольчатая», 6, 8 – «разреженно-накольчатая», 7 – украшенная С-видным штампом); В – энеолитическая байрыкско-лыбаевская и елунинская начала бронзового века (9–11 – «короткогребенчатая»); Г – ташковская и елунинская начала бронзового века (12, 13 – «шагающе-гребенчатая»); Д – ташковская и елунинская начального этапа эпохи бронзы (14–16 – «отступающе-проташенно-гребенчатая»).

2, 4, 12, 14 – по: [Ковалева, 1997; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000]; 13, 15, 16 – [Киришин, 2002].

(рис. 2, 4) и «проташенно-гребенчатой» (рис. 2, 14), а также керамики с сочетанием различных орнаментальных характеристик [Ковалева, 1997, с. 81–121, рис. 6, 46]. В комплексе отмечаются отдельные компоненты, сопоставимые с байрыкско-лыбаевской традицией: «отступающе-накольчатый» и «длинногребенчатый». Основные несовпадения с энеолитическими схемами в «отступающе-накольчатой» выборке заключаются в широком использовании меандров, прямых линий, переходящих в «волну» либо зигзаг, «волнообразных» мотивов, наклонных «змееобразных» отрезков; исчезновении подтреугольных, ложношнуровых декоров и отпечатков двузубого орнамента. Визуальный осмотр опубликованной части коллекции позволяет говорить о существенной «переработке» энеолитической орнаментики, что выразилось в изменении последовательности узоров, исчезновении отдельных элементов и появлении новых. «Длинногребенчатый» компонент обнаруживает большее сходство с энеолитическими материалами как в манере нанесения орнамента, так и в наборе элементов (замкнутые прямые и длинные наклонные линии, зигзаги, ромбы, треугольники и т.д.). Отмечаются и факты «переработки» декоративных схем, выразившиеся в изменении последовательности элементов узора. «Проташенно-гребенчатый» компонент практически не представлен в местном энеолите, хотя отдельные сосуды, декорированные с использованием данного приема, встречаются. Относительно своеобразия коллекции отметим репрезентативность ямочного орнамента на тулове гончарных изделий. Довольно значительную часть комплекса (14,3 %) составляет керамика, демонстрирующая сочетание различных приемов орнаментирования: отступающей палочки и гребенчатого штампа, отступающей палочки и проташенной гребенки и др. [Там же, с. 30, табл. 2].

Несколько иная картина зафиксирована на поселении ЮАО-13, основными орнаментальными компонентами которого являются «отступающе-накольчатый», «шагающе-гребенчатый» (рис. 2, 12) и «печатно-гребенчатый» [Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 112–146, рис. 11, 45]. Судя по опубликованным материалам, «отступающе-накольчатая» керамика близка аналогичной выборке с поселения Ташково-2, что выражается в использовании сходных элементов декора и композиций. Однако коллекция демонстрирует несколько меньшее изменение энеолитических схем, о чем свидетельствуют относительно невысокая доля «волнообразных» мотивов, прямых линий, переходящих в «волну», меандров, валиков и широкое использование накольчатых узоров. Своеобразие «печатно-гребенчатой» выборки выражается в наличии сосудов, соотносимых как с «короткогребенчатой», так и с «длинногребенчатой» керамикой. «Шагающе-гребенчатый» декор является малотипичным для посуды с

местных энеолитических памятников и с поселения Ташково-2. Для комплекса характерно широкое использование ямочных узоров на тулове сосудов. Следует отметить и довольно высокий процент керамики, демонстрирующей сочетание нескольких технических приемов нанесения декора [Там же, с. 50].

Коллекция с поселения Ук-3, в силу неполной публикации материалов раннего бронзового века, позволяет судить лишь о некоторых особенностях ташковского комплекса. Показательна информация о замещении отступающе-накольчатой техники прочерченной и о «петровском» облике отдельных сосудов [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 92].

Оригинален керамический комплекс начального этапа эпохи бронзы с поселения Курья-1, заслуживающий рассмотрения, несмотря на небольшое число сосудов (30–35). Здесь отмечена как типичная ташковская посуда с «отступающе-накольчатым», «длинногребенчатым» и «проташенно-гребенчатым» декором, так и украшенная в иных стилях. Основную часть коллекции составляет керамика, орнаментированная С-видным штампом и глубоким разреженным наколом. Ряд сосудов декорирован в «короткогребенчатом» стиле, поверхность нескольких изделий покрыта отпечатками текстиля. В данном комплексе могут быть выделены ташковская и имбиряйская орнаментальные серии, вероятно существовавшие синхронно.

Обращаясь к имбиряйской проблеме, отметим, что за исключением поселения Курья-1 совместного бытования ташковской и имбиряйской керамики нам не известно. Повторный анализ рассматриваемых коллекций позволил убедиться, что в каждой из них представлена посуда, декорированная С-видным штампом (рис. 2, 7), специфика которого и особенности выполненных им композиций свидетельствуют о связи с «крупнонакольчатыми» байрыкско-лыбаевскими сериями. Сказанное, в совокупности с наличием в коллекциях керамики, декорированной гладким штампом и в «чистом» накольчатом стиле (рис. 2, 8), также присутствующей в байрыкско-лыбаевских комплексах, заставляет отказаться от гипотезы о генетической связи рассматриваемых объектов с андреевской культурой. Отметим, что использование различных технических приемов нанесения декора на имбиряйских сосудах фиксируется достаточно редко.

Особенностью поселения Мостовое-1 является доминирование «короткогребенчатой» керамики (рис. 2, 10, 11), обнаруживающей несомненное сходство с аналогичными байрыкско-лыбаевскими сериями [Волков, Зимина, 2009]. Как и в энеолитических коллекциях, здесь преобладают композиции из наклонных и вертикальных отпечатков гребенчатого штампа и зигзага. На некоторых изделиях отмечены «отступающе-накольчатые» узоры, однако они играют подчиненную роль по отношению к «короткогребенчатым».

Отличия от энеолитических выборок заключаются в господстве плоскодонной посуды и широком использовании ямочного декора на тулове сосудов.

Обсуждение результатов

Полагаем, что зафиксированная ситуация позволяет констатировать следующие факты. Во-первых, на рубеже энеолита и бронзового века произошел разрыв единого байрыкско-лыбаевского культурного поля, выразившийся в отрыве отдельных составляющих от многокомпонентного орнаментального комплекса. Во-вторых, следует отметить отсутствие единообразия в наборе технико-стилистических групп посуды в коллекциях отдельно взятых памятников ташковской культуры. В-третьих, на всех без исключения объектах рассматриваемого времени прослеживаются инокультурные новации, выраженные, однако, в неодинаковой степени.

Наиболее вероятно, что сложившееся положение обусловлено проникновением в Среднее Притоболье инородных групп. Безусловно, за отдельными технико-стилистическими компонентами байрыкско-лыбаевского керамического комплекса стояли сообщества носителей орнаментальных традиций, обладавшие правом принятия решений, что свидетельствует о сложной структуре населения, сформировавшегося на основе различных по происхождению групп. Мозаичный состав культуры, прошедший испытание тысячелетней историей (конец IV – конец III тыс. до н.э. [Волков, 2007, с. 45]), вероятно, не выдержал новых исторических реалий. Сказанное позволяет предполагать серьезные подвижки населения на рубеже эпох, выразившиеся не в локальных миграциях, а в глобальном перемещении носителей инородных культур, стоявших на более высоком уровне развития, чем их современники в Притоболье. Не исключено, что за отдельными орнаментальными компонентами байрыкско-лыбаевских древностей стояли различные по этническому и культурному происхождению родовые (?) структуры, сохранившие историческую память о своих корнях и имевшие возможность определять свою дальнейшую историческую судьбу.

В процессе распада байрыкско-лыбаевской общности просматриваются две основные тенденции. Первая связана с плавной эволюцией орнаментики, с которой сопоставимы имбиряйские памятники и объекты типа Мостового-1. Ранее нами предполагалась генетическая преемственность имбиряйской традиции с андреевской культурой [Волков, 2004, с. 36]. Повторное осмысление материала после пополнения фонда источников привело к выводу, что в формировании данного культурного типа участвовали носители байрыкско-лыбаевской традиции, декорировавшие керамику в «крупнонаколь-

чатой», накольчатой и «штампованной» технике. Возможно, в этом процессе приняло участие и андреевское население, что нашло отражение в увеличении глубины наколов на посуде. В данную тенденцию еще более органично вписывается коллекция с поселения Мостовое-1, иллюстрирующая плавную эволюцию «короткогребенчатых» схем.

Вторая тенденция связана с резким изменением орнаментальных канонов, что характерно для ташковских древностей. Вероятно, материалы лесостепных памятников Ташково-2, Ук-3 отражают ситуацию, когда инокультурное влияние достигло апогея. В пользу этого вывода свидетельствует и факт массового строительства больших по площади поселений со сложной планировкой, неизвестных в энеолитическое время. Гипотеза о формировании ташковских древностей на основе липчинских [Волков, 1999] оказалась неверной.

Не исключено, что реконструируемые тенденции иллюстрируют особенности отношения различных групп носителей байрыкско-лыбаевской культуры к возможным контактам и интеграции с мигрантами. В первом случае, видимо, отразилась позиция предпочтительности сохранения традиционных устоев. Возможно, размежевание носителей имбиряйского и «мостовского» стереотипов было обусловлено неоднозначным отношением к тесному взаимодействию с андреевским населением.

Абсолютный возраст культур начального этапа бронзового века определяется по радиоуглеродным датам поселений ЮАО-13 и Ташково-2: соответственно 3660 ± 45 и 3600 ± 45 л.н., т.е. XVIII–XVII вв. до н.э. [Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 17]. Для уточнения вопроса логично привлечь данные относительной хронологии, опирающиеся на факт сосуществования алакульских и ташковских древностей [Матвеев, 1995]. Согласно хронологии алакульских памятников, разработанной А.В. Матвеевым [2000, с. 23–26], погребения Чистолеляжского некрополя, содержавшие ташковские материалы [Матвеев, 1995, с. 50], в основном соотносятся с «чистолеляжским» этапом развития культуры, финал которого определяется не позднее второй четверти XX в. до н.э. [Матвеев, 1998, с. 371]. Авторы раскопок поселения Ук-3 синхронизируют ташковский комплекс памятника с раннепетровскими древностями [Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 21–22]. Возможно, в данном случае логично говорить о «кулевчинской» фазе, отражающей процесс становления алакульской культуры на рубеже III и II тыс. до н.э. [Матвеев, 1998, с. 370]. Позднеалакульские памятники, относящиеся к «алакульскому» (часть погребений Чистолеляжского могильника, Хрипуновский некрополь) [Матвеев, 2000, с. 24] и «камышинскому» (Нижеингальское-3, Ук-3) этапам [Там же, с. 25; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, с. 66–67], следов ташковско-алакульского взаимодействия не содержат [Волков, 2007,

Рис. 3. Основные элементы декора, представленные на елунинской и ташковской посуде.

с. 50–51]. Сказанное позволяет говорить о контактах ташковских и алакульских коллективов только на протяжении «кулевчинской» фазы и «чистослебяжского» этапа алакульской культуры.

Допуская возможность заниженных значений в хронологии А.В. Матвеева, логично предположить, что ташковская культура сформировалась не позднее финала XIX в. до н.э. Верхний хронологический рубеж «лесостепных» ташковских памятников, вероятно, следует связывать с концом XVIII – началом XVII в. до н.э. Нельзя исключать, что однокультурные объекты подтаежной полосы, оставленные населением, не испытавшим столь сильного андроновского влияния, функционировали более продолжительное время.

Хронология имбиряйских древностей и памятников типа Мостового-1 устанавливается не так отчетливо. Косвенным свидетельством синхронности ташковских и имбиряйских комплексов являются материалы поселения Курья-1, где рассматриваемая посуда залегала в тождественных условиях. О достаточно раннем возрасте имбиряйской серии памятника, вероятно, свидетельствует и факт соразмерного соотношения плоских и уплощенных днищ. Скорее всего, период функционирования объектов типа Имбиря-1 и Мостового-1 был менее продолжительным, чем ташковское время, на что указывает как незначительное количество таких памятников, так и логика исследования. Полагаем, что ташковское население, впитавшее прогрессивные культурные и хозяйственные новации, оказалось более конкурентоспособным, чем их современники, использовавшие традиционные системы хозяйствования. Как нам представляется, период функционирования имбиряйских объектов и памятников типа Мостового-1 не превышает 100 лет.

Следует согласиться с предположением, что одним из основных факторов, способствовавших становлению ташковской культуры, было влияние «кулевчинской» (петровской?) традиции. Новации, воспринятые местным населением, вероятно, выразились в существенных изменениях «отступающе-накольных» схем, появлении значительных по площади поселений со сложной планировкой, идея которых известна в предыстории алакульской культуры, и, возможно, элементов производящего хозяйства [Ковалева, 1997,

с. 45, 46]. В силу не совсем понятных причин «длинногребенчатые» схемы подверглись не столь значительной «переработке». Своеобразие орнаментального комплекса ташковской культуры позволяет предполагать и восточное влияние, выразившееся в появлении «шагающе-гребенчатого» и «проташенно-гребенчатого» декора на посуде.

Несомненные аналоги «шагающе-гребенчатой» керамики обнаруживаются в кротовско-елунинских* древностях (см. рис. 2, 13). С данным компонентом связана первая группа елунинской посуды [Кирюшин, 2002, с. 48–50, 185, рис. 79, 1, 2]. Основным ее отличием от ташковской является слабая представленность ямочного декора на тулове. Подобные сопоставления уместны и по отношению к кротовской керамике.

Определенные параллели «проташенно-гребенчатому» компоненту ташковских памятников прослеживаются в одной из групп посуды с поселения Вишневка-1 в Петропавловском Приишимье [Зайберт, 1973, с. 107, рис. 40, 17, 19–22]. Отметим, что в коллекции присутствуют изделия, декорированные ямочными вдавлениями и углублениями, сделанными косо поставленной трубочкой [Там же, с. 107]. Судя по опубликованным образцам [Там же, с. 109, рис. 40, 15, 23], не исключена возможность сопоставления данной выборки с имбиряйской керамикой, орнаментированной С-видным штампом. Последнее наблюдение может свидетельствовать о новации, полученной из Притобья, и многокомпонентном характере комплекса.

Керамика первого типа елунинской культуры наравне с «шагающе-гребенчатыми» включает и «отступающе-(проташенно)-гребенчатые» сосуды (см. рис. 2, 15, 16) [Кирюшин, 2002, с. 48]. Подобная керамика также имеет аналогии в ташковских древностях. Определяющей является тождественность расположения базовых элементов орнамента, представленных сочетанием прямых горизонтальных линий и «волны» (рис. 3) либо зигзага, что нашло наиболее полное отражение в материалах поселений Коровья Пристань III, Костенкова Избушка и др. [Там же, с. 178, рис. 72, 1, 4; с. 180, рис. 74, 1, 2; с. 182, рис. 76, 3; Ковалева, 1997, с. 86, рис. 11, 4; с. 105, рис. 30, 2; с. 107, рис. 32, 2, 3; с. 117, рис. 32, 1]. Также отметим налипные валики, характерные и для ташковской, и для елунинской керамики [Кирюшин, 2002, с. 186, рис. 80, 1, 5, 6; с. 186, рис. 82, 3; Ковалева, 1997, с. 83, рис. 8, 3; с. 91, рис. 16, 2; с. 93, рис. 18, 1]. Среди прочих сходных черт выделим

*Мы не вступаем в дискуссию о соотношении елунинской и кротовской культур. Термин «елунинская культура» используется нами прежде всего в силу оригинального орнаментального комплекса «ранних» памятников, объединенных Ю.Ф. Кирюшиным в эту культуру. Данный комплекс обнаруживает несомненное сходство с ташковским.

ленточный способ изготовления посуды [Кирюшин, 2002, с. 48; Ковалева, 1997, с. 26] и господство в комплексах горшечных и баночных форм [Кирюшин, 2002, с. 48–51; Ковалева, 1997, с. 27].

Различия заключаются в присутствии «жемчужин» на части елунических сосудов (см., напр.: [Кирюшин, 2002, с. 180, рис. 74, 1, 2]) и слабой представленности ямочного декора на тулове. Также следует отметить, что ташковские сосуды несколько более удлиненные по сравнению с елуническими, их высота больше диаметра венчика [Ковалева, 1997, с. 27]. Не полностью совпадает и состав формовочных масс. Для елунической керамики характерна примесь песка и дробленого камня [Кирюшин, 2002, с. 48], а в ташковской последний ингредиент не встречается [Ковалева, 1997, с. 26]. Отметим, что в керамическом тесте кротовской посуды Прииртышья и Барабы присутствуют песок и шамот, иногда жженая кость [Глушков, 1996, с. 94], а также следы органического вещества, видимо, навоза [Там же, с. 97]. Указанные отличия, однако, имеют локальный характер.

До последнего времени невозможность участия елуническо-кротовского компонента в формировании ташковских древностей основывалась на представлениях о хронологии данных традиций. Нижняя граница ташковской культуры определялась началом II тыс. до н.э. [Ковалева, 1997, с. 69], тогда как кротовско-елунические памятники датировались не ранее XVII, возможно, XVIII в. до н.э. (см., напр.: [Черных, Кузьминых, 1989, с. 261]), а финал кротовской культуры – XIV–XII вв. до н.э. [Молодин, 1985, с. 87]. В последнее время Ю.Ф. Кирюшин, детально рассмотрев елунические материалы, произвел их корректную хронологическую дифференциацию на основе серии абсолютных дат и типологии керамики. Примечательно, что к числу ранних отнесены памятники с преобладанием посуды первой группы, датированные последней четвертью III – началом II тыс. до н.э. [Кирюшин, 2002, с. 77, 82]. Поскольку для значительной части ташковских сосудов, орнаментированных в «отступающе-накольчатой» манере, характерно чередование горизонтальных линий и «волны» [Ковалева, 1997, с. 85, рис. 10, 2; с. 90, рис. 15, 2; с. 103, рис. 28, 1; с. 113, рис. 38, 1; с. 116, рис. 41, 1; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 124, рис. 23, 3; с. 126, рис. 25, 2; с. 138, рис. 37, 1; с. 140, рис. 39, 3; с. 144, рис. 43, 3], нельзя исключать определяющую роль восточного импульса в формировании культуры.

Аналогии «текстильной» имбиряйской керамике прослеживаются на обширной территории. В эпоху энеолита подобная посуда представлена на ботайских [Зайберт, 1993, с. 87] и терсекских [Калиева, Логвин, 1997, с. 80] памятниках Северного Казахстана, а также на поселении Тух-Сигат IV в Васюганье [Кирюшин, 2004, с. 177, рис. 67]. В раннем бронзовом веке она известна по материалам Вишневки-1 в Северном Казах-

стане [Зайберт, 1973, с. 109] и Мысаевки-1 в таежном Прииртышье [Панфилов, 1989, с. 153].

Инородное происхождение, вероятно, имеет и традиция ямочной орнаментации тулова сосудов, довольно слабо представленная в байрыкско-лыбаевских комплексах. По нашим данным, керамика без такого декора, даже на позднеэнеолитических объектах, составляет до 75–80 %. Вероятно, широкое распространение ямочной орнаментики относится к рубежу энеолита – раннего бронзового века. Традиционно высокий удельный вес посуды с ямочным декором на тулове имеют памятники Приишимско-Прииртышского региона (см., напр.: [Панфилов, 1993, с. 27]).

Заключение

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что в переходное время от энеолита к бронзовому веку в Среднем Притоболье произошло резкое изменение историко-культурной обстановки, связанное с расколом байрыкско-лыбаевского многокомпонентного орнаментального комплекса на отдельные составляющие, продолжившие развитие в разных традициях. Реконструируемая ситуация была обусловлена рядом факторов, главным из которых явилась миграция инोकультурного населения с различных территорий, вступившего в непосредственное взаимодействие с носителями местных энеолитических культур.

Процесс становления ташковской традиции в настоящее время логично рассматривать как синтез «отступающе-накольчатого» и «длинногребенчатого» компонентов местного орнаментального комплекса, южных новаций, воспринятых от групп «кулевчинского» (петровского?) населения, при определяющем восточном влиянии, связанном с елунической культурой. Формирование комплексов имбиряйского типа, скорее всего, отражает процесс взаимодействия носителей байрыкско-лыбаевской традиции, декорировавших керамику в «штампованной», «крупнонакольчатой» и накольчатой манере, андреевского населения, пришедших групп, украшавших посуду отпечатками текстиля, а также носителей «гребенчато-ямочной» орнаментальной традиции из Приишмья и Прииртышья. Материалы памятников типа Мостового-1 оправданно рассматривать как результат плавной эволюции «короткогребенчатого» компонента байрыкско-лыбаевской культуры. Инновации в данном процессе усматриваются в широком распространении ямочного декора на тулове сосудов, что, возможно, отражает контакты с населением Приишимско-Прииртышского региона.

В заключение отметим, что картина, связанная с выделением трех основных линий развития орнаментальных традиций в раннем бронзовом веке Среднего Притоболья, может быть далеко не полной. Своеоб-

разие ташковской культуры, выразившееся в наличии несовпадающего набора орнаментально-стилистических групп керамики на различных объектах, синхронности и, вероятно, культурной сопряженности ташковского и имбиряйского комплексов поселения Курья-1, предполагает возможность выявления новых памятников, способных изменить представления о ситуации в рассматриваемое время. Мы вправе предполагать нахождение как объектов, иллюстрирующих саморазвитие отдельных орнаментальных компонентов байрыкско-лыбаевской традиции, так и комплексов, отражающих их самое разнообразное сочетание. Но в любом случае, картина будет мозаичной, предопределенной хаотичным движением носителей отдельных декоративных стилей некогда монолитной культуры, обусловленным новыми историческими реалиями.

Список литературы

- Асташкин В.И., Асташкина О.В., Дрябина Л.А.** Энеолитические комплексы поселения Велижаны-1 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 1995. – С. 29–38.
- Волков Е.Н.** К вопросу об этнической атрибуции населения ташковской культуры // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. – Вып. 1. – С. 161–163.
- Волков Е.Н.** Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2002. – Вып. 4. – С. 57–70.
- Волков Е.Н.** Поселение Имбиряй-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2004. – Вып. 5. – С. 32–37.
- Волков Е.Н.** Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2006. – Вып. 7. – С. 22–35.
- Волков Е.Н.** Комплекс археологических памятников Ингальская Долина. – Новосибирск: Наука, 2007. – 224 с.
- Волков Е.Н.** К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2009. – Вып. 11. – С. 4–15.
- Волков Е.Н., Зимина О.Ю.** Поселение Мостовое-1 и некоторые проблемы изучения начального этапа бронзового века Тюменского Притоболья // Человек и Север: антропология, археология, этнография. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 50–54.
- Глушков И.Г.** Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.
- Зайберт В.Ф.** Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. – 1973. – Вып. 134: Бронзовый век на территории СССР. – С. 106–113.
- Зайберт В.Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: АН Респ. Казахстан, 1993. – 246 с.
- Зах В.А.** Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – 55 с.
- Зах В.А.** Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.** Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: АН Респ. Казахстан, 1997. – 180 с.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. – 293 с.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. – 295 с.
- Ковалева В.Т.** Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково-2. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1997. – 132 с.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В.** Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро-13. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. – 160 с.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.** Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук-3. – Препр. – Свердловск: Ин-т истории и археологии УрО АН СССР, 1991. – 72 с.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
- Матвеев А.В.** Первые следы взаимодействия алакульских и ташковских племен Притоболья // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 1995. – С. 48–52.
- Матвеев А.В.** Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.
- Матвеев А.В.** Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н.э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – 50 с.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.** Древности Ингальской долины: Новые памятники бронзового и раннего железного веков. – Новосибирск: Наука, 2003. – Вып. 1. – 174 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Панфилов А.Н.** Новый тип памятников раннего бронзового века в южно-таежном Тоболо-Иртышье // Западно-сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 1989. – С. 150–157.
- Панфилов А.Н.** Многослойное поселение Серебрянка-1 в Нижнем Приишимье: Итоги полевых исследований. – Препр. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. – 80 с.
- Потемкина Т.М.** Проблема связей и смена культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. – 1995. – № 1. – С. 14–27.
- Старков В.Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 220 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.** Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. – 106 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

*Материал поступил в редколлегию 16.06.10 г.,
в окончательном варианте – 26.12.10 г.*

УДК 903.27

М.В. Максимова, А.В. Пеньков, А.К. Шараборин, Э.К. Жирков*Музей археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета
ул. Кулаковского, 48, Якутск, 677000, Россия
E-mail: mae-ysu@mail.ru*

ПОВТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯТИЛИЩА СУРУКТАХ-ХАЯ (ЯКУТИЯ): ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Святыище Суруктах-Хая на р. Мархе (Якутия) после экспедиций А.А. Саввина в 1939 г. и А.П. Окладникова в 1941 г. долгое время не подвергалось повторным исследованиям. Вполне удовлетворительная сохранность его росписей (в отличие от большинства писаниц средней Лены) позволила эффективно провести в августе 2011 г. дополнительное изучение этого выдающегося памятника главным образом путем фотофиксации с помощью цифровой фототехники.

Ключевые слова: Якутия, святыище, наскальное искусство, фотофиксация, сохранность памятника, факторы разрушения писаниц, достоверность графических копий.

Введение

В августе 2011 г. сотрудниками Музея археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета (СВФУ) были проведены полевые исследования святыища Суруктах-Хая (в переводе с якутского «писанная скала» или «скала с письменами») на р. Мархе – левом притоке Лены. За время экспедиции накоплен обширный материал (фотографии, описания, замеры, контрольные графические копии) по этому уникальному памятнику наскального искусства Якутии.

Начало научному изучению святыища было положено в августе 1939 г. якутским этнографом А.А. Саввиным. В ходе рекогносцировки ленских писаниц, выполненной им «тщательно и с большой энергией» [Окладников, Запорожская, 1972, с. 7], исследователь описал священную скалу, многочисленные рисунки, жертвенные места, зафиксировал фольклорные материалы и расспросные сведения о скале

и соответствующих поверьях [Саввин, 1940, с. 29]. К сожалению, отчет А.А. Саввина остался лишь в рукописи; обширные цитаты из нее опубликованы в монографии А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской [1972, с. 8–9, 78–79].

Летом 1941 г. на Суруктах-Хая работала Ленская историко-археологическая экспедиция в составе: А.П. Окладников, В.Д. Запорожская, И.И. Барашков. Материалы этих исследований в полном объеме были приведены в монографии [Окладников, Запорожская, 1972, с. 16–31, 78–88, 125–132]. До ее выхода публиковались лишь общий вид писаницы и отдельные изображения [Окладников, 1949, табл. XII; XV, 1; 1955, с. 101, рис. 29; с. 166, рис. 54].

После выхода в свет монографии А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской в изданиях воспроизводились наиболее эффектные графические материалы, относящиеся к святыищу на Мархе (см., напр.: [Алексеев, Пеньков, 2006, рис. 9, 10, 12; Ларичев, 2008, рис. 1–4, 6, 8]). Ученые характеризовали святыище как «выдающийся памятник наскального искусства северной тайги» [Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005, с. 292], «на удивление целостный объект духовной культуры Ленского края» [Ларичев, 2008, с. 170] и др., называли

*Работа выполнена в рамках научного проекта № 2.2.3.1/2652 АВЦП РНП ВШ (2010–2011 годы) и при спонсорской поддержке ОАО «Алмазы Анабара».

Суруктах-Хая «живописной», «впечатляющей», «уникальной», «загадочной», «таинственной» скалой. Однако с 1941 г. до начала XXI в. памятник не изучался специалистами. С точки зрения профессионалов, исследования Суруктах-Хая не могли дать сколько-нибудь значимой новой информации, которая оправдала бы приложенные усилия и существенные затраты. Это ошибочное мнение основывалось, в частности, на заключении исследователей о том, что «на всех писаницах Средней Лены не сохранилось сколько-нибудь целых скальных плоскостей с рисунками, все они подверглись интенсивному разрушению» [Алексеев, Кочмар, 2003, с. 111]. Кроме того, зарисовки В.Д. Запорожской, сделанные в ходе экспедиции в 1941 г. [Окладников, Запорожская, 1972, с. 125–132, табл. 19–27], были сочтены исчерпывающими, не подлежащими коррективам и дополнениям. Так, В.Е. Ларичев отмечал: «Мархинские материалы – превосходного качества источник» [2008, с. 170], и отвергал «сомнения в точности работы копииста, который фиксировал на бумаге каждую деталь» [Там же, с. 175].

Ситуация кардинально изменилась в 2009 г., когда святилище Суруктах-Хая на Мархе посетил известный в Якутии путешественник и фотограф-любитель предприниматель Е.П. Макаров. Он передал Музею археологии и этнографии СВФУ комплект сделанных им фотографий и право на использование этих материалов в научных и музейных целях [Макаров, 2010, с. 105]. Благодаря Е.П. Макарову у нас появилась возможность оценить состояние скалы и рисунков на скальных плоскостях [Максимова, 2011, с. 162–164], спланировать экспедицию для повторного изучения в 2011 г., выделить основные проблемы и методы их разрешения.

Цель настоящей публикации, в которой впервые обобщаются итоги экспедиции 2011 г., – обсудить вопросы сохранности скальных плоскостей с изображениями, достоверности широко известных копий, выполненных в 1941 г., а также принципиально новые результаты последних исследований. Уточнения требуют и сведения о местоположении объекта исследований и о структуре скального субстрата, предопределившей многие особенности святилища.

Общая характеристика объекта

Святилище Суруктах-Хая находится на левом берегу Мархи*, в 22 км ниже по течению от устья р. Намалджылах – правого притока Мархи, по которому наш отряд сплавлялся на лодках к месту работ. Расстояние

до места впадения Мархи в Лену по прямой линии 59 км, с учетом многочисленных излучин – ок. 150 км. Координаты объекта (по GPS-навигатору (в системе WGS-84)): 61°05'0,8" с.ш. и 122°53'8,41" в.д.

Скальная гряда, сложенная кембрийскими известняками с субгоризонтальным залеганием слоев, фиксируется в центре речной излучины и прослеживается вдоль правого борта ручья* и соответствующего распада (рис. 1). На высоте 17–18 м гряда вздымается от берега Мархи в юго-восточном направлении, здесь ее ширина составляет 6–13 м, затем гряда меняет простирание на восточное, протягивается еще на 26–28 м и сужается до 5–1,5 м. Высота залесенной поверхности террасы, замеренная в 260 м от реки, составляет 90 м, до следующей (ниже по течению) гряды на левобережье ее отделяют 560 м. Все эти скальные гряды сложены выветренными известняками, образующими типично «руинный» рельеф. Формы выветривания хорошо видны на фотографиях общего вида скальной гряды (рис. 1) и общего вида утеса с наскальными изображениями (рис. 2, правый верхний угол). Последняя из вышеупомянутых фотографий иллюстрирует также особенности эрозии скалы, которые способствовали сохранению росписей. Довольно широкая (0,8–1,2 м) промоина сформировалась по субвертикальной трещине (разлому) северо-восточного – юго-западного простирания. Судя по сглаженным, отполированным водой стенкам, эта промоина в значительной мере дренирует водораздел скальной гряды. По направлению к этому водостоку скошена вершина утеса: высота его северо-восточного края 21,0 (23,6) м**, а юго-западного – 16,9 (19,5) м. Высшая точка всей гряды находится на высоте 29,7 (32,3) м. Дождевые и талые воды, если учитывать характерные следы водной эрозии, стекали по юго-западной («торцевой») части утеса и по примыкающему флангу обращенной к реке «лицевой» (по А.А. Саввину), или «фасадной» (по А.П. Окладникову) стороне утеса. Противоположный (северо-восточный) фланг и центральная часть этой отвесной стены почти не подверглись размывам.

Структуру скального субстрата святилища Суруктах-Хая сформировали две системы субвертикальных трещин. Первая из них, простирающаяся по линии СВ – ЮЗ, представлена уже упомянутой широкой и глубокой промоиной, которая с юго-юго-восточной стороны обособляет это экзотическое об-

*Ширина ручья в приустьевой его части 17 м, ширина Мархи на период наших работ (18–26 августа) 35 м. Кстати, А.А. Саввин в 1939 г. прибыл к святилищу, как и мы в 2011 г., 18 августа.

**Здесь и далее первая цифра – высота от подножия скалы, вторая (в скобках) – от уреза воды в Мархе на 24.08.2011 г. Отметим, что в 1939 г. высота «известняковой башни» определена в 22 м [Саввин, 1940, с. 10].

*Это отмечал и А.А. Саввин [1940, с. 10], но в работе А.П. Окладникова, В.Д. Запорожской указывалось, что скала находится на правом берегу реки [1972, с. 16].

Рис. 1. Общий вид скальной гряды с «руинным» рельефом на левобережье Мархи.

разование, именуемое в литературе «скальным выступом», «изолированным живописным останцем», «столбом», «башней», «священной горой» и т.д. Параллельно этому разлому фиксируется серия трещин, проявленных с разной интенсивностью (глубина, ширина и пр.). Из этой серии выделяются три четко выраженные трещины, контролирующие локализацию как групп изображений, так и жертвенных мест.

Первая из указанных трещин (рис. 3, правый край) разделяет скальные блоки 1 и 2 (толщина блоков ок. 1,5 м, т.е. крайне незначительная по сравнению с высотой (17–21 м) и шириной (8–9 м)). По наблюдениям А.А. Саввина [1940, с. 12], подтвержденным позднее А.П. Окладниковым [Окладников, Запорожская, 1972, с. 79], именно в этой трещине было зафиксировано «около 80 старинных стрел». Два костяных наконечника найдено здесь и нами. Блок 3 представляет собой очень тонкую скальную плиту: от 20–18 см в верхней части до 10 см и менее – в нижней (рис. 3, левая часть). При этом значение этого миниатюрного блока-плиты велико: на его плоскости, обращенной к ССЗ, имеется несколько групп изображений (см. *таблицу*), еще две фигуры изображены на торце («щеке») этого скального блока, обращенном на ЮЗ. Верхний торец блока 3 на высоте 10,8 (13,4) м образует узкую ступеньку; возможно, именно она помогла древним художникам создать самую верхнюю композицию. Блок 4 с верхней площадкой на высоте 10,1 (12,7) м утончается снизу вверх – от 2–2,5 до 0,5–0,4 м. Он также мог использоваться создателями писаницы для работы. Блок 5 (на рис. 3 к блоку приставлена крайняя

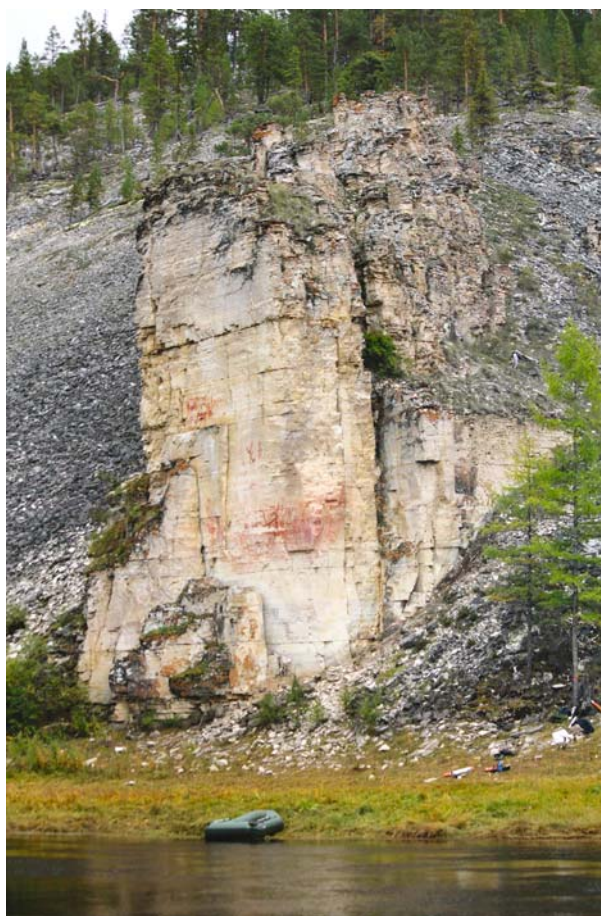

Рис. 2. Общий вид скалы Суруктах-Хая с многочисленными наскальными росписями и жертвенниками.

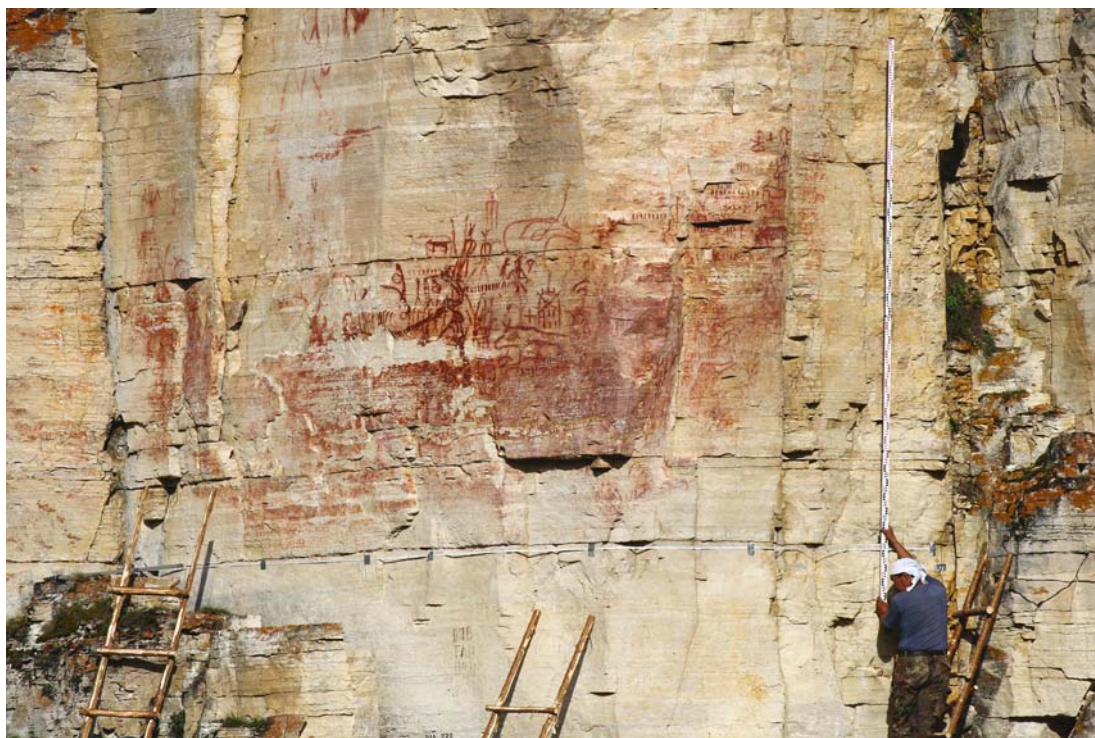

Рис. 3. Рабочий момент исследований писаницы в 2011 г.

Группы наскальных изображений писаницы Суруктах-Хая

№ группы	№ рисунка в данной статье	Соответствие рисункам в монографии А.П. Окладникова, В.Д. Запорожской [1972]	Азимут экспозиции и угол наклона плоскости	Размещение композиции
I	2–4, 8	С. 126, табл. 20	ССЗ 340, угол 90° (до –88°)	Горизонтальное
II	4	С. 126, табл. 21, слева сверху; с. 132, рис. 3, 5	ССЗ 330, угол 88° (до 90°)	Диагонально-вертикальное
III	3, 4	С. 126, табл. 21, вверху в центре	ССЗ 340, угол 82° (до 88°)	Горизонтальное
IV	4	—*	ССЗ 350, угол 80°	Единичное изображение
V	2–5	С. 127, табл. 22	ССЗ 340, угол 90°	Диагональное
VI	3	—	З 280–290, угол 84° (до 88°)	?
VII	2, 3	С. 126, табл. 21, справа**	ССЗ 330, угол 88°	Преимущественно вертикальное
VIII	2, 3	С. 126, табл. 21, справа**	ССЗ 330, угол 82°	» »
IX	3	—	ЮЗ 240, угол 70° (до 76°)	Вертикальное
X	2, 3, 5, 6, 9	С. 128, табл. 23**	СЗ 320, угол 78° (до 90°)	Горизонтальное
XI	3, 5, 6	С. 129, табл. 24**	Неровная поверхность	?
XII	3, 5, 6	С. 129, табл. 24, слева внизу	ЮЗ 240, угол 80°	Вертикальное
XIII	3, 5, 6	С. 129, табл. 24, справа вверху	З 270, угол 75°	Преимущественно вертикальное
XIV	3, 6	—	ЮЗ 220, угол 80°	?
XV	3, 5	—	СЗ 320, угол 80° (до 88°)	Горизонтальное
XVI	3, 5–7	—	СЗ 320, угол 80° (до 90°)	Диагонально-горизонтальное

*Не отмечено в монографии.

**Соответствие частичное.

слева лестница) со ступенчатой верхней площадкой: 5,6 (8,2); 5,2 (7,8); 4,7 (7,3) м. Он хорошо известен по описаниям и фотографии, сделанным в 1941 г. [Окладников, Запорожская, 1972, с. 18, 25–26, 78–80], именно с этим блоком и глубокой трещиной, отделяющей его от блока 2, связаны открытия А.А. Саввиным и А.П. Окладниковым первого в Ленском крае богатого жертвенника. В 2011 г. на вершине блока 5 удалось обнаружить железную латную пластину и у подножия скалы – несколько предметов: каменный наконечник стрелы, резец неолитического облика, два деревянных шенкена.

Группирование наскальных росписей Суруктах-Хая

Предварительно нами выделено 16 групп наскальных изображений. Это группирование в основном аналогично тому, что было намечено А.П. Окладниковым (четыре «топографические группы», «восемь композиций», «ярусы изображений» и т.д.), поэтому в таблице, которую мы приводим в настоящей статье, в отдельной графе указывается соответствие каждой группы подразделениям А.П. Окладникова (см. *таблицу*). Основные критерии выделения групп: степень обособленности в пространстве, соответствие тому или иному элементу структуры скального субстрата, характер микрорельефа скальной плоскости, экспозиция и угол наклона плоскости, геометрическая доминанта композиции (вектор размещения отдельных изображений). Дополнительные критерии группирования: цвет и тон красителя, особенности освещения, размеры изображений, сюжетно-стилистическое сходство и различия.

Гипсометрически выделенные группы распределяются по трем основным уровням («этажам»):

1. Верхний – от 11,1 (13,7) до 12,1 (14,7) м – только группа I (скальный блок 2).

2. Средний – от 9,1 (11,7) до 10,4 (13,0) м – группы II, III (блок 3), IV (ниша в блоке 3), V (блок 2).

3. Нижний – от 6,3 (8,9) до 8,4 (11,0) м – группы VI (блок 4), VII, VIII (блок 3), IX (блок 3, торец), X (блок 2), XI, XII, XIII (блок 2, торец), XIV (блок 1, торец).

К нижнему «этажу» примыкают реликты почти уничтоженного ныне комплекса изображений. На уровне 6,0 (8,6)–6,3 (8,9) м выделены две небольшие группы: XV (блок 2) и XVI (блок 2, включая горизонтальную подошву пласта-карниза). В последнюю группу объединены изображения, выполненные на взаимно перпендикулярных плоскостях, но демонстрирующие сюжетно-стилистическое единство (рис. 4, 5).

Исключением является группа V, изображения которой находятся на высоте 8,1 (10,7)–10,1 (12,7) м.

Эта композиция уникальна в нескольких аспектах: по размеру фигур (0,9–1,1 м), по геометрической доминанте (диагональной), по отсутствию уступов-ступеней, с которых могла бы быть расписана эта скальная плоскость (см. рис. 3, 6, 7). Сооружение очень высокой лестницы и рискованные действия на ней могли быть предприняты лишь с очень важной целью – например, изображения сакрального пантеона [Алексеев, Пеньков, 2006, с. 15–20].

Сохранность скалы и плоскостей с изображениями

Детальное сопоставление современных фотографий с зарисовкой и фотографией 1941 г. позволяет констатировать отсутствие заметных изменений контуров скалы. Следовательно, за 70 лет не произошло сколько-нибудь крупных обвалов. Подвергся разрушению лишь правый фланг блока 5: исчезли ступенчатые выступы (см.: [Деревянко, Закстельский, 2008, с. 99, фото]), разрушенные и унесенные, вероятно, ледоходами. Возможно, не обошлось и без «человеческого фактора»: эти глыбы мешали проникнуть в нижнюю часть трещины-жертвенника, поэтому охотники за сувенирами могли внести свой «вклад» в разрушение.

Что касается наскальных росписей, то единственный доказуемый вывал небольшого блока из зоны интенсивной трещиноватости, соответствующей центральной части самой верхней композиции с широко известной «шеренгой» из 14 антропоморфных фигур, привел к исчезновению пятой (считая слева направо) фигуры (рис. 8). Из пяти «ярусов» различных знаков, слагающих эту композицию, вышеуказанным образом поврежден только один (средний): на месте пятой фигуры, зафиксированной в 1941 г., зияет неглубокая трапецевидная ниша (высота 17 см, ширина 8–5 см). Что касается двух других ниш (одна треугольной формы (левее зооморфных изображений четвертого яруса), другая в форме вытянутого прямоугольника (разделяет два знака пятого, самого нижнего, яруса изображений)), то по некоторым признакам вывалы скальных блоков здесь произошли еще до создания наскальных росписей. Таким образом, степень сохранности верхней композиции, или группы I [Окладников, Запорожская, 1972, с. 126, табл. 20], вполне удовлетворительная, даже хорошая, если учитывать общее состояние большинства писаниц средней Лены.

Сопоставление фото группы X (см. рис. 7, 9) с зарисовками 1941 г. [Там же, с. 128, табл. 23] позволило оценить динамику процесса десквамации поверхности скальной плоскости, при котором происходит «отшелушивание» тонкой (мощностью 2–3 мм) корочки

Рис. 4. Группы рисунков на правом фланге нижнего уровня: XI (в торцевой части блока 2, обособлена от группы XII благодаря крайне неровному микрорельефу), XII (находится также в торце блока 2, отделена от группы XI микрорельефом, отличается спецификой сюжета), XIII (отделена от XII трещиной, находится с ней под углом в 30° и отличается сюжетом), XIV (в торце блока I), XVI (на двух взаимно перпендикулярных плоскостях, в левом нижнем углу фото).

горной породы. Как показало сравнение белой полосы (зоны десквамации) на рис. 7 и пробела на графической копии данной композиции, площадь этой зоны уничтоженных росписей за 70 лет осталась практически неизменной; лишь на одном участке композиции полоса расширилась, но крайне незначительно. Сложнее оценить вред, нанесенный писанице за 70 лет явлениями «расплывания красок подтеками» [Там же, с. 78], т.к. на графических копиях это не отражено, а указания в тексте описаний недостаточно конкретны.

Разрушения, вызванные действиями человека, здесь, в отличие от других писаниц Якутии, незначительны: отмечены лишь несколько групп инициалов, оставленных в 1940–1980-е гг. у подножия скалы (на плоскости без древних изображений), и буквы, процарапанные поверх рисунков нижней композиции на боковом ребре скалы. Эти повреждения, конечно,

Рис. 5. Группа XVI (детализация).

Рис. 6. Группы рисунков верхнего и среднего уровней: I (вверху, в центре), II (справа от верхней части вертикальной рейки), III (просматриваются две антропоморфные фигуры под центром I группы), IV (ниша над центром горизонтальной рейки), часть V (нижний правый угол фото).

Рис. 7. Группы рисунков нижнего уровня: VI (крайняя слева, нанесена на плоскость блока 4, находящуюся под углом в 60° к плоскости блока 2), VII (в верхней ее части – три однотипные антропоморфные фигуры с трапециевидной головой), VIII (условно отделена от VII извилистой трещиной), IX (на торец блока две антропоморфные фигуры, обращенные вниз головой), X (одна из самых крупных и известных композиций писаницы, занимает центральную и правую часть фото).

Рис. 8. Группа I (длина 2,7 м, высота 1,0 см; каменная «антропоморфная фигура» в трещине правее вертикальной рейки размерами 0,7×0,25 м).

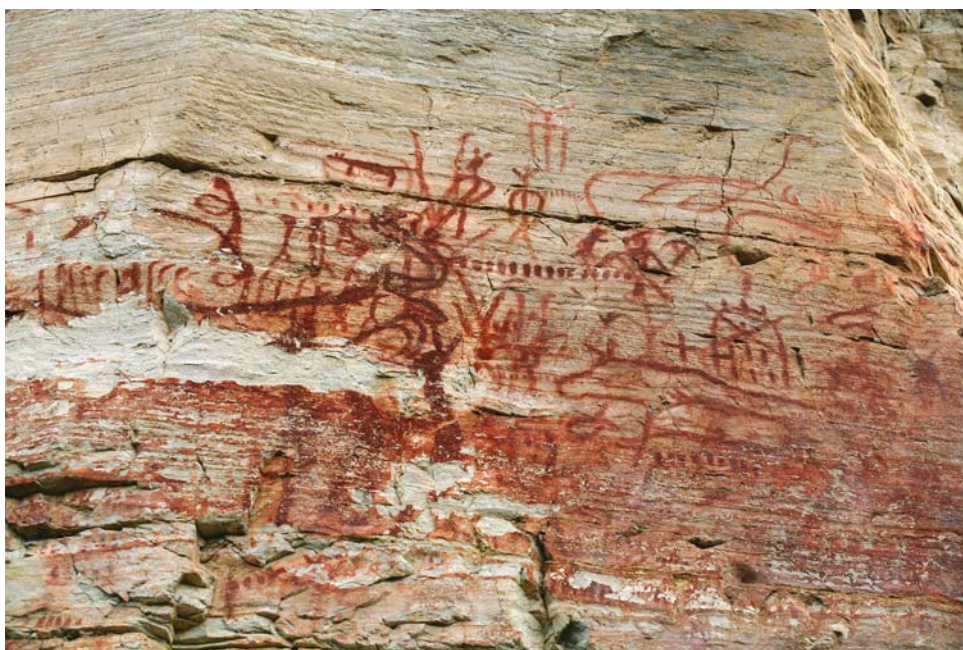

Рис. 9. Группа X (детализация).

не сопоставимы с теми, которые имеются на средне-ленской писанице Чуран*.

Этнограф А.А. Саввин, проводивший в 1939 г. реконструкционные исследования на десяти писаницах средней Лены, обстоятельно описал различные виды разрушений памятников. Он считал главным фактором вреда деятельность людей [Окладников, Запорожская, 1972, с. 8]. Разрушение местным населением древних надписей А.А. Саввин объяснял: 1) традицией использования выскобленной из камня краски в качестве магического лекарства; 2) желанием проверить слухи, что надписи невозможно уничтожить, т.к. они пишутся духом; 3) стремлением воинствующих атеистов уничтожить суеверия. Среди писаниц, подвергшихся особенно сильным разрушениям со стороны «и добросовестных безбожников, и людей, глубоковерующих в магические средства, в существование духов» [Там же, с. 9], он отмечал и Суруктах-Хая на Мархе. По нашему мнению, сегодня местное население, видимо, стало бережнее относиться к древним писаницам, хотя особого уважения к памятнику со стороны старожилов мы не наблюдали. Святилище на Мархе пока спасает его удаленность от оживленных автодорог и судоходной реки, недоступность скальных обрывов; имеет значение также кризис туристической отрасли в республике. Но все это, конечно же, не может быть основанием для успокоения.

Достоверность копий 1941 года

Сопоставление фото группы I (см. рис. 8) с копией, выполненной В.Д. Запорожской [Окладников, Запорожская, 1972, с. 126, табл. 20], дает основание сделать следующие выводы:

1. Графические копии антропо- и зооморфных фигур, а также знаков-символов (их А.П. Окладников называл «птицевидными», «четырёхлучевыми фигурами» и т.д.) безупречны. Вызывает восхищение качество работы художницы, впервые в сложных условиях, в тяжелое военное время зафиксировавшей древние шедевры мархинской писаницы.

2. Имеются неточности в воспроизведении черточек в самом верхнем ярусе композиции. Как указано в описании 1972 г., «эта сплошная горизонтальная полоса вертикальных черточек в середине прерывается антропоморфной фигурой». Антропоморфная фигурка, аналогичная по форме «центральной» (интенсивно осветленная и несколько меньшего размера), показана и на левом фланге этого ряда (см. рис. 8).

Вполне очевидно, что 70 лет назад исследователи не придавали значения количеству черточек. Оно

разное на двух зарисовках – детальной [Там же, табл. 20] и схематической [Там же, табл. 26]. На первой: $23 + 1A$ (антропоморфная фигура) $+ 48 = 72$, на второй: $22 + 1(A) + 36 = 59$. Нами выявлено следующее количество таких элементов (см. рис. 8): $2 + 1(A) + 19 + 1(A) + 28$ (или 29) = 51 (или 52). Подчеркиваем, что не может быть и речи о полной «стертости» каких-то элементов со скального полотна.

С появлением астроархеологической гипотезы подобные черточки и пятна в наскальных изображениях нередко стали рассматриваться как «счетные знаки», а группы таких знаков – как «календарно-астрономические записи»*.

3. Изображения верхнего яруса группы I в 1941 г. копировались явно «на глаз». Возможно, некие обстоятельства заставляли художницу торопиться. Этим можно объяснить неточности в передаче количества черточек, слагающих ряд, и формы этого ряда: субгоризонтальный, наклоненный лишь на левом фланге, на графической копии он представлен сильно изогнутым в нескольких секциях**.

4. На уровне двух нижних ярусов рассматриваемой композиции прослеживаются остатки наскальных рисунков, не нашедшие отражения в копиях 1941 г. Особый интерес представляет выявляемый здесь палимпсест: изображение крупной головы животного, контур которого перекрывается сверху ногами антропоморфной фигуры (седьмой слева), а внизу – спиной правой зооморфной фигуры из четвертого яруса (см. рис. 8).

В рамках данной статьи, разумеется, невозможно обсудить вопросы, касающиеся и других групп, каждая из которых зафиксирована цифровой фототехникой десятки раз: в различных ракурсах, при разном освещении и т.д.*** Отмеченные наблюдения касаются

*Графическую (неточную) информацию, приведенную в детальной зарисовке В.Д. Запорожской, пытался истолковать как счетную знаковую запись календарного характера один из соавторов настоящей статьи [Кочмар, Пеньков, Кнуренко, 1999, с. 224–225; Алексеев, Пеньков, 2006, с. 47]. Позднее такую же астроархеологическую интерпретацию этих «счетных знаков» дал и В.Е. Ларичев; им была опубликована целая система астрономических, космогонических и календарных построений, основанных на неточной информации и ряде произвольных допущений [2008, с. 165–184].

**Мелкая небрежность копииста стала основой для трактовки этого ряда как «змееобразно извивающегося существа» – Дракона, рассеченного на «ломтики» [Ларичев, 2008, с. 181].

***Всего сделано более 1,5 тыс. фотографий изображений обсуждаемой писаницы, проведена видеосъемка, в т.ч. в формате 3D, выполнено также контрольное калкирование всех доступных групп рисунков. Весь материал нуждается в тщательной обработке и анализе. «Одним из лучших способов документирования наскальных изобра-

*Здесь поверх фигур бегущих лосей выбита крупная надпись: «132 отр. А.Н. 1950 г.».

ся всей писаницы. Можно констатировать, что копии почти всех «фигуративных» изображений, выполненные в 1941 г., вполне достоверны. Неточности же относятся к деталям, которым 70 лет назад не придавалось научного значения.

Результаты экспедиции 2011 года

Повторное исследование писаницы предполагало, в частности, выявление изображений, не отмеченных предшественниками, а также неточностей в ранее сделанных и опубликованных копиях. Учитывая масштабность такого объекта, как Суруктах-Хая, следует признать, что полное освещение многочисленных дополнений и корректив возможно лишь в рамках серии публикаций или в монографии. В самом общем виде можно сформулировать следующие дополнения: 1) группы VI, XIV, XV – изображения, подвергшиеся интенсивным процессам выветривания и представленные преимущественно трудно читаемыми фрагментами, не зафиксированы отрядом А.П. Окладникова; 2) отчетливые и довольно интересные изображения (группы IV, IX, XVI) приурочены к специфическим структурным элементам скальных блоков (ниши, навесы, торцы), поэтому, возможно, не были скопированы в 1941 г.; 3) изображения, различные по степени отчетливости и значимости, находящиеся на периферии известных композиций, по неясным причинам не зафиксированы 70 лет назад (группы VII, VIII и др.).

Уточнения копий 1941 г. касаются изображений групп I и X. В центре верхнего яруса ее изображений на копии 1941 г., рядом с линейной антропоморфной фигурой со звериной головой, приводится некая конструкция типа крупного лука [Окладников, Запорожская, 1972, с. 128, табл. 23]. На фотографиях 2009–2011 гг. отчетливо просматривается обращенная вниз головой антропоморфная фигура, у которой выписаны стопа и коленный сустав, шею и голову поверженного (очень длинноногого) человека попирает ногой более коренастый победитель со звериной головой (см. рис. 9).

В ходе повторного изучения писаницы измерялись азимуты экспозиции и углы наклона плоскостей с рисунками. По средним значениям этих замеров (см. *таблицу*) можно сделать выводы: 1) преобладающая часть изображений нанесена на плоскости, обращенные на

ССЗ (группы I–V, VII, VIII, X, XV, XVI). Для писаниц на территории Якутии такая экспозиция плоскостей с росписями очень редка [Кочмар, Пеньков, Кнуренко, 1999, с. 217–222]. Возможно, высокая степень сохранности росписей на плоскостях указанных групп связана с почти строгой вертикальностью этих плоскостей (вплоть до отрицательных углов наклона); 2) несколько групп росписей имеют юго-западную (группы IX, XII, XIV) и западную (группы VI, XIII) экспозицию, как и на большинстве писаниц Якутии [Там же, с. 217–222]. По мнению А.П. Окладникова, «они нанесены были, очевидно, позднее... так как занимают на скале невыгодное по сравнению со всеми остальными рисунками место» [Окладников, Запорожская, 1972, с. 88]. В полевых условиях определены размеры фигур и их пропорции, анализ которых может дать дополнительную информацию о последовательности создания рисунков [Максимова, 2006]. От суждений об относительной и «абсолютной» хронологии росписей Суруктах-Хая пока целесообразно воздержаться до тщательного рассмотрения выявленных здесь палимпсестов и получения результатов анализа проб красителей.

Изучение высококачественных фотографий святылища Суруктах-Хая нами до экспедиции [Макаров, 2010, с. 102–106], позволило не только спланировать полевые исследования, но и обнаружить интересную особенность священной скалы, которая, на наш взгляд, проясняет: 1) критерии ее сакрализации; 2) причины, побудившие наносить изображения «у почти недоступной вершины, хотя внизу можно было без труда отыскать подходящие для рисования плоскости» [Ларичев, 2008, с. 168]; 3) чем обусловлены некоторые параметры знаковых записей в группе I изображений.

Обсуждаемая особенность запечатлена в левом верхнем углу фронтальной фотографии группы I (см. рис. 8). В глубокой вертикальной расщелине, проходящей северо-восточнее (левее) наскальных изображений, сочетание разнонаправленных пересекающихся систем трещиноватости сформировало иллюзию мощной антропоморфной фигуры с треугольным «туловищем», столбообразной «головой», расставленными «ногами». Упомянутая расщелина – одно из проявлений системы субвертикальных трещин, простирающихся с ССЗ на ЮЮВ. Трещины данной системы имеют довольно «прихотливый» характер: часто сужаются и расширяются, из прямолинейных превращаются в ступенчатые и криволинейные и т.д. (см. рис. 6, 8). Указанные особенности отличают эту систему трещиноватости от вышеописанной (простираение по линии СВ – ЮЗ), сформировавшей скальные блоки – носители древних росписей и жертвенные места: трещины и разломы ее выдержаны по ширине, образуют гладкие вертикаль-

жений, – отмечает В.И. Молодин, – является фотофиксация, особенно с помощью современной цифровой техники» [2004, с. 54]. Во всяком случае исследованная писаница обладает характеристиками (яркость и отчетливость многих изображений), позволяющими считать фотофиксацию главным способом ее документирования.

ные плоскости и т.д. Все это подтверждает высказанное в начале статьи положение о том, что структура скального субстрата во многом предопределила параметры святилища Суруктах-Хая.

Вернемся к иллюзорной антропоморфной «скульптуре». Она, несомненно, создана микротектоническими и эрозионными процессами без участия антропогенного фактора, хотя заслуживает внимания, возможно (?), выбитый знак (угол, обращенный вершиной вверх) в основании столбообразной «шеи», сливающейся с «головой». Трудно судить, имеет ли существенное значение упомянутый знак. Сама каменная фигура, мощно «выдвигающаяся» из недр скалы, возможно, была замечена древним художником. Для такого предположения имеются следующие основания: 1) первый (верхний) ярус изображений в левой части смещен от горизонтальной оси вниз (см. рис. 8) таким образом, что антропоморфные фигурки и символизирующие их черточки почтительно «припадают к стопам» каменного великана; 2) в облике 14 антропоморфных существ центрального (третьего) яруса изображений явно проступают некоторые черты «каменного идола» – треугольные туловища, расставленные ноги и т.д.; 3) крайняя слева антропоморфная фигурка изображена выходящей из-за крупной четырехлучевой графемы, которая еще задолго до появления фотографий Е.П. Макарова была отождествлена А.Н. Алексеевым и А.В. Пеньковым с древнекитайской пиктограммой *шань* – «гора» [2006, с. 40–42].

К представленным конкретным доводам можно добавить соображение общего характера: древними людьми «промоина в камне, расщелина, трещина в скале, пещера воспринимались как природные варианты рожающего лона» [Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 2005, с. 252]. Естественно предположить, что фигура каменного антропоморфного существа, застывшего в «рожающем лоне», ассоциировалась древними основателями святилища с родоначальником людей, мифическим предком. Таким образом, именно природная уникальность скалы могла определять выбор объекта для почитания и сакрализации. В этой связи следует обратить внимание на верхний знак группы V рисунков, который ранее был сопоставлен с древней китайской пиктограммой *шан ди* – «первопредок, первое и высшее существо» [Алексеев, Пеньков, 2006, с. 15–17].

Тезис о «башневидности» скалы (ее сходстве с храмом, колокольней и т.д.) как причине сакрализации едва ли заслуживает внимания: древний человек не мог видеть подобных архитектурных форм, поэтому сравнений такого рода у него быть не могло, да и живописных скальных останцов в окрестностях Суруктах-Хая не так уж мало! Важное значение могли иметь зрительные эффекты, связанные с солнечным освещением скалы в разное время. Эти эффекты

многочисленны, разнообразны; они ошеломляют и завораживают даже современного человека, перенасыщенного всякого рода информацией. Безусловно, этот аспект исследований святилища нуждается в отдельном и обстоятельном описании. Если облик громадной скалы претерпевает поразительные трансформации (то как бы исчезает в слепящих лучах восхода, то словно подсвечивается изнутри, и рисунки становятся ярче), то вероятно, заслуживают внимания следующие предания, записанные среди местного населения в 1939 г. А.А. Саввиным: «...надписи на скале часто меняются, на месте старых появляются новые» [Окладников, Запорожская, 1972, с. 79], «...надписи начертаны могущественным духом, обитающим на этом утесе. Он представляется иногда в образе женщины-духа, хозяйки р. Мархи, а иногда в образе духа-хозяина леса Бай-Байаная» [Там же, с. 78]. Не связаны ли эти поверья с освещением скалы и наскальных росписей, изменением влажности, ракурсом взгляда? Разумеется, доказать реальность оптических эффектов и зрительных иллюзий нелегко. Заметим, однако, что Суруктах-Хая выгодно отличается от многих других подобных объектов: здесь А.А. Саввиным зафиксированы давние свидетельства не только о том, что феномены зрительных иллюзий наблюдались, но и о содержании этих явлений. По нашему мнению, примером «включения естественных особенностей фактуры скальной поверхности в изобразительный ряд» [Дэвлет М.А., 1998, с. 234] можно считать каменную антропоморфную фигуру на левом фланге группы I наскальных изображений Суруктах-Хая. «Соавторство с Природой» [Там же, с. 235] – меткая и емкая формула создания древних святилищ!

Обращал ли внимание на подобные природные феномены Суруктах-Хая А.П. Окладников? Эту тайну он унес с собой три десятилетия назад. Но случайно ли, что среди его многочисленных идей была высказана и такая: «Кто знает, может быть, сама природа своими творениями породила первого скульптора и первого художника?» [Деревянко, Закстельский, 2008, с. 181].

Заключение

Святилище Суруктах-Хая на Мархе достойно тщательного повторного изучения и находится в состоянии, позволяющем осуществить его. Знаменитая мархинская скала – объект не только уникальный и грандиозный, но и во многом парадоксальный. При первом и отдаленном взгляде на фасад утеса он кажется несокрушимым монолитом. При близком рассмотрении с флангов поражает относительная устойчивость этого экзотичного останца, состоящего из нескольких вертикальных плит и пластин с чрезвы-

чайню узким (в сравнении с высотой и шириной) основанием. Скальный останец в течение 70 лет (как показал эксперимент, поставленный самой историей изучения этого объекта) сохранился почти без существенных изменений для исследования наскальных росписей. Последние, к счастью, сохранили яркость и отчетливость, благоприятствующие фотофиксации с помощью современной цифровой техники.

Принципиально важным результатом изучения святилища на Мархе в 2011 г. является выявление тесной связи всех основных особенностей и параметров святилища со структурой скального субстрата. В этом аспекте Суруктах-Хая – яркий пример сакрального объекта, созданного древним человеком в «соавторстве с Природой».

* * *

Участники изучения памятника, начатого в 2011 г., благодарят Е.П. Макарова, фотосъемки которого положили начало новому этапу исследований Суруктах-Хая.

Список литературы

- Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н.** Повторные исследования писаниц Средней Лены // Изв. Междунар. академии наук высшей школы. – М., 2003. – № 1. – С. 101–122.
- Алексеев А.Н., Пеньков А.В.** Новые подходы к познанию духовной культуры таежных племен древней Якутии: пиктографические «тексты» на ленских писаницах бронзового века // Древности Якутии: Искусство и материальная культура. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 12–56.
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А.** Мифы в камне. Мир наскального искусства России. – М.: Алетея, 2005. – 471 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 286 с.
- Деревянко Е.И., Закстельский А.Б.** Тропой далеких тысячелетий. – Новосибирск: Инфолио, 2008. – 200 с.
- Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., Кнуренко П.С.** Экспозиции писаниц Якутии и астроархеологический аспект интерпретации // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 214–229.
- Ларичев В.Е.** Мархинский дракон и время (астрономический, календарный и космогонико-мифологический аспекты семантики небесного чудовища и зооантропоморфных фигур святилища Суруктах-Хая, верхняя композиция) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 165–185.
- Макаров Е.П.** Святилище Суруктах-Хая на р. Мархе // Наука и техника в Якутии. – 2010. – № 2. – С. 102–106.
- Максимова М.В.** Палеометрологический анализ и некоторые аспекты семантики писаницы Баасынай Пр. Олекма // Древности Якутии. Искусство и материальная культура. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 136–154.
- Максимова М.В.** Святилище Суруктах-Хая (р. Марха): перспективы повторного исследования // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): мат-лы Междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 162–164. – (Тр. Сиб. ассоциации исследователей палеолитич. искусства; т. 2, вып. VIII).
- Молодин В.И.** Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 51–64.
- Окладников А.П.** История Якутии. – Якутск: Якутгосиздат, 1949. – 437 с.
- Окладников А.П.** История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. I: Якутия до присоединения в состав Русского государства. – 432 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.
- Саввин А.А.** Материалы к изучению ленских надписей. 1940. Рукопись // Архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН. Ф.4. Оп. 12. Ед. хр. 89а.

*Материал поступил в редколлегию 16.11.11 г.,
в окончательном варианте – 26.12.11 г.*

УДК 903.2

С.П. Нестеров

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: nestеров@archaeology.nsc.ru*

ЩИТОК-НАПАЛЬЧНИК ЛУЧНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАМУРЬЯ*

*В статье представлены результаты анализа каменного изделия с отверстием, первоначально определенного как ло-
щило. Анализ морфологических особенностей, следов использования предмета позволило установить его функциональное
назначение в качестве щитка для защиты большого пальца руки при стрельбе из лука.*

*Ключевые слова: Восточное Приамурье, Круглое Озеро, ранний железный век, урильская культура, польцевская куль-
тура, щиток-напальчник.*

Введение

В 2010 г. в коллекции материалов польцевской культуры (VII–VI вв. до н.э. – IV в. н.э.) с поселения Польце I (радиоуглеродная дата VII–III вв. до н.э. [Хон Хён У, 2008, с. 19]) у с. Кукелево Еврейской АО, которая хранится в Институте археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, было обнаружено каменное изделие с отверстием. На приложенной к артефакту этикетке карандашом написано: «Кукелево 1963, ж-ще 1. Польце, кв. 6Д, пол». Однако на самом предмете имеется другая шифровальная запись: «ДВ–62/Ко.–232». Изображение изделия было опубликовано А.П. Деревянко в числе материалов поселения польцевской культуры Кочковатка II как лошило [1976, табл. LX, 10], но на артефактах с этого памятника имеются следующие шифровальные записи «КЧ–68/№...» и «Коч–II – 70/№...». Следовательно, данное лошило не могло находиться в коллекции вещей

с поселения Кочковатка II. В фондах ИАЭТ СО РАН сохранилась коллекция предметов (в основном керамика), на которых указана такая же шифровальная аббревиатура, как на каменном лошине. Она относится к памятнику Круглое Озеро, расположенному около с. Кукелево на р. Кочковатке (рис. 1). Раскопки поселений раннего железного века в с. Кукелево у старых бензобаков и на Круглом озере проводились под руководством А.П. Окладникова и Н.Н. Забелиной в 1962 г. [Деревянко, 1973, с. 46]. На Круглом озере (отсюда «Ко» в записи на исследуемом предмете) изучалось поселение урильской культуры. Одно жилище было раскопано здесь же А.П. Деревянко в 1968 г.* Урильская культура на территории Восточного Приамурья датируется концом II тыс. до н.э. – V в. до н.э. [Там же, с. 53, 266; Гребенщиков, Деревянко, 2001, с. 6, 72].

Щиток-напальчник лучника

Каменное «лошило» изготовлено на первичном галечном сколе (рис. 2). В результате скола с торцового края

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 11–01–00258 (История Сибири. Т.1: Сибирь в древности и средневековье) и НШ–4880.2012.6.

Автор благодарит доктора исторических наук В.П. Мильникова за помощь в подготовке фотоматериала.

*Материалы в полном объеме не опубликованы.

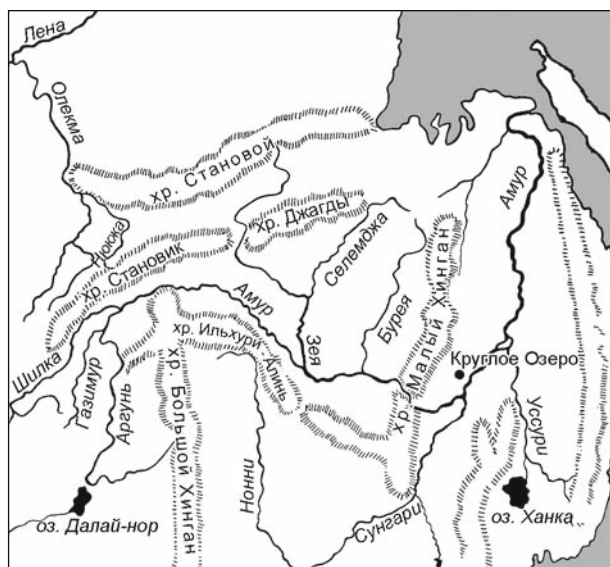

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Круглое Озеро.

Рис. 2. Щиток-напальчник с поселения Круглое Озеро. Здесь и далее фото В.П. Мыльникова.

речной гальки была получена заготовка овальной в плане формы (длина 3,84 см, ширина 2,32–2,48 см), треугольная в поперечном сечении. Затем основание заготовки подверглось обработке – ему придали вогнутую форму. Эта работа была выполнена полукруглым или овальным абразивом шириной 1,5 см, поэтому на длин-

ных сторонах основания заготовки хорошо видны бортики. Глубина выборки относительно краев заготовки составляет 1,0–1,5 мм. Вся поверхность основания изделия гладкая, отполированная, на боковых гранях сохранилась слегка шероховатая галечная корка.

Одна из боковых граней также подверглась дополнительной обработке – была уплощена. Небольшая канавка между краем отверстия и торцовым краем изделия, возможно, представляет собой след от инструмента, которым производилось стесывание поверхности. В результате на данной стороне появилось округлое ребро. Уплощенная поверхность (ширина 10–14 мм) в дальнейшем подверглась полировке, возможно, в ходе использования изделия. На ней в средней части – на участке примерно от верхнего и до округлого ребра предмета, как и на самом ребре, имеется полоса шириной 6–10 мм из заполированных выбоин. На второй боковой поверхности без признаков дополнительной обработки также видны выщерблины, более глубокие и слабо заполированные.

С узкого края заготовки с противоположных сторон было просверлено отверстие биконической формы (внутренний диаметр 3,6 мм, внешний – ок. 6 мм). Ось отверстия перпендикулярна плоскости ребра изделия, но относительно предмета в целом находится под углом ок. 10°.

Наличие вогнутого основания, отверстия около одного из краев, уплощенности с одной стороны полосы и выщерблин свидетельствует о том, что изделие использовалось в качестве щитка, предохранявшего большой палец руки от удара тетивы при стрельбе из лука. Полоса заполированных выщерблин появилась в результате ударных действий спущенной тетивы. Уплощенная сторона щитка служила, вероятно, опорой для стрел (полкой), быстрое движение которых

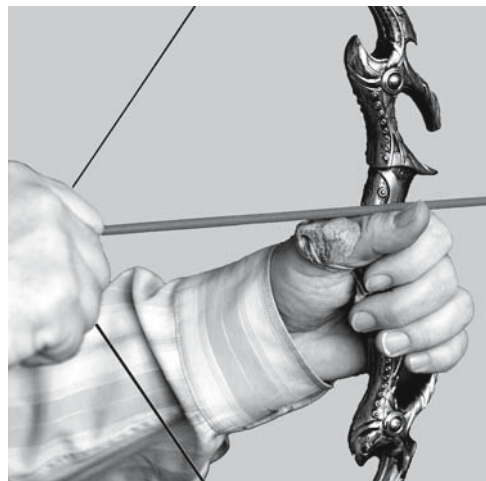

Рис. 3. Реконструкция стрельбы из лука: щиток на большом пальце левой руки, лук в левой руке, стрела справа от лука.

Рис. 4. Реконструкция стрельбы из лука: щиток на большом пальце левой руки, лук в левой руке, стрела слева от лука.

Рис. 5. Положение щитка на пальце левой руки и тетивы в спущенном состоянии.

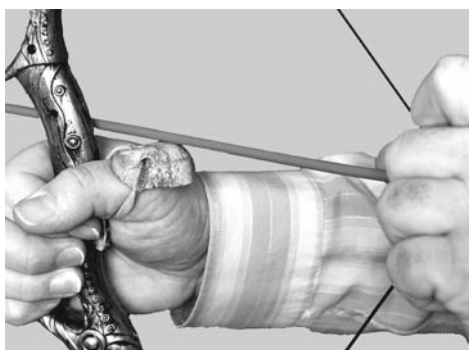

Рис. 6. Реконструкция стрельбы из лука: щиток на большом пальце правой руки, лук в правой руке, стрела справа от лука.

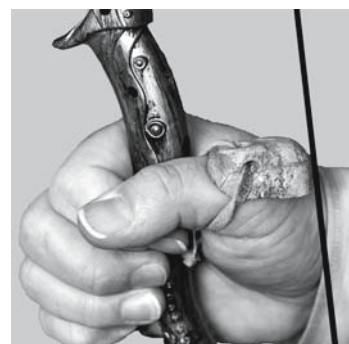

Рис. 7. Положение щитка на пальце правой руки и тетивы в спущенном состоянии.

по ней привело к ее заполировке (рис. 3). Основание щитка могло дополнительно полироваться в случае неплотной фиксации на большом пальце руки. О перемещении щитка по пальцу свидетельствует наличие выбоин на уплощенной стороне предмета: щиток, крепившийся на пальце при помощи петли, продетой в отверстие, во время стрельбы из лука мог сползать вниз, поэтому удар тетивы частично приходился на верхнюю часть напальчника.

Щиток-напальчник мог использоваться как правой, так и левой. При хвате рукояти лука левой рукой щиток надевался на большой палец отверстием к запястью. При этом стрела могла располагаться с правой и левой стороны от лука (рис. 3, 4). Не исключено, что при хвате лука левой рукой стрела чаще располагалась слева от него. Об этом свидетельствуют следы выбоин в нижней части щитка ближе к отверстию (рис. 5). При хвате лука правой рукой щиток необходимо было повернуть отверстием наружу. Стрела также могла находиться слева или справа от лука (рис. 6, 7). Данный щиток-напальчник использовался, скорее все-

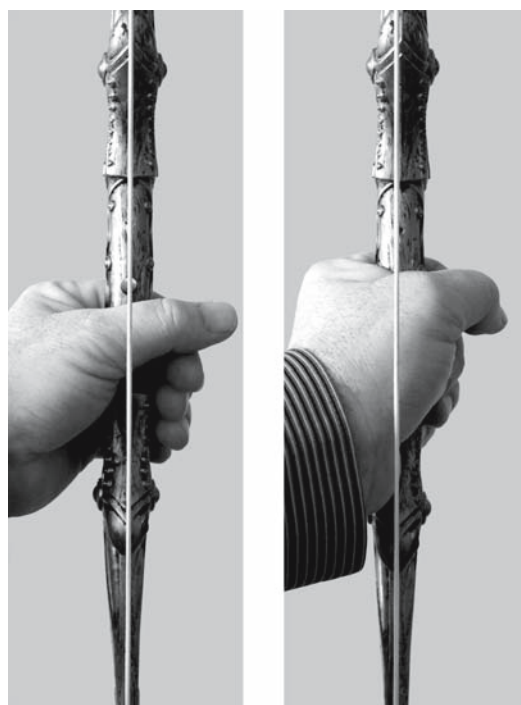

Рис. 8. Способы хвата рукояти лука левой рукой.
1 – низкий; 2 – высокий.

го, при т.н. мелком хвате рукояти лука. При глубоком хвате удар тетивы приходился бы не на фалангу пальца, а на запястье [Гордиенко] (рис. 8).

Заключение

Подобные защитные щитки очень редко находят в памятниках Приамурья. Ближайшим аналогом щитку-напальчнику с Круглого Озера является глиняная миниатюрная «модель защитного щитка для большого пальца, употреблявшегося при стрельбе из лука почти всеми лесными племенами Сибири», обнаруженная в жилище № 2 поселения польцевской культуры Амурский Санаторий в г. Хабаровске [Окладников, Деревянко, 1973, с. 292–293; Деревянко, 1976, с. 97]. Данный щиток представляет собой прямоугольную пластину со

скругленными углами. Одна его длинная сторона скошена, возможно, как у щитка с Круглого Озера, для опоры древка стрелы (полка). Щиток фиксировался на пальце с помощью петли из органических материалов (веревка, кожа), пропущенной через два противоположных отверстия в выступах на тыльной стороне изделия (рис. 9, 1). Единственный костяной щиток эпохи средневековья на данной территории обнаружен в погр. 277 Корсаковского могильника на о-ве Уссурийском [Медведев, 1991, с. 206, табл. LXXXVI, 13; 2005, с. 114] (рис. 9, 2).

Возможно, каменный щиток в виде фигурки медведя обнаружен в погребении начала развитого бронзового века на оз. Утинка в Западной Сибири (рис. 9, 4). Исследователи, опубликовавшие находку, считают ее подвеской [Бобров, Волков, Герман, 2010, с. 77, рис. 1]. Однако наличие заполированной поверхности, а также повреждений на туловище и голове определяет сходство данного изделия с круглоозерским щитком, а противоположные отверстия в лапах и полуовальный вырез между последними вызывают ассоциации со схемой крепления щитка из Амурского Санатория. У сибирских народов придание щитку формы медведя, как и изображение этого животного на напальчниках, имело целью защитить охотника от ударов злых сил, а также принести ему удачу [Легенды Казыма, 2005, с. 49].

Собранные А.В. Бауло данные по щиткам Сибири свидетельствуют о том, что в древности они изготавливались из металла: бронзовые напальчники найдены на Ямале (II–III вв. н.э.) и в Сайгатинском IV могильнике (XIII–XIV вв.), серебряные щитки привозили в Приобье из Волжской Булгарии (XII–XIII вв.). Бронзовые щитки наряду с костяными (рис. 9, 5–7) известны и у хантов [Там же, с. 49; Бауло, 2002, с. 35, рис. 44; Руденко, 1929, с. 33].

В этнографических материалах приамурских народов такие щитки-напальчники отсутствуют. По данным Ю.А. Сема, нанайцы, нивхи, орочи, ульчи, манегры, ороконы (мужчины) «в конце XIX в. носили на большом пальце массивное костяное кольцо, служившее признаком возмужалости, “способности управляться с луком и стрелой”». Его практическое назначение было двоякое: во-первых, оно предохраняло палец при стрельбе из лука, во-вторых, служило ограничителем горизонта» [1973, с. 230] (рис. 9, 3).

В этнографических материалах приамурских народов такие щитки-напальчники отсутствуют. По данным Ю.А. Сема, нанайцы, нивхи, орочи, ульчи, манегры, ороконы (мужчины) «в конце XIX в. носили на большом пальце массивное костяное кольцо, служившее признаком возмужалости, “способности управляться с луком и стрелой”». Его практическое назначение было двоякое: во-первых, оно предохраняло палец при стрельбе из лука, во-вторых, служило ограничителем горизонта» [1973, с. 230] (рис. 9, 3).

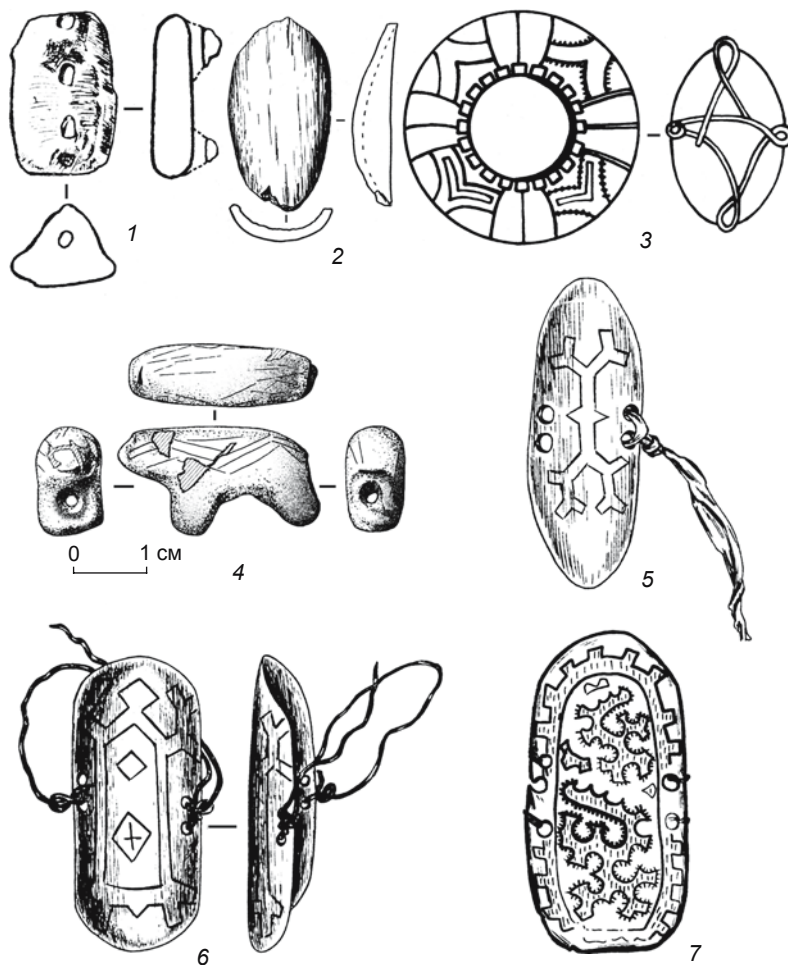

Рис. 9. Защитные приспособления для большого пальца руки из археологических (1, 3) и этнографических (2, 4–6) находок.

1 – Амурский Санаторий [Окладников, Деревянко, 1973, с. 293]; 2 – Корсаковский могильник [Медведев, 1991, с. 206, табл. LXXXVI, 13; 2005, с. 114]; 3 – народы Приамурья [Сем, 1973, с. 230]; 4 – Утинкинское погребение [Бобров, Волков, Герман, 2010, рис. 1]; 5–7 – народы севера Западной Сибири [Бауло, 2002, с. 35, рис. 44].

Таким образом, в раннем железном веке и в средневековье в Приамурье для защиты большого пальца при стрельбе из лука использовали пластинчатые щитки. Возможно, их изготавливали чаще из кости и рога, которые в данном регионе сохраняются плохо. Металлические щитки пока не найдены. Учитывая приамурские этнографические материалы, можно сказать, что основная тенденция в защите пальцев руки лучника свелась к исчезновению пластинчатых щитков и появлению у народов Амура колец с теми же практическими функциями.

Список литературы

- Бауло А.В.** Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 92 с.
- Бобров В.В., Волков П.В., Герман П.В.** Утинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 4. – С. 76–84.
- Гордиенко Г.** Учись стрелять из лука. – URL: // <http://www.lukdeda.ru/> (дата обращения 02.12.11 г.).
- Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И.** Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.
- Деревянко А.П.** Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.
- Деревянко А.П.** Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.
- Легенды Казыма:** каталог. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2005. – 58 с.
- Медведев В.Е.** Корсаковский могильник: хронология и материалы. – Новосибирск: Наука, 1991. – 175 с.
- Медведев В.Е.** Некрополь «непокорных». Большой Уссурийский: остров археологических сокровищ // Наука из первых рук. – 2005. – № 2. – С. 108–123.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 340 с.
- Руденко С.** Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии. – 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 13–39.
- Сем Ю.А.** Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). Этнографические очерки. – Владивосток: [б.и.], 1973. – 315 с.
- Хон Хён У.** Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н.э. – IV в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2008. – 30 с.

*Материал поступил в редколлегию 19.12.11 г.,
в окончательном варианте – 10.01.12 г.*

О.В. Кардаш, Т.М. ПономареваНПО «Северная археология»
а/я 398, Нефтеюганск, 628305, Россия

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

tmp-arch@yandex.ru

ГРЕБНИ IX–XIII ВЕКОВ ИЗ РАСКОПОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается серия деревянных и костяных гребней IX–XIII вв., обнаруженных на археологических памятниках в Среднем и Нижнем Приобье. Гребни из материалов раскопок городищ Стрелка и Бухта Находка публикуются впервые. Приводится подробное морфологическое описание изделий и рассматривается семантика некоторых орнаментов. Анализ предметов произведен с привлечением ранее опубликованных аналогичных изделий. У аборигенного населения севера Западной Сибири до XIII в. в основном бытовали односторонние цельные гребни. Позднее они постепенно были вытеснены импортными изделиями древнерусского облика или аналогичными, выполненными на месте по ввезенным образцам. Средневековые односторонние гребни рассматриваются не только как предмет гигиены. Предполагается и обосновывается несколько функций, это – элемент прически, оберег.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, р. Обь, р. Большой Юган, Обская губа, самоеды, остяки, гребни.

Введение

До настоящего времени вопрос о культурном, историческом и этническом единстве населения рассматриваемого региона остается нерешенным. По мнению ряда исследователей, население северной части Западной Сибири на протяжении длительного времени составляли близкие в культурном отношении предки обских угров и самодийцев [Чернецов, 1957, с. 180; Косарев, 1991, с. 12–29; Хлобыстин, 1993, с. 26; Семёнова, 2001, с. 180, 181; Могильников, 1997, с. 206, 207; и др.]. Период, о котором пойдет речь, соотносится с кинтусовским этапом обь-иртышской культурно-исторической общности, датируемой в настоящее время концом IX – серединой XIII в. [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 57]. Именно с этим периодом ряд исследователей начиная с В.Н. Чернецова [1957, с. 180] связывает начало формирования культуры ныне живущих угров и самодийцев.

Полученные нами в результате собственных исследований новые материалы, содержащие, помимо мор-

фологической, знаково-символическую информацию, позволяют не только расширить круг археологических источников, но и представить данные, по которым можно судить о процессах формирования элементов культуры современных аборигенных народов Северо-Западной Сибири – хантов, манси, ненцев и селькупов. Основные задачи настоящего исследования – введение в научный оборот новых источников – археологических гребней, их анализ с привлечением ранее опубликованных аналогичных изделий, происходящих с памятников Северо-Западной Сибири и сопредельных территорий, обобщающая характеристика этой категории вещей на хронологическом отрезке с IX по XIII в.

Гребни в традиционной культуре

Терминологически, говоря о гребнях, мы имеем в виду только тот вид изделий, основное функциональное назначение которого связано с гигиеной,

укладкой и украшением прически. Морфологически, это пластина с зубцами, расположенными с одной или двух сторон, изготовленная из цельной заготовки либо составная [Крыласова, 2007, с. 248; Брей, Трамп, 1990, с. 66]. Гребень в традиционной культуре многих народов Евразии имел и имеет не только утилитарное, но и идеологическое значение. В мировой культуре он является частым атрибутом мифологических существ и наделяется магическими свойствами [Мифы народов мира, 1980, с. 47, 181, 574 и др.].

В этнографической литературе сведения о гребнях аборигенных народов Северо-Западной Сибири немногочисленны [Народы Западной Сибири..., 2005; Лукина, 1985; Сирелиус, 2001, с. 277–278, 322]. Материалами для изготовления гребней служили дерево и кость, хотя встречаются и изделия из металла [Алексашенко, Перевалова, 2001, с. 177; Мартин, 2004, с. 31].

Гребень входил в круг значимых родовых предметов. У хантов существовал запрет брать его в семью мужа в качестве приданого, а также класть в могилу в составе погребального инвентаря, т.к. это может грозить родственникам несчастьем, даже смертью [Алексашенко, Перевалова, 2001, с. 177; Талигина, 1995, с. 131]. Относительно погребального обряда у лесных ненцев зафиксирована обратная норма [Алексашенко, Перевалова, 2001, с. 177]. В мифологии обских угров гребень является одним из предметов, служащих барьером между мирами; он используется и в некоторых обрядах, в т.ч. на медвежьем празднике [Мифы..., 1990, с. 65, 101; Алексашенко, Перевалова, 2001, с. 178].

Ряд оснований позволяет подчеркнуть высокий семантический статус и особое сакральное значение гребня в числе бытовых предметов традиционного вещевого комплекса сибирских народов. Такая значимость определяется наличием орнаментированного наворачия. Одним из ярких примеров, демонстрирующих связь орнамента и статуса вещи, может служить зафиксированный нами декор, определяющий принадлежность предмета потомку обдорских князей Тайшиных. Другой важный фактор, обуславливающий высокий статус, – это прикасание гребня к голове, ассоциировавшейся в сознании сибирских аборигенов сместилищем души [Алексашенко, Перевалова, 2001, с. 177; Народы Западной Сибири..., 2005, с. 195].

В материальной культуре аборигенного населения Северо-Западной Сибири как минимум с XVII в. бытуют либо импортные гребни из кости и металла, либо аналогичные, изготовленные по ввезенным образцам; к примеру, такие гребни встречены в ранних слоях Надымского Городка (XVI–XVIII вв.) [Кардаш, 2009б, с. 176, 251]. В этой связи интересны ранние

материалы (IX–XIII вв.), которые представлены изделиями совершенно иного облика.

Гребни с археологических памятников Северо-Западной Сибири

В настоящем исследовании нами учтено 18 целых и фрагментированных гребней из дерева и кости, обнаруженных в слоях, которые датированы IX–XIII вв. Девять экземпляров, происходящих с городищ Стрелка и Бухта Находка, публикуются впервые. По классификации, разработанной для археологических памятников Приуралья и Северо-Восточной Европы, гребни делятся на цельные односторонние, составные односторонние, цельные двусторонние, составные двусторонние [Крыласова, 2007, с. 249]. Почти все экземпляры, учтенные в нашем анализе, относятся к цельным односторонним, лишь один является цельным двусторонним.

Наиболее ранние гребни найдены при раскопках археологических памятников в центральной и южной части Среднеобской низменности, в Сургутском р-не Ханты-Мансийского АО – на Югре.

Гребень 1 обнаружен на городище Стрелка, расположенном в среднем течении р. Большой Юган (рис. 1). Памятник был выявлен в 1985 г. археологической экспедицией Томского государственного университета под руководством Я.А. Яковлева, при обследовании в 2006 г. отнесен к кинтусовскому этапу обь-иртышской культурно-исторической общности [Яковлев, 1985, с. 7–8; Фефилова, 2008, с. 283]. В 2009 г. экспедицией ООО «НПО “Северная археология-1”» под руководством авторов настоящей статьи на городище были начаты стационарные исследования. На основании радиоуглеродного анализа и типологии керамической посуды установлено, что поселение функционировало с конца VII по вторую половину XIII в. [Кардаш, Пономарева, 2010].

Фрагмент деревянного гребня (рис. 2, 1) был найден в оборонительно-жилом комплексе городища, в заполнении постройки № 1. Сохранилась часть рукояти с тремя зубцами, размеры фрагмента 3,6×2,3×0,6 см. Используя немногие имеющиеся основания для реконструкции, можно восстановить гребень размерами 7,5×4 см с плоской рукоятью прямоугольной формы и количеством зубцов не менее девяти (рис. 2, 2). Рукоять с лицевой стороны декорирована рядами из ромбов с центральной риской, расположенных в шахматном порядке. На оборотной стороне в центре сохранившегося фрагмента находится контурное изображение листовидной формы – «глаз».

Отметим, что орнамент, нанесенный на лицевой стороне гребня, присутствует также в декоре керамических сосудов. Несмотря на то что этот мотив –

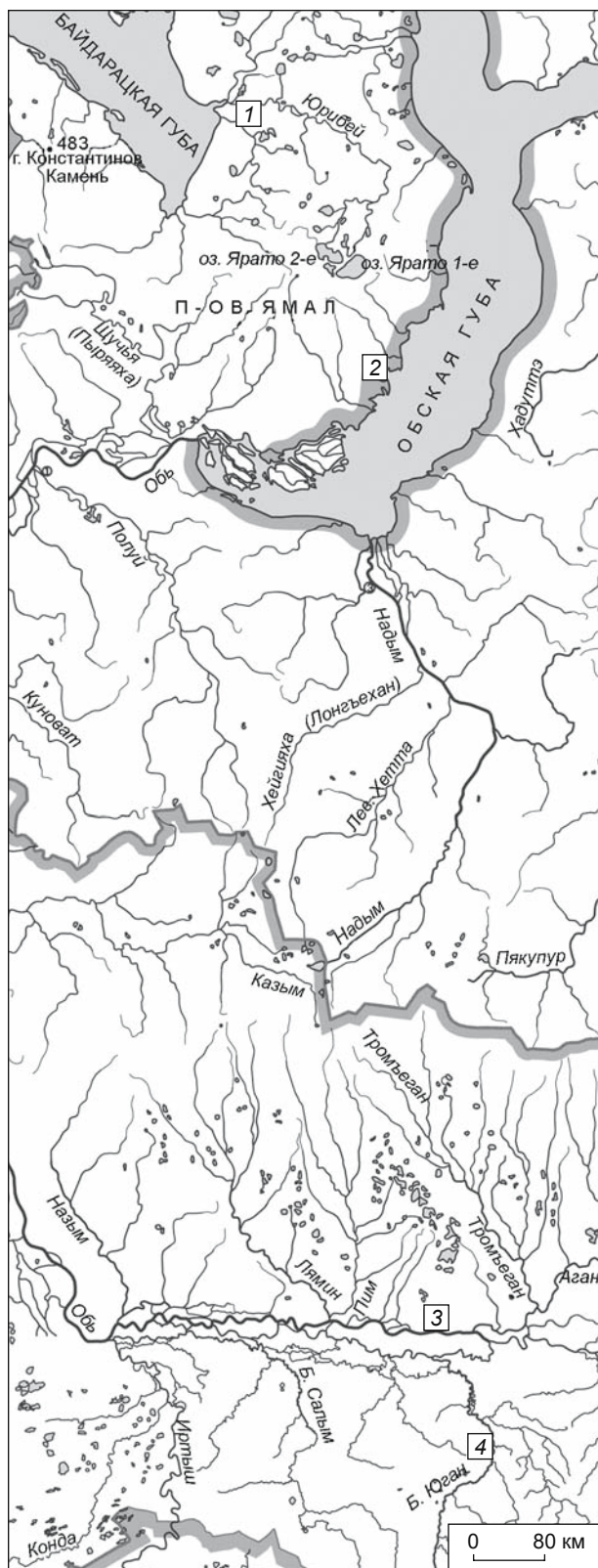

Рис. 1. Расположение археологических памятников, на которых найдены гребни.
1 – городище Ярба VI (конец XI – XIII в.); 2 – городище Бухта Находка (XII – начало XIV в.); 3 – могильник Сайгатинский III (VIII–IX вв.); 4 – городище Стрелка (VIII–XIII вв.).

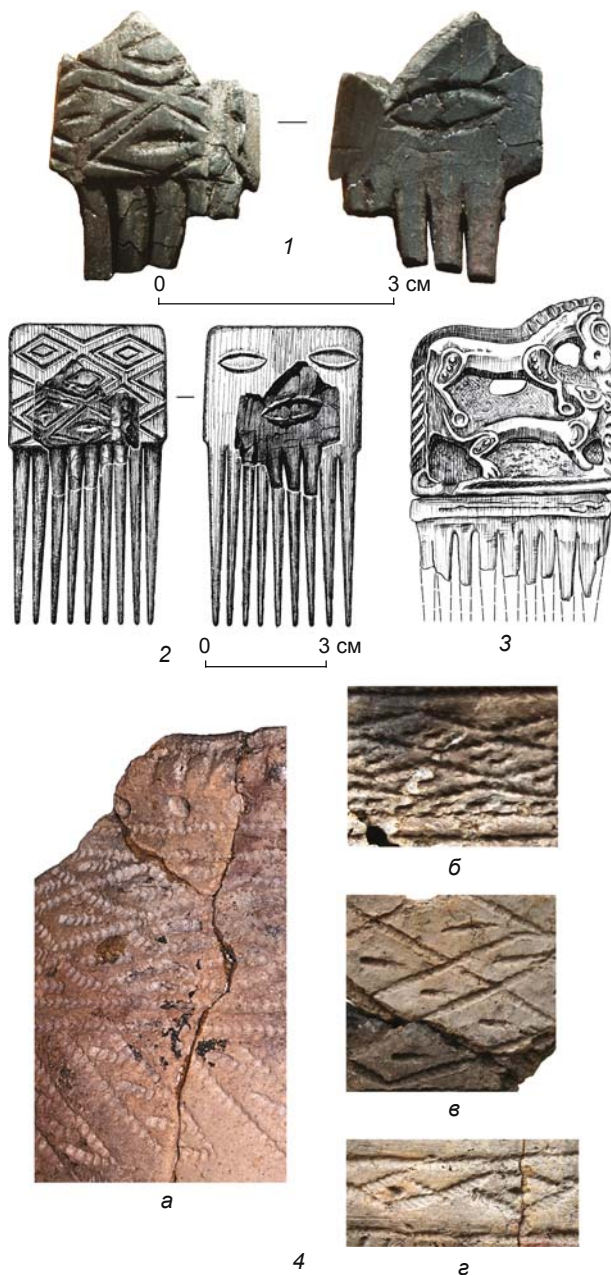

Рис. 2. Материалы исследований в Среднем Приобье.
1 – деревянный гребень IX – начала X (?) в. с городища Стрелка; 2 – графическая реконструкция этого гребня; 3 – деревянный гребень с бронзовым навершием (VIII–IX вв.) из могильника Сайгатинский III; 4 – фрагменты керамических сосудов IX – начала X в. (вожпайская культура): а – с поселения Тывьгега-2; б, г – с городища Стрелка.

ромбическая сетка – широко распространен территориально и хронологически, в т.ч. встречается на керамических сосудах культур Урала и Западной Сибири энеолита – финала бронзового века, в средние века в пределах интересующей нас территории он характерен только для керамики вожпайского типа (IX–X вв.) [Чемакин, Карачаров, 2002, с. 56–57]. Со-

суды с подобным декором имеются в коллекции с городища Стрелка (рис. 2, 4, б-г), по одному – в материалах поселения Тывьег-2 (рис. 2, 4, а) и городища Барсов Городок I/31. Идентичность орнамента гребня и керамики вожжайского типа позволяет отнести нашу находку к кругу предметов этой культуры и датировать IX–X вв.

Ромб и ромбическая сетка соотносятся с широким семантическим рядом. А. Голан считает, что этот узор, возникнув на ограниченной территории еще в палеолите, приобрел свою семантику, связанную с символикой земли и верховным женским божеством, в неолитическое время, после чего широко распространился в различных культурах Евразии [1993, с. 86]. Ряд авторов связывает ромб с землей и посевом [Амброз, 1965; Рыбаков, 1965, 1981, с. 17]. Применительно к рассматриваемой нами территории интересен вывод А. Голана, согласно которому одним из животных, соотносившихся с богом земли и, соответственно, с изображением ромба, был медведь: «...у некоторых народов Сибири верховный бог, имеющий облик медведя, носил имя Торым, что соответствует... имени бога земли – *t.r». На основании ряда фактов исследователь предполагает, что «образ медведя является самой древней ипостасью бога земли, а также бога вообще» [Голан, 1993, с. 94]. На известных нам этнографических материалах ромб присутствует, и зачастую в основе антропо- и зооморфных сакральных изображений. К сожалению, специальных работ, раскрывающих происхождение и семантику таких знаков у аборигенов севера Сибири, пока нет. Изучение этой проблемы является задачей дальнейших исследований.

Символический знак «глаз» на оборотной стороне гребня также имеет ряд интерпретаций, но уже более определенных. Трактовать изображение позволяет большая серия граффити на бронзовых и серебряных произведениях восточной торевтики I – начала II тыс. н.э., найденных на территории Западной Сибири [Зыков, Федорова, 2001; Карачаров, 2002]. Авторство северных аборигенов в процарапывании антропоморфных фигур на таких изделиях не вызывает сомнения. Знак на гребне выполнен аналогично изображениям глаз и рта этих фигур.

Согласно мифологическим представлениям аборигенных народов Сибири, глаза являются особым органом, способным жить самостоятельно, и человек в определенных случаях может временно отчуждать их от себя. В одной из нганасанских сказок старик посылает свои глаза на поиски добычи, в другой мертвец добывает себе глаза, после чего превращается в живого человека [Косарев, 2008, с. 351–352]. Аналогичные изображения на бронзовом зеркале из Елыкаевского клада (Кемеровская обл.) второй половины I тыс. н.э. М.Ф. Косарев интерпретирует как «глаза потусто-

ронних миров» [Там же, с. 382, рис. 71]. Таким образом, знак на гребне можно трактовать как глаз, но это не исключает того, что могла быть изображена личина с глазами и ртом, выполненными идентичными элементами (рис. 2, 2).

Гребень 2 происходит из могильника Сайгатинский III (см. рис. 1). Памятник расположен на берегу протоки Остяцкий Живец в восточной части острова в правобережной пойме р. Оби, в 40 км к западу от г. Сургута. В 1986 г. могильник исследовала Л.М. Терехова [1986].

Данный экземпляр с подробным описанием уже неоднократно фигурировал в публикациях [Зыков и др., 1994, с. 90, 137; Карачаров, 1993б, с. 116; Гордиенко, 2008, с. 78], поэтому охарактеризуем его кратко. Деревянный гребень с девятью зубцами вмонтирован в бронзовое навершие. Зубцы сохранились только в верхней части. Общие размеры изделия 5,0×7,6 см. Навершие выполнено в виде объемного изображения зооморфной композиции, представляющей фигуру лошади, расположенную над фигурой животного семейства куных (соболя?). По бокам сюжет ограничен псевдовитым кантом.

Гребень из могильника Сайгатинский III датируется VIII–IX вв. [Зыков и др., 1994, с. 137]. Он выделяется среди всех рассматриваемых экземпляров. Во-первых, это единственный известный нам гребень в границах IX–XIII вв., обнаруженный в составе погребального инвентаря в Северо-Западной Сибири. Во-вторых, это единственный комбинированный предмет. Вероятно, литое бронзовое навершие было изготовлено специально для гребня. Исследователи отмечали его прикамскую стилистику и связывали это с приуральским влиянием [Гордиенко, 2008, с. 77–78].

Две серии гребней происходят с памятников, расположенных на п-ове Ямал, в северо-западной части Ямало-Ненецкого АО Тюменской обл. Представительная коллекция изделий получена при раскопках городища Ярте VI*. Памятник расположен на мысу коренной террасы левого берега р. Юрибей. Он был открыт в 1990 г. Н.В. Старцевым и исследовался раскопками в 1990–1992 гг. (А.В. Соколов) и 1995–1996 гг. (Н.Ф. Федорова) [Косинская, Федорова, 1994, с. 41]. На городище изучена большая часть оборонительно-жилого комплекса [Брусницына, Ощепков, 2000, с. 83, 93]. Памятник датирован по ¹⁴C 1010–1275 гг. н.э., по дендрохронологии – 1071–1106 гг. н.э. [Шиятов, Хантемиров, 2000, с. 116; Литвиненко, 2004, с. 202].

Гребни с городища Ярте VI уже фигурировали в публикациях, но исследователи ограничились лишь

*Выражаем благодарность руководству Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского за предоставленную возможность использования коллекции с городища Ярте VI.

их суммарной характеристикой [Алексашенко, Перевалова, 2001; Литвиненко, 2004]. Мы приведем детальное описание морфологии известных нам предметов, необходимое для последующего сравнительного анализа, а также предложим вариант реконструкции фрагментированных экземпляров. Нам оказались доступны восемь гребней, семь из которых изготовлены из дерева, один – из кости. Все деревянные гребни относятся к типу цельных односторонних.

Гребень 3 сохранился полностью (рис. 3, 1). Его ширина 4,6 см (в нижней части рукояти), длина 9,1 при высоте рукояти 3,3 и длине зубцов 5,8 см. Рукоять с арочной спинкой заужена в нижней части, щиток отделен от зубцов поперечной рельефной планкой. В верхней части спинки по центру находится сквозное отверстие для подвешивания. Гребень имеет семь крупных зубцов, сужающихся к острию. Орнамент нанесен на обе стороны рельефной планки и состоит из ряда наклонных прорезанных линий.

Гребень 4 также целый (рис. 3, 6). Имеет общие размеры 10,9×5,8 см, длину зубцов 6,8, высоту рукояти 4,1 см. По форме гребень аналогичен описанному выше. Поверхность рукояти с лицевой стороны украшена орнаментом в виде арок, сгруппированных в четыре вертикальных ряда. С оборотной стороны декор отсутствует.

Гребень 5 тоже сохранился полностью (рис. 3, 5). Общие размеры изделия 7,7×3,7 см, длина зубцов 4,5, высота рукояти 3,2 см. По форме гребень аналогичен

предыдущим двум, но отличается меньшими размерами и, соответственно, количеством зубцов – их пять. Не орнаментирован.

Гребень 6 также практически целый (рис. 3, 2). Общие размеры предмета 9,4×3,2 см, высота рукояти 3,0, длина зубцов 6,4 см. Форма гребня как у предшествующих экземпляров, но заметно нарушены общие пропорции и присутствуют только четыре зубца. В объяснении этого факта мы согласимся с тем, что «гребень был подправлен после повреждения и первоначально зубцов было больше» [Алексашенко, Перевалова, 2001, с. 179]. Данный экземпляр украшен композицией из дугообразных линий и небольшими полукруглыми выемками по краю рукояти и горизонтальной планке.

Гребень 7 сохранился не полностью (рис. 3, 4). Длина изделия 9,1 см, зубцов – 4,8 см. Ширина сохранившейся части 2,8 см, это приблизительно половина рукояти с тремя зубцами. Представляется возможным реконструировать форму предмета по аналогии с гребнями 3–5. Рукоять украшена сложным орнаментом из дуг и волнистых линий.

Гребень 8 представлен центральной частью с одним зубцом (рис. 3, 3). Длина изделия 8,2 см, зубца – 4,8 см, конец зубца обломан, вероятно, длина целого изделия была чуть больше, ширина сохранившейся части 1,1 см. Можно предположить, что это изделие было аналогично описанным целым экземплярам: ширина рукояти, вероятно, составляла 4,0–4,5 см, и

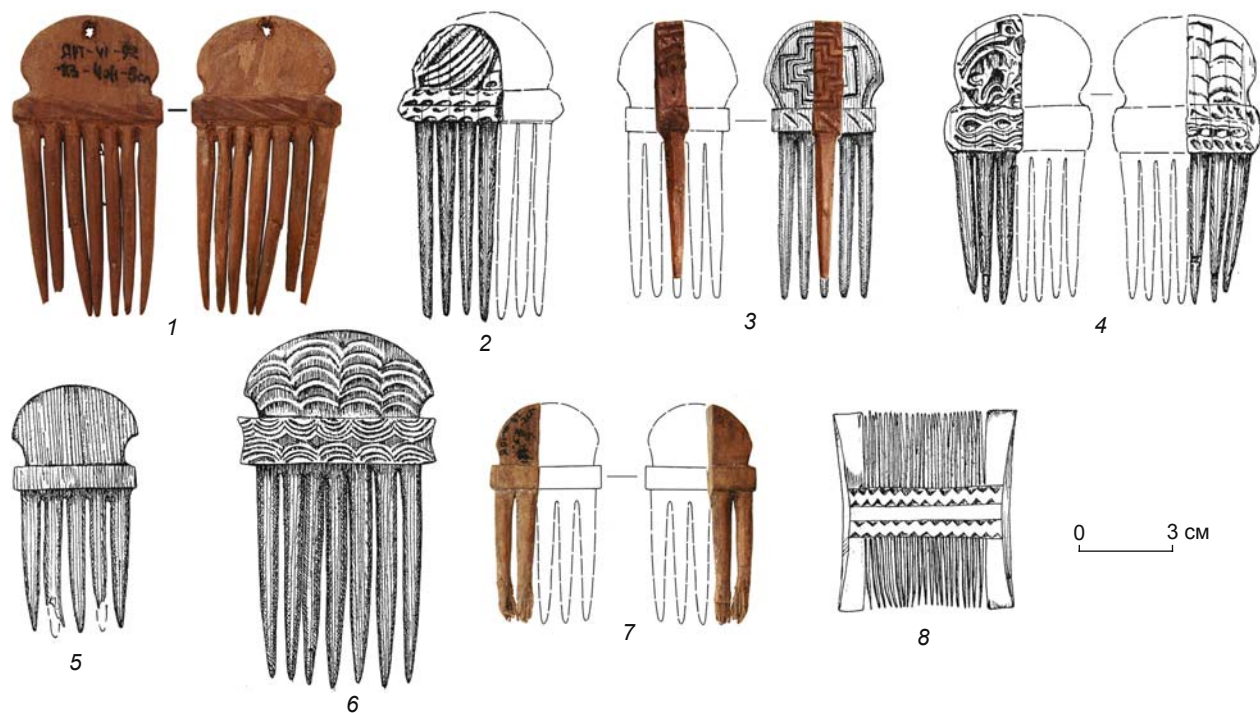

Рис. 3. Гребни конца XI – XIII в. с городища Ярпе VI.

1–7 – дерево; 8 – кость.

гребень, соответственно, имел пять зубцов. Орнамент присутствует на обеих сторонах щитка, и он различен. С одной стороны благодаря сохранившимся прорезам нами реконструирован контурный крест, с другой – частично сохранилась сложная геометрическая композиция, реконструировать которую достоверно не представляется возможным.

Гребень 9 представлен частью рукояти с двумя зубцами (рис. 3, 7). Концы зубцов не сохранились. Длина фрагмента 6,8 см, ширина 1,4 см. По форме изделие, вероятно, аналогично вышеописанным целым экземплярам 3–5. Гребень не орнаментирован.

В целом все деревянные гребни имеют довольно много общих черт. У них одинаковая форма рукояти и зубьев, число которых у целых экземпляров варьировало от пяти до семи, и вероятно, было преимущественно нечетным. Стандартными также являются пропорции изделий: соотношение общей длины и максимальной ширины составляет приблизительно 2 : 1, зубцы длиннее рукояти в 1,4–1,7 раза. Гребни различаются размерами, но пропорции варьируют в небольших границах. Основные отличия – степень орнаментированности и, собственно, композиции этих орнаментов.

Н.А. Алексашенко высказала предположение, что такие гребни могли использоваться для подготовки нитей из сухожилий [Там же]. Это мнение нам представляется малообоснованным. По данным этнографов, у аборигенных народов Северо-Западной Сибири нет специализированного «гребня» для распускания сухожилий, но есть чесала для травы, перерабатываемой для изготовления обувных стелек [Мартин, 2004, с. 78–79, табл. 13, 9; Сирелиус, 2001, с. 312]. В настоящее время результаты трасологического анализа мы можем воспринимать лишь как определение отсутствия/наличия следов утилизации, тем более что на части известных нам гребней их нет. Без верификации другими методами выводы относительно происхождения следов выглядят неубедительно. Сомнительно, что предмет с таким порою очень сложным и семантически значимым орнаментом имел столь примитивное утилитарное назначение. Если бы такие композиции были важны для некоего локального технологического процесса, то, вероятно, они сохранились бы в этнографии, но мы этого не наблюдаем. Тем не менее было бы неправильно исключать возможность многофункционального использования гребней, особенно в тундровых условиях, отличающихся суровым климатом и бедностью ресурсов. Однако мы продолжаем рассматривать данный предмет как индивидуальный, предназначенный для расчесывания волос, укладки прически, а также служивший оберегом.

Гребень 10, сделанный из кости, сохранился полностью, относится к типу цельных двусторонних

(рис. 3, 8). Его размеры 6,2×5,7 см. Гребень прямоугольной формы, боковые грани чуть вогнуты. С одной стороны зубья расположены часто, с другой – более редко, их длина 2,2–2,3 см. Небольшое (1,5 см) поле между зубьями разделено декором на три горизонтальные полосы и украшено маленькими выемками по верхнему и нижнему краю зон, прилегающих к зубцам.

Гребни такой формы являются частой находкой на древнерусских памятниках Северо-Восточной Европы. Большая серия подобных изделий была получена из раскопок Изборска, Белоозера, Новгорода Великого и др. [Седов, 2007, с. 283–286; Захаров, 2004, с. 218–219, рис. 226]. По новгородской типологии аналогичные гребни относятся к типу «Л» и датируются концом X – началом XIII в. [Колчин, 1982, с. 164–166]. Поскольку в представительной серии рассматриваемых нами изделий это единственный двусторонний гребень, к тому же имеющий прямые древнерусские аналоги, его можно отнести к предметам импорта. Менее вероятно, что он был скопирован с импортного образца.

Восемь гребней происходят с городища Бухта Находка. Памятник расположен на восточном побережье п-ова Ямал в устье р. Хардэяха. Городище было выявлено в 1961 г. этнографической экспедицией Московского государственного университета под руководством Л.П. Лашука [Лашук, 1968]. В 2007–2008 гг. памятник исследовался экспедицией ООО «НПО “Северная археология-1”» под руководством О.В. Кардаша [Кардаш, 2008, 2009а]. Были выявлены закономерности планировки городка, существовавшего с первой трети XIII до начала XIV в. В раскопе полностью исследованы остатки двух жилых построек и частично – еще трех. Обнаружены гребни различной степени сохранности: три из рога и пять деревянных. Поскольку расположение вещей в жилых помещениях, скорее всего, свидетельствует об их преднамеренном оставлении на определенных местах, описывая гребни, мы укажем их местонахождение. Предваряя описание, отметим, что все гребни являются цельными односторонними.

Гребень 11 сохранился полностью, он выполнен из рога северного оленя (рис. 4, 1). Предмет был обнаружен в южной части центрального помещения постройки № 2, справа у очага. Гребень имеет длинную рукоять трапециевидной формы, сужающуюся к тонким коротким зубцам, с двумя отверстиями сверху, вероятно, для подвешивания. Общая длина изделия 8,5 см, максимальная ширина 4,8, толщина 0,1–0,2 см. Гребень имеет шесть округлых в сечении зубцов, их максимальная длина 3,0 см. С лицевой стороны щиток рукояти украшен ложношнуровым орнаментом, состоящим из трех вписанных друг в друга рамок со сторонами, параллельными краям изделия.

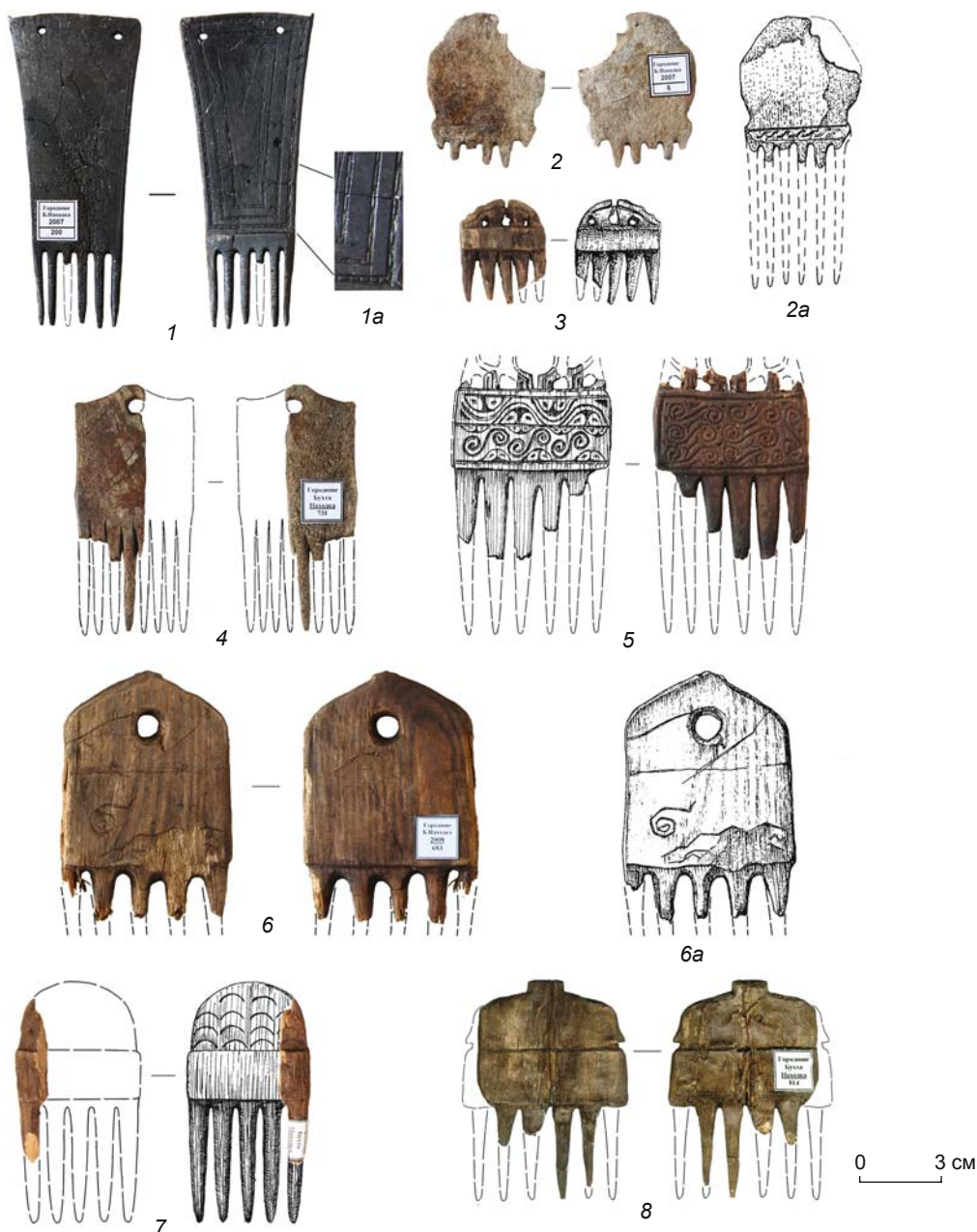

Рис. 4. Гребни середины XIII – начала XIV в. с городища Бухта Находка.
1, 2, 4 – кость; 3, 5–8 – дерево.

Гребень 12 фрагментирован, изготовлен из рога (рис. 4, 2). Он найден в юго-западном углу центрального помещения постройки № 1. Сохранилась большая часть рукояти гребня и фрагменты пяти зубцов. Размеры сохранившейся части 4,3×4,4 см, толщина 0,2 см. Общая форма рукояти сравнима с таковой гребней с городища Ярте VI: верх щитка арочный, в средней части есть небольшое сужение, в нижней – небольшое расширение, которое сопоставимо с поперечной планкой у рукояти яртинских гребней. Вверху рукояти есть одно отверстие для подвешивания.

У гребня было, по-видимому, шесть крупных зубцов. В нижней части рукояти имеется прямой орнаментальный фриз из меандров или уточек, точнее определить сложно из-за плохой сохранности поверхности изделия.

Гребень 13 тоже фрагментирован и изготовлен из рога (рис. 4, 4). Он был обнаружен в постройке № 4. Сохранилось более половины гребня: часть рукояти, фрагменты четырех зубцов и один целый. Длина сохранившейся части 9 см, ширина 2,5, толщина 0,5 см. Рукоять гребня прямоугольной формы, с ароч-

ным выступом в верхней части, где расположено отверстие для подвешивания. Ее длина 5 см, ширина, вероятно, составляла ок. 4,5 см. Общее количество зубцов могло достигать семи-восьми. На лицевой стороне рукояти видно несколько линий, которые могли представлять собой некую орнаментальную композицию.

Гребень 14 сохранился частично, изготовлен из дерева (рис. 4, 5). Он был найден в восточной части центрального помещения постройки № 1 у очага. Гребень с рукоятью прямоугольной формы, ажурным навершием и, вероятно, с массивными зубцами. Общие размеры сохранившейся части 6,8×5,7 см, рукояти 2,8×5,7, толщина 1,0 см. Из шести зубцов частично сохранились пять. Рукоять орнаментирована с одной стороны рядами из семи волн, с другой – двумя полосами сложной композиции в форме «лозы». Большая часть ажурного навершия не сохранилась, достоверно его реконструировать не представляется возможным.

Гребень 15 также не полной сохранности, изготовлен из дерева (рис. 4, 6). Он был обнаружен к северо-западу от постройки № 1. Общие размеры предмета 9,0×6,0×1,3 см. Гребень имеет массивную рукоять прямоугольной формы, верхняя часть арочная, с небольшим выступом в центре, где расположено отверстие. Щиток отделен от зубцов прорезанной горизонтальной линией. Пять зубцов (частично сохранились четыре) достаточно короткие и массивные, вероятно, их длина не превышала 1,5–1,7 см. С одной стороны на гребне присутствуют элементы граффити: волнута, волнистая линия.

Гребень 16 сохранился с незначительными утратами, изготовлен из дерева (рис. 4, 3). Он был найден в постройке № 1. Общая форма предмета аналогична таковой целых гребней с городища Ярте VI: рукоять с арочной спинкой отделена от зубцов поперечной планкой, от которой отходят пять зубцов. Но есть и отличия: миниатюрные размеры (3,8×3,0×0,8 см) и отсутствие сужения у рукояти в части, прилегающей к поперечной планке. Длина зубцов 1,9 см. Щиток украшен тремя отверстиями и линией, прорезанной параллельно верхнему краю.

Гребень 17 также сохранился почти полностью, изготовлен из дерева (рис. 4, 8). Он был обнаружен в постройке № 5. Данный экземпляр сходен с гребнем 15, но имеет некоторые отличия в форме рукояти и соотношении размеров рукояти и зубцов. Общие размеры изделия 7,2×5,5×0,8 см. Рукоять гребня прямоугольной формы, с арочной спинкой и прямоугольным выступом в центре. Сохранилось четыре зубца, но, вероятно, их было шесть, длиной 3,3–3,4 см. По центру лицевой стороны щитка прорезана одна горизонтальная линия.

Гребень 18 фрагментирован, также изготовлен из дерева (рис. 4, 7). Он был найден в постройке № 4.

Сохранился край рукояти с одним массивным зубцом. Вероятно, форма предмета была такая же, как у миниатюрного гребня 16. Размеры сохранившейся части 6,1×1,1×0,9 см. На одной стороне щитка нанесен орнамент в виде двух дугообразных линий, расположенных друг над другом, на другой – прочерченная линия, параллельная внешнему краю щитка, и небольшая ямка внутри этого контура.

Гребни с городища Бухта Находка хронологически наиболее поздние. Необходимо отметить отсутствие единого стандарта во внешнем облике этой серии предметов, в отличие от коллекции с памятника Ярте VI. Различны как пропорции гребней, так и их оформление. Можно заметить, что в общем облике предметов прослеживаются элементы, характерные для прикамской традиции, а также сходство с достаточно однородной серией с городища Ярте VI. Большинство экземпляров имеют отверстия для подвешивания, вероятно, они носились в составе костюма.

Заключение

Самые ранние гребни, известные на севере Западной Сибири, относятся к типу цельных односторонних. Они происходят из раскопок городища Усть-Полуй и связаны с усть-полуйской культурой, древности которой датируются I в. до н.э. – I в. н.э. [Мошинская, 1953, с. 98]. На сопредельных территориях, в частности в Прикамье, самые ранние подобные гребни относятся к ананьинскому времени (VIII–V вв. до н.э.) [Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 201]. Можно заключить, что именно такой тип является наиболее архаичным для территории всей Северо-Западной Сибири, по крайней мере с I в. до н.э.

Для рассматриваемого нами периода IX–XIII вв. также характерны цельные односторонние гребни. Большинство из них можно определить как длиннозубые, у которых соотношение размеров зубьев и рукояти составляет 2 : 1. Еще одна общая черта – небольшое количество зубцов: у большей части предметов оно колеблется от пяти до семи, и лишь у отдельных экземпляров достигает 11. Эта черта сближает их с гребнями более раннего времени. В конце периода у аборигенного населения появляются единичные экземпляры, относящиеся к типу цельных двусторонних мелкозубых, они имеют импортное происхождение.

Рукояти большинства гребней орнаментированы. Орнамент ни в одном случае не повторяется полностью, что вполне может быть связано с индивидуальными особенностями владельцев. В коллекции предметов с городища Бухта Находка украшены немногие изделия, среди них – большая часть гребней. Не единичны случаи совпадения орнамента на гребнях и на других предметах быта. Подобные факты прослежи-

ны М.Г. Ивановой на материалах городища Иднакар [1998, с. 189]. Это позволяет сделать вывод о том, что набор орнаментальных мотивов, использованных в украшении гребней, не случаен, а отражает, как и орнамент на керамической посуде, некоторые мифологические представления. К аналогичному заключению приходит О.А. Кондратьева [1999, с. 81–82]. Использование идентичных орнаментов для украшения различных предметов быта может подтверждать тот факт, что определенные орнаментальные схемы являлись важным культуроопределяющим признаком.

Судя по наличию на некоторых гребнях отверстий для подвешивания, следов потертости и особой орнаментации, их могли носить на шее, а также на поясе в качестве оберега. Аналогичные факты отмечены на приуральских материалах [Иванова, 1998, с. 170]. Другим вероятным вариантом применения гребня нам представляется его использование для формирования прически. Археологические данные указывают на то, что в отличие от русских памятников севера Сибири, в культурном слое которых встречено большое коли-

чество состриженных волос, на аборигенных, в частности в Надымском Городке, подобные факты стрижки волос не зафиксированы [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 116]. Опираясь на красноречивые сведения В.Ф. Зуева о самодийцах и северных остяках, которые нелишне привести полностью, можно предположить, что и в средние века прическа аборигенов Севера формировалась без стрижки: «Волосы их и без того грубые и жесткие, как щетины, а они к тому ж их никогда не чешут и не знают, что есть чесать волосы на свете. Мужчины обо лба вокруг головы подбревают, а верхушку же оставляют с густыми волосами просто, и хотя они не пекутся о том, что б заплетать их в косы, однако волосы сами по косам сваливаются и на голове лежат как крепкий войлошный парик...» [1947, с. 27]. Эти данные позволяют говорить о том, что для гигиены таких волос не только мелкозубые, но и крупнозубые гребни вряд ли применимы и, вполне возможно, они использовались для определенной укладки прически и как декоративный элемент или оберег.

Для подтверждения нашего предположения об использовании гребня в качестве элемента прически и демонстрации возможного способа применения гребней средневековым населением Сибири приведем прически аборигенов Мадагаскара (рис. 5). Эта аналогия, безусловно, далека и неоднозначна, но морфологическая схожесть предметов наводит на мысль о том, что средневековое население Западной Сибири могло использовать гребни аналогичным образом.

Выше отмечалось, что в составе костюма гребень мог выполнять функцию оберега. При раскопках городища Бухта Находка удалось зафиксировать факт преднамеренного размещения вещей в пространстве жилищ перед оставлением поселения: в разных домах идентичные по функциям предметы находились в одних и тех же местах. Это касается и гребней, найденных справа от очага и в левом переднем углу. Можно предположить, что целые гребни использовались в качестве оберега жилища.

В погребальных памятниках севера Сибири гребни встречаются крайне редко – это одно изделие из могильника IX в. Сайгатинский III и одно из могильника XVII в. Кинтусовский IV [Зыков и др., 1994, с. 90; Карачаров, 1993а, с. 85]. Поскольку в обоих случаях представлены металлические предметы, логично предположить, что гребни, как семантически важный предмет, чаще присутствовали в составе погребального инвентаря, но по причине преимущественного изготовления их из органических материалов не сохранились. Известен факт включения латунного гребня в состав погребального инвентаря у юганских хантов в конце XIX в. [Мартин, 2004, с. 31]. Наличие гребней как в средневековых погребениях, так и в поздних, этнически идентифицируемых, позволяет предполагать, что их семантическое значение, несмотря на из-

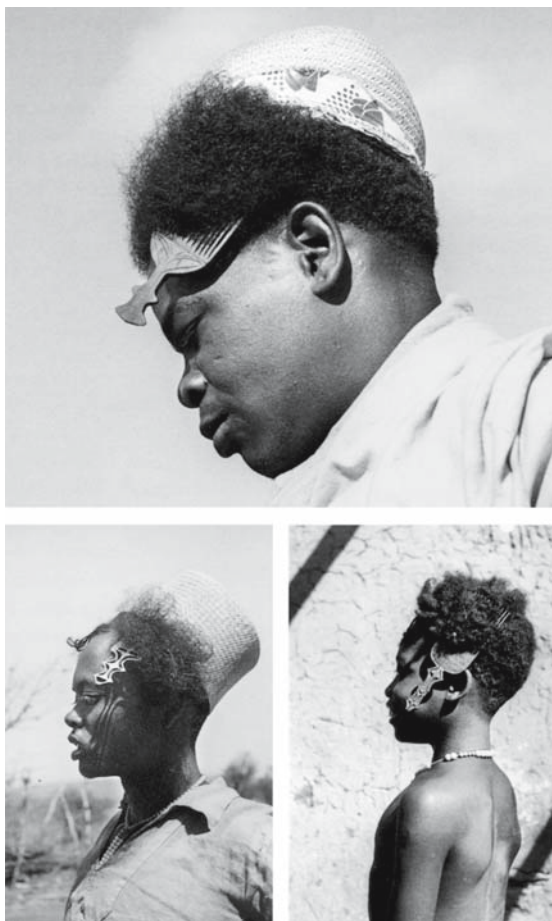

Рис. 5. Односторонние гребни в составе прически у аборигенов о-ва Мадагаскар. Фото Ж. Фабле, 1939, 1940 гг. [À Madagascar..., 2010, с. 31, 33, 41].

менение формы, сохранялось долго. С этой точки зрения можно объяснить существование у аборигенных народов Северо-Западной Сибири (хантов и лесных ненцев) двух противоречивых традиций, касающихся включения гребня в состав погребального инвентаря [Алексашенко, Перевалова, 2001, с. 177]. По нашему мнению, традицию, в рамках которой умерший «должен забрать свой гребень в могилу», следует считать наиболее древней, а запрет класть гребень в могилу определить как позднее явление деформации семантического значения предмета.

Довольно большое число гребней в культурном слое поселенческих памятников свидетельствует о широком их использовании, а наличие на некоторых экземплярах сложных орнаментальных композиций и символов, а также отверстий для подвешивания подтверждает их особый семантический статус. В этой связи возникает закономерный вопрос, с чем же связано исчезновение традиционной формы такого значимого предмета материальной культуры аборигенов севера Сибири. На памятниках позднее XIII–XIV вв. встречаются только двусторонние цельные гребни древнерусского облика. По нашему мнению, вытеснение устойчивой морфологической формы предмета с высоким семантическим статусом могло произойти либо в результате смены населения, либо под влиянием иной, более сильной культурной традиции. Последнее представляется наиболее вероятным, поскольку совпадает с данными летописей о серии походов новгородцев в Югру в XI–XIV вв. [Новгородская I летопись..., 1950, с. 40–42; Повесть временных лет..., 1910, с. 227; Щеглов, 1993, с. 15–20]. Судя по договорным новгородским грамотам, с XIII–XIV вв. Югра неоднократно упоминается в составе новгородских волостей [Щеглов, 1993, с. 15–20]. Безусловно, локализация летописной Югры остается дискуссионной проблемой, далекой пока от окончательного решения, и прежде всего в силу того, что ее территориальная привязка в разные исторические периоды изменялась. В любом случае, это название определяет вектор действия новгородцев в сторону Северо-Западной Сибири, что поможет в перспективе более объективно осмыслить имеющийся в нашем распоряжении археологический материал.

Список литературы

- Алексашенко Н.А., Перевалова Е.В.** Сон, падай, падай (трасологический метод в археолого-этнографических исследованиях: гребни) // Самодийцы: мат-лы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). – Тобольск; Омск, 2001. – С. 177–181.
- Амброз А.К.** Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. – 1965. – № 3. – С. 14–27.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). – Ижевск: ОАО «ИПК “Звезда”», 2006. – 220 с.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Брусницына А.Г., Ощепков К.А. Памятники археологии Среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 79–111.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Новые археологические исследования (материалы раскопок 2001–2004 гг.). – Нефтеюганск; Екатеринбург: Магеллан, 2008. – 296 с.

Голан А. Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.

Гордиенко А.В. Культурные связи Сургутского Приобья с западными территориями в VIII–IX вв. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / отв. ред. Я.А. Яковлев. – Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ КолеСо, 2008. – Вып. 6. – С. 72–88.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с.

Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоэдов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 65 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 5). – (Материалы по этнографии Сибири XVIII в.).

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 174 с.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 284 с.

Карачаров К.Г. Отчет об археологических раскопках памятника Кинтусовское-4 (поселения и могильника), проведенных летом 1992 г. Екатеринбург, 1993а // Архив ООО «НПО “Северная археология-1”». Д. 19 науч. 58 с.

Карачаров К.Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала: сб. ст. – Уфа: УНЦ РАН, 1993б. – С. 110–118.

Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 26–52.

Кардаш О.В. Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году: (Отчет о НИР). Нефтеюганск, 2008 // Архив ООО «НПО “Северная археология-1”». Д. 198 науч. 145 с.

Кардаш О.В. Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2008 году: (Отчет о НИР). Нефтеюганск, 2009а // Архив ООО «НПО “Северная археология-1”». Д. 209 науч. 107 с.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009б. – 360 с.

Кардаш О.В., Пономарева Т.М. Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе

ХМ АО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 312–321.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М.: Наука, 1982. – С. 156–178.

Кондратьева О.А. «Язык» гребня: К вопросу о семиотическом статусе вещи // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. – СПб.: ИИМК РАН, 1999. – С. 80–88.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. – М: Наука, 1991. – 302 с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: ИЦ «СЛОВА!»; ООО «Форт-профи», 2008. – 416 с.: ил.

Косинская Л.Л., Федорова Н.Ф. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. – Препр. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 113 с.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. – 352 с.

Лашук Л.П. «Сиртя» – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 178–193.

Литвиненко М.Н. Городище Ярте VI (технологический анализ изделий из дерева) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. – С. 202–206.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. – 365 с.

Мартин Ф.Р. Сибиряка: Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой; под ред. А.Я. Труфанова; коммент. А.С. Сопочиной, А.Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. – 144 с.

Мифы народов мира: энцикл. – М.: Сов. энцикл., 1980. – 1147 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси: пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной; под общ. ред. Е.С. Новик. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1990. – 568 с.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1997. – С. 163–235.

Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. – 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 72–106.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – 805 с.

Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 659 с.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. –

СПб.: [Тип. М.А. Александрова], 1910. – 314 с.

Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. – 1965. – № 1. – С. 24–47.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 608 с.

Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. – М.: Наука, 2007. – 413 с.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам / пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 344 с.

Талигина Н.М. Описание похоронного обряда сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири / под ред. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Вып. 2. – С. 130–140.

Терехова Л.М. Отчет о раскопках в районе пос. Сайгадино Сургутского района Тюменской области в 1986 г. (Отчет о НИР). Т. 1. Екатеринбург, 1986 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11431. 221 л.

Фефилова Т.Ю. История археологических исследований на реках Большой и Малый Юган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 283–295.

Хлобыстин Л.П. Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // AD POLUS. – СПб.: ФАРН, 1993. – Вып. 10. – С. 19–27.

Чемакин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): науч.-истор. очерки. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 6–73.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. – 1957. – № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – С. 136–245.

Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников из археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 112–120.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. – Сургут: Акционер. информ.-изд. концерн «Северный дом», 1993. – 463 с.

Яковлев Я.А. Отчет о работах Тымского отряда археологической экспедиции ТГУ в 1985 г. в Томской и Тюменской областях. Томск, 1985 // Архив ИА РАН. Р-1. № 10911. 14 с.

À Madagascar: Photographies de Jacques Faublée, 1938–1941 / Sous la direction de Majan Garlinski et Eve Hopkins. – Genève: Infolio, Musée d'ethnographie, 2010. – 96 p.

*Материал поступил в редколлегию 08.06.10 г.,
в окончательном варианте – 27.10.10 г.*

УДК 902/904

Э.Д. Зиливинская¹, Д.В. Васильев²¹Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр., 32А, Москва, 119991, Россия
E-mail: eziliv@mail.ru²Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, Астрахань, 414056, Россия
E-mail: hvdv@mail.ru

МАВЗОЛЕИ МАДЖАРА В ОПИСАНИЯХ И РИСУНКАХ XVIII ВЕКА

Статья посвящена изучению построек самого крупного на Северном Кавказе золотоордынского города Маджара. Многие из них, преимущественно мавзолеи, сохранились до конца XVIII в. Основным источником для изучения мавзолеев Маджара являются рисунки и описания исследователей и путешественников, таких как И.-Г. Гербер, участники экспедиции, посланной В.Н. Татищевым, С.Г. Гмелин, И.А. Гюльденштедт, П.С. Паллас, Я. Потоцкий. Данные, полученные в результате раскопок в XX в., не дали столь существенных результатов. Подробный анализ всех имеющихся источников показывает многообразие планировок и архитектурных форм маджарских мавзолеев, которые находят аналогии в культовой архитектуре Ирана, Средней Азии, Азербайджана и Малой Азии.

Ключевые слова: Золотая Орда, Северный Кавказ, мавзолеи фасадные, порталные, башенные, пирамидальные, Иран, Средняя Азия, Азербайджан, Малая Азия.

Введение

Крупнейшим золотоордынским городом Северного Кавказа являлся Маджар, располагавшийся на берегу р. Кумы, в том месте, где в нее впадает приток Буйвола. Площадь городища достигает 8 км² [Ртвеладзе, 1972, с. 159], однако исследовано оно довольно слабо. В настоящее время большая часть памятника, на левом берегу современного русла Кумы, застроена г. Буденновском; участок на правом берегу пересечен системой ирригационных каналов, а его культурный слой в значительной степени уничтожен глубокой вспашкой при посадке садов и виноградников.

Маджар был построен в XIV в. на пересечении торговых путей, соединяющих центр Золотой Орды с Кавказом и западными районами – Азаком и городами Крыма. Ибн Баттута, который посетил его в 1332 г., описывает Маджар как «город большой, один из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами» [Тизенгаузен, 1884, с. 287]. Упоминается Маджар и в русских летописях в свя-

зи с трагической гибелью в Орде тверского князя Михаила Ярославовича в 1319 г. Траурный corteж с телом князя остановился на ночь в Маджаре, где находился православный храм. Татарские князья не разрешили внести тело князя в церковь, и его пришлось поставить в хлеву, где ночью над убиенным якобы появилось свечение [Полное собрание..., 1851, с. 213–215]. После распада Золотой Орды город пришел в запустение, но развалины построек из обожженного кирпича сохранились до конца XVIII в. Эти великолепные руины привлекали внимание многочисленных исследователей и путешественников, большинство из которых оставили более или менее подробные их описания. В XVIII–XIX вв. развалины городища посетили И.-Г. Гербер, экспедиция, организованная В.Н. Татищевым, С.Г. Гмелин, И.А. Гюльденштедт, Г.-Ю. Клапрот, И.П. Фальк, П.С. Паллас, Я.И. Шмидт, Ш. Годе, П.И. Кеппен, Я.-Ш. де Бесс, К.Г. Кох, А.С. Фиркович, В.Ф. Миллер и др. В 40–50-х гг. XIX в. землемер А.П. Архипов произвел инструментальную съемку и составил

генеральный план городища, который, к сожалению, в настоящее время утрачен. История исследования маджарских развалин неоднократно была предметом изучения [Волкова, 1972; Аджимамедов, 1992; Доде, 2008], поэтому не имеет смысла останавливаться на ней подробно. Следует лишь отметить, что многие описания, а также сохранившиеся рисунки и чертежи являются ценнейшими источниками для изучения топографии города и архитектурного облика его построек. Более того, эти источники зачастую гораздо более информативны, нежели археологические.

Наиболее результативные раскопки маджарского городища были проведены в 1907 г. В.А. Городцовым, который вскрыл здесь несколько домов и серию погребений, а также составил план городища [1911]. Дальнейшие исследования Маджара Г.Н. Прозрителевым в 1911 и 1925 гг., Ф. Маметхановым в 1927 г. и Т.М. Минаевой в 1940 г. сводились в основном к разведкам и сбору подъемного материала. В 60–70-х гг. XX в. Э.В. Ртвеладзе и А.П. Рунич проводили небольшие раскопки Маджара. Ими был составлен подробный план городища, исследованы сохранившийся микрорельеф, стратиграфия памятника, собран богатый археологический и нумизматический материал. На основе археологических наблюдений над культурным слоем и вещевым комплексом, анализа письменных источников, чертежей и рисунков, данных нумизматики и эпиграфики Э.В. Ртвеладзе сделал выводы по многим вопросам возникновения, политической истории, роста, развития и гибели города, а также выделил отдельные составляющие полиэтнического населения Маджара, исследовал архитектуру, ремесло и торговые связи [1972, 1973].

В 1989–1991 гг. на городище работала археологическая экспедиция Ставропольского пединститута под руководством А.Б. Белинского и Э.Д. Зиливинской. Несмотря на значительные размеры вскрытых площадей, получены достаточно скромные результаты, т.к. раскопки велись в пределах города, где культурный слой большей частью разрушен. В 1990-х гг. отряд кафедры археологии Московского государственного университета под руководством Э.Д. Зиливинской проводил раскопки на правом берегу р. Кумы, где была исследована часть торгово-ремесленного района, крупное здание из сырцового кирпича и остатки бани с подпольным отоплением [Зиливинская, 1994, 1995, 1996, 2001]. Все эти работы убедительно показали, что большая часть капитальных строений Маджара навеки утрачена и при продолжении раскопок в лучшем случае мы можем надеяться найти незначительные остатки нижней части стен или их отпечатки. Тем более важно тщательно проанализировать рисунки маджарских построек, многие из которых сохранились в XVIII в. полностью, включая крышу, и описания этих зданий,

оставленные очевидцами. Частично подобная работа уже была проделана. Так, Э.В. Ртвеладзе рассмотрел три типа маджарских мавзолеев, запечатленных на рисунке А.Ф. Бюшинга, подтвердив свои выводы данными С.Г. Гмелина, П.С. Палласа и Я. Потоцкого [1973]; еще один тип выявлен Л.Г. Нечаевой [1978]. Однако исследователи основывались на разборе отдельных источников, некоторые их заключения недостаточно убедительны. Представленная работа базируется на тщательном анализе всех известных письменных источников и изображений архитектурных памятников Маджара. Впервые они рассматриваются в комплексе. Вычлениаются отдельные фрагменты рисунка панорамы Маджара 40-х гг. XVIII в., на котором изображено более 40 построек. Впервые приводится план расположения этих построек и сопоставляется с рисунком. Комплексный анализ имеющихся источников позволяет обозреть все многообразие мемориальных сооружений Маджара.

Письменные и графические источники

Впервые обратил внимание Российской академии наук на Маджар в 20-х гг. XVIII в. полковник И.-Г. Гербер, но он дал лишь самое общее описание городища: «В местности, где река Кума принимает в себя речку Бируму... виднеются развалины большого города с прекрасными каменными дворцами и сводами, по которым, равно как и по лежащим под руинами тесаным камням, украшенным чистой резной работою, можно заключить, что в древности это был значительный и славный город». В это время еще можно было видеть «подвалы со сводами и развалины больших дворцов» (цит. по: [Шестаков, 1884, с. 5–6]).

Выдающийся ученый и государственный деятель В.Н. Татищев в бытность астраханским губернатором не только описал Селитренное городище и другие золотоордынские памятники в Нижнем Поволжье [Егоров, Юхт, 1986], но и отправил небольшую экспедицию для изучения Маджара [Пальмов, 1925, с. 209–210; 1928, с. 334–338]. Для зарисовки развалин он выписал из Петербурга «от Академии наук ученика живописного» Михаила Некрасова, а также обратился к коменданту Кизлярской крепости с просьбой командировать «для снятия места и положения на карту из кондукторов (топографов) способного человека, да в конвой 30 или 40 человек». Экспедиция, в состав которой кроме М. Некрасова вошли чертежник Андрей Голохвостов и 20 казаков, состоялась в июле 1742 г. Отношения между кондуктором и художником не сложились, о чем последний довольно эмоционально написал в своем отчете В.Н. Татищеву: «Не доезжая до Маджара верст за 20, а от дороги с версту, видимы были за Кумою полаты, к которым я ево, кондуктора,

звал, то оной с немалым в том нарекании не поехал и ждать меня не хотел, по которому я принужден был к тем полатам не заезжать. А как 31 числа в вечеру к Маджарам приехали, и 1 августа начали оное здание рисовать, тогда оной кондуктор, снявши то здание примером, стал меня спешить, чтобы ехать назад, но я ему говорил, что не можно в так короткое время то здание по моему искусству правильно снять, но оной кондуктор не только сам порядочно то здание на план с мерой положил, но с ругательством про оное говорил: “Что много смотреть сего?”. И по многом со мной споря, от меня взяв лучших казаков, поехал в полудни, а меня с осмью человеки художонными на оном месте оставил. И хотя было не мало от воровских людей, как оставшие со мной казаки объявляли, опасно, однако ж я, не хотя так без исправления ехать, пробыв тут до самого вечера; что возможно, того здания каждую полату особо и прищепт сделал. При том же видны были яко бы погребя, – то за взятым оным кондуктором одной лопатки и топора и наступившим поздним вечером боле изыскивать на том месте был опасен, – поехал возвратно. И едуци назад к видимым полатам, стоящим за Кумою, для снятия один ехать опасался, ибо и так трех человек, живущих в камышах, при переправе нашей видели, и за тем принужден был, оставя оные, поехать и ево, кондуктора, догнать. На другой день в верстах 25 нагнал и поехал вместе, который во всю дорогу меня всячески ругал и хотел сечь плетью. И как стала подо мною лошадь, то оной кондуктор, своевольно возымев команду, запретил казакам, чтобы мне лошади в перемену из-под казаков не давать, но у одного казака уже с великой просьбою, дав деньги, переменял» (цит. по: [Пальмов, 1928, с. 335–336]). Отчет А. Голохвостова более деловит и лаконичен: в нем сообщается о выполнении задания и составлении карты, на которой нанесены не только остатки каменных строений на берегу Кумы, но и их расположение относительно Кизлярской крепости и крепости

св. Анны на Дону [Там же, с. 336]. В настоящее время рисунок М. Некрасова (рис. 1) и карта, составленная А. Голохвостовым (рис. 2), хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 760 и 868).

По рисунку М. Некрасова была сделана литография, которая опубликована К. Бэрм [Bähr, 1839, Tab. 1] (рис. 3, 1). Это изображение приводилось другими исследователями [Magazin..., 1771, S. 530; Волкова, 1972, с. 44–45; Аджимамедов, 1992, с. 143]. На нем изображен берег р. Кумы, на котором видны остатки ок. 45 мавзолеев из обожженного кирпича. На плане А. Голохвостова в соответствующем месте можно насчитать 48 построек, причем их расположение и планировка совпадают с рисунком. Тем не менее именно эти материалы практически не привлекались исследователями при рассмотрении архитектурных форм маджарских мавзолеев. Между тем строения на рисунке изображены достаточно подробно, с большим количеством деталей. Это позволяет проанализировать их архитектуру и выделить основные типы зданий.

Типология мавзолеев для большинства мусульманских стран достаточно хорошо разработана [Пугаченкова, 1958, с. 168–179, 185–186, 342–343; Пугаченкова, Ремпель, 1965, с. 226–227; Бретаницкий, 1966, с. 96–130, 166–201; Ettinghausen, Grabar, 1994, р. 216–222; Hillenbrand, 1994, р. 253–331]. Для Средней Азии наиболее стройная и подробная классификация создана Л.Ю. Маньковской [1979, 1980, 1983]. Впоследствии эта классификация с небольшими коррективами была принята С.Г. Хмельницким [1996, с. 153]. Признаками, на которых основаны все известные варианты типологии мемориальных строений, являются: количество помещений, форма здания, отсутствие или наличие порталов, их форма, а также форма покрытия. Используя их, мавзолеи Маджара можно разделить на четыре группы.

Рис. 1. Рисунок развалин старого города Маджара, находящегося при впадении р. Буйволы в Куму. Автор М. Некрасов, 1742 г. ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 760.

Рис. 2. План остатков г. Маджара с ситуацией. Автор А. Голохвостов, 1742 г. ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 868.

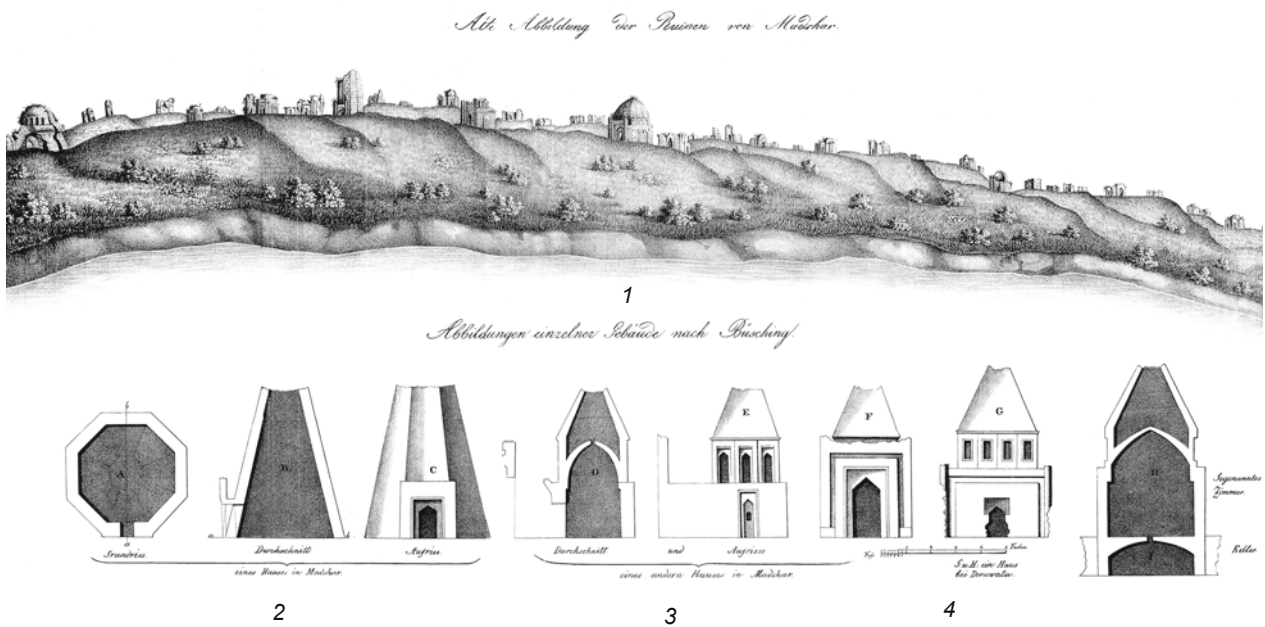

Рис. 3. Гравюра из альманаха А.Ф. Бюшинга 1771 г. (по: [Magazin..., 1771]).
1 – воспроизведение рисунка М. Некрасова; 2 – пирамидальный мавзолей в Маджаре; 3 – порталный мавзолей с шатровым покрытием в Маджаре; 4 – фасадный мавзолей с шатровым покрытием в местности Дерсовата.

К первой группе (рис. 4) относятся здания кубического объема, который переходит в восьмигранный или двенадцатигранный барабан, увенчанный двойным куполом. В каждой грани барабана по одному окну стрельчатой формы. Окна как сквозные, так и глухие. Внутренний полусферический купол сохранился у многих построек. Снаружи у него было шатровое покрытие, которое можно наблюдать у одного мавзолея (рис. 4, 2). Все здания этого типа имеют с одной стороны высокий развитый портал, где находится вход, обрамленный стрельчатой аркой и двумя П-образными рамами, выложенными кирпичами и, вероятно, изразцами. По форме портала можно выделить два подтипа [Маньковская, 1983, с. 32]. У большинства мавзолеев (рис. 4, 1–4, 6) портал вписан в общий призматический корпус здания. У одной постройки (рис. 4, 5) он сильно выдвинут вперед и сужен относительно общего объема. В боковых стенах большинства зданий также сделаны стрельчатые ниши, обведенные П-образными рамами. У одних построек (рис. 4, 2–4) в этих нишах имеются небольшие окошки, у других (рис. 4, 5, 6) – сквозные проемы. Такое же строение имели и мавзолеи, изображенные П.С. Палласом и Я. Потockим. Паллас, посетивший Маджар дважды, в 1780 г. писал о шести башнях и 32 сохранившихся зданиях, а в 1793 г. он нашел только четыре неразрушенных мавзолея, которые и зарисовал (рис. 5–7), от остальных остались лишь основания, расположенные вдоль реки в три ряда [Pallas, 1799, S. 276–284]. Последний маджарский мавзолей был зарисован Я. Потockим в 1798 г. [Potocki, 1829, p. 188].

Э.В. Ртвеладзе, изучавший мавзолеи Маджара по рисункам А.Ф. Бюшинга [Magazin..., 1771, S. 530] и описаниям С.Г. Гмелина, также выделяет тип портално-шатровых усыпальниц и даже приводит их примерные размеры. Это прямоугольные в плане здания (10×7 м) с одним квадратным в плане помещением (5×5 м) и сильно развитым порталом, лежащим на продолжении боковых стен. Портальная ниша перекрыта стрельчатой аркой и оформлена двумя П-образными рамами. На щечковых стенах портала сделаны неглубокие ниши, также перекрытые стрельчатыми арками. Аналогичные ниши с дверями или окнами находились и по центрам трех стен здания как внутри, так и снаружи. Стены мавзолеев толщиной 1,1–1,2 м сложены из золотоордынского кирпича стандартного формата. Снаружи здания были украшены изразцовыми кирпичами бирюзового цвета, моза-

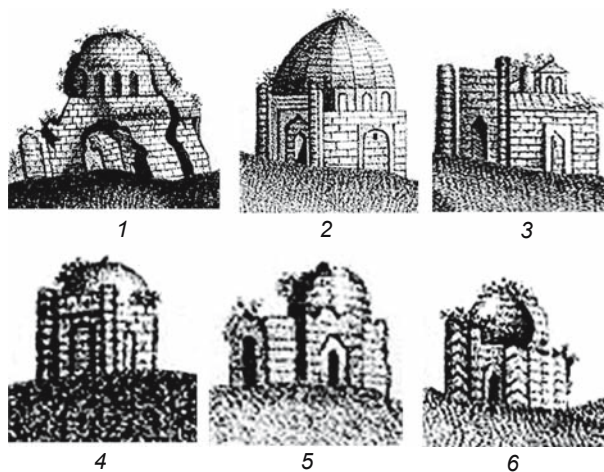

Рис. 4. Портальные мавзолеи Маджара.

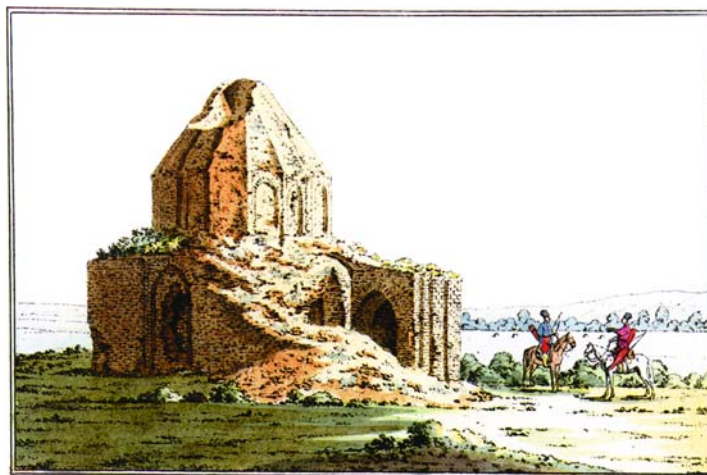

Рис. 5. Мавзолей в Маджаре на гравюре П.С. Палласа (по: [Pallas, 1799]).

Рис. 6. Мавзолей в Маджаре на гравюре П.С. Палласа (по: [Pallas, 1799]).

Рис. 7. Последние сохранившиеся мавзолеи Маджара (по: [Pallas, 1799]).

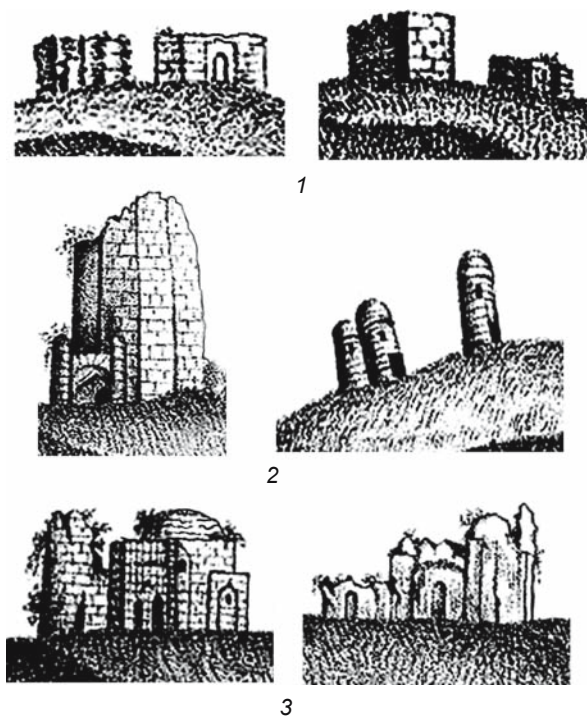

Рис. 8. Мавзолеи Маджара на рисунке М. Некрасова.
1 – фасадные; 2 – башенные; 3 – сложного плана.

иками из разноцветных (бирюзовые, синие, белые, зеленые, красные) поливных элементов различной формы, а также резной архитектурной керамикой с бирюзовой поливой. Внутри стены были оштукатурены [Ртвеладзе, 1973, с. 271–272].

Следующую группу составляют квадратные в плане постройки, не имеющие выступающего портала (рис. 8, 1). Его отсутствие может объясняться плохой сохранностью зданий, а возможно, это мавзолеи, которые Э.В. Ртвеладзе определил как центрические,

хотя правильнее их было бы назвать фасадными, поскольку фасад у них выделен только с одной стороны [Маньковская, 1983, с. 32; Хмельницкий, 1996, с. 153], а центрические имеют четыре осевых входа и равнозначные фасады со всех сторон. Такой фасадный мавзолей из места под названием Дерсовата изображен на рисунке А.Ф. Бюшинга (см. рис. 3, 4). Он квадратный в плане, размерами примерно 7×7 м. На углах здания находятся трехчетвертные колонны. Портал отсутствует, но дверной проем, сделанный в одной из стен, оформлен стрельчатой аркой. Мавзолей имеет купольное перекрытие на высоком цилиндрическом барабане с восемью или двенадцатью прямоугольными окнами. Купол двойной, причем внутренний – полусферический, а внешний – шатрово-конический. Общая высота здания составляла ок. 14 м [Ртвеладзе, 1973, с. 273–274].

К третьей группе относятся башенные мавзолеи с выступающим порталом и без него (рис. 8, 2). На рисунке М. Некрасова и на плане А. Голохвостова хорошо видно, что эти постройки можно разделить на два подтипа – круглые и многогранные в плане. Восьмигранный башенный мавзолей без выступающего портала в селении Маслов Кут недалеко от Маджара изображен и П.С. Палласом [Pallas, 1799, S. 308, Tab. 12] (рис. 9). Башенные мавзолеи, наряду с порталными, подробно описаны С.Г. Гmeliным, который побывал в Маджаре в 1772 г.: «Фигура сохранившихся еще зданий – четырехугольная, восьмиугольная и круглая. Все от 4 до 9 сажен высоты, четырехугольные и восьмиугольные оканчиваются остроконечной пирамидой или кверху суживаются пирамидально. К этой пирамиде или куполу ведут потаенные винтовые лестницы, сделанные в боковых стенах, которые узки и не шире 15 дюймов. Пирамиды или куполы освещаются отверстиями по сторонам наподобие окон. В крыше

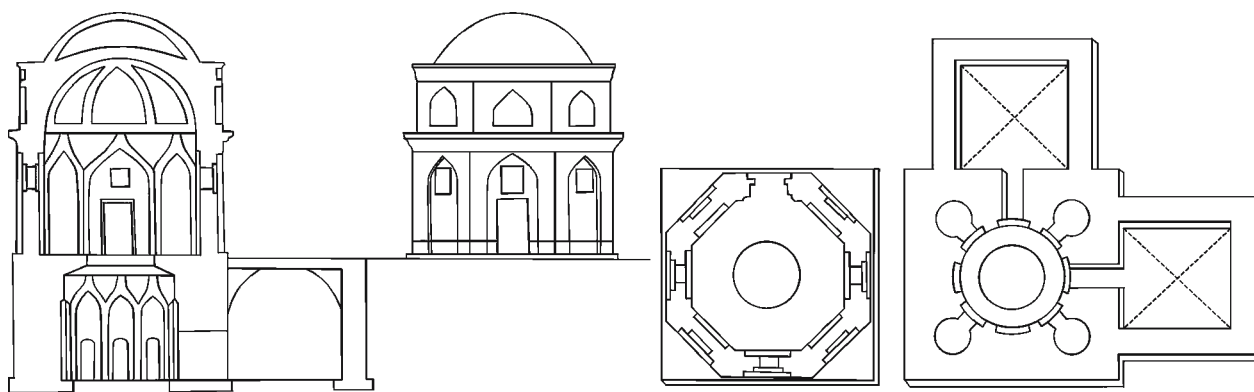

Рис. 9. Башенный мавзолей в селении Маслов Кут (по: [Pallas, 1799]).

куполы со сводами. При каждом доме есть выстроенная из камней высокая и просторная галерея с двумя отверстиями – окнами, дверь из этой галереи ведет в главную нижнюю комнату. Вход в галерею низкий, выступом. И так каждое строение состоит только из одной главной нижней комнаты, галереи, купола или пирамиды. Главная комната освещается небольшими, довольно высоко расположенными узкими отверстиями наподобие окон с каждой стороны... Постройка круглых домов еще более отличается от теперешней европейской и азиатской архитектуры. Эти дома также от 4 до 9 сажен высоты, не велики, кверху со сводами и закруглены, так похожи на персидские и другие сторожевые башни, что их можно было бы считать такими башнями, если бы они не стояли на ровном месте, и если бы вместо бойниц у них не было просто отверстий, заменяющих окна... Посредине главной комнаты находится круглое отверстие, ведущее в подвал и имеющее от 3-х до 4-х футов в поперечнике, закрывается оно хорошо прилаженным камнем. Этот подвал – горизонтальный коридор, часто не длиннее комнаты, но нередко он идет под фундаментом по прямой линии как раз в черте двора, где есть и закрытый вход в него» (цит. по: [Шестаков, 1884, с. 8–9]). Подробно описывает С.Г. Гмелин и материалы, из которых построены мавзолеи: «Кирпичи такие же, какие еще делают астраханские татары... Для кладки стен употреблены в некоторых строениях известь и песок, но преимущественно глина; почти все комнаты изнутри оштукатурены известью, сглажены и выкрашены. Фундаменты большей частью из кирпича, немногие из плитняка, но все очень прочные. Балки сосновые... Украшения зданий состоят из глазированных камней синяго, зеленого, красного, кирпичного и жемчужного цвета, которые весьма красиво и искусно вделаны между кирпичами во внутренняя и внешняя стены нижней комнаты, пирамиды или купола и галереи в форме трех- или четырехугольников, ромбов, крестов, сердец и различных фантастических фигур. Совершенно то же мы видим

и в строениях в Селитренном городке». С.Г. Гмелин считал все здания замками магнатов, а круглые башни магазинами, т.е. складами [Там же].

Большинство современных исследователей согласны в том, что четырехугольные и восьмиугольные постройки, описанные С.Г. Гмелиным, являются мавзолеями [Минаева, 1953, с. 150; Ртвеладзе, 1973, с. 271–273]. По поводу круглых в плане сооружений мнения расходятся. Э.В. Ртвеладзе считал их минаретами [1973, с. 273]. Л.Г. Нечаева определяет эти постройки как «ульевидные» мавзолеи [1978, с. 88], возникновение которых относит к домонгольскому времени и связывает с половцами. Свое мнение она основывает на сведениях Г. Рубрука, писавшего, что половцы «не только насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую», но и «строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома...» [1997, с. 101]. Доказательством мусульманизации половцев в домонгольское время Л.Г. Нечаева считает миниатюры Радзивилловской летописи, на которых половецкий стяг всегда имеет полумесяц. На этих же миниатюрах, по ее мнению, изображены мавзолеи в виде круглых в плане зданий, перекрытых куполами [Нечаева, 1978, с. 86].

С Л.Г. Нечаевой полемизирует Р.А. Даутова. По ее мнению, до XIII в. половцы, скорее всего, в массе своей были язычниками, а что касается построек, о которых пишет Л.Г. Нечаева, то Г. Рубрук видел их в 1253 г., и нигде нет указаний на их связь с мусульманством. Миниатюры же Радзивилловской летописи вообще выполнены в XV в. и могут отражать современные им реалии [Даутова, 1983, с. 32–33]. Рассматривает Р.А. Даутова и вопрос об «ульевидных» мавзолеях Маджара. Так как о круглых в плане мавзолеях нет археологических данных, считает исследовательница, то сооружения, изображенные на рисунке, являются своеобразными надгробными памятниками, «небольшими по площади и глухими внутри»,

т.е. имитациями больших мавзолеев. Аналогии этим сооружениям имеются в погребальных памятниках Средней Азии XVII–XX вв. [Там же].

Вопрос о мусульманизации половцев выходит за рамки данной работы, что же касается изображенных на рисунке мавзолеев, то с мнением Р.А. Даутовой трудно согласиться. Прежде всего следует отметить, что отсутствие археологических данных не является убедительным доводом. Городище Маджары исследовалось довольно мало, и на нем вообще не найдено остатков мавзолеев. Кстати говоря, надежды найти их, скорее всего, и нет, т.к. та территория, на которой, согласно плану А. Голохвостова, были маджарские мавзолеи, застроена городскими кварталами. В то же время башенные мавзолеи фасадного типа или с выступающим порталом хорошо известны. В плане они могут быть как многогранными, так и круглыми. Такие мавзолеи возникают в Иране [Hillenbrand, 1994, p. 282–287, 528–529] и распространяются на сопредельные территории – в Среднюю Азию [Пугаченкова, 1958, с. 292–298; Хмельницкий, 1996, с. 227–234], Азербайджан [Уссейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963, с. 145; Бретаницкий, 1966, с. 110–115], Малую Азию [Stierlin, 1998, p. 50; Hillenbrand, 1994, p. 306–308, 541–542]. В этом контексте присутствие их на Северном Кавказе представляется абсолютно логичным.

Совершенно непонятной кажется трактовка построек как «небольших по площади и глухих внутри» [Даутова, 1983, с. 36]. Если внимательно прочи-

тать описания С.Г. Гмелина, то он, напротив, говорит о круглых в плане «башнях», аналогичных сторожевым, высотой 4–9 саженей (8,52–18,11 м), с внутренней комнатой. Считать эти здания минаретами тоже нет оснований, т.к. внутри минаретов должны находиться остатки винтовых лестниц, а не пустые помещения. В нижней части «башен» находились «погреб» со сводами и ведущими наружу коридорами. То есть по описанию они полностью соответствуют мавзолеям с подземными склепами. Кстати говоря, все башенные мавзолеи Азербайджана непременно имеют склепы. Наличие подземных погребальных камер в маджарских сооружениях зафиксировано на рисунках П.С. Палласа и А.Ф. Бюшинга. И наконец, довольно странным может показаться скопление большого количества минаретов на ограниченной площади, т.к. они обычно строятся при мечетях. И.А. Гюльденштедт, который побывал в Маджаре в июле 1773 г., также описывает примерно 50 зданий из обожженного кирпича у слияния Кумы и Буйволы, т.е. в том месте, где они изображены на плане А. Голохвостова. Он уверенно определяет эти здания как мемориальные памятники с подземными склепами. Мечеть с минаретом Гюльденштедт обнаружил в одной версте к западу от них, еще западнее находилась вторая мечеть с минаретом [Güldenstädt, 1791, S. 26–27]. Эту ситуацию он изобразил на плане (рис. 10).

Если вернуться к рисунку М. Некрасова, то на нем можно видеть еще одну группу построек (см. рис. 8, 3),

которым соответствуют планы в виде сложных многоугольных фигур. Это могут быть комплексы из нескольких пристроенных друг к другу однокамерных мавзолеев, например как в ансамбле Шахи-Зинда [Немцева, Шваб, 1979, с. 17–25]. Либо это многокамерные многофункциональные мавзолеи, которые Л.Ю. Маньковская разделяет на конгломераты, не имеющие четкой структуры, и мавзолеи-комплексы продольно-осевой или поперечно-осевой структуры [Маньковская, 1979, с. 97; 1983, с. 40–41]. В качестве примеров подобных сооружений можно привести комплексы Кусам Аббаса в Шахи-Зинда, Хусам-ата в Фудине, мазар Чашма-Аюб в Бухаре [Немцева, Шваб, 1979, с. 17–25; Маньковская, 1979; 1983, с. 40–41; Хмельницкий, 1996, с. 255–257].

Э.В. Ртвеладзе выделяет еще один тип маджарских мавзолеев – пирамидальной формы. К нему относятся восьмигранные в плане здания,

Güldenst. R. 2. Theil Platte 4. Pag. 27.

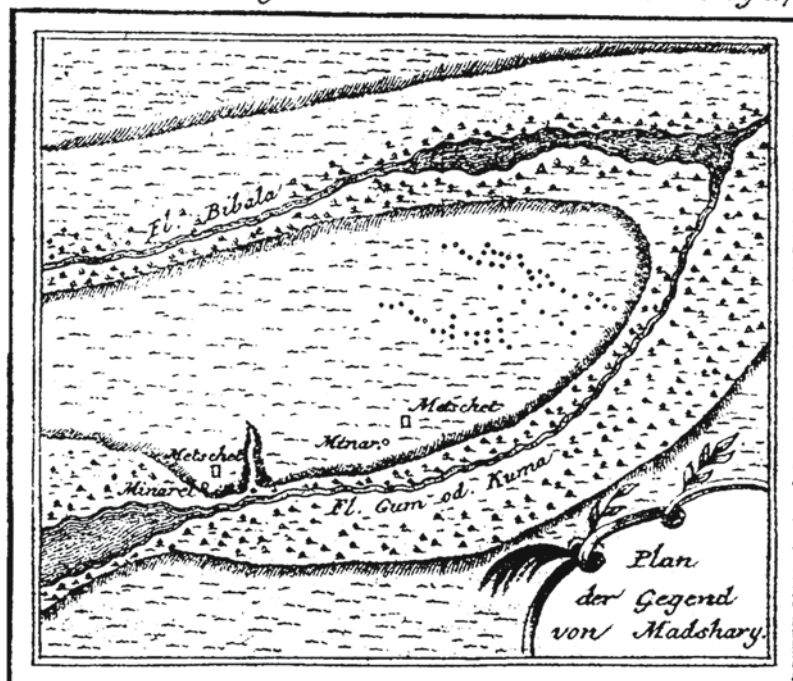

Рис. 10. План Маджары И.А. Гюльденштедта 1773 г. (по: [Güldenstädt, 1791]).

сужающиеся кверху. На одной из граней находился невысокий, слабо выдвинутый вперед портал. Вход был перекрыт стрельчатой аркой, которая выделена П-образной рамой. Э.В. Ртвеладзе приводит примерные размеры такого мавзолея. Внутреннее расстояние между стенами ок. 8 м, толщина стен 1 м, ширина портала 4 м, высота – 4,5 м. Общая высота мавзолея при этих размерах составляла более 12 м [Ртвеладзе, 1973, с. 273]. На панораме Маджара такие здания не видны, однако довольно точный чертеж их приведен в публикации А.Ф. Бюшинга (см. рис. 3, 2). Кроме того, С.Г. Гмелин пишет о сужающихся пирамидально постройках в самом Маджаре и о трех зданиях треугольной формы в 10 верстах ниже по течению Кумы (см.: [Шестаков, 1884, с. 8, 11]). Пирамидальные мавзолеи представляют собой довольно редкий тип погребальных памятников, который достоверно не зафиксирован на золотоордынских городищах. Возможно, они действительно происходят от «остроконечных домиков», упоминаемых Г. Рубруком. Подобные надгробные сооружения в Центральном Казахстане впервые были описаны и зарисованы И.А. Кастанье [1910, рис. 50–53]. Их изучением занимался А.Х. Маргулан, который датировал их VIII–IX вв. и также считал памятниками кыпчаков (см.: [Мендикулов, 1950, с. 7]). Пирамидальные мавзолеи, распространенные в VIII–XI вв. в Центральном Казахстане, доживают в Арало-Каспийском регионе до современности [Ажигали, 2002, с. 222–223, 226–231]. В Нижнем Поволжье, на урочище Кривая Лука, также были исследованы два восьмигранных в плане мавзолея, сложенные из сырцового кирпича, которые, вероятнее всего, имели пирамидальную форму [Дворниченко, Зиливинская, 2005; Зиливинская, 2009].

Заключение

Анализ графических и письменных материалов позволяет выделить среди мавзолеев Маджара здания пяти типов.

1. Фасадные мавзолеи, квадратные в плане постройки без явно выраженного портала, но с выделенной стороной, где находится вход. Они широко распространены в Средней Азии. К этому типу относятся мавзолей дочери Исхак-ата в Фудине под Карши (XI в.), Мир Сеид Бахром в Кермине [Маньковская, 1979, с. 97, 102], Ярты-гумбез возле городища Серахс (XIII в.), Худай-Назар-овлия возле Байрам Али (X–XII вв.) [Пугаченкова, 1958, с. 286, 310–313], Халифа Ерекен в Миздархане (IX–X вв.), мавзолей Фахраддина Рази в Куня Ургенче, Средний мавзолей в Узгенте [Якубовский, 1930, с. 45; Засыпкин, 1948, с. 45]. Почти все эти здания перекрыты одинарными куполами, только мавзолей Фахраддина Рази имеет

шатровое покрытие. Фасадные мавзолеи квадратного плана встречаются и в Азербайджане, но для него такая форма не характерна.

2. Портальные мавзолеи, к которым относятся здания с явно выделенным объемом входного портала. Они могут иметь один вход, выделенный порталом, или же несколько входных проемов, один из которых сделан в сильно развитом портале. Наличие нескольких входных проемов является пережитком центрической формы мавзолеев, уже не существовавшей в золотоордынский период [Хмельницкий, 1996, с. 123]. Портальные мавзолеи можно разделить на два подтипа: с выступающим вперед порталом и порталом, вписанным в объем здания, опирающимся на массивные пилоны (пештак).

Мемориальные постройки с выступающим порталом также характерны для зодчества Средней Азии. Такую планировку имеют мавзолеи Исхак-ата в Фудине (X в.) [Маньковская, 1979, с. 97–102], Астана-баба, Серахс-баба, Абу-Саида, Парау-ата, Чугундор-баба (все XI–XII вв.), мавзолей № 3 в урочище Гек-гумбез (XIV в.) [Пугаченкова, 1958, с. 275–276, 278–286, 299–303, 375], мавзолей Рухабат в Самарканде (XIV в.).

Портал в виде пештака является своеобразной «визитной карточкой» архитектуры Среднего Востока. Типичен он и для мемориальных построек Средней Азии. В качестве примера можно привести мавзолей Араб-ата в селении Тим (X в.), южный и северный мавзолеи Узгента (XII в.) [Засыпкин, 1948, с. 78], мазар Зенги-баба (XIII–XIV вв.), мавзолей № 1 и 2 в урочище Гек-гумбез (XIII–XIV вв.) [Пугаченкова, 1958, с. 371–375]. К этому же типу относятся все основные мавзолеи некрополя Шахи-Зинда [Немцева, Шваб, 1979]. В Закавказье и Малой Азии постройки с пештаками не встречаются.

3. Башенные мавзолеи, которые делятся на два подтипа: круглые и многоугольные в плане. Первые широко распространены в Азербайджане [Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963, с. 145; Бретаницкий, 1966, с. 110–115, 180–185] и Малой Азии [Stierlin, 1998, p. 50; Hillenbrand, 1994, p. 306–308, 541–542]. Обычно у них шатровый купол и нет выступающего портала. Шатровое покрытие имели, скорее всего, и все башенные мавзолеи Маджара, как круглые, так и многоугольные. В Азербайджане, где башенная форма мавзолеев является главенствующей, известно множество примеров таких многогранных в плане сооружений с шатровыми куполами. Это мавзолей Юсуфа Ибн-Кусейра в Нахичевани, Момине-хатун (XII в.), мавзолей в с. Ханега, Гюлистан в с. Джуга (XII–XIII вв.), мавзолей в с. Дермичлер (XIV в.), Хачин-Дорбатлы (XIV в.), Мир Али (XIV в.) и др. [Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963, с. 80–104, 127–162; Бретаницкий, 1966, с. 96–199]. Исключительно шатровое покрытие имеют башенные мавзолеи Малой Азии, по-

лучившие там широчайшее распространение в сельджукское время. В качестве примера можно привести Денер Кюмбет в Кайзери (XIII в.), мавзолей Караманоглу Алаеддин-бея в Карамане (XIII в.), Худавентхатун-турбе в Нигде (XIV в.) и др. [Stierlin, 1998, p. 50–53; Hillenbrand, 1994, p. 306–311, 540–542]. Известны мавзолеи такого вида и в Иране [Hillenbrand, 1994, p. 283–286, 527–529]. Иранская башня Гумбеде Кабус, построенная в 1006 г., считается прародительницей всех башенных мавзолеев.

4. Пирамидальные мавзолеи, многоугольные в плане. Они представляют собой довольно редкий, архаичный тип надгробных сооружений, которые были распространены в Фергане, Семиречье, Центральном, Юго-Западном, Западном Казахстане и датируются в широком временном диапазоне – от раннего средневековья до начала XX в. [Пугаченкова, 1949, с. 61–67]. Большая часть этих построек сложена из сырца и пахсы, но есть и каменные. Наиболее известны мавзолеи Денгек и Козу-Корпеч в Семиречье, построенные из плитняка на глиняном растворе. Первый достигает 8 м высоты, второй – 12 м. Г.А. Пугаченкова высказала предположение, что пирамидальные мавзолеи возникли у кочевых и полукочевых тюрок (сельджуков), и их форма восходит к курганам и древним курганообразным надмогильным сооружениям [Там же, с. 57–77]. Одним из видов таких сооружений могли быть известные по описаниям Г. Рубрука пирамидки на курганах половцев [1997, с. 101]. А.Х. Маргулан, описавший пирамидальные надгробные сооружения Центрального Казахстана, датировал их VIII–IX вв. и считал памятниками кыпчаков (см.: [Мендикулов, 1950, с. 7]). По мнению Г.А. Пугаченковой, дальнейшее развитие пирамидальных построек и соединение их с типом среднеазиатского кирпичного минарета привело к формированию архитектурного образа башнеобразного мавзолея с шатровым перекрытием [1949, с. 69–74]. Подобные надгробные сооружения встречаются в Казахстане и на современных кладбищах.

5. Многокамерные мавзолеи. Они представляют собой конгломераты, не имеющие четкой структуры и состоящие из нескольких пристроенных друг к другу зданий. Мемориальные постройки этого типа встречаются в разных частях мусульманского мира на крупных некрополях.

Таким образом, на основе исследования маджарских мавзолеев различных типов можно сделать некоторые выводы о сложении мемориального зодчества на Северном Кавказе в золотоордынский период. Здесь отчетливо прослеживаются закавказское, кыпчакское и среднеазиатское влияние, при явном преобладании последнего. Разнообразие архитектурных форм золотоордынских мавзолеев можно объяснить тем, что Северный Кавказ во все времена являлся кон-

тактной зоной, своеобразным коридором, соединявшим Восток и Запад. Здесь пересекались и взаимодействовали носители различных культур и традиций, в т.ч. и строительных.

Список литературы

- Аджимамедов Р.Е.** Страницы истории Прикумья с древнейших времен. – Буденновск: [б.и.], 1992. – 172 с.
- Ажигали С.Е.** Архитектура кочевников: Феномен истории и культуры Евразии. – Алматы: Ғылым, 2002. – 652 с.
- Бретаницкий Л.С.** Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1966. – 368 с.
- Волкова Н.Г.** Маджары: Из истории городов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. – М.: Наука, 1972. – Вып. 5. – С. 41–66.
- Городцов В.А.** Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г. // Тр. XIV археологического съезда. – М., 1911. – Т. 3. – С. 162–208.
- Даутова Р.А.** О ранней группе мавзолеев Северного Кавказа // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии / ред. М.Б. Мужухоев. – Грозный: ЧИИИСФ, 1983. – С. 31–44.
- Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д.** Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолж. археол. вестн. – 2005. – Вып. 7. – С. 281–303.
- Доде З.В.** К истории изучения города Маджара // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – Вып. 8: Крупновские чтения 1971–2006. – С. 457.
- Егоров В.Л., Юхт А.И.** В.Н. Татишев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА. – 1986. – № 1. – С. 232–239.
- Засыпкин Б.Н.** Архитектура Средней Азии. – М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1948. – 160 с.
- Зиливинская Э.Д.** Археологические работы на городище Маджары в 1989–91 гг. и 1993 г. // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. – Кисловодск, 1994. – С. 65–66.
- Зиливинская Э.Д.** Раскопки на городище Маджары // АО 1994 года. – М.: Наука, 1995. – С. 163–164.
- Зиливинская Э.Д.** Работы на городище Маджары в Ставропольском крае // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX Крупновские чтения: тез. докл. – М., 1996. – С. 78–80.
- Зиливинская Э.Д.** Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. – М.: Изд-во ИА РАН, 2001. – С. 174–226.
- Зиливинская Э.Д.** К вопросу о формировании погребальных сооружений населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. – 2009. – № 2. – С. 119–140.
- Кастанье И.А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – Оренбург: [Типо-лит. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К», 1910. – 332 с. – (Тр. ОУАК; вып. 22).
- Маньковская Л.Ю.** О типологии мемориального зодчества Средней Азии: Мавзолеи Фудины и Касби // Культура

и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. – М.: Наука, 1979. – С. 96–105.

Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. IX – начало XX в. – Ташкент: Фан, 1980. – 183 с.

Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии IX–XIII вв. – Ташкент: Фан, 1983. – С. 30–49.

Мендикулов М. Некоторые данные об истории архитектуры Казахстана // Изв. АН КазССР. – 1950. – № 80, вып. 2. – С. 3–37.

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1953. – Вып. 5. – С. 131–161.

Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда. – Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1979. – 168 с.

Нечаева Л.Г. О мавзолее Северного Кавказа // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука, 1978. – С. 85–96.

Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Изв. Рос. акад. наук. – 1925. – № 6–8. – С. 207–224; 1928. – № 1–10. – С. 318–364.

Полное собрание русских летописей. – СПб.: [Тип. Э. Праца], 1851. – Т. 5: Софийская летопись. – 280 с.

Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Тр. ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1949. – Вып. 1. – С. 57–77.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 492 с. – (Тр. ЮТАКЭ; т. 6).

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. – М.: Искусство, 1965. – 688 с.

Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // СА. – 1972. – № 3. – С. 149–163.

Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // СА. – 1973. – № 1. – С. 271–277.

Рубрук Г. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. – М.: Мысль, 1997. – С. 88–192.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб.: Изд-во на иждивении гр. С.Г. Строганова, 1884. – Т. 1: Арабские источники. – 564 с.

Уссейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. – М.: Госстройиздат, 1963. – 640 с.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами: Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. – Берлин; Рига: Gamayun, 1996. – Ч. 1. – 336 с.

Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре // Тр. IV археологического съезда. – Казань, 1884. – Т. 1. – С. 4–16.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // Изв. ГАИМК. – Л., 1930. – Т. 6, вып. 2. – 68 с.

Bähr K. Eine alte Abbildung der Ruinen von Madjar // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. – SPb.: Verlage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1839. – Bd. 3. – S. 55–96.

Güldenstädt I. Reisen durch Russland und im caucasischen Gebirge. – SPb.: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1791. – Bd. 2. – 398 S.

Ettinghausen R., Grabar O. The Art and Architecture of Islam: 650–1250. – New Haven; L.: Yale University Press, 1994. – 448 p.

Hillenbrand R. Islamic Architecture. – N.Y.: Columbia University Press, 1994. – 645 p.

Magazin für die neue Historie und Geographie angelegt von Dr. Anton Friedrich Büsching. – Hamburg: J.J. Curt, 1771. – Bd. 5/6. – 536 S.

Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaaten des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. – Leipzig: Martini, 1799. – Bd. 1. – 799 S.

Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. – P.: Merlin, 1829. – Т. 2. – 361 p.

Stierlin H. Turkey from the Selcuks to the Ottomans. – Köln: Tashen, 1998. – 238 p.

*Материал поступил в редколлегию 03.02.11 г.,
в окончательном варианте – 19.05.11 г.*

С.Г. Кляшторный

Институт восточных рукописей РАН
 Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
 E-mail: klyashtor2004@mail.ru

КАСАР-КУРУГ: ЗАПАДНАЯ СТАВКА УЙГУРСКИХ КАГАНОВ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОР-БАЖЫНА

Анализ древнеуйгурских рунических памятников Монголии, которые были открыты и исследованы в ходе работ Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (1969–1990), показывает, что упоминаемая в них западная летняя ставка уйгурских каганов Касар-Куруг, существовавшая в 50–60-е гг. VIII в., находилась на территории Тувы близ бассейна р. Тэс, на месте известного сегодня городища Пор-Бажын. В статье сопоставлены сведения надписей Тэсинской и Терхинской стел, а также на стеле Могойн-Шине-Усу с результатами археологических работ на городище Пор-Бажын.

Ключевые слова: Уйгурский каганат, Тува, древнеуйгурские рунические памятники, куруг, Хангайская горная страна, токуз-огузы.

В сентябре – октябре 749 г. победой Элетмиш Бильге-кагана завершилась двухлетняя междоусобная война в Уйгурском каганате. Ее последние сражения почти совпали с появлением новой угрозы государству уйгуров – на северо-западе сформировался враждебный им союз кыргызов, чиков, карлуков и басмылов. Новым театром военных действий становились Тува, Северо-Западная Монголия, Джунгария. В 750 г. Элетмиш Бильге-каган, определив главное оперативное направление, перенес свою летнюю ставку на запад, в нынешнее монголо-тувинское пограничье.

«В год Тигра (750 г.) я пошел в поход на чиков. Во втором месяце, на четырнадцатый день, у (реки) Кем я их разгромил. В том году я приказал учредить ставку в Касар-Кордане, что у верховий (реки) Тез, на западном склоне Отыюкена. Я приказал воздвигнуть там крепость и провел там лето. Там я установил границы (моих владений). Там же я приказал вырезать мои (гербовые) знаки и мои письмена», – говорится в надписи на стеле из Могойн-Шине-усу (стк. 19–20)*.

*Тексты и переводы цитируемых здесь рунических памятников, а также их интерпретацию см.: [Кляшторный, 2010].

Более короткий вариант сообщения об учреждении Элетмиш Бильге-каганом западной ставки содержится в Терхинской надписи (стк. 1–2): «Я, Неборожденный Элетмиш Бильге-каган, (вместе с) Неборожденной (супругой) Эльбильге-катун, приняв на себя титулы каган и катун, тогда повелел поставить свою ставку < и соорудить крепость >, там, на западной окраине Отыюкена, у верховий (реки) Тез. Там в год Тигра (750 г.) и в год Змеи (753 г.) два раза я провел лето». В этом месте формировалась исходная база для новых походов, туда стягивалось войско для подготовки к весенне-летним и осенним кампаниям.

Основание ставки сопровождалось рядом строго определенных и во всех случаях повторяемых действий – строился *čyt* (укрепление, крепость) и *örgin* (ставка), где находился трон, воздвигалась стела с гербовыми знаками кагана и его рода (*belgü*), на стелу наносилась руническим письмом декларация кагана (*bitig*). Центр ставки – *čyt*-крепость – возводилась в наиболее безопасном и стратегически удобном месте, а стела со знаками и письменами – на границах ханской резервации. Местоположение ставки фиксировалось в каганской декларации и объявлялось заповедным (*куругом*).

Институт заповедных царских земель (парадизов, охотничьих парков) существовал во многих древних и средневековых государствах Западной и Восточной Азии [Allsen, 2006]. Первое описание заповедника такого рода в степной империи, у гуннов, сохранилось в «Истории ранней династии Хань» (I в. до н.э.). В ней цитируется меморандум Хоу Ина, чиновника «сведущего в пограничных делах»: «С востока на запад более тысячи ли тянутся горы Иньшань... Среди этих гор шаньюй Маодунь нашел себе прибежище. Здесь он изготовлял луки и стрелы, отсюда совершал набеги, и это был его заповедник для разведения диких птиц и зверей» [Таскин, 1973, с. 39–40].

В унаследованной тюрками степной традиции заповедные земли именовались *qurug/qorug* (от глагола *qury-/qory* – «оберегать, охранять») [Doerfer, Bd. III, S. 440–450]. Назначение *куруга* было весьма многообразным. *Куруг* был и охотничьим угодьем, и полигоном для сбора и подготовки войска к походу, и местом заготовок припасов и оружия, и закрытым для подданных сезонным кочевьем хана [Дробышев, 2005; Дмитриев, 2006]. Еще одну функцию выделяет Махмуд Кашгарский (XI в.): «куруг – это (место) укрытия правителя» [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 356].

Наиболее важным было стратегическое назначение *куруга*, о чем свидетельствуют сообщения арабских авторов, относящиеся к эпохе каганатов. Так, ат-Табари (IX в.) описывает *куруг* тюркского кагана первой половины VIII в. следующим образом: «Хакан приказал своим готовиться к войне. А у хакана были во владении луга и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел в них охотиться, ибо они были оставлены для (подготовки) к войне. Пространство, которое занимали эти луга, было в три дня (пути), и заповедники в горах – три дня (пути). И люди стали готовиться (к походу). Они выпустили пастись свои стада (на заповедные луга), стали дубить шкуры убитых на охоте животных и делать из них сосуды, стали изготовлять луки и стрелы» [Ат-Табари, 1987, с. 242].

Границы *куруга* определялись в уйгурских надписях через систему постоянных ориентиров, которые упоминаются многократно и дополняются единичными указаниями. Пользуясь этими ориентирами и указаниями, попытаемся определить, где была расположена западная ставка Элетмиша и его сына – Бёгю-кагана: «Он (Бёгю-каган) поселился у (реки) Тез, в Касар-Куруге, построил крепость, воздвиг ставку. (Там) он провел лето» (Тэсинская надпись, стк. 19).

Прежде всего следует зафиксировать, что ни крепость, ни дворцовое сооружение не были местом постоянного пребывания кагана. Находясь в местах летовки, каган жил в своей юрте (*eb*), о чем неоднократно упоминается, и кочевал по определенным маршрутам. Вся территория кочевья, весь *куруг* кага-

на, т.е. охраняемая заповедная местность, считалась его летней резиденцией. Нигде не упоминается о том, что он когда-либо жил в *чыте*-крепости. Следы его пребывания не выявлены и во время археологического изучения крепости: «Как показали исследования 2007 г., интенсивность функционирования памятника была очень незначительной – слои обживания практически отсутствуют. Это тесным образом связано с анализом архитектурно-планировочных зон Пор-Бажына. В выделенных зонах не прослеживается жилая зона, обязательная для дворцового сооружения». Отмечается отсутствие отопительных систем, что делает невозможным проживание в крепости в зимнее время: «...памятник функционировал только летом и, по всей видимости, в течение кратких периодов» [Крепость Пор-Бажын, 2008, с. 5]. Вот как описывается летовка Элетмиш Бильге-кагана в Терхинской надписи: «...по (рекам) Карга и Бургу, в той стране, я кочую по (этим) моим рекам. В моих летних кочевьях, по западному краю северного склона Отыюкена и к востоку от верховий (реки) Тез, здесь я кочую» [стк. 4–5].

Где же по сведениям, приведенным в надписях, находились сооружения, построенные по приказу кагана, и где он кочевал? В обеих обнаруженных надписях Элетмиш Бильге-кагана, двух из многих – на Терхинской стеле и стеле из Могойн-Шине-усу, сначала указаны постоянные ориентиры кочевья: «у верховий (реки) Тез (или: от верховий (реки) Тез), по западной окраине Отыюкена» (Терхинская стела, стк. 1). Этот ориентир упомянут в той же надписи в уже цитированных строках 4–5. Именно Отыюкенское нагорье и крупные реки – Оркун (Орхон), Тогла (Тола), Селенга, Тез, Кем, Иртыш – образуют своего рода сеть главных ориентиров на виртуальной карте кочевых и военных маршрутов уйгурских каганов. Их сугубо маршрутные представления о пространстве существенно отличаются от современного географического дескриптива [Klyashtorny, 2008, p. 409–414].

Река Тез – современная Тэс-хем в Туве, она же Тэсийн-гол в Монголии. В надписях она неоднократно упоминается как основной ориентир к западу от верховий Селенги и Отыюкена. Отыюкен (*Ötüken jyš* – Отыюкенская чернь) – это Хангайская горная страна. Ее западный край – хребет Сангилен, с северных склонов которого начиналось ханское кочевье – *куруг*, как указано в надписи, восточнее (точнее северо-восточнее) верховий реки Тэс в непосредственной близости от хребта Сангилен. Сама крепость расположена между долинами Малого Енисея и Тэс в их верхнем течении. И главным ориентиром являлась именно Тэс, т.к. она была основным водотоком на пути в крепость с юга, а ее верхнее течение входило в состав *куруга*.

С северных склонов Сангилен берет начало р. Карга (современная Каргы), впадающая в Каа-хем (Малый Енисей, р. Кем в надписях). Река Бургу, о которой говорится в надписи, свое название не сохранила, но широкое междуречье, упирающееся на севере в оз. Тере-холь, ограничено с востока рекой с современным названием Балыктыг-хем (букв. 'Рыбная'). С востока и запада это пространство окружено невысокими лесистыми горными грядами, обозначенными на старых картах местным тувинским названием *Хан-тайга* – «Царская тайга». А с юга, из Монголии, к ним ведет древняя дорога, которую монголы называют *Хан-нын зам* – «Царская дорога». С севера Хан-тайга ограничена котловиной оз. Тере-холь [Карта..., 1887].

Следует отметить, что в тюркских языках и диалектах Тувы и Алтая термин *тайга* не имеет значения «сплошной лес», которое он приобрел в русском языке. Обычно тайгой там называют гористую местность, чаще всего богатую черневыми лесами, но с широкими безлесными речными долинами. Иногда так же называют и безлесные горы, соседствующие с чернью [Молчанова, 1979, с. 93–94]. В древнетюркском языке такая местность называлась *jyŕ*, и этим названием обозначали целые горные страны (например, *Ötüken jyŕ* – Хангайская горная страна).

Крепость, которую тувинцы называют Пор-Ба-жын [Вайнштейн, 1964], два сезона (750 и 753 гг.) была центром летних кочевий Элетмиш Бильге-кагана и по крайней мере один сезон – его сына и наследника Бёгю-кагана. Это были *čyt* и *örgin* обоих каганов на западе; южной и юго-западной границами резиденции считались верховья Тэс и отроги хребта Сангилен. Именно в этом пограничье в летний полевой сезон 1976 г. мною был обнаружен нижний фрагмент стелы с рунической надписью – декларацией Бёгю-кагана. Удалось найти и место установки Тэсинской стелы.

По словам жителей Цаган-уул-сомона (Хубсугульский аймак), памятник еще в недавнем прошлом лежал на холме Ногон-толгой, где в 1981 г. мною проводились раскопки*. Холм оказался насыпным искусственным сооружением полусферической формы. Его ширина по оси С – Ю 37 м, по оси З – В 46 м, высота ок. 1,5 м. В западной части холма имеется пологий пандус (8–9 м). После снятия почвенного покрова было обнаружено, что холм и пандус покрыты двойным слоем из пахсовых блоков. Первоначально сооружение имело вид усеченной пирамиды с пологим подъемом на нее с западной стороны. Под пахсовым слоем, на глубине 0,75–0,80 м, находилось кострище диаметром 0,8–1,0 м, в нижнем слое которого сохранились шесть лежащих параллельно друг другу обуг-

ленных бревнышек диаметром 5–8 см; верхний слой кострища состоял из мелких углей. Костер горел интенсивно, но недолго – большая часть дерева не рассыпалась; очевидно, он был засыпан. Под кострищем обнаружены конские и бараньи кости, а также фрагмент боковины сосуда ручной лепки. Скорее всего, на холме после сооружения и до покрытия двойным пахсовым слоем было совершено ритуальное сожжение жертвенного мяса.

В 3 км к юго-западу от Ногон-толгой находится подобный по форме земляной холм Хух-толгой; он вдвое меньше по размерам, высотой 1 м. С западной стороны холма также выступает короткий «язык» – пандус. Небольшой шурф, заложенный в 1981 г., показал, что и этот холм искусственного происхождения. Вероятно, он и был местом установки пограничной стелы Элетмиш Бильге-кагана, которая не сохранилась.

В надписи Бёгю-кагана (Тэсинская стела) обозначена вся территория резиденции; она названа Касар-Куруг – «заповедные (запретные) земли Касар». В эпитафийной надписи Элетмиша назван, возможно, только центр резиденции – Касар-Кордан. Впрочем, слова, которые я читаю как *qasar qordan*, Дж. Клосон, исправляя чтение Г. Рамстедта, читает как *qasar qurydyn* и переводит «на западе Касара» [Clauson, 1972, p. 95]. И.В. Кормушин предлагает чтение *qasar qurda* «в Касар-Куре» [2004, с. 106–107], что менее оправданно. Я условно сохраняю предложенное мною ранее чтение второго слова как *qordan* [1980, с. 90], полагая его частью названия. Если принять интерпретацию Дж. Клосона, то название *Kasap* в надписях является обозначением достаточно обширной области. Мое чтение *qasar qordan* принял Ф. Рыбацки, полагая, что слово *qordan* является географическим или этническим именем, которое он фиксирует также в 14-й строке надписи Тоньюкука [Rybatzki, 1997, S. 95–96].

Kasap – основной компонент в названии западной ставки уйгурских каганов. Это название распространялось на земли, ограниченные верховьями Тэс на юго-западе, хребтом Сангилен на юге, речными долинами Каргы и Балыктыг на севере. Восточную границу каганского *куруга* определить труднее. Возможно, на северо-востоке *куруга* ею было оз. Тере-холь. Между тем, в основе топонима Касар, дважды упомянутого в надписях, лежит этноним. Он также дважды упомянут в надписях в составе личного имени древнего огузского (огурского) вождя Кадыр Касара, оба раза в паре с именем другого вождя – Беди Берсил. Ранее мною отмечались значение обоих персонифицированных этнонимов для истории Хазарского каганата, а также то, что племенной союз *kasap/хазар* лишь частично мигрировал на запад евразийской степи [2005, 2007]. Основной массив огузских племен, которые с середины VII в. именовались

*Подробнее об обстоятельствах открытия памятника см.: [Кляшторный, 1983, с. 77–78].

токуз-огузами – «девяти(племенными) огузами» и возглавлялись он-уйгурами – «десяти(племенными) уйгурами», остался во Внутренней Азии. В зависимости от политической ситуации они то покидали коренные земли в бассейнах рек Толы и Селенги для откочевов в Восточный Туркестан, то вновь возвращались в Центральную и Северо-Западную Монголию [Кляшторный, 2010].

В содержащихся в старой и новой «Историях династии Тан» китайских списках «девяти племен», т.е. токуз-огузов, племя *коса* (*касар*) упомянуто шестым. В другом важнейшем танском компендиуме – *Тан хуэйяо* («Свод важнейших событий династии Тан») – шестым названо племя *сыцзе* (*сикер*). Это противоречие, отмеченное уже Э. Пуллиблэнком [Pulleyblank, 1956, p. 167–168], было окончательно разъяснено Т. Сенга, показавшим, что в обеих *Таншу* совмещены список названий «малых» племен (sub-tribal names), входивших в состав собственно уйгуров, и список названий «девяти племен», т.е. токуз-огузов. Обобщая результаты исследований нескольких японских ученых, Т. Сенга показал, что племя *коса* (*касар*) было главенствующим в племенной группе *сыцзе* (*сикер*) [Senga, 1990, p. 57–69], в него входило и племя *апусы* (*абуз*) [Pulleyblank, 1955].

Уточнить местоположение коренных земель племенной группы *сикер* позволяет китайский список «вассальных округов», учрежденный императорским указом 648 г., когда уйгуры, после разгрома каганата *сеяньто* (*сиров*), возглавили огузские племена и формально признали свою зависимость от империи. «Вассальный округ» *сикеров*, именовавшийся «округ Лушань», находился севернее р. Толы и западнее «округа» самих уйгуров [Liu Mau-tsai, 1958, S. 357]. Г.Е. Грумм-Гржимайло локализовал «округ Лушань» в верховьях Селенги [1926, с. 275], т.е. на крайнем западе расселения огузских племен. Западная локализация *сикеров* косвенно подтверждается их привязкой к западному крылу военно-административной организации в уйгурских государствах – *тардушам*, как это зафиксировано в хотанско-сакском документе 925 г. Согласно этому документу, составленному хотанскими посланцами в Дуньхуане, *сикеры* традиционно возглавляли западное тардушское крыло, в то время как династийное племя уйгуров, *яглакары*, возглавляли *тёлисов*, т.е. племена восточного крыла [Hamilton, 1977, p. 516–517]. *Касары*, главенствующее племя в племенной группе *сикеров*, скорее всего, занимали крайние на западе уйгурские земли – территории севернее Тэс, которые и стали обозначаться их именами.

Для чего же нужна была крепость, в которой никто не жил? Только в качестве временного убежища (рефугиума) на случай войны, вторжения и внезапного нападения врагов. Личный конвой хана, который в

надписях назван *qut jortuy* – «августейший эскорт», и его гвардия (в надписях – *turyaq*) в любой момент могли создать надежное прикрытие при быстром отходе в крепость, а ворота со створами 4–5-метровой ширины* были способны мгновенно пропустить отступающий отряд. Конечно, крепость могла использоваться и для торжественных случаев, о которых упоминается в надписях. Дважды говорится и об угрозах извне, исходивших в одном случае от тутучиков, а в другом – от кыргызского хана. В обоих случаях превентивные походы уйгурских войск предотвратили войну на территории резиденции. Однако фиксируется случай, когда одно из мятежных огузских племен было разгромлено на берегу Бургу, т.е. в пределах *куруга*. Так что создание крепости-убежища на землях ханского *куруга* было отнюдь не пустым делом.

Таковы были местоположение, границы и функции западной ставки первых уйгурских каганов, именуемой Касар-Куруг – «заповедная земля Касар».

Список литературы

- Вайнштейн С.И. Древний Пор-Бажын // СЭ. – 1964. – Вып. 6. – С. 103–114.
- Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л.: Уч. комитет Монгольской Народной Республики, 1926. – Т. II: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – 896 с.
- Дмитриев С.В. Среднеазиатские куруки в эпохи Шибанидов (по материалам XVI в.) // Тюркологический сборник 2005. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 143–158.
- Дробышев Ю.И. К типологии средневековых заповедников в Центральной и Средней Азии // Тюркологический сборник 2003–2004. – М.: Вост. лит., 2005. – С. 30–44.
- Карта Военно-топографического управления Генерального штаба. – СПб., 1887.
- Кляшторный С.Г. Терхинская надпись (предварительная публикация) // Сов. тюркология. – 1980. – № 3. – С. 68–95.
- Кляшторный С.Г. Тэсинская надпись (Предварительная публикация) // Сов. тюркология. – 1983. – № 6. – С. 76–90.
- Кляшторный С.Г. Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазарский проект. – Иерусалим; Москва: Мосты культуры, 2005. – Т. XVI: Хазары. – С. 259–264.
- Кляшторный С.Г. Рунические памятники уйгурской эпохи как исторический источник // Вестн. РГНФ. – 2007. – Вып. 4. – С. 30–42.
- Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2010. – 325 с.
- Кормушин И.В. Древние тюркские языки: учеб. пособие. – Абакан: Хак. гос. ун-т, 2004. – 336 с.

*Информация получена в ходе консультации с В.А. Завьяловым.

Крепость Пор-Бажын // Проект «Крепость Пор-Бажын»: науч. альманах. – М.: Культурный фонд «Крепость Пор-Бажын», 2008. – 48 с.

Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-Турк / пер. и предисл. Э.-А. М. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1285 с.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1979. – 397 с.

Ат-Табари. История ат-Табари. – Ташкент: Фан, 1987. – 411 с.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – М.: Наука, 1973. – Вып. 2. – 170 с.

Allsen Th. T. The royal hunt in Eurasian history. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006. – 406 p.

Clauson G. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. – Oxford, Clarendon Press, 1972. – 879 p.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967. – Bd. III. – 680 S.

Hamilton J.R. Nasales insiablés en turc khotanais du Xe siècle // Bull. of the School of Oriental and African Studies. – 1977. – Vol. XL, pt. 3. – P. 508–521.

Klyashtorny S. Old Turkic runic texts and history of the Eurasian steppe. – Bucuresti, Editura Academiei Romane, 2008. – 489 p.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – 831 S.

Pulleyblank E.G. Some remarks on the Toquz-oghuz problem // Ural-Altaische Jahrbücher. – Wiesbaden, 1955. – Bd. 28. – S. 35–42.

Pulleyblank E.G. The background of rebellion of An Lushan. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – 264 p.

Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. – Szeged, University of Szeged, 1997. – 130 S.

Senga T. The Toquz Oghuz problem and the origin of the Khazars // J. of Asian history. – 1990. – Vol. 24, № 1. – P. 57–69.

*Материал поступил в редколлегию 14.11.11 г.
в окончательном варианте – 15.12.11 г.*

УДК 903.08

И.Б. Губанов

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
 Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
 E-mail: Ilya.Gubanov@kunstkamera.ru

МОГИЛЬНЫЙ КРУГ В МИКЕНСКИХ ЦАРСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ С ДРЕВНОСТЯМИ РАННЕГО СКАНДИНАВСКОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

В статье преимущественно анализируются артефакты из погребальных камер Гамма и Омикрон могильного круга В микенских царских погребений на предмет культурных связей микенской и скандинавской знати раннего бронзового века (середина – вторая половина II тыс. до н.э.). Показано, что распространение характерного орнаментального мотива бегущей спирали и изображений кораблей с таранами в Скандинавии хронологически совпадает с началом микенской цивилизации. Данные факты вкупе с обнаружением балтийского янтаря в Греции той эпохи только в погребениях микенской знати на Пелопоннесе (и их отсутствием на Крите) позволяют сделать вывод о том, что именно микенская знать являлась транслятором этих значимых культурных элементов в Скандинавию I–III периодов северного бронзового века по О. Монтелиусу.

Ключевые слова: бронзовый век, орнаментальный мотив бегущей спирали, Скандинавия, Микены, могильный круг В микенских царских погребений.

Данная работа наглядно демонстрирует интенсивность культурных (возможно, основанных на контактах элит или торговле) связей в эпоху бронзы населения Ютландии и Пелопоннеса – полуостровов на крайнем севере и юге материковой Западной Европы. Поставлен вопрос о сложной межкультурной системе отношений в середине II тыс. до н.э. Как не удивительно для столь раннего времени, она характеризуется мирным сосуществованием и наличием широкой сети культурных связей на больших пространствах в течение нескольких столетий. Представляется, что в это время подобные культурные взаимодействия были свойственны и ряду других групп населения Евразийского континента.

В работе использованы опубликованные материалы микенских (могильный круг В) и скандинавских археологических памятников. Выводы основаны на результатах хронологического сопоставления бытования идентичного в обоих регионах орнаментального мотива двойной спирали. Также привлекались данные

по синхронному появлению балтийского янтаря в погребальных комплексах микенского царского дома.

Чрезвычайно показательны в контексте связей Восточного Средиземноморья и Скандинавии в бронзовом веке материалы из раннего могильного круга В микенских царских погребений. Этот могильный круг был обнаружен совершенно случайно при реставрационных работах на частично перекрывающем его «толосе Клитемнестры», которые проводили А. Орландос и Е. Стикас с разрешения эфора округа И. Пападеметриу. Богатейшими материалами, полученными при раскопках 1952–1954 гг., мы обязаны экспедиции греческого Археологического общества под руководством Г. Милонаса, И. Пападеметриу, А. Керампулоса и С. Маринатоса. Ныне от стены могильного круга В, расположенного в 130 м к западу от Львиных Ворот, у дороги в цитадель, остался лишь небольшой сегмент и одиночные камни. Описание всех 24 погребений круга В дано в работах Г. Милонаса и Т.В. Блаватской. Для нас особенно

важны артефакты из двух роскошных погребальных камер первой половины XVI в. до н.э. — Гамма и Омикрон [Mylonas, 1957, p. 128–176; 1966, p. 97–110; Блаватская, 1966, с. 47–56].

Могильная яма Гамма, относящаяся к числу самых крупных и лучше всего сохранившихся, ориентиро-

Рис. 1. Орнаментированная бегущей спиралью стела из погребальной камеры Гамма микенского круга В [Mylonas, 1957, p. 228, fig. 45].

Рис. 2. Орнамент в виде бегущей спирали на накладке меча из погребальной камеры V круга А. Бронза, позолота. Греция. Микены. XVI в. до н.э. [Karo, 1930, Taf. LXXXII, 726].

вана по линии СВ–ЮЗ, ее длина 3,8 м, ширина 2,8, глубина 3,5 м. Каменная облицовка стен сохранилась на высоту 0,8 м. Можно реконструировать также положенные на образуемый ею уступ деревянные балки толщиной 0,25 м, поддерживавшие крышу погребальной камеры [Mylonas, 1957, p. 133].

Найденные на кровле камеры Гамма разбитая керамическая посуда и кости животных, по предположению С. Маринатоса, свидетельствуют о поминальном пиршестве. Расписной керамики в могиле обнаружено довольно мало — лишь девять ваз, что, вероятно, явилось следствием практики, когда освобождалось место для следующего покойного [Ibid., p. 134].

Особое значение для нашего исследования имеет найденная в погребальной камере Гамма стела, впоследствии использовавшаяся как постамент (по центру плиты вырублена четырехугольная выемка). Длина плиты ок. 1,05 м, ширина 0,62 и высота 0,6 м. На ее нижнем поле в технике плоского рельефа вырезана композиция, построенная по принципу приблизительной симметрии: обращенные мордами друг к другу львы, поднявшиеся на задние лапы, — возможно нападающие на быка (по мнению С. Маринатоса, это типично критский сюжет). Рядом с львом в правой части изображен поднявший меч или дубину человек, в левой — поверженная человеческая фигура. Г. Милонас предложил реалистическую трактовку сюжета: львы охотятся на скот, один (правый) лежит в засаде, и на него нападает человек с мечом, другой (левый) убил человека и показан в напряженной позе атаки на быка. Но, возможно, следует сравнить эту композицию с рельефом из симметричных фигур львов в подобной позе на Львиных Воротах микенской цитадели (упрощение иконографии до канона?). В таком случае возникает предположение о геральдической символике. У задних лап левой фигуры льва изображен стилизованный египетский знак Ваз. На верхнем, большем, поле плиты вырезана П-образная композиция из семи связанных спиралей (рис. 1). Она напоминает орнамент на стелах класса II из более позднего могильного круга А, открытого Г. Шлиманом. Там он украшает верхнее поле широко известной стелы № 1428 с изображением колесничего и пешего воина, водруженной над погребальной камерой V, в которой найдены меч с накладкой, декорированной спиральным орнаментом (рис. 2), и знаменитая золотая «маска Агамемнона» [Ibid., p. 135–136].

В погребальной камере Гамма обнаружены четыре скелета. Два из них, в восточной части (№ 2 и 3, возможно, мужской и женский), сдвинуты к стене, чтобы освободить место для последнего в ряду погребенного (скелет № 1). Костяки № 1–3 ориентированы черепами на север. В южной части погребальной камеры обнаружен грацильный скелет молодого человека приблизительно 28 лет (по заключению антрополога докто-

ра Ангела), погребенного в вытянутом положении на спине, головой на восток, с руками, сложенными на животе справа, и головой, повернутой набок – лицом на север. Возле черепа (со стороны лицевой части) стояло погребальное приношение: два характерных кубка «минийского» типа с высокими ручками и гидрия с матовой росписью из четырех concentрических окружностей (окружности у ручек – меньшего масштаба) [Ibid., p. 137–138, fig. 46; Блаватская, 1966, с. 52]. Полное отсутствие бронзового погребального инвентаря, в отличие от остальных погребенных в камере Гамма, заставляет задуматься над статусом и обстоятельствами смерти этого молодого человека.

Скелет № 1, занимающий почти половину гробницы, наиболее поздний в погребении. Это типичное захоронение воина царского рода: справа от костяка находились длинная бронзовая рапира и кинжал с рукояткой из слоновой кости. Покойник был уложен на спине, с широко расставленными и согнутыми в коленях ногами. С. Маринатос предположил, что в такой позе посредством рук и ног удерживался огромный башнеобразный щит крито-микенских времен. Однако его остатков не выявлено. К тому же в ходе раскопок круга В в 1953 г. было обнаружено богатое захоронение девочки, погребенной именно в этой позе («принцесса» из гробницы Хи) [Mylonas, 1957, p. 137, 146–148]. Тем не менее трудно отделаться от впечатления, что мертвый воин (его рост достигал 1,8 м) застыл в некоем устрашающем боевом приеме, готовый нанести колющий удар своей бронзовой рапирой. Возможно, позы покойников действительно имитировали готовность к бою, и физическое присутствие щитов здесь вовсе не обязательно.

В северной части камеры возле черепов скелетов № 1–3 найден богатый погребальный инвентарь: различного рода сосуды, как из металла (например, золотая чашка), так и керамические, расписные и полихромные (например, большая полихромная гидрия); драгоценная (из электрума) погребальная маска бородатого мужчины типично микенского обли-

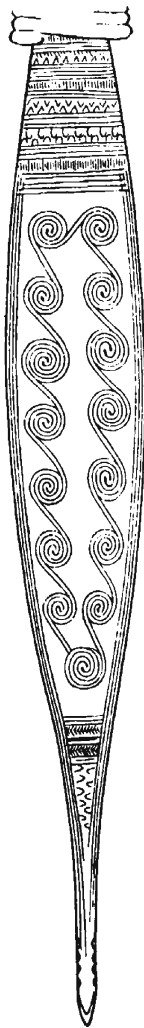

Рис. 3. Топор-пальштаб, орнаментированный бегущей спиралью. Прорисовка. Ранний скандинавский бронзовый век, I период. Бронза. Дания. Середина II тыс. до н.э. [Broholm, 1952, fig. 32].

Рис. 4. Топор-пальштаб с орнаментом в виде бегущей спирали. Ранний скандинавский бронзовый век, II период. Бронза. Дания. Вторая половина II тыс. до н.э. [Broholm, 1952, fig. 109].

ка (возможно, первоначально помещенная в деревянную коробочку), напоминающая знаменитые более поздние маски круга А (например, т.н. маску Агамемнона), но менее детализированная; мечи; крупная аметистовая бусина с геммой, на которой мастерски изображено скуластое мужское лицо со «шкиперской» бородой, без усов, обрамленное длинными волосами [Ibid., p. 137–140, fig. 49].

Особенно следует отметить большой кувшин, украшенный орнаментом из четырех полос бегущих спиралей по тулову и одной под венчиком [Mylonas, 1957, p. 139, fig. 47]. Он стоял у северной стенки камеры почти по центру рядом с большой полихромной гидрией. Характерная орнаментация сосуда важна для нашей темы распространения знаковых средиземноморских культурных элементов. В этом контексте следует упомянуть декорированный черной двойной бегущей спиралью кувшин, стоявший в юго-западном углу камеры Бета в ногах погребенного без излишней роскоши мужчины приблизительно 40 лет [Ibid., p. 132–133, fig. 43b].

Артефакты, орнаментированные бегущей спиралью, из погребальной камеры Гамма примерно на 100 лет моложе изображения корабля средиземноморского типа с тараном на ритуальном мече из Рёрбю в Западной Зеландии (который датируется началом I периода скандинавского бронзового века по О. Монтелиусу, т.е. приблизительно 1700 г. до н.э.). Они совпадают по времени с I периодом северных бронз по О. Монтелиусу, когда на территории Дании появились вещи, орнаментированные бегущей спиралью, как, например, изысканно украшенные пальштабы I и II периодов скандинавского бронзового века (по О. Монтелиусу) [Broholm, 1952, p. 46, 50, ill. 32, 109] (рис. 3), и примерно на полтора века опережают широчайшее распространение этого орнамента на бронзовом оружии и украшениях II периода (длившегося примерно с 1400 по 1250 г. до н.э.) [Ibid., p. 42, 47–57, ill. 63, 66, 77, 78, 83, 109, 110, 111, 114, 142, 144, 168, 170, 177, 178, 195–197, 199] (рис. 4). Таким образом, период

функционирования кругов В и А микенских царских погребений (XVII–XVI вв. до н.э.) – время возникновения интенсивных связей между знатью обоих регионов (контактов, которые носили, возможно, также культурный характер).

Если материалы из погребальной камеры Гамма демонстрируют столь показательный для древней средиземноморской культуры спиральный орнамент, то богатый инвентарь женского камерного погребения Омикрон интересен для нас прежде всего ранним появлением артефактов из балтийского янтаря – характерной черты микенских шахтных гробниц. Погребальную камеру Омикрон (глубина могильной ямы ок. 3 м, пол, как и у большинства погребений, выложен галькой) перекрывала кровля из сплетенных прутьев, обмазанных глиной, на деревянных балках. На ней обнаружены обломки треугольной стелы без рельефа и черепки сосудов, оставшихся после тризны. Под одним обломком стелы найдены кости животных и, что особенно показательное для датировки этого погребения и всех поздних захоронений комплекса В, декорированный спиралью фрагмент кубка стиля Вафио, относящегося к позднеэлладскому I периоду [Mylonas, 1957, p. 144]. В египетских гробницах Усер-Амона и Рахмера времен правления Тутмоса III найдены фрески, на которых «люди из Кефтии» (Крита) преподносят дары фараону. Они несут сосуды, известные в начале позднеминойского и позднеэлладского периодов, однако не встречающиеся позже. Таким образом, начало позднеэлладского I периода датируется приблизительно 1580 г. до н.э. (образцы керамики этого периода см.: [Mylonas, 1966, p. 147]). Следовательно, погребальная камера Омикрон относится (с учетом общей

датировки комплекса В 1650–1550 гг. до н.э.) к первой половине XVI в. до н.э. Она принадлежит к поздним роскошным захоронениям могильного круга В [Mylonas, 1957, p. 236]. Следует отметить, что они по конструкции и инвентарю сильно отличаются от ранних, еще среднеэлладских погребений XVII в. до н.э. того же круга. Последние представляют собой типичную среднеэлладскую цисту, вырубленную в камне, с погребенным в позе «молящегося эмбриона» (в скорченном положении, со сложенными руками). Захоронения сопровождают монохромные сосуды того же периода (например, в одном из таких мужских погребений найдены прекрасно сохранившиеся два кубка с ручками, небольшой кувшин, крупный «соусник» и чаша с двумя ручками) [Ibid., p. 143–144, fig. 55]. Наличие среднеэлладской керамики в скромных ранних могилах круга В доказывает, что предки микенских царей были вовсе не носителями традиций рубежа XVII–XVI вв. до н.э., а людьми, включенными еще в среднеэлладский культурный контекст, возможно, представителями того индоевропейского населения, которое, по Дж. Меллаарту, пришло в Трою III (разрушив Трою II ок. 2300 г. до н.э.) и Грецию (ок. 1900 г. до н.э.) в начале среднеэлладского периода через Малую Азию [Mellaart, 1958, p. 28–33].

Одеяния погребенной в камере Омикрон поражают пышностью и великолепием. Здесь найдено несколько булавок с шаровидными хрустальными головками (подобных найденным Г. Шлиманом в женском погребении III могильного круга А), а у северной стенки погребальной камеры, рядом с кувшином с четырьмя ручками, украшенным зигзагообразным орнаментом в три полосы, обнаружен великолепный ковш из горного хрусталя в форме утки [Mylonas, 1957, p. 146; Mylonas, 1966, pl. 99]. По обилию изделий из горного хрусталя исследователи нарекли погребение Омикрон Хрустальным. Археологи реконструировали головной убор из украшенных тиснением в форме циркульного и розеточного орнамента золотых лент. Более широкая лента проходила от виска к виску, а крест-накрест на нее была наложена более узкая. Розетка из 10 неорнаментированных золотых лепестков трактуется как украшение, крепившееся на правом плече серебряной булавкой с деревянной головкой, инкрустированной золотой фольгой [Mylonas, 1957, p. 144–145; 1966, pl. 101]. Булавки с шаровидными головками из горного хрусталя служили для прикрепления плаща, мантии или накидки на левом плече. Браслеты из золотых бусин в виде птиц и из проволоки в форме бегущей спирали тоже находились у левой плечевой кости покойной [Mylonas, 1957, p. 145; 1966, pl. 138]. В могиле также найдены серьги из граненой золотой проволоки [Mylonas, 1957, p. 145, fig. 58]. Особый интерес для нашей темы представляет ожерелье из янтарных бусин и пластин [Mylonas, 1957, p. 145; 1966, pl. 102].

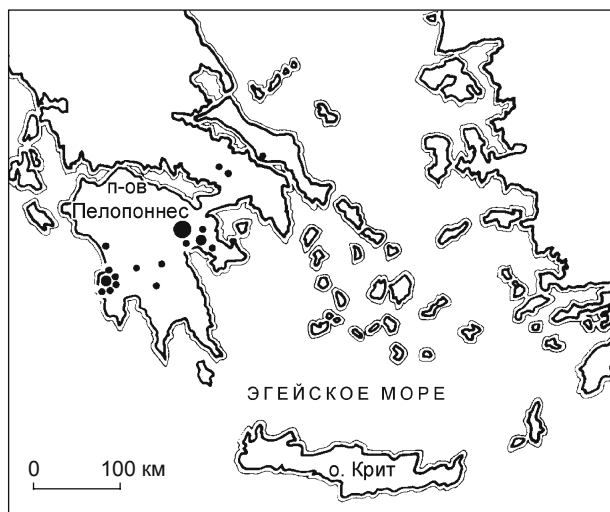

Рис. 5. Распределение изделий из балтийского янтаря в Греции в позднеэлладские I и II периоды (размер кружков пропорционален количеству находок в каждом месте) [Harding, 1984, p. 69, fig. 13].

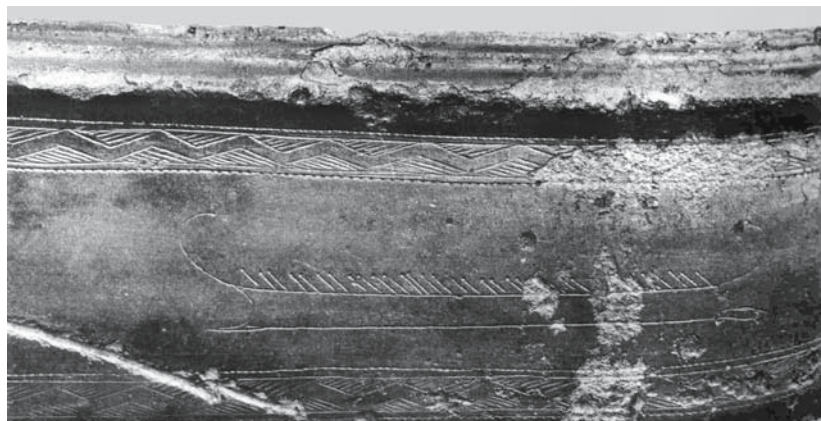

Рис. 6. Изображение корабля на мече из Рёрбю. Бронза. Дания. Около 1700 г. до н.э. [Губанов, 2006, с. 54].

Инфракрасный спектральный анализ, проведенный К. Беком, показал, что украшение сделано именно из балтийского янтаря [Beck, 1965, p. 109].

В Восточном Средиземноморье артефакты из балтийского янтаря впервые зафиксированы в микенских шахтных гробницах кругов В и А, а также в ранних толосах пилосских владык. Чрезвычайно показательно, что они есть только на Пелопоннесе, на Крите их нет (рис. 5), хотя и орнаментальный мотив бегущей спирали, и традиция изображения кораблей с таранами пришли в микенскую Грецию именно с Крита, где эти знаковые элементы средиземноморской культуры появились около середины III тыс. до н.э., в конце раннеминойского периода (время древнеегипетских пирамид Древнего царства), и бытовали до позднемикенского периода, соответствующего позднелладскому времени существования микенской цивилизации. Появление балтийского янтаря в погребении Омикрон совпадает с началом позднелладского I периода (т.е. микенской цивилизации) и I периода скандинавского бронзового века по О. Монтелиусу, когда на территории Дании появились вещи с орнаментом в виде бегущей спирали. Следует также отметить, что элладскую хронологию сейчас принято удревнять. Фактически же скандинавский ранний бронзовый век и позднелладский (микенский) период поразительным образом хронологически совпадают.

Видимо, первый контакт между Микенами и племенами, населявшими территорию Дании, имевший сакральное значение, произошел ок. 1700 г. до н.э. Свидетельство этого взаимодействия – ритуальные кривые однолезвийные мечи из Рёрбю (о-в Зеландия), на одном из которых, возможно, выгравировано изображение корабля с тараном – боевого судна средиземноморского типа (рис. 6). Следовательно, стилистика повсеместно распространенной бегущей спирали в культуре Скандинавии раннего бронзового века (периоды I–III по О. Монтелиусу, особенно II), вероятно,

обязана своим появлением идеологически значимым контактам первых микенских владык и скандинавской знати той эпохи. Характерный спиральный орнамент имел, видимо, сакральное значение и определенно выступал в качестве маркера социального престижа знати. Эти связи подтверждает и распространение балтийского янтаря в позднелладский I период первоначально именно в микенских царских погребениях на Пелопоннесе.

Список литературы

- Блаватская Т.В.** Ахейская Греция. – М.: Наука, 1966. – 255 с.
- Губанов И.Б.** Бронзовый век Севера и Юга Европы: проблемы межэтнических контактов и реконструкция социальной структуры древнего общества. – СПб.: Наука, 2006. – 106 с.
- Beck C.W.** Infrared Spectra of Amber and the Chemical Identification of Baltic Amber // *Achaemetry: The bulletin of the Research laboratory for archaeology and the history of art.* – Oxford: The Abbey Press, 1965. – Vol. 8. – P. 96–109.
- Broholm H.C.** *Ældre bronzealder.* – København: Nordisk forlag, 1952. – 65 p.
- Harding A.F.** *The Mykenaeans and Europe.* – L.: Acad. Press, 1984. – 334 p.
- Karo G.** *Die Schachtgräber von Mykenai: Tafeln.* – München: Verlag D. Bruckmann, 1930. – [2 с.], 175 л. ил.
- Mellaart J.** The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // *Am. J. of Archaeology.* – 1958. – Vol. 62, N 1. – P. 9–33.
- Mylonas G.E.** *Ancient Mycenae: The Capital City of Agamemnon.* – L.: Routledge & Kegan Paul, 1957. – 201 p.
- Mylonas G.E.** *Mycenae and The Mycenaean Age.* – N. J.: Princeton univ. press, 1966. – 251 p.

*Материал поступил в редколлегию 30.03.11 г.,
в окончательном варианте – 02.06.11 г.*

УДК 904

А.В. Матвеев, О.М. Аношко, Т.А. Алиева

*Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета
ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: avm1586@yandex.ru
E-mail: oKanoshko@yandex.ru
E-mail: agapetova@mail.ru*

ТОБОЛЬСКАЯ ПАНАГИЯ*

В статье рассматриваются морфологические и стилистические особенности меднолитой позолоченной панагии, найденной в ходе раскопок на территории верхнего посада Тобольска. Дается подробное описание находки и условий ее обнаружения. Установлено, что артефакт принадлежит к ранней группе меднолитых путных панагий, которые можно датировать второй половиной XVI — первой половиной XVII в. или несколько более широким периодом. Высказано предположение, что появление этого культового предмета в Тобольске связано с созданием здесь в начале XVII в. новой епархии и пребыванием в городе первых сибирских и тобольских архиепископов.

Ключевые слова: археология, история, Западная Сибирь, Тобольск, медное литье, предметы христианского культа, панагия путная.

Введение

Экспедиция Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета начала раскопки в Тобольске в 2007 г. и сегодня располагает весьма представительными коллекциями артефактов, связанных с начальным периодом истории первой столицы Сибири [Матвеев, Аношко, Селиверстова и др., 2008; Матвеев, Аношко, Сомова, Селиверстова, 2008а, б; Аношко, Селиверстова, 2009; и др.]. В этих коллекциях есть и довольно редкие предметы.

Один из них найден на территории Второго Гостиного раскопа, заложенного в 2008 г. северо-восточнее здания гостиного двора при исследовании сооружения 15. Последнее представляло собой деревянную постройку площадью ок. 30 м², от которой сохранились три нижних венца сруба и остатки дощатого пола. О жилом характере сооружения свидетельствуют

остатки печи и подполья, а также фрагменты кожаной обуви и бытовой утвари.

Сооружение находилось всего в 40 м от гостиного двора — одного из старейших тобольских кирпичных зданий, возведение которого началось не ранее 1702 и не позднее 1703 г. [Абрамов, 1998б, с. 478; Копылов, Прибыльский, 1975, с. 40; Копылова, 1979, с. 31, 32; Кочедамов, 1963, с. 60, 61], но установить, какой из этих объектов старше, в ходе работ не удалось. На некоторых участках раскопа фиксировался материковый выброс, связанный с рытьем котлована для здания гостиного двора, однако сооружение 15 находилось за пределами этой глинистой прослойки. Ясно только, что его возвели не поверх уже имевшихся культурных отложений, а прямо на поверхности почвенного горизонта и остатки сруба были потревожены более поздним сооружением 16, содержавшим несколько монет середины XVIII в. Таким образом, постройку 15 следует считать одной из самых ранних на вскрытом участке, разрушенной до середины XVIII столетия.

Предмет, которому посвящена статья, обнаружен при обследовании металлодетектором северо-восточ-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 10-01-00293а «Верхний посад Тобольска и материальная культура его жителей в XVII—XVIII вв. по археологическим и историческим данным».

ного угла сруба; как выяснилось, артефакт лежал *in situ* в щели между вторым и третьим венцами бревен, там он, без сомнений, был кем-то спрятан. Это обстоятельство позволяет интерпретировать находку как клад, сокрытый во времена существования постройки, скорее всего, одним из ее обитателей.

Описание артефакта

После очистки предмета от окислов стало ясно, что он относится к классу двустворчатых металлических панагий, служивших и вместилищем для кусочков просфоры – хлеба, освященного в честь Богородицы, которую греки называли «панагией» (*παναγία*) – все-святой [Барсов, 1995а; Гнутова, 1993, с. 17], и нагрудным знаком архиереев. Небольшие двустворчатые панагии представляли собой малые формы панагидара – блюда с крышкой, на которое клали просфору перед вкушением [Древности Российского государства..., 1849, с. 85; Стерлигова, 2009]. Иногда в складных панагиях хранились мощи святых [Макарий..., 1879, с. 17–18].

Изделие состоит из подвижного оглавия и двух створок: верхней и нижней (рис. 1). Его составные части были отлиты из медного сплава, гравированы, позолочены, а затем соединены между собой посредством шарниров. Размеры предмета в закрытом состоянии: высота 74 мм, ширина 57 мм, толщина 9 мм.

Оглавие панагии напоминает квадрат в сечении подпрямоугольной формы, со стороной ок. 14 мм, толщиной 8 мм (рис. 1, 3). Большинство граней этой части изделия слегка выпуклые, с четкими, но не острыми ребрами. Иначе выглядит верхняя грань: под микроскопом на ней видны углубление в центре и серии длинных продольных рисок, но не заметны следы работы напильником или пиления. Можно почти не сомневаться, что в самом центре этой плоскости имелась какая-то впоследствии утраченная деталь, скорее всего, такая же, как на оглавии панагии из Музея христианского искусства в г. Эстергеме (Keresztesy Múzeum) в Венгрии. Здесь находилось крепление большой подвижной петли, служившей, надо полагать, для соединения предмета с цепочкой [Gnutova, Ruzsa, Zotova, 2005, № 53]. Это крепление в виде малой петли (такие входят в состав других шарниров), вероятно, и было обломлено. Однако предмет не отдали в починку. От оглавия просто отломили остатки петли или срубили их чем-то острым, а затем с помощью грубого лезвия выровняли поврежденную поверхность. Вернуть изделию прежний вид было несложно, но его владелец, видимо, не считал, что предмет пришел в негодность, поскольку для его подвешивания в оглавии имелось и горизонтальное сквозное отверстие диаметром 3 мм,

Рис. 1. Панагия в закрытом состоянии.

1 – вид сзади; 2 – сбоку; 3 – спереди. Утраченная верхняя часть оглавия реконструирована по аналогии с панагией из собрания Музея христианского искусства в г. Эстергеме [Gnutova, Ruzsa, Zotova, 2005, № 53].

концы которого были оформлены в виде цилиндрических выступов диаметром 6 мм.

Оглавие соединено с нижней створкой изделия трехпетельным шарниром. На ней находятся две крайние петли шарнира, а на оглавии – одна, центральная. Через отверстия в петлях пропущен проволоочный штифт диаметром 2 мм. Заготовки петель в виде шпенок длиной примерно 15 мм, скорее всего, отливались вместе с соответствующими частями панагии, а уже затем обрабатывались и загибались в кольца. Каждое из них декорировано неглубокими тонкими желобками. Следует отметить, что именно такая петля имеется на верхней грани оглавия панагии из упоминавшегося музея в Эстергеме. Мы полагаем, что изначально она была и на оглавии тобольской панагии. Лицевая сторона этой части найденного культового предмета украшена рельефным образом Спаса Нерукотворного (рис. 1, 3).

Верхняя створка изделия отлита в виде выпуклого диска диаметром 46 мм с трехлопастным выступом (плащиком) шириной 22 мм снизу (рис. 1, 3). Толщина створки по краю 2 мм. С нижней створкой она соединена двумя точно такими же шарнирами, как описанный выше. Однако функцию поворотного механизма выполнял только один, а другой служил замком, запиравшим панагию. Откидывание верхней створки обеспечивал левый (с точки зрения человека, носившего этот предмет на груди) шарнир. Именно в нем сохранился штифт, который соединял петли нижней и верхней створок. Кроме того, на левом шарнире в отличие от правого имеются хорошо заметные следы сработанности (рис. 2, 1).

Рис. 2. Панагия в открытом состоянии.

1 – нижняя створка; 2 – верхняя.

Полностью очистить наружную поверхность створки от патины не удалось, поэтому некоторые детали ее оформления неразличимы. Плащик и внешний край диска украшены растительным орнаментом (см. рис. 1, 3). Внутри этого круга находится еще один с надписью:

ЧЕСТНЕШУ ХЕРУВИМЪ И СЛАВНИШЪ

представляющей собой отрывок из молитвы «Достойно есть», которая посвящена Богородице и включает формулу «честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим» [Молитвослов..., 2006, с. 19]. Буквы надписи рельефные, с гладкой поверхностью, выделяются на рифленом, покрытом тонкими рисками фоне.

В центре створки в круглом клейме диаметром 15 мм изображено Распятие Христово с четырьмя предстоящими, над которым показаны два летящих ангела. Между ними над головой Иисуса – надпись: **IC (Ιησους) XC (Χριστος)**. Еще две нечитаемые надписи помещены над головами предстоящих.

Внутренняя поверхность створки сохранилась значительно лучше наружной (см. рис. 2, 2). По краю створки нанесена рельефная надпись:

**ВНДѢХОМЪ СВѢТЪ ИСТИНЪ И ПРИДХОМЪ
ДХЪ НЕБЕСНЫИ ОВРЕТОХОМЪ ВЪРЪ ИСТИНЪ** –

отрывок из молитвы, посвященной Троице. По размеру буквы этой надписи значительно меньше, чем предыдущей, их высота всего 3 мм. Начало и конец текста разделены Голгофским Крестом, изображенным в верхней части диска.

Основную часть створки занимает вписанный в круг диаметром 38 мм образ Троицы Ветхозаветной. В композиционном отношении это самое сложное

и насыщенное деталями изображение на панагии, несомненно, восходящее к «Троице» Андрея Рублева [Государственная Третьяковская галерея, 1957, ил. 1], но имеющее ряд особенностей. Благодаря рельефу и размещению на вогнутой поверхности диска сцена приобрела объем, которого не имеют иконописные произведения.

Тщательнее всего мастером проработаны детали переднего плана композиции. Ясно различимы позы ангелов, восседающих за прямоугольной трапезой, а также нимбы над головами, их лики, прически, крылья, складки одежд и даже пальцы рук. В руках у крайних ангелов – посохи с трезубцами наверху (рис. 3, 1), а у Бога-Сына – с более сложным навершием в виде креста с перекладиной посередине (рис. 3, 2).

На столе показана чаша, в которой угадывается голова тельца, заколотого Авраамом (рис. 3, 3). Этот сосуд отличается от чаши, изображенной на рублевской иконе: у него в верхней части ножки имеется расширение. Оно такое же, как на чашах «Троицы» мастера Паисия, написанной позже, чем творение Рубле-

Рис. 3. Детали изображений и надписей на створках панагии.

1 – навершие посоха левого ангела; 2 – навершие посоха среднего ангела; 3 – чаша и хлебы на трапезе; 4 – лик Богородицы; 5, 6 – надписи справа и слева от лика Богородицы. Увеличение разное.

ва, – в 80-х гг. XV в. [Попов, Рындина, 1979, № 18, с. 308–311, 434]. Справа и слева от чаши – два хлеба с крестами на поверхности (рис. 3, 3), сравнимые с просфорами, для которых эти знаки были характерны издавна [Барсов, 1995б; Кузнецов, 1997, с. 13, 14, 25]. Известны и довольно ранние изображения Святой Троицы с аналогичными хлебами на трапезе [Покровский, 2009, рис. 68].

Среди деталей заднего плана самым реалистичным является изображение Мамврийского дуба, которое находится над головой среднего ангела. Дом Авраама над головой левого (от зрителя) путника выглядит как участок, покрытый косой сетчатой штриховкой, а гора над головой правого – как изрезанная трещинами пирамидальная фигура (см. рис. 2, 2).

Нижняя створка панагии не выпукло-вогнутая, как верхняя, а плоская, хотя по очертаниям и размерам идентична ей (см. рис. 2, 1). По краю внутренней поверхности диска нанесена надпись:

ДОСТОЙНО ЕСТЬ АКО КОНСТИННО БЛАЖИТИ
ТА БОГОРОДИЧЕ ПРИСНО БЛАЖЕННЮ
І ПРИНЕПОРОЧН,

представляющая собой другой отрывок из уже упоминавшейся молитвы «Достойно есть». По размеру букв и наличию схематичного изображения Голгофского Креста эта надпись идентична надписи вокруг образа Троицы.

В центре створки в круге диаметром 38 мм имеется изображение Богоматери Знамение. Эта двухфигурная композиция выполнена таким же высоким рельефом, как Троица, и ничуть не менее тщательно. Богородица показана анфас (см. рис. 3, 4), в ниспадающем складками плаще-мафории, с воздетыми к небу руками. Младенец Иисус Христос находится в лоне Богородицы. Правой рукой он благословляет мир, а в левой держит свиток – как знак благодатного закона и спасительного учения. На гладком фоне медальона отчетливо читаются следующие надписи: на уровне лика Богородицы, слева и справа от нее – *ΜΡ* (*Μήτηρ*) и *Θ* (*Θεού*), чуть ниже – *Ι* и *Χ*. Они рельефные, но не литые, а выполнены способом чеканки (см. рис. 3, 5, 6).

На оборотной стороне нижней створки изображения надписи отсутствуют, но в центре имеется круглый выступ диаметром 35 и высотой 1 мм (см. рис. 1, 1). Это, конечно, декоративный элемент, однако он незаметно увеличивает толщину диска в самом слабом месте – в центре, где фоновые участки рельефного изображения Богородицы и Иисуса Христа по необходимости были истончены. Следует отметить, что почти вся позолота, покрывавшая некогда створку с оборотной стороны, стерта. Это свидетельствует о том, что панагию долго носили.

Типологическая атрибуция и датировка изделия

Панагии – хорошо известные специалистам, но довольно редкие предметы христианского культа. Они имеются в собраниях многих музеев, но в большинстве коллекций единичны [Гуляева, 1993, с. 133; Гормина, 1993, с. 112; Жданова, 1993, с. 144; Зотова, 1993, с. 88; Мишнева, 1993, с. 104; Фесенко, Чайковская, 1993, с. 123; и др.]. Панагии делали из дерева, кости, камня, олова, меди, серебра и золота, а также из других материалов.

Самые дорогие по материалам и отделке панагии были украшены сканью, драгоценными камнями, жемчугом и т.д. [Гормина, 2009; Древности Российского государства..., 1849, с. 61, 62, 160, 167, 172–174; Николаева, 1960, № 96, 100–103, 116, 117; 1968а, № 38, 46–49, 52; 1968б, № 97, 105, 116, 117; 1976, рис. 14, 15, 30, 31, 38, 39, 58, 59, 69, 79, 80; Панагия Моисея, 2009; Попов, Рындина, 1979, № 8, 10; Рындина, 1978, ил. 64; и др.]. Православные архиереи надевали их при священнослужении и в других торжественных случаях. Кроме дорогих парадных панагий высшее духовенство использовало и значительно более простые, которые в старинных церковных описях именовались путными, походными и т.д. [Гнутова, 1993, с. 17]. Они составляли часть повседневного облачения архиереев, их носили во время поездок и путешествий. К числу таких панагий можно отнести и найденную в Тобольске.

Двустворчатые медные панагии на Руси появились, по мнению С.В. Гнутовой, в XIV в., а широкое распространение получили в XV–XVI вв. [Там же]. Определить дату каждого такого предмета непросто. Дело в том, что с любой панагии несложно было сделать слепок, а затем, используя его как форму, получить одну или несколько более или менее точных копий. Понятно, что тиражирование могло происходить на разных территориях и в разное время. Поэтому у некоторых искусствоведов возможность сколько-нибудь точного определения даты культового литья по его иконографическим особенностям (см., напр.: [Берестецкая, 1993, с. 57; Красилин, 1993, с. 68; Савина, 1993, с. 53]) вызывает сомнение. Впрочем, в отношении меднолитых путных панагий, сходных с тобольской, такое опасение вряд ли оправданно: они довольно четко делятся на несколько хронологических групп (рис. 4).

К первой помимо тобольской находки можно отнести: 1) фактически тождественную ей и уже упоминавшуюся серебряную с позолотой панагию из Музея христианского искусства в Эстергеме – единственную, которая имеет дополнительную петлю в верхней части оглавия [Gnutova, Ruzsa, Zotova, 2005, № 53]; 2) меднолитую позолоченную панагию из Загорско-

Рис. 4. Основные хронологические группы меднолитых путных пангий с изображениями Распятия Христа, Троицы Ветхозаветной и Богоматери Знамение.

1 – г. Тобольск; 2, 7, 10 – частная коллекция [Образ...]; 3 – коллекция ЦМиАР [Гнутова, Зотова, 2000, № 193]; 4 – частная коллекция [Петербургский кладоискатель]; 5 – коллекция Новгородского государственного объединенного музея-заповедника [Гормина, 2005, № 18]; 6, 8 – частная коллекция [Кладенец]; 9 – частная коллекция [Смоленский кладоискатель].

го музея (инв. № 66) [Николаева, 1960, с. 251, 252, № 112]; 3) верхнюю створку панагии с изображением Ветхозаветной Троицы из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (ЦМиАР) [Гнутова, Зотова, 2000, № 192]; 4) нижнюю створку панагии с образом Богоматери Знамение из того же музея [Там же, № 193]; 5) верхнюю створку из раскопок на территории Новгорода [Седова, 1981, рис. 22, 1, 2]; 6) панагию без оглавия и плащика, но с двумя крупными фигурами ангелов на изображении Богоматери Знамение из Музея прикладного искусства (Iparművészeti Múzeum) в Будапеште [Gnutova, Ruzsa, Zotova, 2005, № 52]. Аналогичные предметы раньше хранились в Горьковском историко-архитектурном и Рыбинском историко-художественном музеях [Николаева, 1960, с. 252], входят в состав некоторых частных коллекций [Образ...; Петербургский кладоискатель; Sammler].

Сходство названных изделий настолько очевидно, что напрашивается вывод: они сделаны если не одним мастером, то по крайней мере в одной мастерской (рис. 4, 1–4). Главными признаками сходства рассматриваемых предметов можно считать: а) наличие подвижных оглавий; б) на лицевой стороне верхних створок изделий надписи выполнены на рифленном фоне; в) навершия на посохах Троицы показаны в виде трезубцев и крест с горизонтальной перекладиной; г) крестообразные знаки на хлебах, лежащих на трапезе; д) четкая проработка ствола и ветвей Мамврийского дуба, находящегося над головой среднего ангела; е) изображение палат Авраама над головой левого ангела в виде участка, покрытого сетчатой штриховкой; ж) надписи на внутренней поверхности нижней створки рядом с фигурами Богородицы и Иисуса Христа не литые, а чеканные.

Вторая группа рассматриваемых предметов (рис. 4, 5, 6) выглядит пока довольно малочисленной, хотя, вполне возможно, значительная часть относящихся к ней изделий еще не опубликована. В данную группу, с нашей точки зрения, следует включить: 1) одну из панагий, хранящихся в Новгородском музее [Гормина, 2005, ил. 18]; 2) как минимум две панагии, изображения которых размещены на сайте «Кладенец». Они очень напоминают панагии, о которых говорилось выше, но имеют свои особенности: а) их оглавия неподвижны, отлиты вместе с нижними створками и только имитируют петельчатые шарниры, характерные для изделий первой группы; б) многие изобразительные детали и надписи выглядят нечеткими, размытыми; в) надписи, сопутствующие изображению Богоматери Знамение, не чеканные, а литые. Из этого можно сделать вывод: панагии второй группы не являются аутентичными произведениями декоративно-прикладного искусства, они отлиты по моделям, в качестве которых использовались предметы, отнесенные к первой группе.

Третья группа включает самое большое количество изделий, которые представлены и в музейных, и в частных собраниях (рис. 4, 7–10). У этих панагий: а) оглавия не просто неподвижные, а такие, которые даже не имитируют шарнирные соединения с нижней створкой; б) отсутствуют надписи по краям створок; в) имеются высокие рельефные валики с т.н. веревочным орнаментом по периметру дисков, клейм с изображениями и плащиков; г) все изображения выполнены грубо, с нарушением пропорций фигур и со слабой проработкой деталей; д) литые надписи, сопутствующие изображениям Распятия Христова, Ветхозаветной Троицы и Богоматери Знамение, как правило, неразборчивые. И хотя отливки третьей и первой групп по формальным признакам можно отнести к предметам одного типа, в художественном отношении они очень далеки друг от друга. Большеголовые и пучеглазые фигуры на панагиях третьей группы столь же разительно отличаются от изящных и тонко проработанных изображений, характерных для изделий первой группы, как детские рисунки от гравюр признанных мастеров. Это, впрочем, имеет свое объяснение. Если панагии, отнесенные нами ко второй группе, отливались по образцам первой группы, то самые последние из рассмотренных правильнее считать даже не копиями, а довольно неумелыми подражаниями тем и другим. Все сказанное подтверждается данными по хронологии панагий третьей группы. Точнейшие аналоги им находятся среди довольно поздней даже по меркам рассматриваемого периода продукции литейщиков-старообрядцев XVIII и XIX вв. [Гнутова, Зотова, 2000, № 100, 216, 218, 220, 221, 224, 225 и др.; Сухова, 2005, № 28, с. 564].

Таким образом, вполне очевидно, что предметы первой группы, в т.ч. панагия, найденная в Тобольске, стоят в самом начале типологического и хронологического ряда меднолитых панагий с образами Распятия Христова, Троицы Ветхозаветной и Богоматери Знамение, который мы наметили. Их прообразы можно отыскать среди складных и составных панагий XV–XVI вв., створки которых вырезались из дерева, кости или камня, а затем вставлялись в металлические оправы. В Государственном Историческом музее хранятся оправленные металлом каменная и деревянная створки с изображением Ветхозаветной Троицы, отнесенные соответственно ко второй половине XIV – первой половине XV в. [Рындина, 1978, с. 65, 66, ил. 61] и второй половине XV в. [Николаева, 1968а, с. 30, № 61]. Серия подобных изделий имеется в Сергиево-Посадском (бывшем Загорском) государственном историко-художественном музее-заповеднике. Самая старая из этих панагий выполнена мастером Амвросием, который жил иноком в Троице-Сергиевом монастыре во второй половине XV в. [Николаева, 1960, с. 218–220, № 97; 1968б, с. 28–30,

ил. 55, 56]. Ее створки вырезаны из дуба, вставлены в серебряную с позолотой сканную оправу и украшены изображениями Распятия Христова, Троицы Ветхозаветной и Богоматери Знамение, которые характерны и для медных панагий первой группы. Семь других изделий из коллекции Сергиево-Посадского музея отнесены к XV–XVI вв. [Николаева, 1960, № 98, 99, 104–107, 111]. Одно из них костяное, остальные деревянные. Почти все они заключены в сканные серебряные оправы с позолотой или без нее. На них также изображены Распятие Христово с двумя или четырьмя предстоящими, Ветхозаветная Троица с одной или тремя чашами на поверхности трапезы и, как правило, с гладким фоном, а также Богоматерь Знамение. Круговые надписи отсутствуют на лицевых поверхностях верхних створок, но имеются на внутренних, вокруг образов Троицы и Богородицы. Некоторые из описанных предметов довольно специфичны по манере резьбы, но все вместе они наглядно демонстрируют зарождение тех иконографических особенностей, которые могут считаться типичными для меднолитых изделий первой группы. Поскольку по крайней мере часть рассмотренных выше составных панагий была изготовлена мастерами Троице-Сергиева монастыря, можно предположить, что выработанные в их среде художественные традиции стали определяющими при формировании тех стилистических особенностей, которые характерны для ранних меднолитых панагий, в т.ч. найденной в Тобольске. Определить центр их производства (он, судя по высокой степени сходства изделий первой группы, был только один) на имеющихся у нас материалах вряд ли возможно. Поэтому пока предположительно можно говорить лишь о том, что эти предметы являлись продукцией московских мастеров.

Сегодня столь же трудно дать исчерпывающий ответ на вопрос о времени производства и бытования панагий первой группы. Предметы из музейных и частных коллекций, как правило, являются вырванными из историко-культурного контекста, поэтому наметить временные рамки их создания и использования можно лишь в самом общем виде.

Согласно информации об условиях обнаружения тобольской панагии, она вышла из употребления в первые 100–150 лет истории сибирской столицы: между 1587 г., когда город был основан, и серединой XVIII в., когда на месте той постройки, в которой спрятали культовый предмет, была возведена новая. Может быть, указанные хронологические рамки следует значительно сузить, однако этой информации все равно будет недостаточно, чтобы определить время изготовления панагии. Уникальную возможность перепроверить наши данные предоставляет хорошо известная специалистам панагия из Музея прикладного искусства в Будапеште, на поверхности

которой буквами кириллического алфавита указана дата – 7149 г. от сотворения мира, соответствующая последним четырем месяцам 1640 г. и восьми месяцам следующего 1641 г. [Gnutova, Ruzsa, Zotova, 2005, № 52]. Учитывая, что эта дата в общем согласуется с информацией о времени захоронения тобольской панагии и по стилистическим особенностям оба изделия могут быть отнесены к группе ранних меднолитых путных панагий, их можно предположительно датировать второй половиной XVI – первой половиной XVII в. или несколько более широким периодом.

Тобольская панагия в историческом контексте

Важным является вопрос и о том, когда и при каких обстоятельствах панагия, обнаруженная в Тобольске, оказалась в Сибири. Почти все, что нам известно о панагиях рассматриваемого периода, связано с высшим православным духовенством. Они могли возлагаться на епископов царями или в качестве священных даров преподноситься архиереями царствующим особам. В истории русской церкви известны случаи добровольного сложения с себя панагий патриархами и лишения их этого знака. Иногда панагии использовались как вместилища жребиев с именами претендентов на патриаршество [Макарий..., 1866, с. 299, 300; 1877, с. 65, 305, 363, 368, 369; 1879, с. 136; 1881, с. 17, 18, 36, 92, 93, 130; 1882, с. 78–82, 96, 97; 1883, с. 290, 327, 712, 734, 735, 743, 744, 746, 747, 763]. Панагии могли храниться в храмах и монастырях как вкладные вещи [Николаева, 1960, с. 52]. Иногда право носить этот знак архиерейского отличия предоставлялось архимандритам ставропигиальных монастырей [Древности Российского государства..., 1849, с. 171; Барсов, 1995а].

Православные церкви начали строить в Сибири вместе с «поставлением» здесь русских городов. Однако архиереев за Уралом не было до 1621 г., пока в Тобольск не прибыл первый глава вновь учрежденной Сибирской и Тобольской епархии архиепископ Киприан [Абрамов, 1998а]. После него до середины XVIII столетия в столице Сибири сменились еще четыре епископа и десять митрополитов [Высшие церковные иерархи..., 2009, с. 663]. Вероятно, с кем-то из этих владык и попала в Тобольск панагия, которая была найдена на Втором Гостином раскопе.

Сохранившиеся документы не оставляют сомнений в том, что у тобольских архиереев, как и у всех других, были панагии. Так, из переписных книг 1625 г., составленных при передаче имущества Тобольского архиерейского дома архиепископу Макарию после поставления владыки Киприана в митрополиты Крутицкие, следует, что в соборной церкви Софии Пре-

мудрости Слова Божия имелись один панагийар и по крайней мере четыре драгоценные панагии. Одну панагию, согласно источнику, Киприан приложил к образу Софии, а остальные увез с собой в Москву [Переписные книги..., 1994а, с. 49, 53, 65–66]. Ни один из этих предметов невозможно отождествить с найденным при раскопках.

В 1636 г., после смерти архиепископа Макария, в Тобольске были составлены две новые – январская и февральская – описи имущества Софийского дома. В первую были включены сведения о пяти панагиях, находившихся «в архиепископле Макарьеве задней келье». Одну из них – панагию «на черной кости, на ней вырезан образ живоначальные троицы, обложена серебром с камнем» – отправили в Москву новому архиепископу Нектарию, а остальные тот по приезде в Тобольск передал «в софейскую домовую казну» [Ромодановская, 1988, с. 7–8, 11–12, 27, 29]. В февральской описи отмечены еще пять панагий, которые находились в соборной церкви у образа Софии. В их число входили «две панагии в серебре хрустальные, а у них камешки и жемчужки (одна из которых, видимо, была приложена еще архиепископом Киприаном. – Авт.), да три панагии серебряные резные, золочены, а на них резано: на одной Благовещенье Богородицы, а на другой Софья Премудрость Божия, а на третье Успенье Богородицы» [Переписные книги..., 1994б, с. 85]. Ни одну из десяти описанных в 1636 г. панагий также нельзя идентифицировать с обнаруженной в раскопе.

Из источников более позднего периода в научный оборот введена лишь опись соборной и домовых архиерейских церквей, составленная в 1701 г. после отъезда в Москву митрополита Игнатия. Согласно этому документу, через 65 лет после составления февральской описи 1636 г. у образа Софии в соборной церкви Софии Премудрости Слова Божия из пяти остались только две «хрустальные в серебре» панагии [Опись..., 1885, с. 145]. Еще как минимум три культовых предмета того же типа находились в церкви Сорока святых великомучеников на Софийском дворе: одна украшенная яхонтами, лапами и изумрудами «понагия в золоте, в середине камень лал китайской, на нем вырезан Спасов образ стоящей»; другая «понагия серебряная под золотом, на ней вырезан крест под стеклом, на нем 3 жемчужины в гнездах»; третья сандаловая, с образом Троицы, в оправе из позолоченного серебра, с зернью, жемчугом и какими-то камнями [Там же, с. 155]. В этой же церкви имелись четыре предмета, обозначенные в описи словами «понагия крест»; возможно, это были панагии в форме креста такого же типа, как хранящаяся в Государственном Историческом музее [Там же; Шполянская, 2005, № 31, с. 488–489]. В документе упомянуты и две панагии, увезенные из Тобольска в

Москву владыкой Игнатием: обложенная серебром «под золотом» и украшенная жемчугом, с камнями, костяная, с изображением Богоматери Знамение, а также «понагия золотая, в середине камня вообразен Спасителей Образ, обнизано жемчугом, цепочка серебряная под золотом» [Опись..., 1885, с. 161, 162]. Как видим, среди этих изделий найденное нами тоже не фигурирует.

Возможно, кроме описей 1625, 1636 и 1701 гг. сохранились и другие документы XVII – начала XVIII в., характеризующие движимое имущество Тобольского архиерейского дома, однако они нам не известны. Что же касается проанализированных источников, то они, хотя и не позволяют исключить Киприана, Макария и Игнатия из списка возможных владельцев найденной панагии, делают более правдоподобной версию о принадлежности этого предмета одному из пока не упоминавшихся нами тобольских владык XVII столетия: Нектарию, Герасиму, Симеону, Корнилию, Павлу, а, может быть, и Филофею, возглавившему епархию в начале XVIII в. Панагия могла находиться в домовой или келейной казне одного из перечисленных архиереев или служить прикладом к одной из тобольских икон. И если в архивах найдутся имущественные документы Софийского дома периода пребывания на тобольской кафедре названных архиепископов и митрополитов, то можно надеяться на продолжение данного расследования, причем уже не столько археологического, сколько исторического. Тем более, что пока мы не знаем, при каких обстоятельствах панагия оказалась у ее последнего владельца и кто ее спрятал между бревнами одного из тобольских домов.

Благодарности

Авторы статьи выражают признательность заведующей сектором декоративно-прикладного искусства ЦМиАР канд. искусствоведения С.В. Гнутовой, а также старшему научному сотруднику того же сектора канд. искусствоведения Е.Я. Зотовой за помощь в атрибуции предмета и в поисках его аналогов. Авторы благодарят трасолога сектора археологии и этнографии Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета Ю.В. Костомарову, которой проведен анализ особенностей находки, а также сделаны микрофотографии деталей панагии для данной статьи. Отдельная благодарность В.П. Коротаеву, предоставившему в распоряжение авторов электронные версии некоторых редких изданий, и Е.Ю. Андрееву за помощь в прочтении надписей на панагии.

Список литературы

Абрамов Н.А. Киприан, первый архиепископ Сибирский // Абрамов Н.А. Город Тюмень: Избр. произведения. – Тюмень: СофтДизайн, 1998а. – С. 96–105.

Абрамов Н.А. О старинных каменных строениях в Тобольске / Абрамов Н.А. Город Тюмень: Избр. произведения. – Тюмень: СофтДизайн, 1998б. – С. 477–484.

Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории верхнего посада г. Тобольска // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2009. – № 7. – С. 80–90.

Барсов Н.И. Панагия // Христианство: энцикл. словарь: в 3 т. – М.: Большая Рос. энцикл., 1995а. – Т. 2. – С. 282.

Барсов Н.И. Просфора // Христианство: энцикл. словарь: в 3 т. – М.: Большая Рос. энцикл., 1995б. – Т. 2. – С. 404–405.

Берестецкая Т.В. «Мое исследование было первым опытом...» (Памяти В.Г. Дружинина) // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 56–64.

Высшие церковные иерархи (епископы, архиепископы, митрополиты) // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. 3. – С. 657–665.

Гнутова С.В. Медная мелкая пластика Древней Руси (Типология и бытование) // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 7–20.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: альбом. – М.: Интербук-бизнес, 2000. – 136 с.

Гормина Н.В. Памятники медного литья в собрании Новгородского музея // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 109–112.

Гормина Н.В. Христианские древности. Художественный металл XI–XIX веков в собрании Новгородского музея-заповедника: путеводитель по выставке. – М.: Север. паломник, 2005. – 104 с.

Гормина Н.В. Панагия наперсная архиепископа Пимена // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: энцикл. словарь. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 377.

Государственная Третьяковская галерея. – М.: Гос. изд-во изобразительного искусства, 1957. – 224 с.

Гуляева Н.А. Собрание меднолитой мелкой пластики Рыбинского музея-заповедника // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 129–138.

Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению. – М.: [тип. А. Семена], 1849. – Отд-ние I: Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовного. – VIII + IV + XLIII + 175 с.

Жданова А.Д. Мелкая медная пластика Древней Руси в Пермской художественной галерее // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 142–146.

Зотова Е.Я. Источники формирования коллекции медного литья Музея им. Андрея Рублева // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 88–97.

Кладенец: [сайт]. – URL: <http://kladenets.ru?p=41081&cpge=1>; http://kladenets.ru/wp-content/uploads/postimg/55/54083_3-800x599.jpg.

Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1975. – 224 с.

Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири (конец XVII – XVIII вв.). – Новосибирск: Наука, 1979. – 256 с.

Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). – Тюмень: Кн. изд-во, 1963. – 156 с.

Красилин М.М. Памятники медного литья в религиозных общинах Латвии и вопросы их датировки // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 65–70.

Кузнецов В.П. История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. – М.: [б.и.], 1997. – 40 с.

Макарий, архиепископ Харьковский. История русской церкви: в 12 т. – СПб.: [тип. Ю.А. Бокряна], 1866. – Т. IV. – 385 + XI с.

Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви: в 12 т. – СПб.: [тип. Ю.А. Бокряна], 1877. – Т. VIII. – VIII + 414 с.

Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви: в 12 т. – СПб.: [тип. Р. Голике], 1879. – Т. IX. – XX + 489 с.

Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: в 12 т. – СПб.: [тип. Р. Голике], 1881. – Т. X. – XV + 500 с.

Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: в 12 т. – СПб.: [тип. С. Добродеева], 1882. – Т. XI. – XVI + 629 с.

Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: в 12 т. – СПб.: [тип. Р. Голике], 1883. – Т. XII. – XXVI + 792 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова М.А., Бормотина Ю.В. Предварительные результаты первого года раскопок археологической экспедиции Тюменского университета в Тобольске // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Три Т, 2008. – Вып. 2. – С. 114–149.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В. Археологические исследования экспедиции Тюменского университета в г. Тобольске // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008а. – Т. II. – С. 488–490.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В. Исследование объекта с частоколом и подземным ходом на территории тобольского посада // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008б. – С. 115–127.

Мишнев Е.И. Произведения мелкой меднолитой пластики Киево-Печерского музея-заповедника // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 104–108.

Молитвослов и Псалтирь. – Киев: Оранта, 2006. – 496 с.

Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея: каталог. – Загорск: Загорский гос. ист.-худ. музей-заповедник, 1960. – 338 с.

Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI веков. – М.: Сов. художник, 1968а. – 176 с.

Николаева Т.В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. – Л.: Аврора, 1968б. – 256 с.

Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. – М.: Наука, 1976. – 288 с.

Образ литой, старинный: [сайт]. – URL: <http://mednolit.ru/photo/panagii/202-0-895>; <http://mednolit.ru/photo/panagii/202-0-897>.

Опись соборной и домовых архиерейских церквей 1701 года // Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М.: [тип. М.Г. Волчанинова], 1885. – С. 145–163.

Панагия Моисея // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: энцикл. словарь. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 377.

Переписные книги 1625-го года // Тобольский архиерейский дом в XVII веке / под ред. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1994а. – С. 37–80.

Переписные книги 1636-го года // Тобольский архиерейский дом в XVII веке / под ред. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1994б. – С. 81–133.

Петербургский кладоискатель: [сайт]. – URL: <http://kladoiskatel.spb.ru/cgi-bin/forum/YaBB.pl?board=finds;action=display;num=1114115360>.

Покровский Н.В. Иллюстрированная энциклопедия христианского искусства. – М.: Эксмо, 2009. – 640 с. – (Мир Православия).

Попов Г.В., Рындина А.В. Живопись и прикладное искусство Твери. XIV–XVI века. – М.: Наука, 1979. – 640 с.

Ромодановская Е.К. Опись имущества Сибирского архиепископа Макария (1636 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 5–29.

Рындина А.В. Древнерусская мелкая пластика. – М.: Наука, 1978. – 192 с.

Савина Л.Н. К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX – начале XX века // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 48–55.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.

Смоленский кладоискатель: [сайт]. – URL: <http://smolenskklad.ru/view/170/8-8-47.html>.

Стерлигова И.А. Панагия 1435 г. // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: энцикл. словарь. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 376–377.

Сухова О.А. Кресты-мощевники в собрании Муромского музея // Ставрографический сборник. – М.: Изд-во Московской Патриархии: Древлехранилище, 2005. – Кн. 3. – С. 530–575.

Фесенко М.Л., Чайковская Н.И. Коллекция медного литья Ярославского музея-заповедника // Русское медное литье. – М.: Сол Систем, 1993. – Вып. 1. – С. 122–1128.

Шполянская Д.В. Наперсные кресты-мощевники XIV–XVI веков и кресты-мощевники с владельческими надписями в собрании Отдела драгоценных металлов Государственного Исторического музея // Ставрографический сборник. – М.: Изд-во Московской Патриархии: Древлехранилище, 2005. – Кн. 3. – С. 459–494.

Gnutova S., Ruzsa Gy., Zotova E. Prayers locked in bronze: Russian metal icons. – Budapest: Museum of Applied Arts, 2005. – 247 p.

Sammler: [сайт]. – URL: <http://sammler.ru/index.php?s=6b6e3978567957d047052ed461fc7785&act=ST&f=710&t=24765>.

*Материал поступил в редколлегию 25.04.11 г.
в окончательном варианте – 13.07.11 г.*

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ХАКАСОВ О СОБАКЕ (конец XIX – середина XX века)*

В статье рассматривается мифо-ритуальный комплекс, связанный с собакой – одного из виднейших персонажей хакасского фольклора. Выявляется его связь с обрядами жизненного цикла. Проанализированы знаковый и функциональный аспекты.

Ключевые слова: хакасы, собака, традиционное мировоззрение, духи, обряд, шаманизм.

Введение

В традиционном мировоззрении хакасов особое место отводилось представлениям о собаке (хак. *адай, im*). Термином «традиционное мировоззрение (представления)» мы обозначаем характерный для конца XIX – середины XX в. комплекс архаических воззрений и обрядов, «передаваемых из поколения в поколение». В данный период мифологические представления и обрядность имели наиболее широкое бытование в жизни народа. Впоследствии в силу объективных причин их мифо-ритуальный комплекс был существенно редуцирован. Однако его отдельные элементы в виде реликта сохраняются и в наши дни.

В культуре хакасов собака входила в круг домашних животных *адай-хус* (букв. 'собака-птица') [Бутанаев, 1999, с. 18; Хакасско-русский словарь, 2006, с. 30]. В героической эпике и мифах этого народа лай собак и рев животных наряду с горящим очагом были одним из основных маркеров ойкумены и важнейшим показателем стабильности жизни

людей [Ах пора..., 2007, с. 97; Алтын Тайчи..., 1973, с. 35; Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 71]. Собака, будучи домашним животным, была тесно связана с системой жизнеобеспечения человека. Ее использовали для охраны жилища и домашнего хозяйства. Эта функция собаки нашла отражение в хакасском фольклоре. В сказании о богатыре по имени Ах Молат делается акцент на наличие у героя сторожевого пса: «Была у него одна только черная собака, верный страж всего стойбища» [Трояков, 1991а, с. 148].

Собака являлась незаменимым помощником при выпасе скота. Отдельные пастушеские собаки могли самостоятельно управлять стадом, при необходимости искусно маневрировать – прогонять гурт, производить развороты, разделять животных, находить и возвращать отошедших и др. Собаке отводилась особая роль на охоте [Ярилов, 1890, с. 98–100; 1899, с. 256]. В прошлом она наряду с охотничьим снаряжением и конем была неотъемлемой составляющей промысловой деятельности. Енисейский губернатор А.П. Степанов, описывая быт хакасов в XIX в., отмечал: «Татары (хакасы. – В.Б.) поднимаются на охоту дружно, большими обществами и всегда налегке, несмотря на продолжительное отсутствие из своего кочевья. Несколько заводных лошадей или просто своя верховая, котел, кое-какой запас для пищи, винтовка со всем снарядами и собака – вот все, что они имеют с собой» [1997, с. 77]. Среди охотников высоко ценились со-

*Работа выполнена в рамках проекта № IX.81.3.3. «Коренные народы Сибири и Арктики. Оценка человеческого потенциала: этнодемографический, этносоциальный и этнокультурный аспекты» и ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

баки сагайской и тоджинской охотничьих пород. Эти обладатели бесстрашного характера были невысокого роста, с острой лисьей мордочкой и стоячими ушами. Они умело загоняли зверя на дерево или в камни и сторожили его до прихода охотника [Яковлев, 1900, с. 64]. С такими собаками предпочитали охотиться и на медведя. А.А. Ярилов отмечал: «На медведя ходят с собаками, артелью в 3–7 человек, с Успенья до Покрова. Хороших собак на медведя очень мало, и они ценятся дорого. Один из рассказчиков купил, напр., такую за пять рублей» [1890, с. 98]. Наличие собаки (и коня) подчеркивало материальную состоятельность человека. У хакасов есть такая поговорка, характеризующая убогость жизни человека: *Ат палгачаң сарчыны даа чоҕыл, үрүп сыхчан адайы даа чоҕыл* – ‘У него нет даже коновязи, куда привязывают коня, у него даже нет лающей собаки’ [Бутанаев, 1999, с. 109].

Включенность собаки в жизнь и быт людей получила отражение в мировоззрении и обрядовой практике хакасского народа. Символическое и ритуальное значение собаки у хакасов было велико. Однако отношение к этому животному нельзя считать однозначным, в сознании народа оно наделялось, как правило, амбивалентными характеристиками.

Собака как положительный персонаж

Собака пользовалась особым уважением благодаря практической пользе, которую она приносила человеку. В этом животном больше всего ценились такие качества, как ум, преданность, сила, выносливость и др. Мифологическим сознанием собаке нередко приписывались черты, присущие самому человеку, – сознание, воля, любовь и т.п. Почтительное отношение к этому животному нашло отражение в поговорках: *Алган хатыҥа изенме, азыраан адайга изенис* – ‘Не надейся на взятую жену, надейся на вскормленную собаку’, *Чабал кизидең чорҕенче чахсы адайнаң чор* – ‘Чем дружить с плохим человеком, лучше ходить с хорошей собакой’ [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 259, 273, 277, 297]. Не случайно в хакасском мифе о происхождении человека именно собаке было поручено охранять слепленные богом из глины тела первых людей [Бурнаков, 2006, с. 70; Бутанаев, 2003, с. 110–111]. Отметим, что подобные мифы были распространены среди алтайцев, монголов и самодийцев [Потанин, 2005, с. 219, 222; Вербицкий, 1993, с. 114; Пелих, 1972, с. 341; Байдак, Максимова, Тучкова, 2010].

Идея взаимозависимости и тесной связи собаки и человека прослеживается в мифе о первом хлебе. Благодаря заступничеству собаки, говорится в мифе, удалось сохранить некоторые злаковые растения, которые позже хакасы стали называть *адай үлүзи* – ‘собачья доля’ [Бутанаев, 2003, с. 111–112; Бурнаков, 2006,

с. 135]. Данный миф стал основой для формирования убеждения, что «собак надо сытно кормить, иначе не будет хорошей жизни» [Бутанаев, 2003, с. 112]. На семантическую связь собаки и хлеба недвусмысленно указывает загадка: «Если выйдет на улицу – сворачивается калачом, если войдет в дом – сворачивается пирогом (собака)» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 325]. Похожие воззрения зафиксированы у чувашей [Салмин, 2011, с. 124–125], алтайцев [Муйтуева, 2004, с. 147–148], монголов [Потанин, 2005, с. 352–353].

Согласно верованиям хакасов, собака могла принести *талан* – ‘счастье, удачу’. В фольклоре весьма распространен такой сюжет: герой за предоставленную услугу духу-хозяину воды (горы) или другому мифическому персонажу в качестве вознаграждения получает (чаще – выбирает сам) маленького невзрачного щенка (собаку). Это животное является воплощением *талан* для фольклорного персонажа. В дальнейшем щенок (собака) чудесным образом преображается в прекрасную деву, становится супругой героя и приносит ему счастье и богатство [Потанин, 2005, с. 622–624; Бутанаев, 2003, с. 32; Охотник..., 2006]. Аналогичные фольклорные сюжеты известны у шорцев и северных алтайцев [Дыренкова, 1940, с. 239; 1949, с. 131].

По мифологическим представлениям, отдельные собаки могли свободно перемещаться в воздушной и водной среде. Воплощением данной идеи был известный среди хакасов мифологический персонаж – крылатая собака *Хубай-хус* (‘птица Хубай’). Считается, что она появилась из яйца турпана (вид уток). Благодаря своим чудесным способностям *Хубай-хус* стала непревзойденной охотничьей собакой. Она могла преследовать добычу как на земле, так в воде и небе. Крылатая собака принесла в дом своего хозяина достаток и процветание. После смерти она вознеслась на небо и превратилась в созвездие Ориона (*Адай Ылгері*)* [Катанов, 1907, с. 270–271; Аат палазы..., 1957; Бутанаев, 2003, с. 49, 73–74]. Воззрения о крылатой собаке находят параллели в самодийской и иранской мифологии [Байдак, Максимова, Тучкова, и др., 2010, с. 98; Тревер, 1933].

В фольклоре хакасов собака, как и конь, выступает незаменимым и верным другом и советчиком человека [Трояков, 1991б, с. 67]. Она помогает герою во всех испытаниях, нередко спасает ему жизнь. Так, в богатырском сказании «Чил Саппа» собака *Ах адай* ‘Белая собака’, преодолев все препятствия, отыскивает волшебное средство и оживляет доброго богатыря [Майногашева, 1982, с. 57–58]. В эпосе «Хан позырах аттыг хан Мирген» (‘Хан Мирген на кроваво-рыжем коне’) собака, именуемая *Хара адай* (‘Черная собака’), помогает герою добыть шкуру *алабарса* – мифического

*В другом варианте мифа – превратилась в созвездие Малой Медведицы – *Адай Чимигени* [Бутанаев, 2003, с. 49; Катанов, 1907, с. 273].

тигра, которая надежно защищает от врагов и болезней [Хан поэзрах..., 1968, с. 28–29]. В мифе об охотнике по имени Хубах его незаменимыми помощниками выступают две собаки рыжей и черной масти [Хубах, 2006]. В героическом сказании «Хан-Тонис на темно-сивом коне» неутомимым проводником героя является собачонка с подпаленным боком:

Трижды затем подняться скакун попытался,
С великим трудом,
Расставляя копыта, поднялся,
За собачонкой немедля заторопился,
У черной войлочной юрты остановился
[Баинов, 2007, с. 49].

В хакасском фольклоре собаке отводится роль не только помощника героя. Нередко она выступает в качестве главного персонажа – воина. Образ собаки-воителя, как правило, символизирует мужское начало и соотносится с бесстрашным могучим богатырем (*алып*, *матыр*). Так, в героическом сказании «Хубан Арыг» представлена *Алтын тўктіг ах адай* – ‘Белая собака с золотой шкурой’, которая в нужный момент превращается в богатыря и ведет непримиримую борьбу с врагами:

*Алтын тўктіг ах адай,
Алтын хуяхтыг алыпха хубулып,
Ханныг чаанаң чаалазып тудысхан.
Аар парза, алтон алыптың
Пеер айланза, читон алыптың тынын үсче*
‘Белая собака с золотой шкурой,
Обернувшись богатырем в золотых доспехах,
Вступила в кровавую битву,
В одну сторону ринется –
Шестидесяти богатырям обрывает жизнь,
В другую сторону устремится –
Семидесяти богатырей лишает жизни’
[Хубан Арыг..., 1995, с. 60–61]*.

В фольклорном произведении «Кўмўс-Иргек» богатырь Хан-Мирген принимает облик красной собаки [Потанин, 2005, с. 618–622]. Стоит отметить, что в эпических произведениях типичными являются выражения, в которых образы собаки и мужчины-воина семантически связаны друг с другом, например, в эпизоде вызова богатыря на поединок:

*Удур ўрер адайы пар ба,
Удур сыгар ир пар ба?*
‘Есть ли лающая навстречу собака,
Есть ли мужчина, выходящий на встречу?’
[Ах пора..., 2007, с. 116].

*Удур ўрер адай пар ба,
Удур тапсир ир пар ба?*
‘Есть ли лающая навстречу собака,
Есть ли бранящийся мужчина,
выходящий на встречу?’
[Ікі ах..., 1968, с. 126].

В эпике сражающиеся богатыри часто отождествляются с дерущимися собаками: два богатыря, как злые собаки, дрались, как злые собаки, друг друга схватывают [Дыренкова, 1940, с. 92, 106], рычит, как голодная собака, бросается, как голодный волк [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 51]. Двуетный образ мужчины-воина и собаки убедительно показан в хакасской пословице: *Ир кізінің өлімі – адай өлімі* – ‘Смерть мужчины – что смерть собаки’ (т.е. в схватках с врагом) [Там же, с. 261, 280]. Сравнение поведения воина с отдельными повадками собаки передает также загадка: *Хыйт итчік, хылызынаң алчых* – ‘Схватил саблю и со словами хыйт побежал’ (собака с поднятым хвостом) [Катанов, 1907, с. 239]. Отношение образа собаки к военному делу, в частности к оружию, выявляется в следующей загадке: есть голубая собака, никогда не потеющая (ружье) [Там же, с. 291]. На магическую связь этого животного с оружием указывает также поверье хакасов о том, что «испорченное ружье исправляется, если выстрелить из него в собаку» (Архив РГО. Разряд 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 24).

Образ собаки присутствует и в генеалогическом предании о происхождении хакасского сеока (рода) Том и фамилии Мойнагашевы. В нем говорится, что собака по имени Мойнах (‘Белошейка’) обнаружила на берегу р. Томь младенца, от которого впоследствии произошли представители этого рода и фамилии [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 129]. Имя *Адай* (‘собака’) было довольно распространенным у хакасов [Карачаков, 2004, с. 7–8; Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 60, 149; Кустова, 2000, с. 66]. Не вызывает сомнения, что это слово явилось основой хакасской фамилии Адаяковы (букв. ‘Собачкины’).

Собака играла важную роль в продуцирующей магии и обрядах, направленных на воспроизводство жизни, в частности в свадебных ритуалах. В прошлом у хакасов новобрачные молились солнцу и луне, после чего заходили в юрту отца жениха. Здесь на разостланный подол одежды невесты клали семь дощечек (*тахнай*), обмазанных обрядовой пищей в виде каши (*поча потхы*). Подводили собаку и принуждали съесть предложенное блюдо со словами: *пала арыгы* – ‘это детский кал’. После этого произносили благословление молодоженам: *Алынң идегіңер пала пассын, кизін идегіңер мал пассын!* – ‘Пусть ваш передний подол топчут дети, пусть ваш задний подол топчет скот!’ [Яковлев, 1900, с. 84; Бутанаев, 2003, с. 63]. В свадебных песнях, исполняемых женихом, всегда был образ собаки [Катанов, 1907, с. 260; Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 75]. Сходную функцию выполняла собака в свадебных обрядах бурят. По сообщению М.Н. Хангалова, у унгинских бурят по обычаю родители невесты подносили ленты и платки покровителю брачующихся, родственникам, гостям, а также надевали на шею собаке ошейник из красного сукна. Нижнеудинские

*Здесь и далее перевод автора.

буряты перед одним из важнейших свадебных ритуалов – расплетением кос невесты в доме ее родителей – на шею собаке подвязывали ленту белого цвета [Хангалов, 1959, с. 83, 112].

В традиционной культуре, как отмечалось, собака наделена охранительной функцией. Причем она была призвана охранять человека и его жилище не только от реальных врагов – чужих людей и вредоносных животных. Согласно традиционным представлениям хакасов, важнейшее назначение собаки – оберегать хозяев от негативного воздействия потусторонних сил и изгонять злых духов. Хакасы с почтением относились к собаке с двумя цветовыми пятнами над глазами, создающими эффект четырех глаз. Ее называли *tört харах* – ‘четыреглазка’. Считалось, что такая собака приносит своим хозяевам счастье, может видеть иной мир и надежно охраняет жилище и его обитателей от вредоносных сил. *Tört харах* запрещалось держать на цепи. В.Я. Бутанаев отмечает: «До сих пор хакасы уверены в особом зрении собаки, которая может видеть народившийся месяц в первый день новолуния или месяц на ущербе в последний день старой луны и другое» [2003, с. 63].

Собака являлась важнейшим участником обрядов, связанных с детским циклом. Существовала примета: если после рождения ребенка люди, выйдя из дома на улицу, первой встретят собаку, то это принесет младенцу большую удачу. Он будет жить долго и счастливо [Кустова, 2000, с. 65]. Первые экскременты ребенка (*хара тогы*) отдавали на съедение собаке. При изготовлении колыбели подводили пса и давали ему слизать сметанную кашу (*потхы*), намазанную на желобок для стока мочи. Перед тем, как положить ребенка в колыбель, в нее укладывали щенка, чтобы он ее обжил. Первую распашонку на малыша надевали, предварительно накинув ее на щенка. Эта одежда получила название *адай көгенегі* – ‘собачья рубашка’. Повитуха, приглашенная на обряд, благословляла: *Адай көгенегін кизірчегіс. Адай осхас ник соохха ник, кўлўк ползын!* – ‘Мы надеваем на тебя собачью рубашку! Будь таким же крепким и выносливым, как собака!’ [Бутанаев, 2003, с. 63–64]. Это ритуальное действие символизировало очищение и магическую передачу описанных качеств собаки ребенку. Подобный обрядовый комплекс был у алтайцев. Прежде чем положить первенца в люльку, в нее помещали щенка и качали в ней 3 раза. С этого момента к щенку в семье относились особо, кормили его до старости [Дьяконова, 2001, с. 153–154].

Хакасы верили, что если собаке дать выпавший молочный зуб, спрятанный в хлебный мякиш, и произнести: *Чабал тізім алып ал, чаксы тізі пир* – ‘Возьми плохой зуб, а взамен отдай хороший’, то у ребенка вырастут красивые и крепкие зубы (ПМА). Когда замечали, что ребенок во сне скрипит зубами, то ему на шею вешали шнурок, сплетенный из собачьей шерсти, с нанизанным клыком марала [Бутанаев, 1996, с. 142].

Подобные обряды бытовали и у алтайцев [Дьяконова, 2001, с. 145, 148].

По традиционным представлениям хакасов, собака должна охранять душу ребенка, которая, как считалось, вечером выходит из тела. Поэтому, если младенец чихнул вечером, то произносили заклинание: *Сохыр адай көччин чалга!* – ‘Лизни зад пестрой собачки!’. Такое же заклинание (*адай көдін чалга!* – ‘лизни зад собаке’) звучало, когда малыш сильно зевал [Бутанаев, 2003, с. 64]. В семье, в которой часто болели и умирали дети, новорожденному в целях защиты шили специальный чехол из выделанной шкуры собаки [Бутанаев, 1988, с. 218]. Следует заметить, что из собачьей шкуры хакасы, вероятно, надеясь на ее защитно-магические свойства, нередко шили одежду и обувь и для взрослых [Патачаков, 1958, с. 75].

Собаке приписывали знание целебных средств и способность избавлять от некоторых недугов. В народе говорят: *Адай отчыл поладыр* – ‘Собака является знатоком лекарственных растений’ [Бутанаев, 1999, с. 75]. Необходимо отметить, что слово *адай* присутствует в названиях отдельных лекарственных и пищевых растений, например, ковыль – *адай от* – ‘собачья трава’ (Архив РГО. Разряд 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 18), кандык – *адай тізі* – ‘собачий зуб’ [Спасский, 1818, с. 182; Потапов, 1953, с. 62], черемуха – *адай нымырты* – ‘собачья черемуха’ (разновидность этого растения с сухими плодами), дикий чеснок, растущий в степи, – *адай чамазы* – ‘собачий чеснок’ [Бутанаев, 1999, с. 70, 209], шиповник – *адай тунчугы* – ‘собачий нос’ (ПМА).

Для избавления от волчанки, известной у хакасов как *ит іскін*, собачьим или волчьим хвостом натирали тело [Бутанаев, 2003, с. 66]. Хакасы не употребляли в пищу собачье мясо (это отмечали исследователи [Яковлев, 1900, с. 45]), однако в лечебных целях они использовали отдельные органы и биологические субстанции собаки. Так, для лечения легочных заболеваний применяли собачий жир ([Карачаков, 2004, с. 41], ПМА), для быстрого заживления раны ее посыпали пеплом от собачьей шерсти [Бутанаев, 1999, с. 72]. Считалось, что, облизывая больное место, собака помогала избавиться от некоторых кожных заболеваний. При лечении суставов и радикулита использовалась собачья шерсть (ПМА). Для лечения стоматита (*ансыл*) применяли текстолы кастрированного кобелька. Лечебным действиям придавалась магическая форма. Взамен полученного «лекарства» псу засовывали в пасть сало. При этом читались заклинания, обращенные к духу-хозяину болезни Апсыл-хану [Бутанаев, 2003, с. 99]. При лечении коровьего вымени молоко выдаивали через специальный камень с отверстием посередине (*јmmig mac*) и отдавали собаке [Катанов, 1907, с. 558; Бутанаев, 2003, с. 57].

Общественное сознание высоко оценивало утилитарную и обрядовую функции собаки. У хакасов хо-

рошая собака считалась одним из лучших подарков, которые преподносили при сватовстве и в других торжественных случаях [Яковлев, 1900, с. 64]. Высокий сакральный статус собаки нашел проявление в ритуальной практике клятвы (присяги), известной в исторической литературе как *шерть*. Обычно люди клянутся самым дорогим и возвышенным, что у них есть, искренне боясь потерять это либо получить наказание. Клялись, как правило, своей жизнью, богом, матерью, родителями, детьми, честью, своей землей, здоровьем и др. В прошлом у хакасов к числу сакральных объектов клятвы относилась и собака. В исторических документах XVII в. дается краткое описание принятия присяги: «А шерть шертовали съехався к лутчему кыргыскому князю х Коджебау в улус перед отпуском Дмитриевым в месяц июне под полы убив собаку и выточа кров и тое свежую собачую кров пили» (цит. по: [Потапов, 1957, с. 22]). Вместе с тем в общественном сознании хакасов собака нередко оценивается как «черное животное» (Архив МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 35).

Собака как нечистое животное

В языке и фольклоре хакасов имеется немало бранных выражений с ключевым словом «собака». Существительное *адай* (*im*) и глагол *адайлан* («собачиться») уже сами по себе обозначают эмоциональную брань [Алтын Арыг, 1987, с. 10–11, 59; Алтын Тайчи..., 1973, с. 13; Алтын Чүс..., 1958, с. 14, 35, 41, 45; Чертыкова, 2005, с. 16]. Народом выделяются такие отрицательные качества собаки, как агрессивность, злость, жестокость, неуживчивость, трусость, неблагодарность, подлость, слабоумие и т.д. Они нашли отражение в хакасской лексике и фольклоре: *адай сырай* – «страшный» (букв. собачья морда), *адай чарымы* – «негодяй, подлец» (букв. собаки половина, часть), *адай чүрек* – «злой, жестокий человек» (букв. собачье сердце), *адай чүс* – «негодяй, бессовестный человек» (букв. собачья морда), *адайга [даа] санабасха* – «относиться к кому-либо с пренебрежением» (букв. собакой [даже] не считать) [Боргоякова, 2000, с. 14], будучи богатырями, как мы, подобно собакам, выйдем из кочевья и вернемся с дороги [Катанов, 1907, с. 299], и чего народ ты задираешь, как собака злая у дороги [Сарыг-Чанывар..., 1991, с. 86], глаза худого человека, оказывается, бывают похожи на собачьи глаза [Катанов, 1907, с. 396–397], ты поступаешь, словно безрассудный пес [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 56], *адай чили аахтаба* – «не кричи, словно собака» [Ах пора..., 2007, с. 117], *адай табан, it табан* – «собачье отродье» (букв. собачья подошва – бранные слова, употребляемые в отношении противников), *адай осхас хатхычыл* – «словно собака кусачая» (о сварливых, злых людях), *сүт искен адай чили, чыймыйча* – «притих, словно собака,

попившая молоко (о сделавших тайком какое-нибудь дурное дело)» [Унгвицкая, Майнагашева, 1972, с. 123, 262], *адай чили иренча* – «как собака, гавкает» [Стоянов, 1988, с. 579], *адай үрче, чил хаапча (перинчек ипчи)* – «собака лает, ветер подхватывает (о ворчливой, сварливой бабе)», *itче изи чогыл, адайча агылы чогыл* – «у него нет разума даже, как у собаки, у него нет мыслей даже, как у пса», *көк адайча көгіс чох, сарыг адайча сагыс чох* – «безмозглый человек, словно серый пес, не мыслящий человек, словно желтая собака», *тосхан адай ээзіне үрчең* – «сытая собака на хозяина лает», *чабал адайны азырза – ээзіне үредір, чабал паланы өскерзе, пабазының чуртыңа харазадыр* – «если плохую собаку накормишь, то будет лаять на хозяина, если плохого ребенка вырастишь, то будет стремиться отобрать отцовский дом», *чабал адайның палазы көп, чахсыни пір-ікі* – «у плохой собаки щенков много, а у хорошей – один-два» [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 259, 262, 264, 269, 273, 276, 281, 284, 292, 297].

В бытовой речи и фольклоре хакасов, как видим, образ собаки часто носит негативную, а порой и уничижительную окраску. Стоит добавить, что в культуре хакасов внебрачный ребенок (*сурас*), а также человек, не имеющий данного родителями имени и не знающий своих предков, соотносился с безродной собакой и был объектом насмешек: *Ады чох адай, адазы чох сурас* – «собака без имени, сураз без отца»; *иттен туган it табан* – «сучий сын, родившийся от собаки», *толгай агастың өзені, ады чох адай* – «сердцевина скрученного дерева, безымянная собака», *пачазы чох адай* – «не имеющая свояка собака» [Катанов, 1907, с. 263, 391; Бутанаев, 1999, с. 39, 77; Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 277, 336; Хара тораттыг..., 2007, с. 32; Хара Молат, 1993, 123 с.; Ікі ах..., 1968, с. 147; Хан поэтырах..., 1968, с. 23]. Собака сама по себе являлась объектом для шуток, например, в поговорке *Озырыхчы кизіні адай сүрчең, хатхыраачы хысты ир сүрчең* – «За человеком, выпускающим газы, гоняются собаки, за хохочущей девушкой гоняются мужчины» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 265, 285].

В мировоззрении хакасов выражение «собачья жизнь» (*адай чуртазы*) – часто встречаемая метафора, обозначающая жизнь, полную страданий и лишений. Например, когда имеют в виду плохую долю, говорят: *адай күнінең чуртапча* – «живет собачьей жизнью» [Бутанаев, 1999, с. 18], *it айагынаң ас чідім, иңе көзінең күн көрдім* – «я ел пишу из собачьей чашки, я видел солнце через угольное ушко» [Катанов, 1907, с. 217; Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 262, 281]. Параллели между образом жизни, питанием нищенствующих людей с «собачьей долей» нашли отражение в материалах исследователей XIX в.: «После обеда остатки идут собакам, а часть сидящему у дверей гостю» [Шукин, 1847, с. 282]; «Не успеет мясо свариться, как его распределяют между гостями, и делают это тоже

*Кызыльцы (*хызыл*) – этническая группа хакасов.

интересующий нас отрывок: «Осторожно он (Кюрелдей-Мирген. – **В.Б.**) укрепил кольцо вокруг рта собаки, цепь – вокруг шеи и крепко связал ей ноги; вынувши свой меч, он распорол собаке брюхо. Изнутри ее вышел невредимым Кан-Мирген; потеря случилась только в волосах, более ничего не оказалось. Тотчас же Кюрелдей-Мирген, взявши его, очистил богородскою травой и морскою водою; поэтому Кан-Мирген снова нашел волосы. После этого Кан-Мирген сильно хвалил Кюрелдей-Миргена за то, что он возвратил ему жизнь» [Катанов, 1907, с. 220–225]. В другом фольклорном произведении встречается такой сюжет: герой, отправляясь в Нижний мир, берет с собой череп собаки (*адайның хуу пазы*) – чтобы преодолеть страх и встретиться с умершими людьми. С черепом происходит метаморфоза. Перед обитателями потустороннего мира предстает грозная собака [Охотник, 1956, с. 42–49]. В сказании «Күмүс-Иргек» «красная собака» переправляет героев в Нижний мир [Потанин, 2005, с. 619–620]. В богатырском сказании «Ала Хартыга» фигурируют «семь собак с медными языками и железными когтями». Они находятся в золотой горе на привязи. Став хозяином этих мифических существ, герой получает бессмертие и счастье, но это таит в себе большую опасность. Собаки в любой момент могут сорваться с цепи и погубить весь мир [Титов, 1856, с. 187–226; Потанин, 2005, с. 736].

Собака, наделенная качествами медиатора, нередко использовалась в обрядах, связанных с гаданием [Бутанаев, 2003, с. 65]. Ее поведение получило отражение в приметах: «Если собака будет есть зелень или у нее будет громко урчать в животе, будет дождь» [Катанов, 1897, с. 60], если собака сворачивается клубком и прячет нос – к похолоданию (ПМА). Считалось, что собака была вестником смерти. «У нас простой народ верит, что если воет собака, то непременно предвещает чью-нибудь гибель, и приговаривают, чтобы она выла на свою голову» [Титов, 1856, с. 225–226]. Жители Июсских степей в Хакасии верили, что если из *Сараадай көл* ('Озеро желтой собаки') слышится собачий вой, значит, кто-то умрет [Бутанаев, 2003, с. 62]. Аналогичные представления встречаются у алтайцев. Считается, что «воющая собака чует смерть» [Муйтуева, 2004, с. 147]. Включенность образа собаки в сферу смерти и похоронной обрядности обнаруживается и в следующей загадке: *Адайагы хомзынып үрчедір, көспечен ааллыг кизи турбинча* – 'Собачка жалобно лает, а человек некочующего селения не встает (плач по умершему на кладбище)' [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 316, 336].

Хакасы предпочитали держать дома черных и белых собак. Остерегались собак желтой и мухоротой масти. Такое отношение сложилось якобы из-за страха перед мифическим персонажем по имени *Сараадай-хан* ('Царь желтых собак'), который был главой всего собачьего мира. Согласно верованиям, он имел собачье

туловище и человеческую голову. *Сараадай-хан* находился в царстве умерших душ, где вершил суд и карал виновных. Люди полагали, что неприкаянная душа *хубай* человека, погибшего вдали от родного дома, а также душа замученной собаки *аан* в образе пса (чаще желтого) приносит людям вред [Там же, с. 62, 64, 88]. Связь образа собаки с миром мертвых прослеживается в хакасской мифологии: сыновья *Ўзүт-хана* – главы царства умерших *Ўскер Молат* и *Хара Мотегей* – изображены как существа с собачьими головами [Там же, с. 106]; у *Ўзүтов* несли службу пестрые собаки [Бутанаев, 2006, с. 143]. Кроме того, было распространено убеждение, что духи гор (*таг ээлері*) могли показываться людям в образе желтых собак [Катанов, 1909, с. 270].

Таким образом, собака выступает одним из воплощений демонического мира. Как отмечал Н.Ф. Катанов, духи со злой душой могли превращаться в собак [1907, с. 218]. По народным представлениям, нечистая сила *айна* довольно часто принимает облик черной собаки [Кастрен, 1999, с. 220–221; Бунаков, 2006, с. 71]. Согласно сведениям В.Я. Бутанаева, злобный дух *салдыма* «появляется только ночью, в виде бегающей по улице черной собаки с бубном в лапах», а «бесовское отродье "пух" могло показываться, в том числе и в виде четырехглазых черных собак» [2006, с. 66–67]. В мифологии хакасов выделялись такие демонические персонажи, как *мохсагалы* с собачьими чертами. Они имели человеческое тело и голову пса [Бутанаев, 2003, с. 108]. Отождествление собаки с нечистой силой прослеживается и в русской культуре. В.И. Жельвис отмечал: «Собака в народном сознании могла успешно конкурировать с чертом. Ср.: "Черт с ним!" – "Пес с ним!", "Черт его знает!" – "Пес его знает!" и даже "Ну его к чертям собачьим!"» [1984, с. 138].

Способность собак кусать мифологическим сознанием рассматривалась как нанесение не только физического, но и мистического вреда. В народе верили, что «кого во сне укусит собака, значит, тому напакает дьявол; убить собаку, значит, не хворать» [Катанов, 1907, с. 592]. В культуре хакасов укус бешеной собакой воспринимался как тягчайшее осквернение. Для избавления от скверны и болезни человеку предписывалось в течение 40 дней жить подаянием. В сопровождении близкого человека он, двигаясь вверх по реке, должен был посетить 40 юрт и в каждой из них трижды посолонь обойти очаг и наступить на золу со стороны дверей 3 раза. В конце пострадавшему предстояло трижды обойти 40 тополей [Катанов, 1893б, с. 536; 1897, с. 53, 62, 75; Бутанаев, 2003, с. 64–65]. При укусе не бешеной собакой опять-таки применялась народная магия: «Старуха берет наперсток, и, держа его тремя пальцами, прикладывает три раза к больному месту и говорит: "О, собака, возьми свою пакость, отвлеки свое злодеяние, да не ноет сие место и да не болит никак!"» [Катанов, 1899, с. 394].

Хакасы, осознавая демоническую сущность собаки, во время грозы всегда выгоняли ее из юрты. Они объясняли это тем, что «дух неба не любит собаки» [Катанов, 1896, с. 424]. Данный обычай основывался на вере в то, что за собакой (или в ней) могла прятаться нечистая сила *айна*, а *Худай* (Бог) при всяком удобном случае старается поразить ее молнией [Попов, 1884, с. 46; Катанов, 1897, с. 52]. Подобные представления отмечены у бурят: Тэнгри всегда старается поразить молнией злого духа Арахын-Шиткура, который часто скрывается под видом собаки [Потанин, 2005, с. 141].

Среди хакасов было распространено убеждение в том, что мистическая сила собаки (в частности, ее визг и лай) могла помочь во время солнечного и лунного затмений. Поэтому, стараясь заставить животное визжать, ему до боли крутили уши [Попов, 1884, с. 34; Бутанаев, 2003, с. 45, 47]. Сходные традиции отмечены у алтайцев и бурят. При лунном или солнечном затмении они также звенели железными предметами, стреляли из ружей и обязательно били собак [Потанин, 2005, с. 191, 192].

Вера в магические свойства собаки способствовала проникновению этого образа в мифо-ритуальную практику хакасских шаманов. В прошлом ночные камлания в сопровождении лая собак были обычными для быта хакасов. Однако на некоторых исследователей данный этнокультурный феномен производил неизгладимое впечатление. Известный финский исследователь М.А. Кастрен оставил следующее описание сцены ночного камлания у хакасов: «Он (шаман. – **В.Б.**) выходит из юрты и, несмотря на темь, бежит по степи, барабана, свистя, крича и воя, как безумный. Вскоре к его неистовым крикам присоединился и страшный лай встревоженных им собак» [1999, с. 217].

Собака выступала в роли важнейшего *тöсө* – духа-помощника шамана. Количество собачьих духов у каждого кама было разным – от одного до девяти [Потапов, 1981, с. 135; Бурнаков, 2008, с. 608; 2011, с. 239]. Образ этого духа-помощника обязательно маркировался в шаманской атрибутике. Его изображение встречалось на сакральных лентах *сызым*, которые пришивали к костюму кама [Бутанаев, 2006, с. 79], а также на бубнах [Катанов, 1889, с. 114; Суховской, 1901, с. 3; Яковлев, 1900, с. 117]. Во время путешествия в потусторонний мир собака должна была охранять «тыл» шамана и больного [Катанов, 1893а, с. 30; 1893б, с. 540; 1907, с. 580]. Установив причину болезни, «шаман изгонял айну, а собаки хватали его зубами и уносили подальше от людей» [Потапов, 1981, с. 135]. Согласно мифам, вход в юрту Эрлик-хана охраняли две черные собаки величиной с теленка, которые носили имена *Игер-Кизер* или *Хазар-Пазар*. Они были привязаны железными цепями с двух сторон дверей медного дворца [Бутанаев, 2006, с. 54]. В шаманских текстах алтайцев также говорится о стороже-

вых псах Эрлик-хана, которые называются *ерліктын тайгандары* [Потанин, 2005, с. 66, 290–291].

В фольклоре хакасов образы собаки и шаманов настолько близки, что порой выступают в едином смысловом контексте. Об этом свидетельствуют пословицы и загадки: *Мал өлзе – адай тох, кизи агырза – хам тох* – «Если дохнет скот – то собака сытая, если болеет человек, то шаман сытый»; *Хычалыг чылда адай симис, хорыглыг чылда хам симис* – «В года падежа скота собака жирная, в год эпидемий шаман жирный» [Там же, с. 146]; *Пачазы чох адай, чүрегі чох абаай (хам)* – «Собака без свояка, брат без сердца (шаман)» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 316, 336].

В мировоззрении хакасов собака как самый сложный знаковый персонаж стала фигурировать в народной эсхатологии. «У медного богатыря есть семь собак на железных цепях. Когда они вырвутся, раз залают и завоюют, тогда будет всем кончина: и людям, и зверям, и птицам» [Титов, 1856, с. 190]. «По Хоораю (Хакасии. – **В.Б.**) будет бегать бездушная черная собака (предсказание о будущей катастрофе)» [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 105]. По справедливому замечанию В. Титова, на формирование данного эсхатологического мотива с участием собак(и) оказал влияние буддизм [1856, с. 225].

Заключение

В мировоззрении и ритуальной практике хакасов образ собаки имел широкое распространение. Для него характерно большое символическое разнообразие. В традиционном мышлении собака – полезное домашнее животное с положительными характеристиками. Она возводилась в ранг сакральных персонажей. Однако в мифологическом сознании собака как существо, имеющее отношение к сфере потустороннего, а значит, чужого, выглядит как носитель опасности. Страх, который вызывали такие качества собаки, как злость, агрессивность, в архаическом сознании и психологии людей замещался естественным стремлением нейтрализовать исходящую от нее опасность. В результате сформировался образ собаки как ничтожного существа. Немалую роль в создании амбивалентного образа этого животного сыграли и ее зоологические особенности и повадки. Но знаковое восприятие собаки не было застывшим. Оно находилось под влиянием объективных перемен, которые происходили в жизни людей и общественном сознании. На формировании взглядов на собаку отразились межэтнические и межкультурные взаимодействия хакасов с окружающими их этносами, в т.ч. с тюрко-монгольскими и русским народами. Большое влияние на религиозно-мифологические представления хакасов оказали буддизм и народное православие. Вероятно, оно обусловило по-

явление амбивалентного восприятия собаки как сакрального животного и одновременно как нечистого существа, обладающего многими отталкивающими качествами.

Большое сюжетное сходство с мифами таких тюрко-монгольских народов Сибири, как алтайцы, шорцы, буряты демонстрирует хакасское повествование о происхождении человека и его страже – бесшерстной собаке, о хлебе – собачьей доле, о двух собаках Эрлик-хана – носителях счастья и богатства. Общим является включенность собаки в обрядность, связанную с жизненным циклом человека, а также с представлениями о лунных и солнечных затмениях.

В материалах выявляются специфические черты, присущие традиционному мировоззрению хакасов, в частности, мифологические сюжеты о собаке – чудесном помощнике, воителе, а также животном, с которым связывается происхождение отдельных хакасских фамилий. Уникальными в культуре этого народа являются мифологические представления о главе собачьего царства – желтом псе Сараадай-хане, а также о таких демонических персонажах, как мохсагалы, салдама, пух и др., выступающих в облике собаки. Специфичны представления об особых категориях душ – *хубай* и *аан*, носителем которых является якобы собака. Особенным предстает также мифо-ритуальный комплекс, связанный с включением собаки в народную медицину, например, лечение от укуса бешеной собаки, а также в шаманскую ритуальную практику и др.

Список литературы

- Аат палазы** Хубай Хус паза Ир Тохчын // Хакас чонын ныхахтары (Хакасские народные сказки). – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. – С. 22–31.
- Алтын Арыг** // Алтын Арыг: Богатырские сказания, записанные от С.П. Кадышева. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1987. – С. 7–130.
- Алтын Тайчи.** Героическое сказание, записанное от Е.Н. Кулагашевой. – Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1973. – 148 с.
- Алтын Чўс.** Героическое сказание, записанное от М.К. Доброва. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1958. – 90 с.
- Ах пора** аттыг Алтын Сабах (Алтын Сабах на светлосером коне) // Хара торааттыг Хара Хан (Хара Хан на темно-гнедом коне): сб. богатырских сказаний, записанных от К.А. Бастаева. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. – С. 78–132.
- Баинов М.Р.** Хан-Тонис на темно-сивом коне. Героическое сказание. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. – 387 с.
- Байдак А.В., Максимова Н.П., Тучкова Н.А.** Собака в языке и мифологии селькупов // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 97–100.
- Боргоякова Т.Г.** Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2000. – 144 с.
- Бурнаков В.А.** Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.
- Бурнаков В.А.** Путешествие в «мир мертвых»: мистерия хакасского шамана Макара Томозакова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 22. – С. 607–617.
- Бурнаков В.А.** Путешествие к Адам-хану: камлание хакасского шамана Туда Юктешева // Вестн. Новосиб. гос. ун-та, 2011. – Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. – С. 236–244.
- Бутанаев В.Я.** Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 206–221.
- Бутанаев В.Я.** Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. – 224 с.
- Бутанаев В.Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Хакасия, 1999. – 240 с.
- Бутанаев В.Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
- Бутанаев В.Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. – 254 с.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 376 с.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.** Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. – Абакан: Кооператив «Журналист», 2010. – 240 с.
- Вербицкий В.** Алтайские инородцы. – 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. – 270 с.
- Дыренкова Н.П.** Шорский фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.
- Дыренкова Н.П.** Охотничьи легенды кумандинцев // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1949. – Т. XI. – С. 110–132.
- Дьяконова В.П.** Алтайцы. – Горно-Алтайск: Юч сумер, 2001. – 224 с.
- Жельвис В.И.** Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // СЭ. – 1984. – № 3. – С. 135–143.
- Карачаков С.Е.** Чоныма ѳдзім айланчам (Возвращаю свой долг). – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2004. – 112 с.
- Кастрен М.А.** Сочинения. – Тюмень: Изд-во Ю. Ман-дрики, 1999. – Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). – 352 с.
- Катанов Н.** Шаманский бубен и его значение // Енисей. епарх. вед. – 1889, № 6 (16 марта). – С. 112–114.
- Катанов Н.Ф.** Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. – СПб., 1893а. – 113 с. – (Прилож. к т. LXXIII зап. Имп. Академии наук; № 8).
- Катанов Н.Ф.** Среди тюркских племен // Изв. Рус. геогр. об-ва. – СПб., 1893б. – Т. 29, вып. 6. – С. 519–541.
- Катанов Н.Ф.** Народные приметы и поверья бельтиров // Деятель. – 1896. – № 8. – С. 424–425.
- Катанов Н.Ф.** Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: [типо-лит. Имп. Казан. ун-та], 1897. – 104 с.
- Катанов Н.Ф.** Народные способы лечения у сагайцев // Деятель. – 1899. – № 10. – С. 394–395.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.

Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях // Сборник в честь 70-летия Г.Н. Потанина. – СПб.: [тип. В.Ф. Киршбаума], 1909. – С. 265–288.

Клеменц Д.А. Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение. – 1884. – № 7. – С. 11–14.

Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 160 с.

Майногашева В.Е. Некоторые элементы композиции хакасского эпоса // Проблемы хакасского фольклора. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1982. – С. 42–59.

Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск: [тип. Г.Г. Высоцкой], 2004. – 166 с.

Орел В.Е. Культура, символы и животный мир. – Харьков: Гуманитар. центр, 2008. – 584 с.

Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – 1895. – Вып. III/IV. – С. 297–348.

Охотник и бай // Хакас чоның нымыхтары (хакасские народные сказки). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1956. – С. 42–49.

Охотник и щенок // Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – С. 19–22.

Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. – 104 с.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 424 с.

Попов Н. Поверья и некоторые обычаи кацинских татар // Изв. Имп. Рус. геогр. об-ва. – 1884. – Т. XX. – С. 34–48.

Потанин Н.Г. Очерки Северо-Западной Монголии. – 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 1026 с.

Потапов Л.П. Пища алтайцев (этнографический очерк) // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1953. – Т. XIV. – С. 37–72.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1957. – 308 с.

Потапов Л.П. Шаманский бубен кацинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Материальная культура и мифология. – Л.: Наука, 1981. – С. 125–137. – (Сб. МАЭ, т. XXXVI).

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Салмин А.К. Собака в традиционных представлениях чувашей // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 124–128.

Сарыг-Чанывар. Героическое сказание, записанное от И. Сыргашева // Сибирские сказания. – М.: Современник, 1991. – С. 36–124.

Спасский Г. Народы, кочующие вверх по реке Енисей // Сиб. вестн. – 1818. – Кн. 1. – С. 87–209.

Степанов А.П. Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1997. – 224 с.

Стоянов А.К. Искусство хакасских хаджи // Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. – М.: Наука, 1988. – С. 577–590.

Суховской В. О шаманстве в Минусинском крае // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1901. – Т. XVII. – С. 1–9.

Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар // Вестн. Иркут. отд-ния Рус. геогр. об-ва. – Ч. 15. – СПб., 1856. – С. 187–226.

Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица // Из истории докапиталистических формаций: сб. статей к сорокалетию научной деятельности Н.Я. Марра. – М.; Л.: Изд-во Гос. академии истории мат. культуры, 1933. – С. 293–328.

Трояков П.А. Ах Молат – богатырь // Героический эпос хакасов и проблемы изучения. – Абакан: [б.и.], 1991а. – С. 148–164.

Трояков П.А. Истоки и формы чудесного вымысла. – Абакан: [б.и.], 1991б. – 385 с.

Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1972. – 311 с.

Успенский Б.А. Избранные труды. – М.: Гнозис, 1994. – Т. II: Язык и культура. – 688 с.

Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Хангалов М.Н. Свадебные обряды унгинских бурят // Собр. соч. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1959. – Т. 2. – 444 с.

Хан поэырах аттыг хан Мирген // Хан Мирген. Героические сказания, записанные от М.К. Доброва. – Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1968. – С. 9–114.

Хара Молат // Ай Мичик и Кюн Мичик. Богатырские сказания на хак. яз. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1993. – С. 63–124.

Хара тораттыг Хара Хан // Хара тораттыг Хара Хан (Хара Хан на темно-гнедом коне). Героическое сказание на хак. яз. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. – С. 7–77.

Хубан Арыг. Богатырское сказание, записанное от С.И. Шулбаева. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1995. – 192 с.

Хубачах // Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – С. 27–29.

Чертыкова М.Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2005. – 180 с.

Щукин Н.С. Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. – 1847. – Ч. 19. – С. 255–284.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. – Минусинск: [тип. В.И. Корнакова], 1900. – Вып. IV. – 212 с.

Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев. Материалы для изучения. – Юрьев: [тип. К. Матгисена], 1890. – Вып. 2: Мелецкие инородцы. – 204 с.

Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев. Материалы для изучения. – Юрьев: [тип. К. Матгисена], 1899. – Вып. 3: Кызыльцы и их хозяйство. – 366 с.

Ікі ах ой хулун // Хан Мирген. Героические сказания, записанные от М.К. Доброва. – Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1968. – С. 115–210.

*Материал поступил в редколлегию 27.06.11 г.,
в окончательном варианте – 24.11.11 г.*

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: perevolga@ya.ru

ВЛИЯНИЕ ЛОСОСЕВОГО ПРОМЫСЛА НА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ СПЕЦИАЛИЗАЦИЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДЕ УЛЬЧЕЙ И АМУРСКИХ НАНАЙЦЕВ (вторая половина XIX – начало XX века)*

На основе анализа литературных источников, статистических данных 1897 г., полевых материалов автора в статье рассматривается влияние лососевого промысла на хозяйственно-социальную структуру народностей тунгусо-маньчжурской группы – ульчей и нанайцев. Особенности нерестовой миграции разных видов тихоокеанского лосося легли в основу хозяйственного районирования Нижнего Приамурья, определили хозяйственную ориентацию, структуру поселений и повлияли на социальные отношения амурских нанайцев и ульчей.

Ключевые слова: Нижнее Приамурье, лососевый промысел, амурские нанайцы, ульчи, хозяйство, социальные отношения, поселенческая система.

Введение

В Северной Пасифике с эпохи голоцена базовым элементом жизнеобеспечения местных сообществ стала добыча тихоокеанского лосося. Массовая миграция проходной рыбы в реки Тихоокеанского побережья притягивала к ним бродячих охотников и собирателей, способствуя их «переквалификации» на оседлых рыболовов (рис. 1).

В Северной Америке (от берегов Аляски до Калифорнии), на Дальнем Востоке (на побережье Охотского моря, Камчатке, Сахалине, в Приморье, Приамурье) археологические памятники с костями и чешуей лосося, костяными острогами, каменными и костяными грузилами, составными рыболовными крючками, блеснами (Граунд Хог Бэй, Хидден Фоллс, Файв Майл Рэпидс, бухта Средняя, Сусуйская стоянка, до-

лина р. Зеркальной, Новопетровка, Амур П, Джари) свидетельствуют о распространении в этих районах в интервале 16,0–5,5 тыс. л.н. культур рыболовов с профилем лососевого промысла [Васильевский, 1971, с. 161–163; Васильевский, Голубев, 1976, с. 61, 107–109; Васильевский, Крупяно, Табарев, 1997, с. 39–48; Гаврилова, Табарев, 2006, с. 14–19; Деревянко, 1971, с. 158–174; Медведев, 1986, с. 49–57; Шевкомуд, Косицына, Горшков, 2002]*.

По сравнению с охотничьими племенами таежной полосы жители долин рек находились в более выгод-

*Среди археологов (российских и зарубежных) существуют две точки зрения на время возникновения лососевого промысла в Северной Пасифике. Одни, опираясь на прямые доказательства (массовый ихтиологический материал), называют дату не ранее 6,0–5,5 тыс. л.н. (время голоценового оптимума); другие с учетом того, что кислотные почвы Дальневосточного региона разрушают всю органику, ориентируются на косвенные факты (деревообрабатывающие инструменты, ранняя керамика, фигурки рыб из камня и пр.), которые появляются уже ок. 16–15 тыс. л.н.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 11-01-18034е) в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и проекта РНП 2.2.1.1/1822 Рособразования.

ном положении. Занятие рыболовством с использованием колющих орудий, крюков и сетей эффективнее и продуктивнее охоты. Рыбная продукция, особенно лососевая, превосходит мясную по содержанию легко усваиваемых элементов, влияющих на продолжительность жизни и сопротивляемость организма вредным факторам. Знание циклов захода лососевых в реки служило гарантом стабильного существования рыболовецких коллективов, что сказалось на практике освоения ими территории. На базе рыбного промысла переход к оседлости и строительству долговременных поселений повышал уровень жизни местного населения и открывал путь новациям в сфере хозяйства и дифференциации общества.

Свои особенности развития имели промысловые хозяйства Приамурья. Материалы осиповской и малышевской культур подтверждают, что с эпохи неолита (приблизительно с 13 тыс. л.н.) бассейн Амура оказался разделенным на две зоны: в западной части, граничащей с Восточной Сибирью, ключевую роль играла охота; в восточной, совпадающей с районом Нижнего Приамурья, устойчивую позицию заняло сезонное рыболовство [Волков, Деревянко, Медведев, 2006] (рис. 2).

Специфика созданной в нижеамурской зоне общественно-трудовой структуры заключается в изначальном взаимовлиянии в ней «таежных» и «речных» компонентов, за которыми стояли тунгусы и палеоазиаты. Ученые Л.И. Шренк, Л.Я. Штернберг, позже А.П. Окладников считали древних палеоазиатов основателями рыболовецкого хозяйственно-культурного комплекса на Амуре [Шренк, 1899, 1903; Штернберг, 1933; Окладников, 2003, с. 393–412]. Однако по результатам проведенного А.В. Смоляк сравнительного анализа нивхских, нанайских и ульчских промысловых терминов вырисовывается картина длительного проживания (не одно тысячелетие) в долине Амура нанайцев (старое название «гольды») и ульчей (до революции «ольчи»), которые выработали собственную терминологию для орудий хозяйственной деятельности [1980]. У этих народностей тунгусо-маньчжурской группы промысел лосося являлся базовым элементом жизнеобеспечения, так же как и у их соседей палеоазиатской группы – нивхов.

Л.Я. Штернберг в своей работе «Гольды», представляющей неоконченный отчет о его экспедиции по Амуре в 1910 г., на основе анализа фольклорных и этнографических данных делает вывод, что большинство нанайцев были бывшими оленеводами, осевшими на Амуре и под влиянием местных условий заменившими оленеводство рыболовством и собаководством. Они составляли конгломерат родов самого различного происхождения, и образование его происходило путем постоянного притока чужеродных пришельцев [Алькор, 1933].

Рис. 1. Ареалы обитания и пути миграции тихоокеанского лосося.
Выделен район Нижнего Приамурья.
1–3 – стада лососей.

Рис. 2. Территории расселения амурских нанайцев (а) и ульчей (б).

Смешение и напластования в социально-культурной сфере нанайцев и ульчей отмечали многие исследователи Приамурья. Издревле нижняя часть долины Амура являлась контактной зоной, в которой пересекались пути традиций амурской долины, восточно-сибирской таежной полосы, Тихоокеанского побережья; промысловых и привнесенных с юга земледельческих [Золотарев, 1939; Лопатин, 1922; Смоляк, 1970, 1975,

1982; Шперк, 1885]. Массовый заход проходной рыбы в зоне расселения амурских нанайцев и ульчей стал мощным природным катализатором самоорганизации пришлых групп, а также привел к нивелировке заимствованных культурных форм и формированию общей культуры – рыболовов [Смоляк, 1983]. Источники периода до начала XX в. (данные статистики 1897 г., топонимика, материалы по организации жилого пространства) и сохранившиеся родовые предания позволяют выявить экологический фактор в разделении труда и социальной стратификации тунгусо-маньчжурского сообщества.

Естественный фактор в хозяйственном районировании Нижнего Приамурья

Амур – одна из крупнейших рек мира. По площади бассейна (1855 км²) она занимает 4-е место в России и 10-е в мире [Амур..., 1970; Глуздовский, 1917, с. 18]. От слияния Амура с р. Уссури условно начинается Нижнее Приамурье. На этом участке течение реки, развернутое хр. Сихотэ-Алинь на север, становится спокойным и, как его охарактеризовал А.А. Болотов, величественным [Амур, 2006; Болотов, 1925, с. 21–22].

По нижнеамурской территории проходит северная граница природного комплекса, представляющего комбинацию северных и южных форм животного и растительного мира [Берг, 1930, с. 384, 385–387]. Особенности амурской фауны достаточно хорошо охарактеризовал академик А. Миддендорф: «Здесь приходится возвращаться в той любопытной полосе земли, где лицом к лицу встречаются гербы сибирский и бенгальский – соболь и тигр, где эта южная кошка отбивает у рыси северного оленя, где соперница ее росомаха в одном и том же участке истребляет кабана, оленя, лося и козулю» (цит. по: [Приамурье..., 1909, с. 266]).

Климатическое разнообразие района обуславливают близко расположенные к Тихому океану Сихотэ-Алиньский, Баджальский и Буреинский хребты, служащие препятствием для прохождения в летне-зимний сезон сибирских континентальных воздушных масс или тихоокеанских воздушных потоков. Для большей части долины Амура характерны холодная и сухая зима, влажное лето [Азиатская Россия, 1914, с. 1–6; Берг, 1952, с. 452; Грум-Гржимайло, 1894, с. 268].

Сезонные различия оказали воздействие на систему жизнеобеспечения местного населения. Хозяйственный год аборигенов Амура делился на циклы: в весенне-летний сезон занимались рыбалкой, собирательством; в осенне-зимний – собирательством, рыбалкой, охотой. Доминирование в хозяйственном спектре той или иной специализации зависело от

специфики занимаемых местностей. Условия южной части Нижнего Приамурья, предгорий Сихотэ-Алиня, покрытых широколиственными лесами, периферии восточно-сибирской таежной полосы благоприятствовали развитию охоты на крупного лесного зверя и дичь [История и культура орочей, 2001; Старцев, 2005; Янчев, 2006]. На побережье Амурского лимана и Татарского пролива близость моря обусловила появление у его обитателей зверобойного промысла [Таксами, 1967; История и культура орочей, 2001].

В промысловую практику местного населения внесла коррективы гидрологическая составляющая. Амурская акватория состоит из протоков, ручьев, озер различных размеров, где обитают более 100 видов рыб, большинство из которых являются «аборигенами» реки, принадлежащими к туводным (жизненный цикл проходит в пресных водоемах) [Новомодный, Золотухин, Шаров, 2004, с. 6–15]. В ловле их местное население большей частью пользовалось крючковыми и колющими орудиями – гарпунами, острогами, удищами, удочками. Подобный инвентарь рассчитан на индивидуальное использование и нашел применение в подледном ловле, а также у мелкогрупповых промысловых коллективов, обосновавшихся у истоков рек, мелких речек, озер [Таксами, 1975, с. 12–26; История и культура орочей, 2001, с. 45–47; Мазин, 1992, с. 106–113]. В речном рыболовстве применялись и технические приспособления, орудия типа ловушек, неводов, сетей, рассчитанных на коллективный труд. В первую очередь, подобные рыболовные снасти необходимы в промысле проходной рыбы, крупными стадами мигрирующей из океана в реки. Ловля, требующая спланированных и оперативных действий коллектива, становилась доступной для рыбаков, спаянных в общину и ведущих оседлый образ жизни [Бражников, 1900, с. 5–61].

Заход лосося в определенные интервалы весенне-осеннего сезона стал не только меркой отсчета в промысловом календаре, но и этнодифференцирующим маркером, разделяющим кочевые и полuosедлые народности. Естественный фактор, выраженный в видах странствующего по реке лосося с присущим каждому из них своим биологическим циклом и количеством особей в нерестовой популяции, играл определенную роль в экономиках местных групп населения, рассредоточившихся вдоль речек, рукавов и основного русла Амура. Самые ценные породы лососевых – чавыча (*oncorhynchus thawytsha*) и кижуч (*oncorhynchus kisutch*), заходящие в реку с мая и поздней осенью. С мая по июль появляющаяся сима (*oncorhynchus masou*), внешне похожая на кижуч, в языке коренного населения XIX – начала XX в. фигурировала под названиями *кизуч*, *цани*.

Массовый улов холодоустойчивых видов лосося – нерки (*oncorhynchus nerka*), горбуши (*oncorhyn-*

chus gorbusa), кеты (*oncorhynchus keta*), мигрирующих с весны до поздней осени, послужил основой развития хозяйства аборигенов долины Амура [Дербер, Шер, 1927, с. 145; Новомодный, Золотухин, Шаров, 2004, с. 37–39; Солдатов, 1928, с. 111–114]. Однако существовали некоторые различия в направленностях лососевого промысла. У нивхов нерка играла второстепенную роль и ее запасов практически не делали. Дальше от устья вверх по реке, где в весенне-осенний период горбуша появляется в меньшем количестве, а кета только в определенные промежутки летом и осенью, заход нерки, хотя и не частый, был для ульчей и нанайцев желательным событием. В сезон, бедный остальной рыбой, они заготавливали нерку впрок [Солдатов, 1928, с. 113–114; Шренк, 1899, с. 226]. В приустьевой части Амура и на нижеамурской равнине большие стада кеты и горбуши (насчитывающие до 1 млн особей) обеспечивали круглогодичное пропитание приречных жителей. В весенне-летний период горбуша устремляется к Амуру, поднимаясь по руслу и расходясь на нерест по притокам, мелководным речкам вплоть до их истоков. Л.И. Шренк отметил ключевую роль этого вида лосося у амурских и приморских нивхов, орочей, ульчей, негидальцев – тех народностей, которые расселены по боковым притокам. В ареале ульчей промыслом горбуши занимались жители пойменного участка Амура и оз. Кади. Иная ситуация сложилась с нанайским населением, проживавшим на озерах, в таежной зоне, верховьях Амура. В верхней части основного русла реки эту рыбу практически не знали, не упоминали ее и на таежном участке – на Горине (где жили *самагиры*, впоследствии горинская группа нанайцев) [Шренк, 1899, с. 226].

Наибольшую ценность в низовьях Амура представляет кета, появляющаяся в реке летом (с 6–8 июля по 10–12 августа) и осенью (в начале сентября). Она превосходит горбушу по вкусовым качествам и размерам стад (особенно в осенней путине). В прошлом удачный кетовый промысел служил залогом безбедного годичного существования. В амурском бассейне кета совершает самый длинный нерестовый путь во всей тихоокеанской акватории. Известны случаи, когда особи этого вида лосося доходили до Хабаровска и Благовещенска [Грум-Гржимайло, 1894, с. 352–353]. Моменты прохождения огромных кетовых косяков закрепились в памяти народа в форме легенд. Одна из них, записанная в нанайском селе Верхний Нерген, повествует о временах, *когда лосося в Амуре было так много, что по его спинам, выступающим из воды, можно было пройти на другой берег реки* (ПМА*, информатор О.Е. Киле, Нанайский р-н, с. Верхний Нерген, 11 июля 1995 г.). Картину рыбного изобилия мы видим и в «Отписке» казаков 1652 г.: «Кормились мы

казаки во всю зиму в Ачанском городе рыбою, а рыбу ловили крюки железными и свою голову тою рыбою кормили» (цит. по: [Васильев, 2003, с. 222]). М.И. Венюков в одном из своих отчетов об обследовании Амура отметил: «...рыбы было так много, что она запрыгивала в лодку» (цит. по: [Мичи, 1868, с. 335]).

Если на первом этапе лососевая рыба сохраняет все питательные качества (в рыболовной среде называется *серебрянкой*), то дальше она теряет ценность. На завершающем этапе, растратив накопленную в океане энергию, она уменьшается и деформируется (превращается в *зубатку*). Стада дальневосточного лосося ближе к истоку Амура редуют, расходясь по притокам и речкам на нерест [Алябьев, 1872, с. 61; Приамурье..., 1909, с. 227–229].

Особенности лососевой миграции легли в основу критериев районирования промысловых хозяйств на нижнем Амуре. Л.И. Шренк условно разделил всю нижеамурскую территорию на три зоны – левобережье с притоками, нижнюю и верхнюю части долины Амура. В нижней части, где река изобилует проходной рыбой, рыбный промысел являлся основой жизнеобеспечения местных жителей (нивхов, ульчей, амурских нанайцев). Второстепенную роль улов лосося играл в экономике населения верхней части долины и боковых притоков Амура (орочей, негидальцев, горинских, уссурийских нанайцев), здесь увеличивалось использование речной рыбы и мяса. В южных районах (местах проживания уссурийских, курумийских нанайцев, удэгейцев), покрытых широколиственными лесами, отсутствие лососевой продукции восполнялось добычей мяса и яиц амурской черепахи. У жителей левобережья (горинских нанайцев, негидальцев), где в притоки Амура осенняя проходная рыба попадала в небольшом количестве, экономика строилась на лове речной, озерной рыбы; охоте на лося, пушного зверя, дичь в пойменной и таежной местности [Шренк, 1899, с. 146–148].

Поселение Нижнего Приамурья как пространственное выражение хозяйственной ориентации и социальной стратификации коренного населения

Природные условия и хозяйственная специфика, определившие оседлость промысловых групп Нижнего Приамурья, сближают их с раннеземледельческими общинами [Васильевский, Крупяно, Табарев, 1997, с. 39–48; Шнирельман, 1993]. Сезонная миграция крупных косяков лосося по основному руслу и притокам Амура привела к интенсивной форме рыболовства, сделавшей необязательной смену места жительства в поисках источника пропитания. В.К. Бражни-

*Полевые материалы автора.

ков, характеризуя рыболовецкие хозяйства низовьев Амура, подметил особенность промысла у нивхов, которые свои рыболовные орудия – «заездки» – испокон веков ставили на одних и тех же местах, передаваемых по наследству из рода в род [1900, с. 15]. Даже поселения обустроивались в уголках, удобных для рыбалки, – близ устьев небольших протоков, в т.н. падах, особенно на пологих низменных мысах, обязанных своим происхождением отложению речных осадков [Там же, с. 14].

От устья по направлению к верховьям русло Амура делает петлеобразные изгибы в левую, потом правую сторону; течение распадается на несколько протоков с образованием банок (отмелей), островов, соответственно фарватер реки расчленяется на несколько секторов с пролегающими по ним траекториями путей лососевых. Разветвление общего рыбного потока по миграционным линиям уже представляет сложности для промысловиков в плане отслеживания, какой дорогой пойдет лосось. В начале путины, в пресноводном устье, расхождения путей красной рыбы минимальны. Из-за большого количества непрерывно заплывающего лосося устья рек и мелких речек выглядят особенно привлекательными для рыбалки. У нивхов приустьевой части и лимана Амура, ительменов Камчатки, орочей береговой зоны Татарского пролива, индейцев североамериканского побережья, от Аляски до Калифорнии, выбор стратегии и тактики жизнедеятельности продиктован таким «рыбным изобилием». При вылове лосося в этой зоне использовались ловушки типа «заездок» и «запоров», устанавливаемые небольшими группами людей (от 2 до 4 чел.) и позволяющие на какое-то время удалиться от места промысла [Гаврилова, Табарев, 2006, с. 14–19; История и культура орочей, 2001, с. 47; Сильницкий, 1902, с. 20; Шнирельман, 1993, с. 100–105]. Ульчи также применяли «заездки», но подобный способ ловли оказался менее эффективным на амурской протоке на значительном удалении от устья [Смоляк, 1966, с. 34]. У нижеамурских нанайцев промысловая тактика включала маневры на воде, оперативный заброс сетей или невода наперерез рыбной стае, двигавшейся по избранному ею пути [Лопатин, 1922, с. 128–129]. В данном случае сеть островов, расположенная на середине русла, играла роль пунктов наблюдения за приближающимися косяками. Каждый островной участок был закреплен за семьями, обустроивавшимися там на время промысла. В данных переписи 1897 г. временные поселения представлены стойбищами с количеством хозяйств от двух до четырех. Значительная часть крупных поселений (до 14 хозяйств) была сосредоточена вдоль основного русла Амура [Патканов, 1912, с. 956–966]. По опросу ульчского и нанайского населения в Ульчском, Комсомольском и Нанайском р-нах Хабаровского края удалось выявить местопо-

ложение некоторых малочисленных селений-временок, в окружении которых находились стационарные береговые поселения. В Ульчском р-не на островах подле сел Калиновка и Софийск располагались стойбища Дайцу, Хули, Кочакта, Мулинка; напротив нанайского села Нижние Халбы – Оньды, Чучи, Оксян, Стан (ныне заброшенные). В Нанайском р-не вблизи сел Лидога и Найхин некогда существовали селения Джонки, Дондон, Торгон, Курун. Часть информаторов утверждает, что, несмотря на промысловый потенциал обустроенных участков, они оставались рискованными для жизнедеятельности, часто подтоплялись, поэтому оказались заброшенными (ПМА, 2008 г., информаторы Л.Н. Самар, В.И. Гейкер, Комсомольский р-н, с. Нижние Халбы, 5 сент.; Г.Д. Коновалов, П.И. Еюка, Ульчский р-н, с. Софийск, 9 сент.; В.Ч. Гейкер, У.А. и Е.П. Одзял, 22 сент.).

Наиболее защищенными от природных катаклизмов являлись береговые (или террасные) поселения, возникшие в удобных для промысловой деятельности местах [Сем, 1973, с. 27–29]. Они располагались на каком-то расстоянии от водной кромки, чаще с подветренной стороны возвышенности. При выборе места бралось во внимание обязательное наличие пологой береговой площадки, удобной для причала лодок. Благоприятными считались участки с искривленной береговой линией, образующей небольшую заводь с максимальной глубиной. Такие речные заводи не только изобиловали пресноводными видами, но и представляли своеобразные «транзитные территории» проходной рыбы. Топонимика террасных поселений отражает рыболовецкую направленность с привязкой к гидрологической специфике местности. К примеру, *Дада* (*Да*, *Дда*) – «устье», «место выхода» (т. е. место, удобное для отправки на охотничий или рыболовный промысел); *Сикачи-Алян* – «утес с озером»; *Дыерга* (*Даерга*) – «рыбалка» (второй вариант – «большая тоня»); *Нижние Халбы* – «место, где скапливается рыба»; *Синда* – «выход из проруби», «неширокая протока»; *Найхин* – «человек и река» [Бельды, 2005, с. 13, 20, 30, 35; Лопатин, 1922, с. 77] (ПМА, 2008 г., информаторы А.И. Хайтанин, Л.Н. Самар, Комсомольский р-н, с. Нижние Халбы, 5 сент.; Э.К. Оненко, М.Г. Кимонко, Нанайский р-н, с. Синда, 16, 17 сент.; А.К. Бельды, Нанайский р-н, с. Найхин, 23 сент.). Местоположение современных нанайских и ульчских сел соответствует их топонимической семантике. Ландшафтная особенность ульчского села Калиновка (раньше называемого *Кадди* – «утес») заключается в возвышенном месте и наличии небольшой заводи возле него, что служит признаком рыболовного угодья (ПМА, информатор Л.А. Мунина, Хабаровский р-н, с. Сикачи-Алян, 8 сент. 2008 г.). Нанайские села Найхин, Дада, Синда, Джари имеют выходы к тоневым участкам и путям лососевых косяков.

В террасных селениях линейный принцип размещения жилищ и хозяйственных построек (вдоль береговой линии) сформировался, согласно Ю.А. Сем, в эпоху разложения родового общества и выделения патриархальных семей. Промысловая необходимость заставляла обособившиеся семейные коллективы осваивать береговые террасы, особенно вблизи тоней [Сем, 1973, с. 28].

В планировке временных и стационарных поселений отражена хозяйственная направленность на сезонное рыболовство. Летние поселения (у нанайцев *ирга*), состоявшие из построек типа двускатных и сферической формы шалашей (*дауро*, *хоморон*, *аундя* сооружались из прутьев и коры), размещались вблизи воды. Хозяйственные сооружения зимних (стационарных террасных) поселений располагались на некотором расстоянии от берега. Рабочий сектор занимал большую площадь усадьбы [Там же, с. 33; Смоляк, 1966, с. 67–76]. В нем градация строений, имеющих рыболовецкий характер (сушил, вешал и амбаров), подчеркивала их узкофункциональную принадлежность. На одиночных жердях *сан*, располагавшихся в один-два яруса, сушили сети. На вешалах *пэулэн* (*пэ-улэ*) на нижнем ярусе хранили предметы, на верхнем настиле вялили кету. На *дэсю*, состоящих из двух пар вбитых в землю кольев, вялили юколу с помощью разведенного на земле костра; на *данси* вялили юколу для собак [История и культура ульчей..., 1994, с. 53–54; Сем, 1973, с. 78–80]. Разделение амбаров *такто* на «съестной», «таежный», «собачий», «для ценностей» и т.д. также отражало спектр хозяйственной деятельности общины.

Исследователи XIX в., наблюдая жизнь в селениях мангунов (ульчей) и гольдов (нанайцев), отметили любопытную деталь, характерную для раннеземледельческих общин, – содержание домашних и домашних животных, которые не только выполняли промысловую функцию (как собаки, помогающие на охоте и рыбалке), но и охраняли съестные припасы от грызунов, хищных птиц. Из наблюдений А. Мичи: у мангунов «непосредственно возле жилого дома стоят изгороди из жердей для сушения рыбы. Нередко при таких изгородях привязан ручной белоголовый орел. Этих орлов еще птенцами вынимают из гнезда и воспитывают, кормя рыбой. Они сторожат развешенную рыбу от нападения других птиц... Кроме ручных медведей и орлов мангуны держат еще филинов для истребления крыс» [1868, с. 277–278]. Приручение орлов мангунами отмечает и Р. Маак в своем «Путешествии по Амуру» [1859, с. 143]. У гольдов хозяйственно-сакральная практика разведения свиней и кошек, охранявших амбары, являлась составной частью культуры ихтиофагов [Мичи, 1868, с. 321]. Полученный улов шел и на пропитание одомашненных животных. Для европейцев оказалось непривычным мясо

свиней, «откармливаемых практически одной рыбой» [Там же]. Использование разных частей рыбы, в т.ч. и кожи (в первую очередь лососевых пород) в качестве сырья для изготовления одежды, предполагает социально-трудовое разделение в ее добыче и переработке. Внутреннее зонирование (разделение по секторам) амбаров различных видов является проекцией первичной социальной структуры промыслового общества, в частности, соотношения участия мужчин и женщин в трудовых процессах. У нанайцев в отдельной хозяйственной постройке лежало рыболовное снаряжение (*батаори хадюн тактони*), имеющее отношение к мужским трудовым операциям [История и культура нанайцев, 2003, с. 101]. В «съестном» амбаре *сиаори такто(ни)* в центре находился большой стол *бэсэрэ*, условно поделенный на две половины: на одной стороне лежали мужские орудия рыболовного промысла (сети, невода), на другой – съестные припасы (юкола, рыбий жир, привозные крупы, сушеные дикоросы). В «собачьем» амбаре *инда тактони* также отводилось место для продукции рыболовства, но прежде всего связанной с женской трудовой деятельностью. В восточной части свайного дома лежала юкола для собак и собачья упряжь, в западной хранились женские вещи – предметы быта и домашних промыслов. В данный амбар мужчины не имели права заходить, полноправными его хозяевами являлись женщины [Сем, 1973, с. 70–75].

В XIX – начале XX в. хозяйственная топография амбаров как построек для хранения общинной собственности и излишков схематично воспроизводила дифференцированный контроль над имуществом в виде промыслового инвентаря и обработанной добычи, имевшим ценность для всей общины.

Формирование территориально-соседской общины и специфика социальных отношений в среде ульчей и амурских нанайцев

В XIX – начале XX в. общество нанайцев и ульчей находилось на этапе разложения патриархально-родового уклада. Род перестал быть высшим звеном социальной структуры, у него отсутствовали признаки единства территории и экономических занятий, что отчетливо проявлялось в организации поселений и промысла [История и культура нанайцев, 2003, с. 37–42; История и культура ульчей..., 1994, с. 16–25; Смоляк, 1970, с. 274–278]. Согласно переписи 1897 г., в ареале амурских нанайцев и ульчей каждое селение имело смешанный родовой состав. К примеру, в Троицкой волости в стойбище Дондон (20 хозяйств – 148 чел.) жили представители родов Бельды, Джаксор, Килэн, Пуссар, Хозер; в д. Найхин (33 хозяйства –

176 чел.) – Бельды, Килэ, Гейкер, Джаксор, Неергу, Оджал, Самэр. За родом Бельды были закреплены населенные пункты Найхин, Дондока, Торгон, Синда, Муху, Дада, Дьерга, Дондон, Халан, Джари, Доли; за родом Джаксор (Заксор) – Халбу, Гордоми, Найхин, Дондон; за родом Килэ (Киле) – Онида, Чеуче, Найхин, Дондока, Торгон, Дондон [Патканов, 1912, с. 960–971].

Аналогичная ситуация была в ульчских селениях (преимущественно деревнях). В Булаве проживали члены родов Дуван, Ольчи, Оросугбу, Удзял, Дечули; в д. Монгол – Вальдю, Дёринча, Сигдэли, Дяксул, Самар. Представители ульчского рода Дечули встречались в селениях Анган, Булава, Дырен, Када, Котон, Мулька, Пульса, Удан; рода Дуван – Булава, Када, Май, Мулька, Пульса; рода Вальдю – Кадушка, Май, Монгол [Смоляк, 1975, с. 95–96].

Несмотря на отсутствие экономических связей и территориального единства, большинство членов одного рода имело общее происхождение, на что указывает этноним. У нанайцев род (*хала*) делился на несколько поколений (*дялан*), имевших общего предка по мужской линии. Каждое из них объединяло братьев и сестер, наследующих имущество рода и решающих социально-правовые и религиозные вопросы своего клана [История и культура нанайцев, 2003, с. 37–38; Лопатин, 1922, с. 185–186]. С разложением родовой организации в состав рода стали входить представители других (малых) родов, даже принадлежавшие к иноязычной, иноэтничной среде. В итоге, в конце XIX – начале XX в. роды, как у нанайцев, так и у ульчей, представляли собой конгломераты, включавшие патронимии, ветви, территориальные объединения родственников и «чужаков».

Группы крупнейшего по численности ульчского рода Дечули, расселившись, получили различные наименования по местам жительства – Котончо, Сучунча, Гульмахунча. Кроме того, в состав Дечули входили различные по происхождению подразделения, имевшие свои родовые огнива и обряды, – Ыгдымсели, Дёринча, Даунча, Сучунча [Смоляк, 1975, с. 98].

Нанайский род Бельды (по переписи 1897 г. 929 чел.) объединял многочисленные территориальные группы. Часть из них являлась аборигенным субстратом, растворившимся в пришельцах. Четыре рода – Ойтанкан, Гыхынкен, Саянкан, Ырингкэн, – влившиеся в состав Бельды, не имели между собой генетического родства. У Саянкан даже сохранилось предание, что они близкая родня бурятам и пришли с верховьев Амура, спускаясь с семьями на плотах [Лопатин, 1922, с. 189–190; Патканов, 1912, с. 956; Сем, 1959, с. 2–30; Смоляк, 1970, с. 273; 1975, с. 115, 118]. Внутри большого рода допускались браки между представителями разных подразделений [Смоляк, 1970, с. 269; 2001, с. 17].

Механизм формирования больших родов отражен в хозяйственно-поселенческой структуре Нижнего Приамурья. И.А. Лопатин отметил, что каждое поселение нанайцев представляло территориально-соседскую общину, размещавшуюся на площадках с комплексом зимних построек. В *фанзе* (зимнем жилище маньчжурского типа) мог проживать коллектив до 25 чел., состоявший из малых (моногамных) семей и исполнявший функцию большой патриархальной семьи [Лопатин, 1922, с. 168–169]. Усадьбы с группой родственников или объединенными под одной крышей малыми семьями соседствовали с аналогичными усадьбами. Все они, по сути, являлись обособленными хозяйственными системами. Во время лососевого промысла соседские группы объединялись. Все семьи, входившие в общину, сшивали из своих сетей единый большой невод. На рыбалке члены большого коллектива действовали сообща, но весь улов делился по паям в соответствии с размерами сетей. Даже в патронимиях совместно добытое распределялось по входившим в нее группам [История и культура нанайцев, 2003, с. 41–44; Лопатин, 1922, с. 190–192; Смоляк, 1970, с. 297].

В нижеамурских условиях правило *помогообмена* (оказание помощи соседу) [Семенов, 1999] стало фундаментом социальных отношений. Рыбакам приходилось часто менять промысловые угодья по причине изменения рельефа дна, обмеления одних участков и углубления других, что сказывалось на качестве улова [Смоляк, 1966, с. 56; 1970, с. 276]. Природные условия вынуждали переселяться в другое место, более благоприятное в промысловом отношении. На новой территории пришельцы вливались в группу старожилов, оказывая им помощь в промысле. В коллективном труде хозяевам места было проще опираться на новоселов-«чужаков», чем на родственников, живших в отдалении [Смоляк, 1970, с. 296–298].

Территориальное объединение старожилов с переселенцами происходило через институт *даха* [Там же, с. 288–290]. Между группами путем обмена вдовы из одного рода на топор (или кусок нефрита) из другого заключался договор, согласно которому они становились родами-побратимами с обязательством обоюдной защиты и оказания взаимной помощи на промысле. На всех членов родового объединения распространялись правила экзогамии, только через три поколения им разрешалось вступать в брачные отношения (ПМА, информатор Р.А. Самар, Солнечный р-н, с. Кондон, 20 нояб. 1998 г.). Деловой союз позволял малочисленным пришельцам или старожилам получить поддержку со стороны. Так породнились между собой нанайские роды Пассар и Гаил, Одзял и Сайгор, Одзял и Гейкер, Альчека и Тумали [Смоляк, 1975, с. 130]. Согласно легенде ульчского рода Дуван, его предки пришли в низовье Амура с

верховьев. Три рода – Дуван, Ольчи и Киле – спускались с верховьев Амура на деревянных лодках-долбленках. Первоначально они остановились вблизи современного Хабаровска. Но это место из-за большого количества народа им не понравилось. Они поплыли дальше и остановились в местечке Карги (около Комсомольска), которое также им не понравилось из-за скудных запасов рыбы и зверя. Пришлось делать остановку около Дяи (современного Софийска), где пожил полгода, и пути трех родов на этом разошлись. Киле и Ольчи продолжили плавание вниз по реке. Человек Мига (имя одного из предков рода Дуван) со своей родней еще полгода пожил на старом месте, охотясь на пушных зверей, и направился в сторону Киди (современного Мариинска), где была видна гора Хада Хуран. Вблизи нее проживал состоятельный человек, который и предложил прибывшим остаться, помогая им собрать вещи. Поселенцы на новом месте построили дом, в котором можно было содержать трех медведей (большое количество прирученных медведей приравнивалось к богатству, а хозяин их считался важным человеком). После трех лет содержания медведей хозяин места, он же старейшина, предложил прибывшим стать его родственниками. Союз доха был заключен в доме над очагом, в котором огонь был разожжен от трения. Породнившись через этот очаг, два рода – переселенцы и хозяева места – стали родственниками навсегда (ПМА, информатор М.С. Дуван, Ульчский р-н, с. Булава, 17 авг. 1992 г.).

Из приведенных данных следует, что практика переселений в ареале ульчей и нанайцев и, как результат этого, формирование поселений разнородного состава были неразрывны с промысловыми интересами, в которых главным ориентиром оставалось устье Амура, богатое проходной рыбой.

Заключение

Во второй половине XIX – начале XX в. лососевое хозяйство продолжало играть ключевую роль в жизни ульчей и амурских нанайцев. Особенности миграции тихоокеанского лосося, выраженные в разнородном составе, маршрутах, наложили печать на систему поселений, уклад, трудовую сферу, социальные отношения групп тунгусо-маньчжурского населения, проживавших в долине большой реки.

Следует отметить, что при утрате экономического статуса рода на Амуре между его членами сохранялась социальная и религиозная связь, переросшая в традицию навещать своих родственников в разных уголках Приамурья. Это играло определенную роль и в практике выживания. При дисперсном расселении, малочисленном составе коммуникационные

связи способствовали обновлению генофонда и стимулировали развитие интеграционных процессов. До промышленного освоения юга Дальнего Востока Нижнее Приамурье представляло собой район с развитым межэтническим социально-культурным обменом, возникшим на базе социально-трудовых отношений, зародившихся в обществе ихтиофагов. Главными посредниками в этнокультурном диалоге стали амурские нанайцы и ульчи, связанные с тунгусоязычным конгломератом (негидальцами, орочами) не только родственными отношениями, общим самосознанием, самоназванием *нани*, хозяйственно-культурным комплексом, но и историческим прошлым.

Список литературы

- Азиатская Россия.** – СПб.: Тов-во А.Ф. Маркс, 1914. – Т. 2: Земля и хозяйство. – 640 с.
- Алькор (Кошкин) Я.П.** Л.Я. Штернберг как исследователь народов Дальнего Востока (вступ. ст.) // Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – С. XI–XXXVIII.
- Алябьев Г.** Далекая Россия: Уссурийский край. – СПб.: [Тип. тов-ва «Общественная польза»], 1872. – 115 с.
- Амур** (река в Азии) // Большая советская энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1970. – С. 544.
- Амур** // Словарь современных географических названий / под ред. акад. В.И. Котлякова. – Екатеринбург: У-Фактория (электрон. изд-во), 2006. – URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Географические_названия (дата обращения: 11.01. 2011).
- Бельды К.М.** Водоворот: Тайны древнего Амура. – Хабаровск: Изд-во Хабар. краевед. музея им. Н.И. Гродекова, 2005. – 136 с.
- Берг Л.С.** Ландшафтно-географические зоны СССР. – М.: Ин-т растениеводства, 1930. – Ч. 1. – 396 с.
- Берг Л.С.** Географические зоны Советского Союза. – М.: Географиз, 1952. – Т. 2. – 511 с.
- Болотов А.А.** Амур и его бассейн // Вестн. Маньчжурии. – Харбин, 1925. – № 3/4. – 36 с. (отд. отд.).
- Бражников В.К.** Рыбные промыслы Дальнего Востока. – СПб.: [Тип. В. Киришбаума], 1900. – [Ч.] 1: Осенний промысел в низовьях Амура. – 134 с.
- Васильев Ю.** Так где же искать Ачанский городок // Дальний Восток. – 2003. – № 5. – С. 218–226.
- Васильевский Р.С.** Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 252 с.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения Сахалина (Сусуйская стоянка). – Новосибирск: Наука, 1976. – 270 с.
- Васильевский Р.С., Крупянко А.А., Табаров А.В.** Генезис неолита на юге Дальнего Востока России: Каменная индустрия и проблема ранней оседлости. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1997. – 160 с.
- Волков П.В., Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Палеоэкономика населения среднего и нижнего Амура в конце неоплейстоцена – середине голоцена // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 2–15.

- Гаврилова Е.А., Табарев А.В.** Молнии, плывущие друг за другом. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2006. – 124 с.
- Глуздовский В.Е.** Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. – Владивосток: [Тип. «Далекая окраина»], 1917. – 184 с.
- Грум-Гржимайло Г.Е.** Описание Амурской области. – СПб.: [б.и.], 1894. – 640 с.
- Дербер П.Я., Шер М.Л.** Очерки хозяйственной жизни Дальнего Востока. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – 300 с.
- Деревянко А.П.** Новопетровская культура среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1971. – 204 с.
- Золотарев А.М.** Родовой строй и религия ульчей. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. – 205 с.
- История и культура нанайцев.** – СПб.: Наука, 2003. – 328 с.
- История и культура орочей.** – СПб.: Наука, 2001. – 176 с.
- История и культура ульчей в XVII–XX вв.** – СПб.: Наука, 1994. – 178 с.
- Лопатин И.А.** Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: [б.и.], 1922. – 371 с.
- Маак Р.К.** Путешествие на Амуре. – СПб.: [Тип. Карла Вульфа], 1859. – 320 с.
- Мазин А.И.** Быт и хозяйство эвенков-орочонов. – Новосибирск: Наука, 1992. – 160 с.
- Медведев В.Е.** Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. – Новосибирск: Наука, 1986. – 208 с.
- Мичи А.** Путешествие по Амуре и Восточной Сибири. – СПб.: [б.и.], 1868. – 352 с.
- Новомодный Г.В., Золотухин С.Ф., Шаров П.О.** Рыбы Амура: богатство и кризис. – Владивосток: Апельсин, 2004. – 64 с.
- Окладников А.П.** Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 2003. – 664 с.
- Патканов С.К.** Племенной состав населения Сибири: (Язык и роды инородцев). – СПб.: [б.и.], 1912. – Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – 1000 с.
- Приамурье:** Факты, цифры, наблюдения. – М.: [Гор. тип.], 1909. – 922 с.
- Сем Ю.А.** Родовая организация нанайцев и ее разложение. – Владивосток: Дальневост. фил. СО АН СССР, 1959. – 31 с.
- Сем Ю.А.** Нанайцы: Материальная культура. – Владивосток: Дальневост. науч. центр АН СССР, 1973. – 314 с.
- Семенов Ю.И.** Введение во всемирную историю: История первобытного общества. – М.: Изд-во МФТИ, 1999. – Вып. 2. – 192 с.
- Сильницкий А.** Поездка в северные округа Приморской области. – Хабаровск: [Тип. Канцелярии приамур. генерал-губернатора], 1902. – 185 с. – (Зап. Приамур. отд. Имп. Рус. геогр. об-ва; т. 6, вып. 1).
- Смоляк А.В.** Ульчи (хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем). – М.: Наука, 1966. – 292 с.
- Смоляк А.В.** Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX – начале XX в. // Общественный строй у народов Севера Сибири. – М.: Наука, 1970. – С. 264–299.
- Смоляк А.В.** Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
- Смоляк А.В.** Соотношение аборигенного и тунгусского компонентов в хозяйстве народов нижнего Амура // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 260–266.
- Смоляк А.В.** Народы Нижнего Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 223–257.
- Смоляк А.В.** Этнические микрорайоны на Нижнем Амуре // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1983. – С. 151–158.
- Смоляк А.В.** Народы Нижнего Амура и Сахалина: (фотоальбом). – М.: Наука, 2001. – 320 с.
- Солдатов В.К.** Рыбы и рыбный промысел: Курс частной ихтиологии. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 322 с.
- Старцев А.Ф.** Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX – XX век). – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 444 с.
- Таксами Ч.М.** Нивхи (современное хозяйство, культура и быт). – Л.: Наука, 1967. – 272 с.
- Таксами Ч.М.** Основные проблемы этнографии и истории нивхов (середина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1975. – 240 с.
- Шевкомуд И.Я., Косицына С.Ф., Горшков М.В.** Результаты археологических полевых исследований стоянки Амур-2 в Хабаровске // Зап. Гродеков. краевед. музея. – Хабаровск, 2002. – Вып. 3. – С. 31–34.
- Шнирельман В.А.** Рыболовы Камчатки: экономический потенциал и особенности социальных отношений // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: Памяти Л.Е. Куббеля. – М.: Вост. лит., 1993. – С. 98–121.
- Шперк Ф.** Россия Дальнего Востока. – СПб.: [Тип. Имп. АН], 1885. – 504 с. – (Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва. По общей географии; т. 14).
- Шренк Л.И.** Об инородцах Амурского края. – СПб.: Изд-во Имп. АН, 1899. – Т. 2. – 314 с.
- Шренк Л.И.** Об инородцах Амурского края. – СПб.: Изд-во Имп. АН, 1903. – Т. 3. – 145 с.
- Штернберг Л.Я.** Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
- Янчев Д.В.** Хозяйство и материальная культура негидальцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2006. – 26 с.

*Материал поступил в редколлегию 15.11.10 г.,
в окончательном варианте – 03.05.11 г.*

Э.Й. Холанд

Афинский национальный университет

National and Kapodistrian University of Athens, University Campus, Zographou, Athens 157 84, Greece

E-mail: evyhaa@online.no

ЭМОЦИИ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СМЕРТЬ В ТРАДИЦИЯХ ГРЕЦИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

В статье рассматриваются культурные особенности и эмоции, связанные с греческим культом смерти. Анализ современных культовых практик на основе материалов полевых исследований в сопоставлении с античными источниками обнаруживает множество параллелей с официальным культом древних греков и может пролить свет на смысл и содержание античных ритуалов. В статье предпринимается попытка продемонстрировать приспособление новых идеологий к более древним обрядам и верованиям, а также связь между публичными и частными ритуалами. Высказывается предположение о том, что выявленное сходство может представлять собой общий способ выражения в более широком географическом контексте.

Ключевые слова: Греция, культ смерти, связанные со смертью ритуалы, погребальный плач, дары усопшим, поминальные обряды, праздники, посвященные умершим.

Введение

Култ смерти играет особенно важную роль в Юго-Восточном Средиземноморье. Об этом свидетельствует, например, непрерывная борьба за могилы праотцов и праматерей в Хевроне. Главный праздник шиитов посвящен смерти Хусейна, внука пророка Мухаммеда. Во время празднований очень важно совершить паломничество к могиле имама в г. Кербеле (Ирак), что ранее не позволялось режимом Саддама Хусейна. Этот запрет не нов: еще в 850 г. халиф счел политически целесообразным сровнять с землей гробницу аль-Хусейна и запретить паломничество в Кербелу. Однако вмешательство государства оказалось малоэффективным, восстановленная гробница остается и по сей день важнейшим религиозным центром для шиитов. Паломничество в Кербелу снова было разрешено в 2003 г. Для шиитов особенно важно быть похороненными рядом со святыней, т.к. они верят, что это обеспечит попадание в рай [Grunebaum, 1981]. Проявления культа смерти также встречаются на Балканах и в более северных землях. Так, в 1988 г., через 600 лет после поражения серб-

ского князя Лазаря на Косовом поле, верующие пронесли его гроб в крестных ходах по каждой деревне в Сербии. А в России в советское время некоторые жители провинции привозили своих новорожденных детей в Москву, чтобы они прикоснулись к Мавзолею Ленина. Осенью 1990 г. люди прошествовали по улицам Ленинграда с портретами последнего царя. Возможно, они хранили эти портреты у себя дома и почитали их в предшествующие годы. После краха коммунизма стало явным, что люди продолжали тайно соблюдать различные религиозные ритуалы. Подобным образом ритуалы, рассматривавшиеся Греческой Церковью как языческие, сохранялись греками, сначала жившими за пределами Греции, а затем вернувшимися на родину. В недавнее время они в целом были разрешены.

Култ смерти может играть важную политическую роль на Балканах, в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Похожая ситуация была в Греции в древности. Так, глава апостола Андрея сейчас покоится в церкви его имени в Патрах на Пелопоннесе, где святой считается покровителем города. Между 1460 и 1963 гг. святыня находилась в Риме,

поскольку при бегстве от турок Фома Палеолог взял ее с собой. Борьба за мощи св. Андрея на протяжении 500 лет имеет свои параллели в борьбе за останки древних героев, таких как Тесей (Геродот. I, 67; Плутарх. «Жизнеописание». 36,1), Орест (Павсаний. III, 3, 7) или Гектор («Илиада». XXIV, 793). Для израильтян кости Иосифа так же важны, как гроб Лазаря и реликварии, которые проносят в крестных ходах в современной Греции. Другой параллелью служит плащаница с изображением Христа. Она имеется в каждой православной церкви и проносится в крестном ходе в Страстную пятницу. Иногда плащаницу погружают в море, что соответствует ежегодной процессии со смертным одром Адониса в Древней Греции и Египте (Феокрит. XV, 132–142). Следует задаться вопросом: может ли прояснить современные политические проблемы более пристальный взгляд на культ смерти в Греции нашего времени в сравнении с его античными параллелями?

Для исследования данной проблемы в статье рассматриваются культурные особенности и эмоции, связанные с греческим культом смерти. Этот культ представляет собой общее культурное явление в географической зоне от Португалии на западе до Ирана на востоке. Он также встречается в балканских странах и России. Почему культ смерти так устойчив? В чем он состоит и как проявляется? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим характерные аспекты культа смерти в греческой традиции. Анализ будет основываться на материалах полевых исследований, которые я проводила с начала 1980-х гг., в сопоставлении с античными источниками. Сравнение проявлений культа (траур, ритуальное оплакивание, обращение с телом, похоронная процессия, погребение, поминки и последующие поминальные обряды) в античном и современном обществе должно проиллюстрировать, как современные ритуалы могут пролить новый свет на древние, и наоборот. В основном я буду переходить от современности к древности, т.е. в первую очередь представлять полевые наблюдения, а затем обращаться к античным материалам. Однако, чтобы избежать ненужных повторений, я иногда буду также рассматривать древние параллели в связи с современными материалами.

Культе смерти

В греческой культурной среде культ смерти объединяет культ умерших членов семьи и великих людей, как недавно скончавшихся, так и давно почивших героев (Гесиод. «Труды и дни». 654 и след.; Павсаний. I, 36, 3) или героинь (Павсаний. I, 43, 4 и след., VIII, 35, 8). Это явление с очевидностью проявляется в древних культах предков и героев и в современной

практике святости в христианских областях, турецком Мевлане и у марабутов Северной Африки, что предполагает связь с фундаментальными воззрениями или с долговременными ментальностями в Средиземноморье. Культ предков является почитанием или умилованием прародителей, культ героев или героинь, а позже и святых – умершего значимого человека. Это явление служит важным ключом к пониманию большинства религиозных праздников. Дело в том, что многие из них были ежегодным торжеством, посвященным усопшему хранителю общества. Этот хранитель являлся посредником между людьми и сверхъестественным в той иерархической структуре, которую представляло собой политеистическое или полидаимоническое общество, подобно тому, как герой или героиня функционировали, когда еще были живы.

Древние греки считали, что многие спортивные праздники происходили от торжеств, посвященных великим мужам или женам. Для примера можно упомянуть Парпаронии в Спарте. Хотя они были посвящены Зевсу, для праздника также имел большое значение герой. То же можно сказать о посвященных Афине Панафинеях. Традиционно исследователи, как, например, Н. Робертсон [Robertson, 1992], сосредоточивались главным образом на культе рожденного Землей Эректа. Тем не менее некоторые героини, такие как Пандроса и Аглавра, также имели особое значение в связи с празднеством. У всех атлетических праздников в Древней Греции был свой герой, поскольку они восходили к чьей-то мифической смерти и погребению, иными словами, игры на празднествах возникли как погребальные в честь героя. Ритуалы воспроизводили церемонии, которые совершались при захоронении и поминальных торжествах. Такая же картина возникает при рассмотрении Панэллинских игр и более мелких местных, хотя в этом случае связь будет не столь явной. Наличие предполагаемой гробницы было важнейшим условием для выбора места игр. Решающее значение в культе героя как человека, жившего в давние времена, но все еще почитаемого, имели кровавые жертвы в его честь. Умершие герои, как и героини (Павсаний. IX, 17, 4–6), обладали магической силой и были посредниками между еще более могущественными потусторонними силами, отвечавшими за плоды земли. Ради мира живых необходимо было уметь манипулировать ими. Поскольку эта модель также встречается в современных религиозных праздниках, посвященных умершим, они связаны с культом мертвых и могут быть названы «празднествами смерти». Кровавые жертвоприношения земле совершаются и в наши дни через посредство умерших святых, таких как Константин и Елена, перед уборкой зерна (рис. 1).

Рис. 1. Ритуальное жертвоприношение во время праздника Анастасария, посвященного святым Константину и Елене, в д. Агия Елена (греческая Македония) 21 мая 1992 г. (горло ягненка перерезается так, чтобы кровь вытекала в свежеврытую яму в окружении горшков со святой водой). Здесь и далее фото Э.И. Холанд.

ным культом смерти и официальными праздниками. Мы сталкиваемся с тем же явлением в праздновании православной Пасхи, посвященной смерти и воскресению Христа (рис. 2, 3). Кроме того, среди древних праздников два особенно тесно связаны с культом смерти: Адонии, посвященные богу растительности Адонису, и дионисийские Анфестерии, которые были праздником пробуждения природы и одновременно днями поминовения умерших.

Связанные со смертью ритуалы и религиозные праздники

Связанные со смертью греческие ритуалы очень часто кажутся людям из Северной Европы и США совершенно чуждыми, странными и экзотическими. Разница между знакомыми «нами» и экзотическими «ими» является главным препятствием в понимании мира «другого». Однако подобные препятствия можно преодолеть при готовности соучаствовать [Danforth, 1982, p. 5], что можно успешно сделать при полевых исследованиях.

Я провела полевые исследования современных религиозных праздников, посвященных умершим, и частных ритуалов, связанных со смертью [Håland, 2007, 2008]. Важнейший общегреческий праздник отмечается 15 августа и называется «Успение Божьей Матери». За смертью Богородицы следует ее погребение, а также «Чин 9-го дня о Панагии» 23 августа, что соответствует обычному ритуалу, связанному со смертью, который осуществляется в домашних условиях. Это отражает связь между народ-

Рис. 2. Моление о дожде перед иконами на кладбище в д. Олимп на о-ве Карпатос в Светлый вторник после Пасхи, апрель 1992 г.

Рис. 3. Крестный ход с иконами по полям в окрестностях д. Олимп после ритуала на кладбище в Светлый вторник.

Греческие религиозные праздники чаще всего посвящены тому или иному умершему, в случае античных праздников – умершему вместе с богом, часто богом растительного мира. Соответственно, они иллюстрируют значимость бытовавших в народе верований, сопряженных с культами плодородия и смерти, в сохранении официальной идеологии в античном и современном обществах. Эти культы связаны с домашней, или женской, сферой деятельности, которая представляет собой важную область культуры в Средиземноморье, где сферы деятельности и роли мужчин и женщин четко дифференцированы.

Ритуалы, связанные со смертью, имеют ярко выраженный эмоциональный характер. Уход из жизни человека, его похороны и поминание являются наиболее трудными моментами в жизни близких усопшего, и изучение этих ритуалов означает изучение людей в состоянии скорби, которая представляет собой универсальное общечеловеческое чувство. Однако в Средиземноморье оно выражается особым образом: здесь бытует традиция погребального плача [Seremetakis, 1991; Holst-Warhaft, 1992; Alexiou, 2002].

Важно понимать культурное значение эмоций в Средиземноморье, отличное от традиционно принятого на Западе их идеологического подавления. Описывая женщин, мужчины, авторы античных текстов, указывают, что их роли отличаются от мужских и они по-другому реагируют на войну и семейные кризисы. Конечно, по античным текстам трудно судить о том, как понимали женщины приписываемые им мужчинами роли, поскольку женщины воспринимают мир иначе, чем мужчины. Аналогичную ситуацию мы встречаем в современном греческом обществе, и на основе ценностей современной гречанки это понимание можно назвать «поэтикой женственности» [Dubisch, 1995, гл. 10]. Суть данного явления – показать, как хорошо быть женщиной. Женщинам античного мира и современным присущи одни и те же символические категории, позволяющие при исполнении своей роли опираться на ряд культурных смыслов, связанных с женским телом, материнством, сексуальностью и деятельностью женщин в религиозной сфере. Важным проявлением «поэтики женственности» являются эмоции. Со времен Платона женщины считаются более эмоциональными, чем мужчины, и женский погребальный плач тесно связан с эмоциями, поскольку стенания должны вызывать у слушателя эмоциональный отклик. В Средиземноморье жесты и ритуалы имеют огромное значение, они являются важнейшими способами самовыражения. Этот «язык тела», или перформативная модель коммуникационного процесса, столь же важен, как и вербальная коммуникация, и особым образом связан с культом смерти.

Частные погребальные и поминальные обряды, совершаемые в настоящее время, отражают публичные

ритуалы. Современные культовые практики обнаруживают много сходства с официальным античным культом (анalogии приводятся) в различных источниках. Следующий раздел содержит описание похорон в д. Пиргос Диру во Внутреннем Мани (южная часть п-ова Мани) на Пелопоннесе, свидетелем которых я стала в 1992 г., а также анализ того, как современные ритуалы соотносятся с античными источниками и проясняют значение античного культа смерти.

Плач женщин и погребение мужчинами

Ритуальный плач сопровождает похороны, которые являются наиболее посещаемым другими людьми событием жизненного цикла человека. После смерти покойника омывают, одевают, кладут на носилки, и женщины начинают ритуальные причитания, покачиваясь в такт телами. Эти причитания делятся на три этапа: они поются на традиционных поминках в доме до погребения, во время похоронной процессии и на могиле. После погребения покойный оплакивается в определенные промежутки времени. Плач по умершему представляет собой ритуал, который рассматривается как общественный долг в большинстве деревень.

Умершего погребают через 12–24 часа после смерти. В Мани похороны начинаются с дома детства усопшего, хотя он мог жить в другой деревне в течение всей своей взрослой жизни. Двор переполнен посетителями. В гостиной умерший школьный учитель Константинос Ник. Пойланцас в парадной одежде лежит в гробу, вдоль которого с правой стороны стоят зажженные свечи. Как и в древности, в настоящее время покойникам кладут монету на лоб или в рот. Люди отправляют с покойным сообщения и подарки своим умершим близким. Эти подарки кладут на умершего, а затем следуют объятия и поцелуи в лоб. Люди находятся у тела умершего всю ночь перед погребением. Вдова покойного руководит 34 плакальщицами, сидящими вокруг гроба. Они поют не все сразу, погребальный плач переходит в том же направлении, как и все, что передается вокруг тела – кадило, еда или напитки. Когда плакальщицы поют о жизни умершего с детства до самой смерти, они совершают женскую часть ритуала, которая длится всю ночь до полудня следующего дня, когда погребальное бдение достигает своей кульминации – великого плача. После этого приходят священники, и начинается мужская часть ритуала. Но женщины продолжают плач, как будто ничего не происходит.

Содержание погребального плача вполне традиционно – это вопросы, задаваемые умершему. Посредством плача устанавливается связь между живыми и мертвыми. Плач может начинаться прощанием умершего человека со своими ближайшими родственниками.

ми и включать угрозы. В погребальном плаче нередко содержатся протест против современных врачей, призывы к социальным изменениям и возражения против официальной религии и ее ложных обещаний вознаграждения благочестивых в загробной жизни. В нем часто фигурирует понятие судьбы. Сетования передаются из поколения в поколение, особенно от матери к дочери. Множество источников свидетельствуют о народных представлениях о загробной жизни. Погребальный плач иллюстрирует преемственность дохристианских моделей, поскольку многие его темы встречаются в надписях из древних погребений. Как и в надписях на античных гробницах, в современном погребальном плаче может присутствовать своего рода магическое заклинание, когда к умершему обращаются с призывом: «Вставай, моя любовь, воскресни! Воскресни и поговори со мной»*. Древней параллелью служат горький плач матери на могиле умершей до свадьбы дочери с обращением к ее душе («Палатинская антология». VII, 486) и плач Антигоны, которая обращается к умершим родителям и брату (Софокл. «Антигона». 866–871, 891–928).

Женщины сначала оплакивают умершего, затем своих покойных близких, как это происходило в современной деревне Олимпос на о-ве Карпатос на юге Греции во время празднования Пасхи (см. ниже), а заканчивается плач чаще всего оплакиванием положения самой плакальщицы. Она не выступает от лица умершего, который находится в центре события, как в погребальной песни Кассандры у Эсхила (Эсхил. «Агамемнон». 1322–1326, 1341), исполнившей плач по себе самой по пути к смерти (Эсхил. «Агамемнон». 1345). Современные плакальщицы обычно жалуются на свою судьбу и на то, что смерть отняла у них близкого человека. Во время исполнения плача женщины ритмично покачивают телом, бьют себя в грудь, царапают щеки и рвут на себе волосы. До недавних пор они состригали волосы, чтобы покрыть ими лицо умершего, как это происходило во время траура по Патроклу в «Илиаде» (XXIII, 135 и след., 151). Возможно, плакальщицы визуализируют свою внутреннюю эмоциональную реакцию на смерть.

Как и в Древней Греции, связанные со смертью ритуалы в современной Мани относятся к семье и дому усопшего, в то время как погребение имеет общественный характер, представленный Церковью. Контраст между ритуальным плачем, погребальным бдением и погребением отражает прежнее противостояние древнего культа предков и официальной религии в Мани [Seremetakis, 1991]. Можно также упо-

мянуть древние могущественные роды и их культы, с которыми боролись как древние законодатели, так и, чуть позднее, классический полис. Кроме того, велась борьба против женского способа выражения скорби, дававшего женщинам значительную власть над ритуалами, связанными со смертью.

Когда ритуальное бдение в Мани завершается, входят священники, а затем и мужская часть близких покойного, в первую очередь его двое сыновей, приехавших домой из Фессалоник и Афин. Священники совершают официальный обряд, который заканчивается благословением людей святой водой, что служит параллелью древним ритуалам очищения.

Затем начинается похоронная процессия к церкви Богородицы Панагии. За музыкантами идет человек с венком от школы, в которой усопший работал учителем, другой несет крышку гроба. Далее шествуют священники и семь мужчин, несущих открытый гроб. За ними идет женщина с коливом на блюде – смесью пшеницы, орехов и фруктов, которая обычно предлагается во время панихиды на могиле. Затем следует женщина с бутылкой воды, полотенцем, чашками, ложками и несколькими бутылками «Метаксы». Другая несет пучок свечей и икону Панагии. По мере того как похоронная процессия медленно движется по деревне, к ней присоединяются новые члены. В часовне на окраине деревни процессию ждет еще большее число людей.

Гроб располагается перед иконостасом. Пока священники совершают погребальный обряд, люди заходят в часовню, целуют икону на входной двери и зажигают свечи. После проповеди несколько мужчин произносят надгробную речь, говоря об общественной жизни усопшего и особенно о всех его пожертвованиях в церковь, что служит параллелью древним литургиям. После этого церемония в часовне заканчивается.

Кладбище находится на окраине деревни. Оно окружено высокими кипарисами, символизирующими смерть и траур. Музыканты остаются на дороге, а погребальная процессия входит на территорию кладбища. Священник окропляет елеем усопшего (в форме креста – голову, ноги и по обе стороны от талии), чтобы его душа и кости стали белыми как снег, а также землю с обеих сторон могилы. Люди моют руки водой из бутылки. Это современная параллель, иллюстрирующая боязнь миазмов и осквернения смертью в древности, когда сосуд с водой ставили вне дома с покойником, чтобы выходящие могли очиститься.

Люди выстраиваются на дороге, ведущей к кладбищу. Все приветствуют семью покойного и получают коливо и «Метаксу». Каждый произносит пожелание о прощении покойного. В кафе рядом с кладбищем находится несколько пьяных людей, как это обычно бывает в Греции на похоронах или на Пасху, и женщин, голос которых стал хриплым после плача. Семья усопшего приглашает родственников и друзей на рыбную

*Ср.: [Caraveli, 1986, p. 181–186], а также Еврипид. «Электра». 678–681; Эсхил. «Хозфоры». 456–461; «Персы». 619–681, 687 и след. См. также: «Палатинская антология». VII, 524, 659.

поминальную трапезу. Родственники покойного не будут есть мясо в течение следующих 40 дней в ожидании главного поминального обряда.

Произведения Гомера, Платона, Плутарха, трагедии, надгробные речи, надписи, изображения на вазах и надгробия рассказывают нам о культе смерти в античную эпоху. Тогда, как и сейчас, погребение и оплакивание были непременным условием обретения умершим блаженства в потустороннем мире, в противном случае душа усопшего продолжала бы скитаться без упокоения («Илиада». 10).

Древний погребальный ритуал также можно разделить на две главные части: траур и погребение. Плач женщин был связан с трауром («Илиада». XIX, 282–302; XXIV, 710–776; ср.: Еврипид. «Гекуба». 609–619; Софокл. «Электра». 1137 и след.), мужчины же осуществляли погребение («Илиада». 24, 785–799, см. также: Платон. «Законы». 947b–e, 958–960; ср.: Фукидид. II, 34; Attic Black-figured Lekythoi, 1936, p. 229, n. 59). За плачем сразу после смерти близкого человека следовали омовение тела и его подготовка для погребального бдения. Женщины играли ведущую роль в этих обрядах. Последующим погребальным бдением с ритуальным оплакиванием могли руководить как женщины, так и мужчины, а заключительную церемонию погребения возглавляли исключительно мужчины*.

Во время бдения одр окружали женщины из семьи покойного и профессиональные плакальщицы. Плач начинала мать или жена усопшего («Илиада». XXIV, 719–776). Женщины били себя в грудь и рвали на себе волосы. Эти жесты, а также нанесение ран на щеки и грудь, сопровождаемое разрыванием одежд, были обычными элементами ритуального плача. Как и в современном обществе Мани [Seremetakis, 1991, p. 28, 127–129, 144–157], древние ритуалы оплакивания мертвых часто включали требования отмщения (Эсхил. «Хоэфоры». 324–339, 886). В наше время, как и раньше, плач по умершему дает выход скорби. Имея двойную функцию, оплакивание воздает почести усопшему и выражает несколько противоречивых эмоций.

Древняя погребальная церемония включала вынос покойника к месту погребения, кремацию тела, ритуалы на могиле и захоронение останков.

Гробницы и приношения

Надмогильные сооружения и приношения на могилах могут много рассказать о древних и современных

представлениях о загробной жизни. В Древней Греции известны стандартизированные курсы (статуи юноши-атлета) и стелы. Помимо пищи, приношения могли включать пряжи волос, ленты, венки, цветы и небольшие керамические сосуды. В наши дни на могилах можно увидеть фотографии и такие дары, как блок сигарет, конфеты или игрушки, в зависимости от возраста и вкуса покойного и его близких. Умершей в возрасте 75 лет Екатерине Г. Тавулари в небольшое углубление на могиле, где находится икона и три красных цветка, положили ее очки и часы.

Каждую субботу утром женщины демонстрируют «поэтику женственности», наводя порядок на кладбище и убирая могилы близких. Затем они раскладывают свои пищевые приношения, таким образом поддерживая социальные отношения с мертвыми. Эта тема часто фигурирует в погребальном плаче, что указывает на тесную связь данных ритуалов.

На третий, девятый и сороковой день после погребения совершается поминальный обряд. Умершего также поминают каждые шесть месяцев в течение трех лет до эксгумации костей покойного; особое значение имеет поминовение в день смерти. Три года вдова будет приходить на могилу каждый день, чтобы вспоминать о своем умершем муже и заботиться о его могиле. Первые сорок дней она поддерживает огонь масляной лампы дома перед фотографией мужа, потом, когда появится надгробие, принесет фотографию на кладбище. Люди молятся, чтобы земля приняла усопшего. В это время вдова носит черную траурную одежду. Хотя ритуал на сороковой день завершает первый период траура и уединения, женщина может продолжать носить черную одежду всю оставшуюся жизнь. Как и героини античных источников («Илиада». XXIV, 93 и след.; Плутарх. «Моралии». 608f4), женщины показывают свою скорбь, одеваясь в траурные одежды. Женское тело представляет собой важный источник социальной символики, играя существенную роль в «поэтике женственности». Тела вообще обладают социальным смыслом, который используется в публичном поведении. В Греции женское тело представляет семью и социальные отношения в целом ряде различных контекстов. Облачаясь в черную траурную одежду после смерти члена семьи, женщина становится символом траура и родственных отношений между умершим и живыми.

За девять дней до первой годовщины смерти отец покойного Панайотис Видалес прикрепляет объявление о событии на фонарных столбах в д. Тинос на о-ве Тинос. Церемония начинается с литургии в церкви, посвященной святому покровителю семьи. После этого раздается коливо, на которое на время богослужения была помещена фотография усопшего. Она обычно берется с могилы и возвращается на место после церемонии вместе с венком от матери покойного. Присутствующих угощают пирожными, кофе и «Метаксой».

*Ср.: «Илиада». XXIV, 793–796. По поводу женской скорби см.: «Илиада». XIX, 282 и след.; XXIV, 710 и след.; «Одиссея». VIII, 523–530; мужской – «Илиада». XVIII, 22 и след.; XXII, 408.

Кроме поминок в семейном кругу, существуют и годовые коллективные поминальные торжества. Некоторые особые дни посвящены умершим, например, древние Антестерии, но сегодня эти праздники называются «субботы душ» или «родительские субботы». Они отмечаются в конце зимы и в конце весны, т.е. когда зерно прорастает и когда оно созревает. Считается, что в это время души умерших посещают мир живых. Согласно древним верованиям, мертвые посещали свои бывшие дома и бродили среди живых в течение трех дней около времени начала весеннего цветения, когда праздновались Антестерии. В родительские субботы женщины приносят на кладбище пищу (рис. 4), которую после благословения священника съедают, чтобы душам усопших было даровано прощение.

После эксгумации костей умерших живые должны отмечать только коллективные дни поминовения. Но усопших, как правило, поминают в годовщину смерти и после повторного захоронения останков в оссуарии.

Древние жертвоприношения и поминальные ритуалы

В античности погребальный обряд включал различные ритуалы, кровавые жертвоприношения, плач и танцы. Жертвы («Одиссея». XI, 30–33) мотивировались не только сопровождающей горе бессильной яростью, они представляли собой приношения мертвым, соответствующие посвящениям хтоническим божествам. Новую могилу посыпали зерном. Здесь совершали возлияния, после чего сосуды иногда разбивали и оставляли на могиле, как бутылку вина в наши дни. Ни одни похороны не обходились без погребального пиршества, и на рельефах умершие часто изображались на пиру. Похоронные обряды завершались очищением дома и принесением жертвы Гестии (богине домашнего очага [Sylloge Inscriptionum Graecarum, 1960, n. 1218]).

Жертвоприношение и тризна повторялись на третий и девятый день, и пищу опять приносили на могилу. На тридцатый день устраивали общий пир по случаю окончания официального траура. Как и сегодня, годовщину смерти отмечали особым ритуалом, а могилу посещали и по другим, менее формальным поводам.

Обязанность ухода за могилами ложилась на потомков, официально – на граждан мужского пола, но на практике на погребальных белофонных лекифах, которые клались в могилу или на могилу, преобладают

Рис. 4. Поминовение умершего во вторую из трех родительских суббот, во время Великого поста в конце зимы, 7 марта 1992 г., Серрес (греческая Македония).

женские изображения. Это подтверждает решающую роль женщин в заботе о мертвых и семейной гробнице. О том же свидетельствуют и письменные источники (Еврипид. «Орест». 112–124).

Расширенная семья у греков была очень важна в политической и социальной структуре полиса. Она могла демонстрировать свою идентичность через обладание семейным кладбищем на земле предков (Демосфен. XLIII, 79; LVII, 67). До недавнего времени этот обычай бытовал в Карпатосе и Мани.

Древний законодатель Солон хотел уменьшить расходы на похороны и ограничить неумеренность в выражении скорби (Плутарх. «Жизнеописания». 12В, 21.4 и след.). Он превратил Генесии – торжества в годовщину смерти великого человека – в официальный праздник, посвященный всем умершим, что было частью процесса демократизации.

Различные формы членовредительства выражали женскую скорбь и служили способом уменьшить эмоциональное страдание через его преобразование в физическую боль. В политизированной среде проявление горя на похоронах давало возможность клану показать свое могущество, а власти демонстрировали свою силу через ограничение или запрещение обрядов. Театрализованной иллюстрацией служит «Антигона» Софокла, где одинокая женщина присыпала землей и почтила возлиянием труп своего брата, что было воспринято как политическая угроза. В Средиземноморье имеются исторические параллели этому примеру.

С VI в. до н.э. в Афинах и других городах-государствах был введен закон, направленный на ограничение траура по умершим, в особенности оплакивания. Боль, разочарование и гнев скорбящих женщин представля-

ли мощный вызов общественному порядку. Потребность государства в постоянной армии обуславливала необходимость прославления смерти на поле брани, и надгробная речь стала восприниматься как усвоение и облагораживание мужчинами женского погребального плача [Holst-Warhaft, 1992]. Об этом свидетельствует речь Перикла о погибших в первые годы Пелопоннесской войны (Фукидид. II, 34–46). Стремление мужчин присвоить функцию женщин в похоронных ритуалах говорит о признании большого значения женских обрядов. Попытки мужчин в Афинах взять под контроль празднования и погребальный плач женщин не были успешными (тот же самый процесс повторился в Византии), и в наши дни женщины по-прежнему оплакивают своих умерших. Погребальный плач и другие женские обряды остаются главной частью похоронного ритуала в сельской Греции.

В классическом афинском полисе (в период демократии) власти большое значение придавали публичным похоронам тех, кто отдал свою жизнь служению государству. Однако обычные люди, по всей видимости, не испытывали подобных чувств, и даже Перикл позволял женщинам оплакать своих мертвецов (Фукидид. II, 34), погребенных в общей могиле, выстраивая параллель между официальными и частными ритуалами того времени. Это служит еще одним напоминанием о том, как трудно изменить глубинные убеждения и чувства людей, а также о том, что официальные ритуалы отражают народный культ, проявляющийся в частной сфере. И в современной публичной церемонии в родительскую субботу в Афинах официальные торжества составляют лишь небольшую часть всего ритуала, куда входят поминовение св. Феодора, общие поминальные обряды и частные, посвященные усопшим близким. Несмотря на торжественную проповедь архиепископа и речь мэра Афин, раздачу общего колива и возложение венков к памятнику павшим воинам Второй мировой войны, эта часть празднования не обязательно является более важной, чем частные ритуалы людей на могилах их близких после официальной церемонии. Некоторые не принимают участия в ней, а сразу идут на кладбище.

Связь между живыми и мертвыми

Через свой плач женщины общаются с умершими, они считаются посредниками между миром мертвых и миром живых. В Греции женские траурные ритуалы были и остаются неотъемлемой частью обрядов, связанных со смертью. В д. Олимпос женщина объяснила, что письма, которые прикладывают к плащанице в Страстную пятницу, являются погребальным плачем «*moirologia*», записанным в память об умерших. Он сопровождается фотографией усопшего близкого человека. Когда муж-

чины покидают церковь после богослужения, женщины начинают свой собственный ритуал оплакивания перед плащаницей, но они оплакивают не Христа, а своих усопших членов семьи, особенно тех, кто умер совсем недавно и кто изображен на фотографиях.

Плач является женским ответом на смерть, но также воплощает отношение общества к смерти и, соответственно, имеет фундаментальное значение для жизни. Плакальщицы отвечают за сохранение живой памяти об умерших, не дают забыть о героических предках. Например, образ Александра Великого, одного из предполагаемых славных предков греков и других европейцев, живет в памяти благодаря оплакиванию усопших.

Культ мертвых и по сей день остается основой и выражением идентичности рода. Воздаваемая предкам честь порождает желание продолжать их дело, поэтому греческий культ смерти обеспечивает преемственность традиций.

Список литературы

- Attic** Black-figured Lekythoi / C.H.E. Haspels. – P.: De Boccard, 1936. – Т. 1. – X, 407 p.; 54 pl.
- Alexiou M.** The Ritual Lament in Greek Tradition. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. – 338 p.
- Caraveli A.** The Bitter Wounding: The Lament as Social Protest in Rural Greece // *Gender and Power in Rural Greece* / ed. by J. Dubisch. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1986. – P. 169–194.
- Danforth L.M.** The Death Rituals of Rural Greece. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1982. – 237 p.
- Dubisch J.** In a Different Place: Pilgrimage, Gender, and Politics at a Greek Island Shrine. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1995. – 316 p.
- Grunebaum G.E., von.** Muhammadan Festivals. – L.: Curzon Press, 1981. – 115 p.
- Håland E.J.** Greek Festivals, Modern and Ancient: A Comparison of Female and Male Values. – Kristiansand: Norwegian Academic Press, 2007. – 765 p.
- Håland E.J.** Greek Women and Death, ancient and modern: A Comparative Analysis // *Women, Pain and Death: Rituals and Everyday-Life on the Margins of Europe and Beyond* / ed. by E.J. Håland. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 34–62.
- Holst-Warhaft G.** Dangerous Voices: Women's Laments and Greek Literature. – L.; N.Y.: Routledge, 1992. – 230 p.
- Robertson N.** Festivals and Legends: The Formation of Greek Cities in the Light of Public Ritual. – Toronto; Buffalo; L.: Univ. of Toronto Press, 1992. – 301 p.
- Seremetakis C.N.** The Last Word: Women, Death, and Divination in Inner Mani. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. – 281 p.
- Sylloge** Inscriptionum Graecarum / ed. by W. Dittenberger. – Hildesheim: Georg Olms, 1960. – Vol. 3. – 402 p.

*Материал поступил в редколлегию 06.09.10 г.,
в окончательном варианте – 13.09.10 г.*

Хартанович В.И., Ширококов И.Г.

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)*

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: vkhartan@mail.ru

E-mail: ivansmith@bk.ru

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ «ЛОПСКИХ ПОГОСТОВ» (по краниологическим материалам из могильника XVII – начала XIX века Алозеро)

В статье представлены результаты изучения краниологической серии из могильника Алозеро (XVII – начало XIX в.) – самых ранних палеоантропологических материалов с территории Северной Карелии. Появление могильника, по-видимому, совпадает по времени с началом активного заселения карелами этой территории. Серия представлена 23 черепами (15 мужских и 8 женских). Общая краниологическая характеристика сближает их с морфологическим комплексом, преобладающим среди близких к современности групп карел. Вместе с тем в составе серии отчетливо выделяются два морфологических комплекса. Первый отличает общая массивность черепа в сочетании с его крайне высоким сводом и широким лицевым скелетом. Этот наиболее «архаичный» морфологический вариант, с одной стороны, сближает алозерскую серию с близкими к современности группами северо-западных карел, с другой – показывает генетическую преемственность северных карел и средневекового населения Северо-Западного Приладожья, а его особенности восходят к краниологическому типу мезонеолитических обитателей Балтийского региона. Второй комплекс характеризует средняя высота черепной коробки, средняя ширина лицевого скелета и высокое переносье. Здесь в наибольшей степени проявляется сходство с близкими к современности группами финнов Финляндии. Присутствие данного комплекса в составе алозерской серии, вероятно, является следствием притока переселенцев из внутренних районов Финляндии. Предполагается, что до времени освоения карелами северных областей Карелии эта территория была заселена группами, родственными современным саамам. В результате исследования в составе северокарельских групп не выявлено каких-либо следов «лапоноидности».

Ключевые слова: краниология, этническая история, карелы, финны, саамы, северные европеоиды.

Введение

Период активного освоения карелами северо-западных районов современной Карелии охватывает всего несколько последних столетий. Несмотря на то что самые ранние карельские поселения на севере региона относятся к первой половине II тыс., только в конце XVI – начале XVII в., начиная со времени Ливонской войны, здесь появились первые значительные группы финноязычных переселенцев из южных районов. В первой половине XVII в. переселение приняло действительно массовый характер: тысячи карель-

ских семей покинули оккупированные Швецией территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья и направились на новые земли. Одни устремились в юго-восточном направлении, в области расселения вепсского и русского населения – в районы Олонца и Тихвина и далее на Валдай и верхнюю Волгу, опустевшие в результате войн «Смутного времени»; другие – на территорию Средней и Северной Карелии, исторических «Лопских погостов» [Мюллер, 1947; Бубрих, 1947]. Последние к тому времени были частично освоены не только более ранними группами карел-переселенцев, но и «лешей и дикой

лопью» – населением, вероятно родственным современным саамам [Бубрих, 1971; Жуков, 2004]. Вопрос об участии саамов в сложении северных групп карел, а также правомерности отождествления «лешей и дикой лопи» и современных саамов в культурном и антропологическом отношении является предметом дискуссий специалистов и сегодня [Шумкин, 1991; Шахнович, 2007].

Во всяком случае ко времени массового переселения карел саамы в регионе если и были, то, скорее всего, имели небольшую численность. Русско-шведские войны во второй половине XVI – середине XVII в. нанесли серьезный урон местному населению. В письменных источниках есть отрывочные упоминания об истреблении шведскими отрядами «лопи», часть которой, однако, отошла в более безопасные районы [Косменко, 2006, с. 227]. Возможно, что уже к концу XVI в. саамы практически исчезли с этой территории [Мюллер, 1947, с. 16]. Какие-то их группы, впрочем, оставили след в исторических источниках региона [Жуков, 2003, 2004]. Более того, некоторые исследователи полагают возможным непосредственное участие саамов в формировании северных карел. Основанием для такого предположения являются результаты анализа этнонимов, исторических документов и народных преданий [Кузьмин, 2005].

Другая проблема в изучении истории формирования антропологического состава северных карел связана с возможностью вхождения финского компонента – переселенцев из Северо-Западного Приладожья и внутренних районов современной Финляндии. Исторические источники свидетельствуют о проникновении на территорию Северной Карелии групп не только карельского, но и финского населения. Количество финнов-переселенцев («латышей Финские и Свейские земли») оценить сложно, но сам факт такого переселения подтверждается письменными источниками [Жербин, 1956]. Существование двух потоков переселенцев выявляется и по данным топонимии. Оно подтверждается «рядом характерных карельских и “емских” дифференцирующих моделей, которые находятся на всем протяжении тех водных путей, по которым когда-то продвигалось карельское население из Корельского уезда через территорию финляндской Северной Карелии в карельское Беломорье, и особенно его западные части» [Кузьмин, 2008, с. 29]. Вероятно, численность финнов была относительно небольшой по сравнению с карельскими переселенцами, однако нельзя полностью исключать возможность определенного участия первых в сложении населения Северной Карелии.

С проблемой присутствия финского компонента в составе северных карел может быть связан вопрос о группах приботнийской «корелы», которая исторически тесно контактировала с финнами. Эти группы появились на территории современного Калевальско-

го р-на Республики Карелия в начале XVIII в. Факт их позднего переселения историки объясняют тем, что приботнийская «корела», проживавшая на территории Северной Финляндии, испытывала шведское давление в меньшей степени, чем другие группы предков современных карел. По данным Д.В. Бубриха, память о своих пришлых предках сохранялась у местного карельского населения еще в XIX в., в т.ч. в роду знаменитого рунопевца Архипа Перттунена [1947, с. 47].

Степень влияния финских и саамских групп на формирование антропологического облика собственно карельского населения невозможно оценить без анализа краниологических серий северных карел. Антропологические особенности жителей Северо-Западной России, в т.ч. и карел, хорошо изучены по материалам конца XIX – начала XX в. Эти серии черепов показали существенную разницу между антропологическими характеристиками, преобладающими в составе карельского населения, с одной стороны, и окружающих его народов, включая финские и саамские группы, – с другой [Хартанович, 1986, 1990, 1991, 1995, 2004б, 2005].

Краниологические материалы Северной Карелии представлены двумя сериями из могильников Регярви и Чикша (Калевальский р-н Республики Карелии). Результаты анализа их морфологических характеристик свидетельствуют против версий о влиянии как саамских, так и финских групп на формирование северных карел. Краниологические комплексы, преобладающие в составе этих народов, различаются вполне отчетливо. Представленный в Северной Карелии морфологический вариант даже на фоне других карельских серий выглядит самым «архаичным», выделяясь наиболее массивной и высокой черепной коробкой, широким лицевым скелетом с сильно выступающими носовыми костями [Хартанович, 2005]. Характеристики черепов из указанных могильников в наибольшей степени сближаются с комплексом признаков, выявленным у средневековых обитателей Северо-Западного Приладожья, которые могут быть отождествлены с древнекарельским населением XIV–XV вв., и у мезолитических жителей восточно-балтийского ареала [Хартанович, Ширококов, 2010]. Однако обе серии относятся к концу XIX – началу XX в. и, следовательно, хронологически отдалены от периода освоения переселенцами северных районов современной Карелии. Вплоть до последнего времени антропологическая характеристика более ранних групп северных карел оставалась неизвестной исследователям.

В 1994 г. финляндским этнографом Х. Рюткеля (музей г. Кайнуу, Финляндия) в 1,2 км к востоку от окраины заброшенной ныне деревни Алозеро был обнаружен могильник, получивший тождественное название. Памятник расположен на северном берегу оз. Юляярви, в 18 км к югу от пос. Калевала и отде-

лен от д. Алозеро проливом между озерами Алаярви и Юляярви. Он занимает западный участок единственного на озере песчаного мыса, примыкающего к каменной озе (рис. 1).

В 1997 г. археологическая экспедиция Карельского государственного краеведческого музея провела на могильнике спасательные раскопки [Шахнович, 2000; Шахнович, Хартанович, 2002]. В 1999, 2005 и 2006 гг. в полевом изучении памятника приняли участие Североевропейский палеоантропологический отряд МАЭ РАН, специалисты-антропологии ИАЭ РАН. Площадь могильника определена в 800 м², но приблизительно треть его уничтожена эрозией почвы из-за колебаний уровня водоема. Высота сохранившейся части над уровнем воды 4–5 м. Отчетливые следы надмогильных сооружений (холмики, деревянные «домовины», кресты) не наблюдались. Общая площадь зоны археологического исследования составила 48 м² при мощности слоя до 1,5 м.

Большинство православных деревенских кладбищ Карелии обнесены оградой из валунов или деревянной изгородью. На могильнике Алозеро никаких следов специально возведенной ограды не обнаружено. Вполне вероятно, что полоса крупных валунов, являющихся естественным природным выходом по гребню озы, могла рассматриваться местными жителями как символическая «ограда», ограничивавшая могильник с севера (с юга он ограничивался береговой линией озера) [Хартанович, Шахнович, 2009, с. 106–107].

Было исследовано 39 неповрежденных погребений и собран многочисленный переотложенный остеологический материал с разрушенных участков. По нателным крестам и фрагментам чернолощеной керамики памятник датирован концом XVII – началом XIX в.

В горизонтальном плане погребения на могильнике располагались очень близко друг к другу. Находившиеся на разных уровнях захоронения иногда перекрывали друг друга, более поздние нарушали ранние. О разрушении ранних погребений поздними свидетельствует и большое количество разрозненных костей в заполнении ряда могил. Костные остатки из потревоженных захоронений иногда подкладывались в более поздние или с северной стороны гроба, или поверх крышки. Это первый из исследованных нами карельских погребальных комплексов, где наблюдались нарушения одного погребения другим. Обычно,

Рис. 1. Расположение могильника Алозеро.

в т.ч. и на средневековом могильнике Кюлялахти Калмистояки [Хартанович, 1986, 1991; Бельский, Хартанович, 2006; Бельский, Лааксо, 2008; Хартанович, Широбоков, 2010], они располагались на расстоянии 0,5–2,0 м друг от друга, и случаев перекрытия погребений зафиксировано не было.

Погребенные располагались в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Они были помещены в прямоугольные ящики-гробовины, сделанные из «топорных» досок, крепление которых, как правило, осуществлялось без использования железных гвоздей, путем связывания по углам берестяными ремешками (рис. 2), постоянно находимыми при за-

Рис. 2. Крепление угла деревянной погребальной конструкции берестяным узлом.

Рис. 3. Берестяное перекрытие погребения.

чистке погребений. Сверху конструкции закрывались по всей площади крышки кусками бересты шириной 0,4–0,5 м, уложенными поперек длинной оси гробовища (рис. 3).

Погребальный инвентарь минимален. Крестовельников в 39 погребениях найдено девять. Другие находки – сломанное железное тесло, шесть кованых гвоздей и шесть черепков от двух мисок. Керамика представлена двумя типами: первый – чернолощенная «московская», произведенная, скорее всего, в мастерской Соловецкого монастыря; второй – «местная», сделанная вручную, не на гончарном круге, тонкостенная, с волнистым краем, неорнаментированная [Хартанович, Шахнович, 2009, с. 106].

Материалы и методы

Всего из исследованных 39 ненарушенных погребений и из осыпей разрушенных получено 30 черепов с костями разной степени сохранности: 15 мужских, 8 женских, 7 черепов детей и подростков в возрасте от 1 до 15 лет (в основном очень плохой сохранности). Собранные краниологические материалы из могильника поступили на постоянное хранение в МАЭ РАН и зарегистрированы под № 7329. После первой предва-

рительной публикации [Хартанович, Шахнович, 2009] серия была дополнена несколькими черепами из фондов Карельского государственного краеведческого музея, что привело к некоторым изменениям отдельных средних характеристик.

Новая краниологическая серия изучалась с использованием как традиционных описательных и измерительных краниологических методик, так и современных методов многомерного статистического анализа (канонические корреляции) на фоне широкого круга сравнительных материалов с территории Северной Европы. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы CANON, разработанной Б.А. Козинцевым, и пакета программ Statistica 6.0.

Результаты исследования

Мужские черепа из Алозера имеют в целом довольно значительные продольные и особенно поперечные диаметры (табл. 1). Они массивны и характеризуются хорошо выраженным костным рельефом. Черепная коробка мезобрахикранная по указателю, высокая (по измерениям как от базиса, так и от порионов). При не длинном, но широком черепе величина высотноподольного указателя скорее большая, выотно-поперечного – средняя. Лоб средней ширины, прямой.

Лицевой скелет довольно высокий по абсолютному размеру, средней высоты по верхнему лицевому и вертикальному фацио-церебральному указателям. Скуловой диаметр на границе средних и больших величин, но скорее большой. Длина основания как черепа, так и лица большая. Их соотношение свидетельствует о мезогнатности по указателю выступления лица при ортогнатности по общему и среднему лицевым углам. Грушевидное отверстие средней ширины, невысокое. Орбиты широкие, но не высокие, с малой величиной орбитного указателя. Лицевой скелет на уровне точки назион несколько уплощен, на уровне точки субспинале клиногнатен. Переносье и носовые кости средней ширины, высокие как по абсолютным величинам, так и по симотическому и дакриальному указателям. Нос очень сильно выступает относительно линии профиля лица.

Ранее было показано, что все близкие к современности карельские серии черепов имеют такие общие черты, как очень высокая, мезобрахикранной формы черепная коробка со средними продольными и значительными поперечными диаметрами. Лицевой скелет средневысокий, мезогнатный по указателю и ортогнатный по углам, весьма широкий в одних (северокарельских) группах, и более узкий в других (из Средней и Южной Карелии). Вполне отчетливо проявляется на всех карельских материалах и крайне своеобразное сочетание ослабленной (по европейским масштабам)

Таблица 1. Средние размеры и указатели черепов из могильника Алозеро

Признак	Мужские			Женские		
	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>
1	2	3	4	5	6	7
1. Продольный диаметр	14	180,0	4,5	7	169,1	6,1
8. Поперечный диаметр	15	144,2	6,8	6	137,0	5,3
8 : 1. Черепной указатель	14	79,4	2,1	6	80,7	4,0
17. Высотный диаметр	14	138,8	4,0	7	131,3	6,5
17 : 1. Высотно-продольный указатель	13	77,0	3,2	7	77,6	2,3
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	14	96,5	4,8	6	96,7	5,4
20. Ушная высота	11	117,7	3,3	6	114,5	6,2
5. Длина основания черепа	14	101,9	3,7	8	96,0	6,0
9. Наименьшая ширина лба	15	95,1	3,5	8	93,0	3,5
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	15	66,1	3,1	6	66,7	2,6
10. Наибольшая ширина лба	14	117,9	4,8	6	112,0	5,5
32. Угол профиля лба от n	12	85,3	3,0	5	88,0	2,8
Pg-m. Угол профиля лба от g	11	78,6	4,1	5	81,2	5,2
11. Ширина основания черепа	13	125,9	3,1	8	121,6	5,4
12. Ширина затылка	14	112,7	5,7	7	106,9	3,0
40. Длина основания лица	12	100,5	5,5	6	91,2	3,0
40 : 5. Указатель выступания лица	12	98,1	4,3	6	95,4	4,5
43. Верхняя ширина лица	11	105,0	2,0	7	101,4	4,2
45. Скуловой диаметр	13	135,6	4,5	7	124,6	3,2
45 : 8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	13	93,7	4,8	6	91,2	3,4
46. Средняя ширина лица	11	98,2	4,8	7	92,0	6,9
48. Верхняя высота лица	10	72,4	4,3	7	67,0	4,5
48 : 45. Верхний лицевой указатель	9	53,1	3,3	6	52,4	2,4
48 : 17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	9	52,4	2,6	6	50,2	3,2
51. Ширина орбиты от mf	13	43,5	1,7	7	42,1	2,7
52. Высота орбиты	12	32,1	2,0	7	32,3	2,0
52 : 51. Орбитный указатель от mf	12	73,9	4,0	7	76,9	4,7
54. Ширина носа	11	25,7	2,1	7	24,7	2,0
55. Высота носа	13	51,8	3,3	7	48,1	2,8
54 : 55. Носовой указатель	11	50,4	5,5	7	51,4	4,5
SC. Симотическая ширина	13	8,9	2,1	5	9,0	1,0
SS. Симотическая высота	13	4,1	1,2	5	4,0	1,2
SS : SC. Симотический указатель	13	46,5	7,3	5	44,0	10,9
DC. Дакриальная ширина	7	22,1	1,2	3	22,4	1,8
DS. Дакриальная высота	7	12,3	1,1	3	10,5	0,3
DS : DC. Дакриальный указатель	7	55,8	7,3	3	47,2	4,9
Бималлярная ширина fmo-fmo	12	99,5	2,1	6	95,0	4,0
Высота n над fmo-fmo	12	17,0	1,7	6	17,9	2,9
77. Назомалярный угол	12	142,3	3,7	6	138,8	5,1
zm'-zm'. Зигомаксиллярная ширина	10	97,1	5,3	6	91,2	5,8

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
sub.ss/zm'–zm'. Высота ss над зигомаксиллярной хордой	10	23,2	3,2	6	23,7	3,4
Hzm'. Зигомаксиллярный угол	10	129,1	5,6	6	125,3	5,0
72. Общий лицевой угол	11	85,0	5,3	5	85,2	4,4
73. Средний лицевой угол	11	88,1	5,8	5	88,6	4,9
74. Угол альвеолярной части	10	77,3	5,7	5	75,6	6,8
75. Угол наклона носовых костей	4	51,3	3,9	2	51,0	4,2
75 (1). Угол выступания носа	4	32,3	2,6	3	31,7	4,5
Глубина клыковой ямки	10	4,0	1,5	7	2,8	1,5

профилировки лица на уровне точки називон с его выраженной клиногнатностью на уровне точки субспинале и резко выступающим носом [Хартанович, 1986]. Очевидно, что средние показатели рассматриваемых позднесредневековых краниологических материалов из Алозера не выходят за рамки вариаций одного, общего для всех карельских серий (включая черепа XIV–XV вв. из Кюлялахти) [Хартанович, Ширококов, 2010] антропологического типа.

Женские черепа из могильника Алозеро несколько выделяются на фоне других карельских серий (см. табл. 1). Их характеризуют меньшие размеры черепной коробки при относительно большой ее высоте, более резко профилированный лицевой скелет с высоким переносом и сильно выступающими носовыми костями. При этом выраженная клиногнатность лица на обоих уровнях отличает женские черепа от мужских с этого же памятника. Специфичность женской выборки, возможно, является результатом участия в ее формировании компонентов, не связанных непосредственно с общим карельским краниологическим типом. Однако выборка слишком малочисленна для однозначных выводов. Кроме того, сравнительные материалы для Европейского Севера представлены незначительным количеством женских серий. С уверенностью можно лишь утверждать, что особенности краниологического комплекса алозерских карелок не являются результатом влияния саамского компонента. Напротив, те морфологические особенности, которые отличают эту серию от других карельских, в еще большей степени выражают ее специфичность на фоне саамских групп.

Вместе с тем при внутригрупповом анализе в мужской серии Алозера можно выделить два различающихся между собой морфологических комплекса. Первый представлен в большей части мужских черепов (из ненарушенных погребений и осыпей) и характеризуется крайней массивностью, очень большой высотой черепа, широким, несколько уплощенным лицевым скелетом с относительно низким переносом. Второй комплекс выявлен в переотложенных

материалах (из заполнения могильных ям и осыпей) и характеризуется показателями, не укладывающимися в круг преобладающих у карел вариантов: черепа явно более грацильные, со сглаженным рельефом, низкой черепной коробкой, несколько более профилированными, особенно в носовой области, и узколище.

Учитывая высокую таксономическую ценность на рассматриваемой территории такого показателя, как высота черепной коробки, и принимая во внимание некоторые другие существенные особенности, мы разделили серию на две группы: черепа с высокой черепной коробкой (МАЭ 7329, № 2, 10, 11, 15, 21–24, 34) и с более низкой (МАЭ 7329, № 4, 18, 19, 26, 35). Такое разделение, конечно, носит несколько условный характер. Однако, на наш взгляд, критерием корректности примененного способа классификации должно было стать соответствие или несоответствие выделенных внутри алозерской серии вариантов реально существующим среди населения ареала антропологическим типам (табл. 2). Следует отметить, что морфологическая характеристика большинства женских черепов в несколько большей степени находит соответствие в «низкоголовом» варианте с более резко профилированным лицевым скелетом и высоким переносом у мужчин, нежели в суммарной серии Алозера.

Для оценки положения изучаемой группы и выделенных в ее составе антропологических вариантов на фоне близкого к современности окружающего населения был выполнен анализ канонических корреляций 46 серий с территории Европейского Севера (мужские черепа). Использовались опубликованные данные по карелам и близким к современности группам финнов, эстонцев, саамов, ижоры, коми-зырян, русских северных областей России и шведов (табл. 3).

Канонический анализ проводился в двух вариантах. В первом использовались средние значения признаков суммарной серии из могильника Алозеро (см. табл. 1), во втором – двух выделенных внутри нее морфологических комплексов (см. табл. 2). В обоих вариантах анализа как нагрузки на канонические

Таблица 2. «Высокоголовый» (A1) и «низкоголовый» (A2) варианты краниологической серии из могильника Алозеро (мужские черепа)

Признак	A1			A2		
	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>
1. Продольный диаметр	8	179,0	4,8	5	180,8	4,3
8. Поперечный диаметр	9	145,1	7,9	5	142,2	5,4
8 : 1. Черепной указатель	8	80,0	2,3	5	78,6	2,0
17. Высотный диаметр	9	141,1	2,6	5	134,6	2,2
5. Длина основания черепа	9	102,4	4,3	5	100,8	2,6
9. Наименьшая ширина лба	9	95,7	4,0	5	94,0	2,9
40. Длина основания лица	7	100,0	5,7	5	101,2	5,8
45. Скуловой диаметр	8	137,1	4,1	5	133,2	4,4
48. Верхняя высота лица	4	72,5	2,9	5	71,0	4,6
51. Ширина орбиты от mf	7	44,3	1,0	5	42,4	2,1
52. Высота орбиты	7	32,6	2,2	5	31,4	1,5
52 : 51. Орбитный указатель от mf	7	73,7	4,3	5	74,1	4,0
54. Ширина носа	6	26,2	2,6	5	25,2	1,3
55. Высота носа	7	51,1	3,2	5	51,4	2,7
54 : 55. Носовой указатель	6	51,4	6,6	5	49,2	4,1
SC. Симотическая ширина	7	8,7	2,5	5	9,4	1,9
SS. Симотическая высота	7	3,8	1,4	5	4,7	0,8
SS : SC. Симотический указатель	7	42,9	7,4	5	50,6	5,3
DC. Дакриальная ширина	3	22,9	0,7	4	21,6	1,2
DS. Дакриальная высота	3	11,7	1,1	4	12,8	0,9
DS : DC. Дакриальный указатель	3	50,9	4,5	4	59,5	7,1
77. Назомалярный угол	6	143,3	3,2	5	140,8	4,4
Hzm'. Зигомаксиллярный угол	5	131,0	6,2	5	127,2	4,8
72. Общий лицевой угол	5	83,8	4,0	5	83,8	3,7
75 (1). Угол выступания носа	1	30,0	—	3	33,0	2,6

векторы, так и положение групп на диаграмме существенно не различаются, поэтому их результаты отражены на одном графике. Наиболее значимыми для дифференциации анализируемых серий оказались первые два канонических вектора (KB I и II), суммарно охватывающие ок. 2/3 общей изменчивости признаков (табл. 4). Положение групп в пространстве этих векторов отражено на рис. 4.

Признаками, определяющими направление изменчивости по KB I, в первую очередь, являются углы горизонтальной профилировки лицевого скелета, угол выступания носа, высота лица и продольный диаметр черепа. Согласно нагрузкам, в сериях с ослабленной горизонтальной профилировкой лицевого скелета и низким лицом черепа характеризуются слабым выступанием носа и брахикранией. Очевидно, что выявленная комбинация признаков дифференцирует группы по степени выраженности лапоноидного комплекса, и области крайних значений по первому вектору

(наибольшая выраженность данного комплекса) занимают саамы. Противостоят им шведские и южные финские серии.

Направление изменчивости по второму каноническому вектору обусловлено высотой черепной коробки и положительно связанными с ней шириной черепа, лба, лица, высотой лица и углом выступания носа. Можно отметить, что и здесь определенную (но меньшую, чем в KB I) роль играют величины углов горизонтальной профилировки лица, причем с противоположными знаками. Нагрузки на эти признаки не столь велики, чтобы достигнуть порога высокой значимости. Но при высоком черепе, широком лбе, широком и высоком лице с резко выступающими носовыми костями в сериях одновременно проявляется тенденция к увеличению назомалярного угла при уменьшении зигомаксиллярного.

Положение групп на диаграмме (рис. 4) подтверждает реальность существования такого специфиче-

Таблица 3. Сравнительные краниологические серии с территории Европейского Севера

№ п/п	Серия	Источник	№ п/п	Серия	Источник
<i>Карелы</i>			25	Аймла	[Марк, 1956]
1	Алозеро	Новые данные	26	Ряпина	То же
2	Суйстамо I	[Хартанович, 1986]	<i>Ижора</i>		
3	Турха	То же	27	Липпово	[Хартанович, 2004а]
4	Кондиевуара	»	<i>Коми-зыряне</i>		
5	Пеккавуара	»	28	Подъельск	[Хартанович, 1991]
6	Боконвуара	»	29	Грива	То же
7	Компаково	»	<i>Саамы</i>		
8	Чикша	»	30	Северная Салма	[Хартанович, 2004б]
9	Регярви	»	31	Чальмны-Варрэ	[Хартанович, 1980]
<i>Финны</i>			32	Пулозеро	То же
10	Саво	[Хартанович, 1995]	33	Варзино	»
11	Хяме	То же	34	Иоканга	»
12	Уусима	»	35	Финляндия	[Алексеев, 1974]
13	Хельсинки	»	<i>Шведы</i>		
14	Варсинанс-Суоми	»	36	Остров Рухну	То же
15	Педерсере	»	37	Финляндия	»
16	Южная Похъянмаа	»	<i>Русские</i>		
17	Северная Похъянмаа	»	38	Архангельская губ.	[Алексеев, 1969]
18	Сатакунта	»	39	Олонецкая губ.	То же
19	Ингерманландия	[Алексеев, 1969]	40	Новгородская губ.	»
20	Суйстамо II	[Хартанович, 1986]	41	Псковская губ.	»
21	Куриёки	[Хартанович, 1990]	42	Себеж	»
<i>Эстонцы</i>			43	Вологодская обл.	»
22	Кабина	[Марк, 1956]	44	Старая Ладога	»
23	Кохтла-Ярве	То же	45	Кижи I	[Хартанович, Широбоков, 2009]
24	Варбола	»	46	Кижи II	То же

Таблица 4. Нагрузки на канонические векторы для 46 краниологических серий с территории Европейского Севера (мужские черепа)

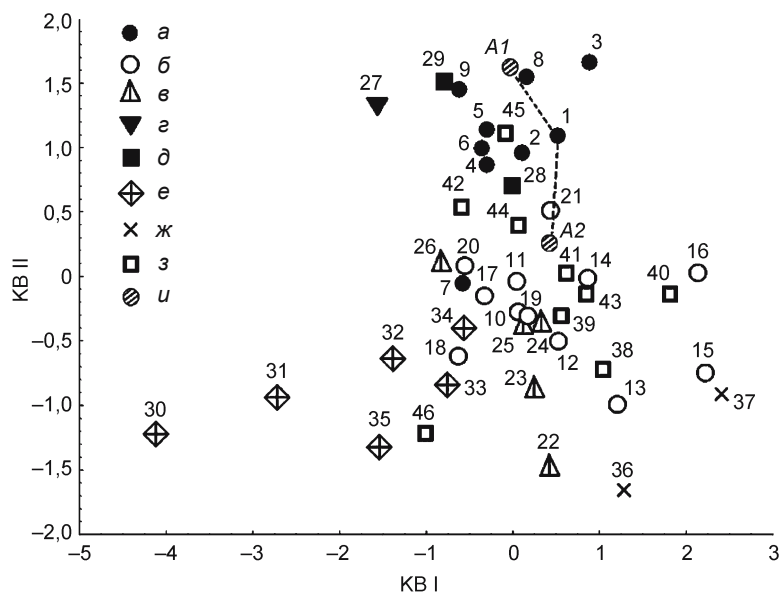
Признак	КВ I	КВ II
1	0,512	–0,108
8	–0,310	0,541
17	0,177	0,942
9	0,136	0,425
45	–0,250	0,467
48	0,553	0,456
77	–0,780	0,384
Zm	–0,550	–0,288
SS : SC	0,026	0,095
75 (1)	0,517	0,406
Охват изменчивости, %	41,4	22,9

ского краниологического комплекса, объединяющего карельские, коми-зырянские серии и группы иной этнической принадлежности со сходными морфологическими характеристиками. Противоположную область занимают саамские, шведские, некоторые финские и эстонские серии.

В целом из всех анализируемых групп именно карельские и саамские образуют на диаграмме наиболее обособленные скопления, а представленные у них морфологические комплексы задают общие направления дифференциации серий. Основная часть групп эстонцев, русских и финнов занимает общее поле значений, что, по всей вероятности, связано с их сравнительно нейтральным положением по отношению как к лапоноидному, так и специфическому североевропейскому комплексу признаков, характерному для карел, коми-зырян и ижоры. В качестве тенденции, впрочем, можно указать на некоторое

Рис. 4. Положение 46 краниологических серий (мужчины) с территории Европейского Севера в пространстве I и II канонических векторов.

a – карелы; *б* – финны; *в* – эстонцы; *г* – ижора; *д* – коми-зыряне; *е* – саамы; *ж* – шведы; *з* – русские; *и* – «высокоголовый» (*A1*) и «низкоголовый» (*A2*) морфологические варианты, выделенные внутри алозерской выборки. Нумерация групп в соответствии с табл. 3.

смещение относительно групп русских отдельных финских и эстонских серий в сторону саамских, что может объясняться исторически и географически обусловленными контактами части прибалтийско-финского населения и групп лапоноидного антропологического типа. Среди серий черепов русских исключение составляет одна выборка Кижского погоста, расположившаяся в области значений саамских групп. У населения, оставившего могильник на о-ве Кизи, выделяются два различных антропологических варианта. Один оказывается морфологически близким к лапоноидным характеристикам, а другой демонстрирует сходство с карельским комплексом [Хартанович, Ширококов, 2009].

Суммарная серия Алозера, безусловно, «вписывается» в представленный у карел специфический комплекс, занимая промежуточное положение между группами Северной и Средней Карелии. Вместе с тем выделение в ее составе двух морфологических вариантов позволило предположить участие населения разного антропологического облика в формировании популяции, оставившей могильник.

Из положения групп на диаграмме следует, что алозерская выборка черепов с высокой черепной коробкой (*A1*) максимально сближается с карельской серией из Чикши, территориально близко расположенного населенного пункта. Здесь представлен наиболее «архаичный» вариант специфического карельского комплекса, характерный для населения Западного и Северо-Западного Приладожья вплоть до времени массового переселения карел на территорию современной Средней и Северной Карелии и в наибольшей степени сохранившийся в группах северных карел.

Вместе с тем результаты канонического анализа показали, что алозерская выборка черепов с неболь-

шой (по карельским масштабам) высотой черепной коробки (*A2*) выходит за рамки вариации специфического для карел комплекса признаков. Она располагается на диаграмме в области значений групп русских северных губерний и финнов Финляндии. Представленный здесь антропологический вариант оказывается близким к характеристикам финнов, прежде всего из пров. Хяме, и русского населения, в составе которого, вероятно, был определенный прибалтийско-финский субстрат. По всей видимости, этот антропологический комплекс можно связать с переселенцами из внутренних районов Финляндии, собственно финским населением, также осваивавшим территорию Северной Карелии, о чем свидетельствуют и приведенные выше исторические источники.

Обсуждение результатов

Таким образом, проведенный анализ дает основания заключить, что в составе населения Северной Карелии конца XVII – начала XIX в., оставившего могильник Алозеро, присутствовали два антропологических типа. Один из них представляется общим для карел на всей территории их расселения. Причем в северных, наиболее географически изолированных районах он выражен в своем самом специфическом виде. Это – массивность, очень большая высота черепной коробки при широком, скорее высоком, несколько уплощенном на верхнем уровне и клиногнатном на среднем уровне лица в сочетании с сильно выступающими относительно линии профиля носовыми костями.

Второй антропологический тип, резко отличающийся от преобладающего в карельских группах, впервые выявлен в материалах из Северо-Западной

Карелии. Он близок прежде всего к краниологическому комплексу населения внутренних районов Финляндии. По-видимому, и оно в какой-то мере принимало участие в формировании антропологического состава жителей изучаемого региона.

Нужно подчеркнуть, что следов лапоноидного антропологического типа, который можно было бы связать с субстратным саамским населением «Лопских погостов», в изученных материалах не прослеживается. Результаты анализа скорее подтверждают предположение о том, что карелы в течение достаточно небольшого исторического периода продвинулись далеко на север. Вероятно, справедлива и гипотеза, согласно которой при их переселении на территорию Северо-Западной Карелии процессы вытеснения саамского населения, если оно там все-таки было, преобладали над процессами его ассимиляции.

Таким образом, морфологическая характеристика ни одной из трех известных к настоящему времени северных карельских серий не дает оснований говорить о взаимодействии карел-переселенцев с саамскими группами как о значимом факторе формирования антропологического состава населения Северо-Западной Карелии. Возможно, ко времени прихода сюда карел саамы уже оставили эти места, а может быть, они были окончательно вытеснены переселенцами без фиксируемой антропологическими источниками ассимиляции. Не исключено также, что население, обозначаемое в разнообразных источниках как «лешая лопь», «лопарь», не имеет прямого, по крайней мере антропологического, отношения к современным саамам.

Современные саамы проживают на обширнейших территориях четырех разных государств, но при этом отличаются от окружающих народов и сближаются между собой общими основными элементами культуры, языка и, несомненно, антропологическими особенностями. С одной стороны, у жителей деревень Алозеро, близких к ней Кокорино, Корелакиши и Вокнаволока были записаны предания о том, что они происходят от «лопарей». Некоторые исследователи привлекают это в качестве аргумента в пользу значительной роли саамского компонента в регионе [Кузьмин, 2005]. С другой стороны, мы не имеем сегодня исторических источников, указывающих на конкретные места проживания саамов в западных областях Северной Карелии; не находим в краниологических сериях следов лапоноидного антропологического типа.

Высказано и обосновано предположение о том, что термин «лопь»/«лопарь» – это не этноним, обозначающий родственное современным саамам древнее население обширнейшего ареала Европейского Севера, где фиксируются схожие топонимы или имеются исторические источники о проживающих там «лопарях»/«лопи». Термин может относиться к разнообразным в этническом и антропологическом отношениях груп-

пам разновременных переселенцев (беженцев) в глухие лесные области Карелии и Финляндии. Представляется вполне корректным предположение о том, что «это не этнические образования, пусть даже на стадии распада, а скорее группы или коллективы, объединяемые способом добычи средств существования, существенно выделяющиеся на фоне основного населения, с производящим типом экономики. Логическое сравнение этих лопарей с саамами Северной Фенноскандии по хозяйственному признаку еще допустимо, но отнесение их к южной ветви саамов совершенно необоснованно» [Шумкин, 1991, с. 146].

Согласно последним полевым изысканиям, археологические данные, «позволяющие однозначно отождествлять “лопь” XV–XVI вв. на территории Карелии и саамский этнос, отсутствуют. “Лопарские древности” Западной и Северной Карелии, описанные этнографами во второй половине XIX в., с которыми связываются местные предания, могли принадлежать карельскому населению XV–XVIII вв.» [Шахнович, 2007, с. 242]. И «ни одной бесспорной категории вещей “саамского” происхождения в границах рассматриваемого региона пока еще не выявлено» [Спиридов, Герман, Мельников, 2006, с. 402].

Жители Центральной Карелии еще в конце XX в. называли всех, кто проживает севернее, даже в пределах одного микрорегиона, «lappalahet» – «лопарь» [Юккогуба..., 2001]. Наконец, мы сами во время работ в 70–80-х гг. прошлого столетия Североевропейского палеоантропологического отряда МАЭ РАН на территории Карелии неоднократно слышали от информаторов, что «лопарь» живут не в этой местности, а в «50–100 км севернее». Сам термин носил скорее негативную, уничижающую окраску, подразумевая «отсталых провинциалов, живущих в глухих северных местах». Причем такие сведения мы получали даже в самых северных районах. Никаких саамов, конечно, нигде не было. Вероятно, традиция имеет давнюю историю. В известном энциклопедическом труде И. Шеффера «Lapponia» есть информация о том, что во время первого крестового похода шведского короля Эйрика Святого в Южную Финляндию в 1155 г. часть местного населения отошла на север и получила у оставшихся жителей наименование «лопарь» со значением «изгой, изгнанники» (см.: [Шумкин, 1991, с. 146]).

Следует еще раз обратить внимание на тот факт, что на могильнике Алозеро нами впервые на карельских памятниках были встречены случаи нарушения ранних погребений поздними. Обычно при «заполнении» отведенной для захоронений территории могильник переносился на другое место. При отсутствии надмогильных сооружений сохранялась историческая память о ранних погребениях. Представляется возможным допустить, что люди, производившие на мо-

гильнике Алозеро «поздние» захоронения, не знали о существовании здесь более раннего погребального комплекса как раз в силу отсутствия исторической памяти, а надмогильных сооружений не было.

Напомним, что все черепа, отнесенные к «низкоголовому» варианту, сходному с антропологическими характеристиками населения Финляндии, происходят только из заполнений могил или из осыпей, т.е., скорее всего, они более ранние по отношению к «высокоголовой» выборке из ненарушенных погребений и осыпей. Таким образом, весьма вероятно, что существенная разница в краниологическом комплексе двух выделенных в составе алозерской серии групп сопровождается и хронологическим разрывом между ними, т.е. на этой территории в разное время обитали различные в антропологическом отношении популяции.

Не представляет ли выявленная в Алозере группа, сходная по своим антропологическим характеристикам с финнами и, скорее всего, оставившая самые ранние на памятнике погребения, потомков упомянутых выше изгнанников – «лопарей» XII в.? Или она связана с более поздней миграцией населения, отличного по своим антропологическим характеристикам от саамов, но тоже входившего в состав жителей Северо-Западной Карелии, которых южные соседи именовали «лопарями»? Однозначно ответить на поставленные вопросы пока невозможно из-за малочисленности серии черепов из Алозера и отсутствия более ранних краниологических материалов из этого региона. Но имеющиеся данные позволяют предполагать, что состав «лешей лопи», по крайней мере, не ограничивался представителями лапоноидного антропологического типа.

Заключение

Морфологические характеристики суммарной серии мужских черепов из Алозера в целом близки таковым других карельских серий. Вместе с тем в ее составе выделяются два антропологических варианта. Один – «высокоголовый» – в максимальной степени сближает выборку с близкими к современности группами Северо-Западной Карелии, отличающимися от южных наибольшей массивностью, высотой черепной коробки и большим скуловым диаметром. В целом морфологический комплекс северокарельских черепов, в т.ч. и части алозерских, представляется наиболее «архаичным» – сходным с тем, что был распространен в прибалтийском ареале в мезонеолитическую эпоху [Денисова, 1975; Хартанович, 1986, 1991], – и характеризует антропологический облик средневековой «корелы» [Хартанович, Ширококов, 2008, 2010]. Вероятно, именно в северных, географически изолированных районах у карел до последнего времени сохра-

нялся крайне специфичный антропологический тип, в древности характерный для населения восточно-балтийского ареала. Его отличительные черты – массивность и очень большая высота черепной коробки, широкое и скорее высокое лицо, несколько уплощенное на верхнем горизонтальном уровне и клиногнатное на среднем при резко выступающих относительно линии профиля носовых костях.

Другой выделенный в составе алозерской серии антропологический вариант – «низкоголовый» – в наибольшей степени сближается с комплексом, представленным у финнов пров. Хяме. Вероятно, эта близость отражает участие в сложении населения Алозера древних или поздних групп, являвшихся выходцами из внутренних районов Финляндии.

Следует подчеркнуть, что близкие к современности северные карельские серии черепов наиболее резко отличаются по комплексу краниологических признаков от саамов Фенноскандии и Кольского полуострова, характеризующихся преобладанием совершенно иных черт – лапоноидного антропологического типа. Следы этого типа, присутствие которого можно было бы связать с субстратным саамским населением «Лопских погостов», не фиксируются и в новом, более раннем материале из могильника Алозеро. И в целом морфологические характеристики ни одной из трех известных к настоящему времени северных карельских серий не дают оснований говорить о взаимодействии карел-переселенцев с саамскими группами как о значимом факторе формирования антропологического состава населения Северо-Западной Карелии. Вероятно, при переселении карел на эту территорию процессы вытеснения саамов, если они там все-таки были, полностью преобладали над процессами их ассимиляции.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Происхождение народов Восточной Европы: (Краниологическое исследование). – М.: Наука, 1969. – 324 с.
- Алексеев В.П.** Краниологическая характеристика населения Восточной Фенноскандии (по материалам Г.Ф. Дебеца и автора) // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 85–105.
- Бельский С.В., Лааксо В.** Результаты полевых исследований Карельского археологического отряда МАЭ РАН на могильнике Кюлялахти Калмистояки в Северо-Западном Приладожье в 2007 г. (археологический аспект) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2008. – С. 178–183.
- Бельский С.В., Хартанович В.И.** Перспективы изучения могильников эпохи Средневековья в Северо-Западном Приладожье (оценка современного состояния) // Радлов-

ские чтения: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2006. – С. 244–247.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1947. – 52 с.

Бубрих Д.В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. – Л.: Изд-во АН СССР, 1971. – Вып. 5. – С. 3–22.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. – Рига: Зинатне, 1975. – 402 с.

Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1956. – 79 с.

Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. – Великий Новгород: Изд-во Новг. гос. ун-та, 2003. – 256 с.

Жуков А.Ю. Саами в XIII–XVII веках (публикация источников и комментариев) // Антропологический форум: Современные тенденции в антропологических исследованиях. – 2004. – № 1. – С. 298–322.

Косменко М.Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). – Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2006. – С. 158–229.

Кузьмин Д.В. Топооснова *lappi* в топонимии беломорских карел // Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования. – Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2005. – С. 126–141.

Кузьмин Д.В. Достаточно ли емких теорий? // *Onomastica Uralica*. – 2008. – № 7. – С. 23–36.

Марк К.Ю. Палеоантропология Эстонской ССР // ТИЭ. – 1956. – Т. 32. – С. 170–228.

Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1947. – 176 с.

Спиридонов А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. Средневековая археология Кижей // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки: [Соломбальская тип.], 2006. – С. 330–408.

Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 35–47.

Хартанович В.И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 63–120.

Хартанович В.И. К краниологии населения северо-западного Приладожья XIX – начала XX в. // Балты, славяне, финны: Этногенетические процессы. – Рига: Зинатне, 1990. – С. 216–229.

Хартанович В.И. О взаимоотношении антропологических типов саамов и карел по данным краниологии // Происхождение саамов. – М.: Наука, 1991. – С. 19–34.

Хартанович В.И. Материалы к краниологии финнов // Антропология сегодня. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 1995. – Вып. 1. – С. 71–89.

Хартанович В.И. Материалы к краниологии ижоры // Расы и народы. – М.: Наука, 2004а. – Вып. 30. – С. 268–291.

Хартанович В.И. Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова // Палеоантропология, этническая история, этногенез: сб. к 75-летию И.И. Гохмана. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2004б. – С. 108–125.

Хартанович В.И. Антропологический состав карельского народа (общность и специфика территориальных групп как результат межэтнического взаимодействия) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. – Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2005. – С. 13–22.

Хартанович В.И., Шахнович М.М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2009. – С. 104–108.

Хартанович В.И., Ширококов И.Г. К антропологии средневекового населения Северо-Западного Приладожья (предварительный анализ материалов из могильника Кюлялахти Калмистомяки) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2008. – С. 222–230.

Хартанович В.И., Ширококов И.Г. Некоторые итоги изучения краниологической серии из могильника на острове Кижы // Кижский вестн. – Петрозаводск, 2009. – № 12. – С. 311–325.

Хартанович В.И., Ширококов И.Г. Новые данные о происхождении карел (могильник Кюлялахти Калмистомяки) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1. – С. 138–146.

Шахнович М.М. Могильник Алозеро – памятник начала XVIII века в Северной Карелии (по материалам раскопок) // Беломорская Карелия: история и перспективы развития. – Петрозаводск: Периодика, 2000. – С. 47.

Шахнович М.М. «Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной Карелии // Кольский сборник. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2007. – С. 228–247.

Шахнович М.М., Хартанович В.И. Православие в Северной Карелии по данным археологии и антропологии // Вестн. Карел. краевед. музея. – 2002. – Вып. 4. – С. 101–116.

Шумкин В.Я. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. – М.: Наука, 1991. – С. 129–147.

Юккогуба и ее окрестности. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2001. – 432 с.

*Материал поступил в редколлегию 02.07.10 г.
в окончательном варианте – 06.09.10 г.*

ПЕРСОНАЛИИ

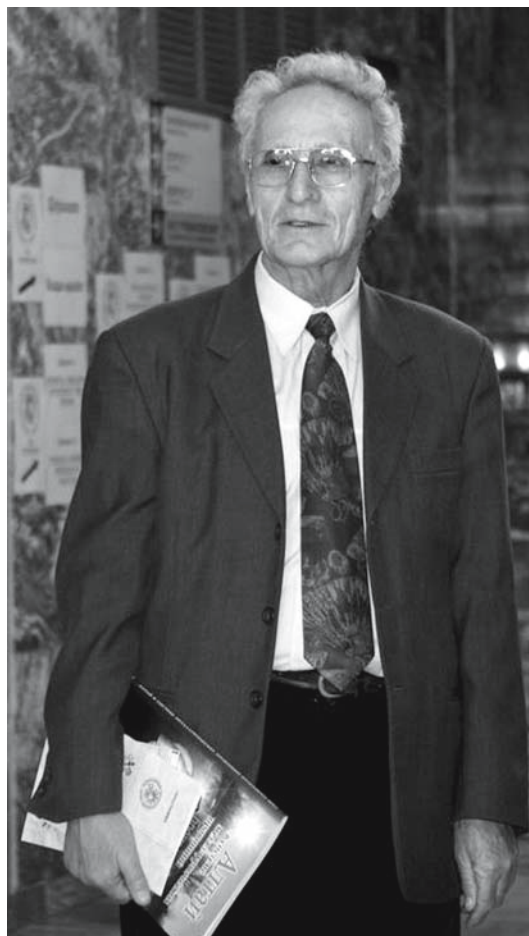
ДАВИДУ ЛАЗАРЕВИЧУ БРОДЯНСКОМУ – 75 ЛЕТ

В 2011 г. исполнилось 75 лет видному ученому и педагогу Давиду Лазаревичу Бродянскому, известному своими замечательными открытиями прежде всего на территории российского Дальнего Востока. Археологи этого региона, а также Сибири хорошо знают его как археолога-китаиста, доктора исторических наук, профессора Дальневосточного федерального университета.

Д.Л. Бродянский родился в 1936 г. в семье офицера-связиста. В 1954 г. Д.Л. Бродянский окончил школу в г. Николаеве, пошел работать слесарем и в 1957 г. поступил на отделение истории Китая восточного факультета Ленинградского государственного университета. Уроки выдающихся ленинградских ученых определили последующую жизнь начинающего исследователя.

В 1962 г. под руководством А.П. Окладникова Д.Л. Бродянский защитил дипломную работу по культуре луншань, с отличием закончил учебу и по приглашению ректора Дальневосточного государственного университета Б.Н. Казанского приехал во Владивосток, где работает с сентября 1962 г. и до настоящего времени. Д.Л. Бродянский вложил много сил в дело возрождения востоковедения в университете. В 1973 г. по его инициативе в вузе был создан археолого-этнографический музей. Д.Л. Бродянский 17 лет оставался единственным археологом в университете; все ныне работающие в нем археологи, да и вообще большинство владивостокских археологов – его бывшие студенты.

Ученик акад. А.П. Окладникова и многолетний член его экспедиций, Д.Л. Бродянский в 1963–1966 гг. исследовал целую серию древних памятников в Приморье, в их числе – поселение Олений, многослойное поселение в Кроуновке. Он открыл и раскопал поселение Синий Гай А, поселение с древнейшей литейной мастерской на о-ве Петрова, многослойный памятник Рудановское городище. В 1987 г. Давидом Лазаревичем был открыт уникальный памятник Бойсман II, на котором в ходе многолетних раскопок исследованы два неолитических могильника – единственные на сегодняшний день на всем российском Дальнем Востоке. Д.Л. Бродянский участвовал в раскопках десятков памятников от эпохи палеолита до средневековья:

Осиновка, Устиновка I, Лузанова Сопка, Лидовка, Ветка II, Сергеевка I, Гвоздево-4, Аякс, Краскинское, Марьяновское, городище Николаевское II, храм на сопке Копыто, Краскинский могильник и др. Работал он и в Приамурье на раскопках поселений Польце и Малая Гавань. В 1969 г. Д.Л. Бродянский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Южное Приморье в эпоху освоения металла (II–I тыс. до н.э.)», а в 1995 г. – докторскую диссертацию на тему «Неолит и палеометалл Южного Приморья».

В числе особо значимых достижений Д.Л. Бродянского – выделение синегайской культуры бронзового века и анучинской культуры палеометалла, создание

системного описания польцевских памятников Приморья, обоснование синхронности янковской и кроуновской культур. Ученый охарактеризовал древние дома с канами, выделил приамурско-маньчжурскую археологическую провинцию. В 1969 г. Д.Л. Бродянский совместно с А.П. Окладниковым разработал концепцию формирования дальневосточного очага древнего земледелия, а в 1985 г. совместно с гидробиологом В.А. Раковым – гипотезу о существовании в Приморье древнейшей аквакультуры.

Много лет Д.Л. Бродянский занимается изучением искусства Приморья. Этой теме посвящены его книги («Искусство древнего Приморья (каменный век – палеометалл)», «Мифы, интеллект древних в ископаемом искусстве Приморья», «Древнее искусство и его исследователи») и многие статьи. Преподавание в университете побудило ученого создать серию учебников: «Каменный век», «Археология Приморья». Совместно с Н.Г. Артемьевой издана книга «Человек. Культура. Общество: от рождения до порога цивилизации», которая имеет исключительно важное значение для организации учебного процесса студентов-историков Дальневосточного государственного университета.

С 1980 г. по инициативе Д.Л. Бродянского издается серия «Тихоокеанская археология», в рамках которой вышло 20 выпусков. Более 100 авторов опубликовали здесь работы по археологии российского Дальнего Востока, Китая, Японии, Кореи, Юго-Восточной Азии, Австралии, Америки. В 1996 г. в Сеуле напечатана монография Д.Л. Бродянского «Археология Приморья». На английском, китайском, японском, корейском языках издано 40 исследований ученого. Давид Лазаревич – автор более 400 работ.

Ученики и коллеги Д.Л. Бродянского высоко ценят его труды, его открытия в области археологии азиатских регионов России. Археологи Сибири и Дальнего Востока желают Давиду Лазаревичу крепкого здоровья, долгих, наполненных творческим поиском, лет жизни, осуществления задуманных планов.

**А.П. Деревянко, В.Е. Медведев,
Е.И. Деревянко, В.И. Молодин**

ВИТАЛИЙ ЕГОРОВИЧ МЕДВЕДЕВ

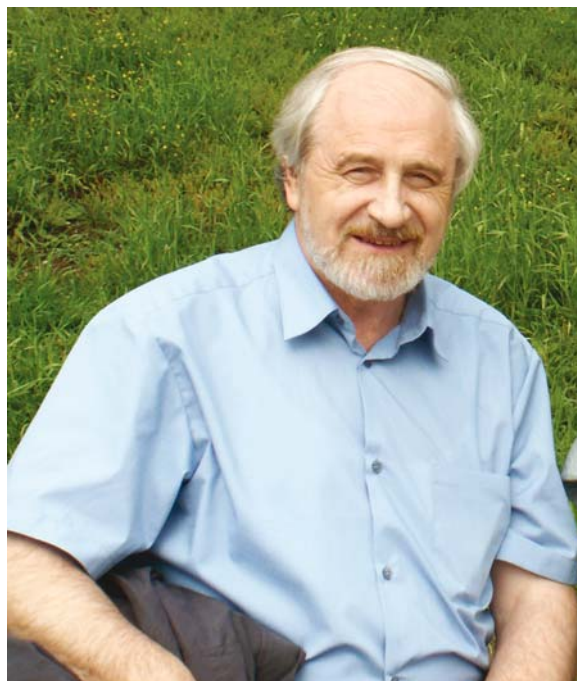
Исполнилось 70 лет Виталию Егоровичу Медведеву – известному в России и за рубежом археологу, исследователю Северной Азии, Дальнего Востока, организатору и участнику многочисленных научных экспедиций и проектов, в т.ч. международных, доктору исторических наук, главному научному сотруднику, заведующему сектором изучения неолита ИАЭТ СО РАН.

В.Е. Медведев родился 1 ноября 1941 г. в Новосибирской обл. Его родители, ровесники XX столетия, испытали все трагедии и триумфы ушедшего века. Отец – Егор Афанасьевич – участвовал в Гражданской войне, служил в Народно-революционной армии Дальневосточной республики в Забайкалье и Монголии. В 1941 г. за три месяца до рождения Виталия он ушел на фронт, вскоре оказался в окружении, попал в плен, бежал и солдатом Красной Армии воевал до конца войны. Матери – Татьяне Антоновне – пришлось долгое время одной воспитывать пятерых детей, с малых лет работавших вместе со взрослыми.

Мечта об археологии у Виталия зародилась еще в начальной школе, но реализовать ее удалось не сразу. Окончив Тогучинский лесной техникум, он три года работал техником-помощником таксатора на Западно-Сибирском аэрофотолесоустроительном предприятии в Новосибирске.

В 1963 г. В.Е. Медведев поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета, а в 1964 г. его зачислили на второй курс гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. К числу своих первых наставников Виталий Егорович относит проф. В.И. Матющенко и известного знатока археологии Урала и Сибири Е.М. Берс, у которых он проходил полевую археологическую практику после первого и второго курсов в Приобье и на Алтае. В 1966 г. А.П. Деревянко пригласил В.Е. Медведева в Дальневосточную археологическую экспедицию СО АН СССР (ныне Северо-Азиатская экспедиция СО РАН). Под руководством А.П. Деревянко Медведев подготовил дипломную работу по польцевской культуре раннего железного века на Амуре.

После окончания учебы в университете в 1968 г. В.Е. Медведев был принят на работу в Институт ис-

тории, филологии и философии СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН). Здесь он прошел путь от старшего лаборанта до заведующего сектором. В недавно созданном институте В.Е. Медведев получил предложение от акад. А.П. Окладникова заняться изучением эпохи чжурчжэньского средневековья в Приамурье, в то время практически не исследованной. Первые же раскопки показали исключительную информативность памятников. Многочисленные и разнообразные вещественные материалы и обширные полевые наблюдения позволили В.Е. Медведеву охарактеризовать неизвестные по летописным источникам стороны материальной и духовной культуры тунгусоязычного населения Приамурья накануне создания им Золотой империи чжурчжэней, ставшей вершиной экономического, политического и культурного расцвета обитателей Маньчжурии, Приамурья и Приморья. В 1975 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Культура амурских чжурчжэней. Конец X – XI в.». ».

Последующие годы в биографии В.Е. Медведева связаны с масштабными исследованиями городищ, поселений, грунтовых могильников, курганов и храмов средневекового населения Дальнего Востока. На основе полученных материалов были подготовлены серия фундаментальных монографий и докторская диссертация «Среднее и Нижнее Приамурье в конце I – первой четверти II тыс. н.э. (чжурчжэньская эпоха)», которую Виталий Егорович защитил в 1984 г. Ученый выдвинул и обосновал ряд принципиально важных положений, ставших предметом пристального внимания членов научного сообщества, занимающихся историей средневековых культур не только российского Дальнего Востока, но и территорий соседних государств – Китая, КНДР, Республики Кореи и Японии.

В.Е. Медведев раскопал и изучил группу памятников бохайской культуры раннего средневековья в Приморье. Исследованный им Борисовский храм – одно из наиболее ранних проявлений буддизма на крайнем юге российского Дальнего Востока. Виталием Егоровичем были впервые найдены и исследованы городища польцевской культуры в Приуссурье, материалы которых важны для воссоздания обстоятельств заселения носителями культуры огромной приамуро-приморской территории.

В.Е. Медведев также занимался изучением десятков неолитических памятников российского Дальнего Востока. В последние 25–30 лет возглавляемый им археологический отряд исследовал комплексы всего культурного спектра неолита на юге означенного региона. В результате значительно увеличилась источниковая база по новому каменному веку, выделены неизвестные ранее археологические культуры, углублена и скорректирована интерпретация уже известных культур.

С именем В.И. Медведева связано открытие самой древней на планете керамики: глиняная посуда начального неолита была обнаружена на памятниках Гася, Госян, Сакачи-Алян (Нижний пункт) на Дальнем Востоке. Мультидисциплинарное изучение серии наиболее ранних неолитических комплексов в регионе, проведенное В.Е. Медведевым и его коллегами, позволило сделать вывод о появлении керамики у обитателей континентального Северо-Востока Азии и всей Северной Евразии на 5–6 тыс. лет раньше, чем было принято считать.

В 2000–2005 гг. В.Е. Медведев выполнял обязанности соруководителя и участника совместной Российско-корейской археологической экспедиции, проводившей раскопки поселений эпохи неолита и раннего металла в низовьях Амура и на юге Приморья. Все материалы исследований, составившие 16 томов общим объемом 308,4 п.л., опубликованы в Сеуле на русском и корейском языках. В.Е. Медве-

дев – автор и редактор значительной части этих изданий. Он также является ответственным редактором большого количества других монографий и сборников научных статей.

Виталий Егорович принимал участие в Советско-Монгольской экспедиции (1968, 1969 гг.) и Морской экспедиции ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь» (1991 г.). Результаты своих исследований он докладывал на многочисленных конференциях, симпозиумах и съездах, проходивших в нашей стране и за рубежом – в Китае, Корее, Японии. В.Е. Медведев выступал с лекциями в университетах Китая (Чанчунь, Харбин). Его находки экспонировались на многих российских выставках в странах Азии, Европы, в Австралии. Виталий Егорович представлял выставку «Культура Сибири и Дальнего Востока», проходившую в Японии (Осака, Сендай, 1987 г.), был одним из организаторов выставки в Сеуле, посвященной итогам раскопок в Приамурье и Приморье (2006 г.). Виталий Егорович хорошо известен в научном сообществе как талантливый педагог. Под его руководством прошли полевую археологическую практику сотни студентов-историков Новосибирского госуниверситета, Хабаровского гуманитарного педагогического и Комсомольского-на-Амуре педагогического университетов. У многих студентов он был научным руководителем курсовых и дипломных работ. Чтут его и в родном Новосибирском государственном университете. Уместно отметить, что Медведев первым из выпускников НГУ защитил кандидатскую и докторскую диссертации по археологии. Его научно-педагогическая деятельность в университете востребована в настоящее время, Виталий Егорович активно занимается подготовкой научных кадров, среди его учеников много кандидатов наук.

В.Е. Медведев – член Ученого совета и Диссертационного совета по защите докторских диссертаций при ИАЭТ СО РАН. Он является членом редакционного совета журнала «Археология, этнография и антропология Евразии» и членом редакционной коллегии журнала «Известия Иркутского государственного университета».

Виталий Егорович неоднократно избирался членом профкома, председателем группы народного контроля, секретарем парторганизации института. Ему присущи почтительное отношение к своим учителям и старшим коллегам, доброжелательность и обязательность.

В.Е. Медведев – автор более 300 научных работ, в т.ч. 20 монографий; десятки его исследований опубликованы в странах Азии, Европы, Америки. Вместе с соавторами цикла работ по проблемам тихоокеанской археологии Виталий Егорович был признан победителем конкурса фундаментальных работ Президиума СО АН СССР (1984 г.). Он входил в чис-

ло государственных президентских стипендиатов – выдающихся ученых России.

В.Е. Медведев награжден медалью «Ветеран труда», многими почетными грамотами и дипломами РАН, СО РАН и других ведомств. В 2002 г. ему присвоено почетное звание заслуженный деятель науки Российской Федерации. В 2005 г. за неустанный и ответственный выполнение своих обязанностей, большой вклад в развитие общества путем сохранения культурного наследия Президентом Республики Кореи В.Е. Медведев был награжден Знаком отличия, грамотой и премией.

В течение многих десятилетий рядом с Виталием Егоровичем работает его жена, надежный друг и по-

мощник – Оксана Сергеевна. Вместе они делили радости и трудности полевой экспедиционной жизни.

Сердечно поздравляя Виталия Егоровича Медведева со славным юбилеем, желаем ему доброго здоровья, долгих лет жизни и творческих исканий, радостного общения с родными, друзьями и коллегами, всей его семье – благополучия и счастья.

**А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
М.В. Шуньков**

АО – Археологические открытия

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭ РАН – Институт антропологии и этнографии РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МФТИ – Московский физико-технический институт

ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия

РА – Российская археология

СА – Советская археология

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР

УНЦ РАН – Уфимский научный центр РАН

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ЧИИИСФ – Чечено-Ингушский институт истории, социологии, философии

ЮТАКЭ – Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция

- Алиева Т.А.** – младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: agapetova@mail.ru
- Аношко О.М.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: oKanosshko@yandex.ru.
- Бурнаков В.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: venariy@ngs.ru
- Васильев Д.В.** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Астраханского государственного университета, ул. Татищева, 20а, Астрахань, 414056, Россия. E-mail: hvdv@mail.ru
- Волков Е.Н.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, Россия. E-mail: env2001@mail.ru
- Губанов И.Б.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: Ilya.Gubanov@kunstkamera.ru
- Жирков Э.К.** – заместитель директора Мегино-Кангаласского краеведческого музея, ул. Майинская, 19, с. Майя, Мегино-Кангаласский район, Республика Саха (Якутия), 678070, Россия. E-mail: cs.kalt@inbox.ru
- Зайков В.В.** – доктор геолого-минералогических наук, профессор, главный научный сотрудник Института минералогии УрО РАН, Ильменский заповедник, Миасс, 456317, Россия. E-mail: zaykov@mineralogy.ru
- Зиливинская Э.Д.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ленинский пр., 32А, Москва, 119991, Россия. E-mail: eziliv@mail.ru
- Кардаш О.В.** – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке НПО «Северная археология», а/я 398, Нефтеюганск, 628305, Россия. E-mail: kov_ugansk@mail.ru
- Кляшторный С.Г.** – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института восточных рукописей РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: klyashstor2004@mail.ru
- Колобова К.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kolobovak@yandex.ru
- Конева Л.А.** – кандидат биологических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: zoology@rambler.ru
- Кривошапкин А.И.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru
- Максимова М.В.** – главный хранитель фондов Музея археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета, ул. Кулаковского, 48, Якутск, 677000, Россия. E-mail: mae-ysu@mail.ru
- Мальцева О.В.** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: perevolga@ya.ru
- Матвеев А.В.** – доктор исторических наук, директор Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: avm1586@yandex.ru
- Молодин В.И.** – академик, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru
- Нестеров С.П.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

- Пеньков А.В.** – ведущий методист Музея археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета, ул. Кулаковского, 48, Якутск, 677000, Россия. E-mail: mae-ysu@mail.ru
- Позднякова О.А.** – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: dimolka@gmail.com
- Пономарёва Т.М.** – научный сотрудник НПО «Северная археология», Нефтеюганск, а/я 398, 628305, Россия. E-mail: tmp-arch@yandex.ru
- Ранов В.А.** – член-корреспондент АН Республики Таджикистан, доктор исторических наук Института археологии АН Таджикистана, пр. Рудаки, 33, Душанбе, 734025, Таджикистан.
- Степаненко Д.В.** – младший научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: stepanenko8@rambler.ru
- Ткачев В.В.** – кандидат исторических наук, доцент, директор научно-исследовательского археологического центра Орского гуманитарно-технологического института (филиала) Оренбургского государственного университета, пр. Мира, 15А, Орск, 462403, Россия. E-mail: vit-tkachev@yandex.ru
- Хартанович В.И.** – кандидат исторических наук, заведующий отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: vkhartan@mail.ru
- Холанд Э.Й.** – доктор наук, научный сотрудник Афинского национального университета, Афины, Греция. National and Kapodistrian University of Athens, University Campus, Zographou, Athens 157 84, Greece. E-mail: evyhaa@online.no
- Челякина М.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия.
- Шараборин А.К.** – заведующий отделом этнографии Музея археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета, ул. Кулаковского, 48, Якутск, 677000, Россия. E-mail: mae-ysu@mail.ru
- Широбоков И.Г.** – младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: ivansmith@bk.ru
- Юминов А.М.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института минералогии УрО РАН, Ильменский заповедник, Миасс, 456317, Россия. E-mail: umin@mineralogy.ru